

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Г.Ф. БЫКОНЯ

ЗАСЕЛЕНИЕ
РУССКИМИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО
КРАЯ В XVIII В.

2-е издание, дополненное,
осуществленное по первой авторской редакции

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2013

ББК 63.3(253)

Б 953

Ответственные редакторы:

Доктор исторических наук
А.Н. Копылов

Кандидат исторических наук
О.Н. Вилков

Быконя Г.Ф.

Б 953 **Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография** [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – 2-е изд., доп., осуществленное по первой авт. редакции. – Красноярск, 2013. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-555-5

Монография посвящена одной из центральных и дискуссионных проблем сибиреведения, решение которой строится на материале почти не изученного среднесибирского региона. В работе рассмотрены вопросы, связанные с завершением присоединения Верхнего Енисея к России, русским заселением среднесибирской части Московско-Сибирского тракта, миграциями в городах и старожильческих районах.

Книга рассчитана на историков, краеведов, всех интересующихся историей Сибирского края.

ББК 63.3(253)

Издаётся при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследования проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы “Инновационный человек” Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-85981-555-5

- © Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013
- © Быконя Г.Ф., 2-е издание, дополненное, осуществленное по первой авторской редакции, 2013

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Г.Ф. БЫКОНЯ

ЗАСЕЛЕНИЕ
РУССКИМИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО
КРАЯ В XVIII В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск. 1981

ББК 9(с) 14

Б 95

Утверждено к печати Институтом истории, филологии и философии
СО АН СССР

Ответственные редакторы:

Доктор исторических наук

А.Н. Копылов

Кандидат исторических наук

О.Н. Вилков

Быконя Г.Ф.

Б 95 Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981.

ИВ № 10225

Монография посвящена одной из центральных и дискуссионных проблем сибиреведения, решение которой строится на материале почти не изученного среднесибирского региона. В работе рассмотрены вопросы, связанные с завершением присоединения Верхнего Енисея к России, русским заселением среднесибирской части Московско-Сибирского тракта, миграциями в городах и старожильческих районах.

Книга рассчитана на историков, краеведов, всех интересующихся историей Сибирского края.

ББК 9(с) 14

ОТ АВТОРА

Переиздание монографии имеет историографическое значение. Воспроизведен материал о русско-китайских переговорах и установлении границы по Буринскому договору и Кяхтинскому миру. Он был исключен цензурой в 1980 году по не совсем понятным причинам, поскольку еще Н. Бантыш-Каменский в 1882 году опубликовал обстоятельную с документальным приложением книгу по этим сюжетам. По техническим причинам не вошли итоговая таблица «Динамика русского населения Приенисейского края в XVIII веке» (табл. 43) и список использованной литературы. Правда, редактор нашла место для вставки абзаца об «исторических решениях XXV съезда КПСС по комплексному развитию производительных сил Сибири...». Нарботки последующих лет по заселению данной территории отражены в коллективной работе «Красноярье: пять веков истории. Города и районы Красноярского края. Часть III», опубликованной в Красноярске в 2008 году, к которой отсылаем любознательного читателя.

ВВЕДЕНИЕ

История Сибири XVIII в. еще недостаточно изучена тематически и регионально¹. Одной из важных и дискуссионных проблем этого периода является проблема ее русского заселения. Вопрос о том, кто в XVIII в. был главной фигурой при колонизации всей Сибири и отдельных ее районов – беглые помещицы крестьяне, ссыльные, поморы или сибиряки-переселенцы, – не только демографический. Ответ на него по регионам и в целом по Сибири поможет лучше понять особенности хозяйственной жизни, социальных отношений, процесса формирования общинного строя, развития материальной и духовной культуры сибирского населения XVIII в.

Выбор тематики, географических и хронологических рамок исследования обусловлен и общим состоянием изученности истории данного региона. Многие аспекты истории русского и местного населения Средней Сибири², или Приенисейского края, в XVII и XIX вв. разработаны С.В. Бахрушиным, В.И. Шунковым, Л.П. Потаповым, В.А. Александровым, А.Н. Копыловым, П.Н. Павловым, К.Г. Копкоевым, А.С. Нагаевым, А.А. Арзыматовым, А.С. Кузнецовым, Ю.С. Кожуховым, В.А. Степыниным³. Вместе с тем изучению истории этой территории в XVIII в. уделялось значительно меньше внимания.

Между тем история любого края начинается с его заселения. Поэтому изучение заселения должно предшествовать исследованию социально-экономических, политических и других проблем. Задачи работы заключаются в том, чтобы выделить основные этапы длительной борьбы России за Верхний Енисей, выяснить, как, когда и в какой обстановке закончился процесс его присоединения, установить начало и этапы заселения новых районов, источники и характер формирования русского населения, его количественный и социальный состав, удельный вес естественного и механического прироста, соотношение внутренней и внешней миграции, места выхода и оседания переселенцев, географию размещения, время возникновения населенных пунктов

и динамику численности их жителей, общие масштабы и темпы заселения, значимость миграционных процессов в Приенисейском крае и других интенсивно заселявшихся в то время районах Сибири.

Особенно важно определить роль и взаимовлияние усилий администрации и трудового народа в складывании постоянного населения. Поэтому необходимо раскрыть содержание переселенческой политики правительства и местной администрации края в XVIII в., рассмотреть условия и формы оседания на новых местах переведенцев, поселщиков и ссыльных. Принципиальное значение имеет и выявление соотношения местных внутриездных переходов с притоком населения извне. Поскольку в XVIII в. происходили серьезные изменения в социальной структуре населения, необходимо выяснить степень участия и вклад отдельных сословных групп в миграциях и заселении изучаемого региона в XVIII в.

В Приенисейском крае в XVIII в. четко выделялись старожильческий и новозаселяемый районы. Первый, сформировавшийся еще в XVII в., располагался в бассейне Нижнего и Среднего Енисея и включал в себя приполярный Туруханско-Таймырский, Енисейский и Красноярский районы. Новозаселяемая территория делилась на южный Хакасско-Минусинский район, простиравшийся по Енисею на юг от устья Маны до Саянских гор, и на притрактовую полосу, где в 30-х гг. XVIII в. по линии Ачинск – Красноярск – Канск – Нижнеудинск прошел Московский тракт. Поскольку главным результатом миграционных процессов Средней Сибири XVIII в. явилось заселение ее южных районов, основное внимание при изучении освоения Приенисейского края уделено Хакасско-Минусинскому району и притрактовой полосе, а не старожильческому региону, интенсивно терявшему население. В настоящей работе впервые предлагается выделение во всей Средней Сибири XVIII в. пяти районов. Это обусловлено масштабами ее территории (до 1784 г. входила в состав трех, а затем пяти уездов, а с 1822 г. – в пять округов различных сибирских губерний); различиями естественно-географической среды, особенностями условий, характера, темпов заселения, источников формирования населения и участием властей в миграцион-

ных процессах. Так, Хакасско-Минусинский район заселялся вольнопоселенцами в условиях приграничного положения и попыток казны наладить разработку цветных и черных руд⁴. Здесь проживало многочисленное аборигенное хакасское население. Сложность заселения притрактовой полосы заключалась в том, что принудительное заселение во второй и третьей четверти XVIII в. стало ведущим и сильно трансформировало традиционную «вольную колонизацию». Имелись особенности и в заселении старожильческих районов. Если приполярный промысловый Туруханско-Таймырский район, по сути дела, остановился в своем демографическом росте, то земледельческие Енисейский и Красноярский были районами интенсивных внутренних и внешних миграций. Выделение этих районов дает также возможность проследить развитие миграционных процессов как в меридианальном, так и в широтном направлениях.

Раздельное изучение районов, которые в настоящее время бурно развиваются, продиктовано и задачами научного краеведения. После исторических решений XXV съезда КПСС по комплексному развитию производительных сил Сибири на 1976–1980 гг.⁵ еще интенсивнее стали осваиваться Приенисейское Заполярье и Приангарье, Хакасия и притрактовая полоса. С открытием Талнаха, строительством Надеждинского металлургического комбината и приходом из Мессояхи индустриального газа заполярный Норильск уверенно закрепляет за собой позиции флагмана отечественной цветной металлургии. Создание уникального во всей стране гидроэнергетического пояса Ангары, где самой крупной будет строящаяся Богучанская ГЭС, разработка богатейшего Горевского полиметаллического месторождения и курейских графитов даст вторую жизнь Нижнему Приангарью. Каждый год вводятся в строй новые объекты Саяно-Шушенского промышленного комплекса на базе дешевой энергии крупнейших в мире Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, огромных залежей цветных, черных руд и угля, разработка которых предпринималась еще в XVIII в. В с. Шушенском создан уникальный мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина», куда ежегодно приезжают десятки тысяч советских людей и гостей из-за рубежа. Притрактовая полоса является самым заселенным и развитым

районом Красноярского края. На месте бывших почтовых станций, зимовий и притрактовых сел выросли города Боготол, Ачинск, Заозерное, Уяр, Канск, Иланск, Решеты, Тайшет и т. д. Интенсивно ведется реконструкция старого Московского тракта, по которому пролегла среднесибирская часть Великой Сибирской железной дороги, не потерявшей своего народнохозяйственного значения. Она и сейчас является главной транспортной артерией создаваемого на базе не имеющего себе равных по мощности и запасам Канско-Ачинского месторождения бурых углей (КАТЭК). Здесь уже действует крупнейшая в стране Назаровская ГРЭС, а Березовская – сооружается. Все это усилило громадный интерес к историческому прошлому Красноярья, к конкретной истории ранних этапов его русского заселения.

Историография. Дворянско-буржуазная историография по поставленным вопросам в масштабах изучаемого региона и всей Сибири не дала ни правильного концепционного решения, ни обилия фактов. Истории Сибири XVIII в. вообще уделялось значительно меньше внимания, чем истории XVII или XIX в. События XVIII в. отступали на задний план перед современными историками XIX в., проблемами и вопросами присоединения и первичного освоения Сибири русскими в XVII в. Начало этой традиции было положено Г.Ф. Миллером, который, собрав громадный материал по XVIII в., так и не довел свою «Историю Сибири» до XVIII столетия. Для характеристики этого периода обычно использовали материал XIX в.: краткие исторические предисловия, послесловия, обзоры и экскурсии в естественно-географических, статистико-экономических, социологических и этнографических работах. Лишь с конца XIX в. заговорили о необходимости специально разрабатывать аспекты истории XVIII в., а историки и краеведы (П.М. Головачев, П.Н. Буцинский, Н.А. Рожков, Н.Н. Фирсов, И.И. Тыжнов, Н.Н. Козьмин, Г.Е. Катанаев, Л.П. Васильев, Н.Н. Бакай, Е.В. Кузнецов, Н.С. Романов, И.И. Серебренников, Д.Н. Беликов, Н.В. Султанов, Л. Лиховицкий, П.И. Колотилов, Я. Корейша) сделали первые шаги в этом направлении. Благодаря усилиям Г.Н. Потанина, Н.В. Голицына, В.Л. Приклонского, П.Н. Пежемского, В.А. Кротова, Е.Д. Стрелова и особенно

Н.Н. Оглоблина была значительно расширена источниковая база и улучшены условия работы с архивными документами⁶.

Из-за крайне слабой изученности истории Сибири XVIII в. не были выявлены многие специфические черты миграционных процессов и социально-экономического развития. На этот период сибирской истории авторы первой половины XIX в. распространяли материал и общие его концепционные решения, разработанные для XVII в., а историки и краеведы более позднего времени обычно объединяли XVIII в. с XIX. Поэтому история отдельных районов Сибири XVIII в. нередко выглядела неверной копией предыдущего или последующего периодов общесибирской истории.

Для истории Сибири XVIII в. и ее отдельных регионов характерны искажения еще и потому, что предлагаемые концепции были ошибочными из-за классовой ограниченности историков. Крайне слабая источниковая база работ значительно облегчала проведение на историческом материале политических взглядов дворянских и буржуазных авторов, одновременно создавая у многих из них иллюзию объективности.

Отмеченные в подходе и трактовке сюжетов XVIII в. общие особенности дореволюционного сибиреведения отчетливо проявились в литературе по Приенисейскому краю. Об отдельных аспектах его истории писали люди различных взглядов, социального положения и образовательного уровня. Почти все они не были историками. Среди них томский губернатор В.С. Хвостов, фельдшер Я. Яроцкий, чиновники казенной палаты Енисейской губернии М. Кохригин и И.С. Пестов, енисейский губернатор А.П. Степанов, чиновник И. Линк, чиновник и краевед Н.С. Щукин, туруханские окружные начальники М.Ф. Кривошапкин и П.Н. Третьяков, минусинский окружной начальник князь Н.А. Костров, ссыльные народники Г. Пейзын, С.Л. Чудновский, П.А. Аргунов, золотопромышленник Н.В. Латкин, археолог и этнограф А.В. Адрианов, заведующий переселенческим управлением Енисейской губернии В.Ю. Григорьев, статистик Л.С. Личков, этнограф В.И. Анучин, профессор богословия Томского университета Д.Н. Беликов, чиновник землеустроительной части управления Алтайского горного округа И.И. Тыжнов, чиновник по зе-

мельному устройству в Красноярске и историк-областник Н.Н. Козьмин⁷. В общих исторических и статистических обзорах М.Н. Баккаревича, Е. Зябловского, П.А. Словцова и Ю.А. Гагемейстера, в обширном труде В.К. Андриевича по истории изучаемого региона в XVIII в. тоже отведено очень скромное место⁸.

Авторы первой половины XIX в. (И.С. Пестов, А.П. Степанов и П.А. Словцов) относили завоевание и начало заселения юга Приенисейского края к концу XVII в., т. е. к началу закрепления России в Южной Сибири. Авторы же конца XIX в. (В.К. Андриевич, А.В. Адрианов, В.Ю. Григорьев, Л.С. Личков) отодвигали эти события к концу XVIII в., когда Россия упрочила свои южносибирские границы. В дореформенный период многие трактовали миграционные процессы и характер заселения юга бассейна Енисея в XVIII в. как завершение общего для всей Сибири, начального, длившегося два столетия, правительственного этапа колонизации. Этот официальный, или, по меткому выражению В.Г. Мирзоева⁹, «губернаторский» взгляд на историю заселения Енисейского края особенно ярко прослеживается у В.С. Хвостова, И.С. Пестова и А.П. Степанова¹⁰. Даже П.А. Словцов, который подходил к истории Сибири с прогрессивных позиций, считал, что именно цели и меры властей в середине XVII – первой половине XVIII в. определяли степень заселенности «Томско-Енисейской Сибири». Он писал: «В первой половине XVIII в. Енисейская провинция удерживалась от заселения вероятно в благовидном счете, чтобы не стеснять разноименных поколений, приносивших казне богатый ясак»¹¹. Только в историко-этнографических и экономических статьях Н.А. Кострова и Н.С. Щукина приводятся отрывочные данные из архивных материалов по XVIII в. и делаются интересные экскурсии в этот период. Например, Н.С. Щукин, характеризуя состояние Минусинского округа в XIX в., отмечает: «государственные крестьяне – суть старожилы, пришедшие из Енисейского округа», что свидетельствовало о видной роли сибиряков в заселении Северного Присяянья¹².

Либерально-буржуазные исследователи, особенно областники, рассматривали заселение Средней Сибири в XVIII в. как результат характерной для всей Сибири XVII – XIX вв. вольнонародной колонизации из-за Урала. С.Л. Чудновский в своих статисти-

ко-публицистических этюдах, в «ретроспективном взгляде на прошлое», высказался наиболее определенно: «Громадные толпы вольных людей, бросив насиженные места, слонявшиеся по широкому лицу земли русской, отыскивая Белую Арапию, отыскивали такие уголки, куда не достигала московская волокита и дышится вольготно». Подчеркивая, что все попытки властей пресечь самовольные переселения только превращали «явное переселенческое движение в тайное», автор резюмировал: «эти-то (переселения. – Г.Б.) играли роль самого существенного и самого главного фактора при заселении обозреваемого нами района»¹³. Показательно, что отправной точкой отсчета при определении масштаба миграций был принят не XVII, а XIX в. Если И.С. Пестову, А.П. Степанову и С.Л. Чудновскому относительно XVII в. темпы заселения юга Приенисейского края в XVIII в. казались высокими, то Н.В. Латкин, А.В. Адрианов, В.Ю. Григорьев и Л.С. Личков писали об очень медленных темпах роста русского населения бассейна Енисея и его юга в XVIII в.¹⁴

Отступление от общей либерально-буржуазной концепции заселения Сибири из-за Урала сделали лишь В.Ю. Григорьев и Л.С. Личков. Основываясь на систематическом, хотя и ретроспективном для XVIII в. материале (собранных в 1887–1892 гг. воспоминаниях жителей 55 % обследованных селений Енисейской губерний), они вплотную подошли к выводу о том, что ведущую роль в освоении Енисея в XVIII – XIX вв. сыграли не беглые российские крестьяне из Европейской России, а сибиряки – жители старожильческих районов губернии.

Эти авторы считали, что большинство сибирских деревень появлялось на месте заимок. При таком заимочном развитии сети населенных пунктов в южных районах главной фигурой был старожил ближних мест. Но на XVIII в. эти положения распространялись ими очень осторожно и не до конца последовательно. Например, сближая по характеру заселения XVIII и XIX вв., они одновременно соотносили первую половину XVIII в. со временем «вольной колонизации» из-за Урала и Поморья¹⁵.

Представители просветительского и демократического течений в сибиреведении в домарксистский период ближе всех подошли к правильной трактовке процесса и характера русского заселения Сибири. М.В. Ломоносов и А.Н. Радищев уже в XVIII в.

высказали в целом верную мысль о заселении Сибири XVII в. беглыми из-за Урала¹⁶.

Декабрист Г.С. Батеньков на основе собранного им огромного фактического материала выдвинул для Сибири (особенно для восточной ее части) XVII – первой половины XVIII в. концепцию «смешанной колонизации»¹⁷. В своих объемистых рукописных «Записках о заселении Сибири»¹⁸ и их сокращенном журнальном варианте¹⁹ он особое внимание обращал на процессы хозяйственного освоения. Как писал Г.С. Батеньков, успехи «звероловного» и «торгового» периодов истории Сибири были достигнуты совместными, дополняющими друг друга, равноценными и даже во многом однотипными усилиями казны и самовольных поселенцев. С 60-х гг. начался, по его терминологии, «горнозаводской период», когда прежнее единство «коренных интересов», имевшее «твердую подпору частными выгодами», было нарушено центральной властью, организовавшей массовую ссылку в Сибирь.

Важным вкладом Г.С. Батенькова в изучение проблемы заселения Сибири был вывод о более высоких, чем в Европейской России, показателях рождаемости. Советскими историками документально подтверждено его предположение о том, что в начале XVIII в. «нигде не сказывается недостатка в женщинах»²⁰.

Г.С. Батеньков использовал не потерявший до сих пор своего значения материал, сгруппированный по всем видам казенного заселения притрактовой полосы, заводских округов и пограничных линий²¹. Подбором фактов настойчиво подчеркивалось, что не только казенные переселения, игнорирующие элементарные права личности, но и деятельность местной сибирской администрации есть зло, подлежащее исправлению.

Декабрист Г.С. Батеньков намного опередил историографический уровень своего времени. В его работе впервые в литературе миграционные процессы XVIII в. отнесены к двум разнохарактерным периодам заселения Сибири. Преувеличение же роли «смешанной колонизации» и недооценка классовых различий самовольных и казенных переселений были вызваны еще неизжитыми иллюзиями о благотворности «разумной власти» и реформ сверху²².

Во второй половине XIX в. в демократическом, а за ним в либеральном направлениях исторической науки утвердилась, хотя

и с разных общественно-политических позиций, концепция о ведущей роли вольнонародного заселения Сибири в XVII – XVIII вв.²³

Вместе с тем в конкретизации основ концепции представители даже одного направления значительно расходились, а общие контуры концепции подчас уточнялись и видоизменялись.

Историк-демократ А.П. Шапов первоначально не выделял XVIII в. в общей истории Сибири. По его мнению, «сибирская колонизация – история распространения хлебных растений», а «вольные гулящие люди составляли главный элемент заселения Сибири»²⁴. В сибирский же период своей жизни А.П. Шапов, обобщая имевшиеся в литературе данные (в архивах он почти не работал), отнес миграционные процессы, следуя за Г.С. Батеньковым, к двум разнохарактерным этапам общего освоения Сибири. Их рубежом была, как он полагал, середина XVIII в. На первом «промыслово-зверобойном» этапе освоения Сибири складывание русского населения шло вольнонародным путем, а на втором «горно-заводском» – принудительным²⁵. Увлечение естественно-антропологической теорией, неверное представление о диспропорции полов русского населения и размерах его метисации с коренными жителями Сибири привели А.П. Шапова к ошибочному выводу о возникновении новой областной народности «европейско-сибирского», или «великорусско-инородческого типа».

Ближе всех стоял к А.П. Шапову по своим демократическим воззрениям историк и публицист С.С. Шашков. В целом он придерживался теории вольнонародной колонизации Сибири в XVIII в.²⁶ На новых же архивных данных он показал трудности первичного русского заселения Восточной Сибири, связав их прежде всего с антинародной политикой царской администрации.

Одним из первых С.С. Шашков пришел к выводу о том, что в северо-восточных районах Заенисейской Сибири в XVIII в. еще продолжался процесс их присоединения к России²⁷. Вместе с тем, правильно подчеркивая бедственное положение коренного сибирского населения, он недооценивал положительное значение его этнокультурных контактов с русскими²⁸.

Марксистско-ленинское учение стало единственно правильной методологической основой для изучения истории окраин поздне-

феодалной России²⁹. В.И. Ленин рассматривал историю Сибири, этой, по его словам, «внутренней колонии», или «Восточной России», как неотъемлемую часть общерусской истории³⁰. Освоение Сибири русскими с конца XVI – до середины XIX в. базировалось на феодальной системе. Официальная «... старая Россия, завоевывавшая Сибирь»³¹, боролась за расширение своей хозяйственной территории. Мощный же поток вольнородной промысловой и земледельческой колонизации был порожден крепостническими аграрными отношениями в центре страны³².

Мысль В.И. Ленина, что миграционные процессы в Сибири носили сложный противоречивый характер, что они определялись, с одной стороны, стремлением феодалов к захвату новых территорий, а с другой – попытками эксплуатируемых масс освободиться от феодального гнета путем ухода на вольные земли, полностью подтверждена исследованиями советских историков³³.

Для анализа содержания и особенностей миграционных процессов в Сибири крайне важно следующее указание В.И. Ленина: несмотря на то, что «... господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков (выделено нами. – Г.Б.)... на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах...» «... все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «русского» и к работе из-под палки мало приучен»³⁴.

В дооктябрьский период изучение истории Сибири XVIII в. с позиций марксистско-ленинской методологии только начиналось. Первые шаги в этом направлении были сделаны марксистом В.А. Ватиным. К сожалению, условия ссылки ограничили географические рамки его исследований по XVIII в. только Северным Присяяньем³⁵. В отношении всей Сибири В.А. Ватин придерживался теории вольнонародной колонизации, подчеркивая при этом явно колонизаторскую политику властей³⁶. Но в конкретном изложении истории русского заселения Минусинского края в XVIII в., построенном на тщательном изучении архивных дел библиотеки Минусинского музея и сибиреведческой литературы, он несколько отошел от общей схемы.

В.А. Ватин фактически проводил мысль о смешанном характере заселения края, когда писал, что «за казаками шли вольные переселенцы» и помещались ссыльные. Сравнив фамилии жите-

лей Минусинской земской избы за 1795 г. и казаков-годовальщиков в местных острогах за первую половину XVIII в. и сопоставив эти данные с рассказом П.С. Палласа³⁷ о широко разросшейся казачьей семье Юшковых, исследователь пришел к важному выводу о видной роли внутренней миграции в заселении Минусинского края в XVIII в.³⁸ Его работы о Минусинском крае не утратили своей ценности до сих пор³⁹.

Многое сделано советским сибиреведением в изучении истории Сибири. Плодотворные результаты этой работы обобщены в коллективной фундаментальной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», отмеченной Государственной премией СССР 1973 г. Написаны также общие и проблемные историографические обзоры по истории Сибири в эпоху феодализма⁴⁰. Все это послужило основой для разработки поднятых в данной работе проблем.

Присоединение Сибири и ее отдельных районов к Российскому государству в целом уже хорошо изучено. Отвергая сущность и крайности дореволюционной историографии о благодеянии царских властей или о чисто колонизаторском завоевании Сибири, советские историки трактуют присоединение Сибири как сложный процесс, в котором меры воевод в разное время и в различных районах по-разному взаимодействовали и сочетались с самостоятельными усилиями русских промысловиков, крестьян и просто беглых. Этнически пестрое местное сибирское население от сопротивления царскому проникновению в целом быстро перешло к дружественным отношениям, так как убеждалось в благотворности хозяйственно-культурных контактов с пришлым трудовым людом. В Южной Сибири этот перелом затянулся и протекал труднее из-за активного сопротивления уже феодализирующейся родовой верхушки, которую явно и тайно вдохновляли и поддерживали соседние военно-феодалные государства.

Сложной и длительной борьбе России за юг Средней Сибири в XVII в. посвящены работы А.П. Окладникова, С.В. Бахрушина и В.А. Александрова⁴¹.

Много внимания советские ученые уделяли вопросам присоединения многоязычных обитателей бассейна Среднего и Верхнего Енисея и дальнейшего влияния русских на формирование

хакасской народности⁴². Над проблемами русско-джунгарских отношений XVII – первой половины XVIII в. работали Ш.Б. Чимитдоржиев и И.Я. Златкин; русско-монгольских, русско-китайских и русско-алтайских – В.Г. Курц, Н.П. Шастина, П.Т. Яковлева, П.Е. Тадыев, Н.С. Модоров⁴³. Все же вопросы, связанные с присоединением юга Средней Сибири к России, разработаны далеко не исчерпывающе. Так, заключительный этап этого длительного процесса, относящийся к первой четверти XVIII в., почти все историки ограничивали только событиями первого десятилетия.

Изучение же заселения Сибири русскими в феодальную эпоху, особенно в XVIII в., еще не привело к окончательному решению проблемы. До 50-х гг. XX в. в целом развивали выдвинутый еще М.В. Ломоносовым, А.Н. Радищевым и А.И. Герценом тезис о вольном заселении Сибири беглыми крепостными крестьянами и другим трудовым людом из европейской части России. С расширением порайонных исследований Сибири (С.В. Бахрушин, В.И. Шунков, З.Я. Бояршинова, Ф.Г. Сафронов, А.А. Преображенский, В.А. Александров, М.М. Громько, В.М. Кабузан, С.М. Троицкий, А.Н. Копылов, О.Н. Вилков) существенно была уточнена теория вольнонародной колонизации. Доказано, что основная масса переселенцев вышла из Поморья и что видную роль в росте сибирского населения в XVIII – первой половине XIX в. играл естественный прирост, питавший широкую внутрисибирскую миграцию. Очень плодотворными оказались попытки ряда историков различать в миграционных процессах внутрисибирские, вплоть до внутриуездных, переходы и переселения из-за пределов Сибири. Сначала В.В. Покшишевским и теоретически В.К. Яцунским, а затем на конкретном сибирском материале Н.В. Устюговым, В.Н. Шерстобоевым, А.Д. Колесниковым, Ю.С. Булыгиным, А.С. Кузнецовым и В.В. Воробьевым был выдвинут и обоснован тезис о главной роли естественного прироста в увеличении русского населения Сибири XVIII – XIX вв., который обеспечил, наряду с мерами властей, заселение и освоение южносибирских районов⁴⁴.

В последние годы особенно много сделал для обоснования этих положений А.Д. Колесников⁴⁵. На широком архивном мате-

риале автор всесторонне рассмотрел процесс русского заселения западносибирских уездов, выявил источники и темпы роста населения и первым доказал, что такой громадный регион, как Западная Сибирь, заселялся в XVIII – начале XIX в. главным образом за счет естественного прироста сибирского населения.

Различием подходов к решению проблемы заселения объясняется тот факт, что в последних по времени общих работах и историографических обзорах все осторожнее проводится давний тезис о главной роли беглых помещичьих крестьян в заселении Сибири в XVIII в.⁴⁶

В.А. Александров же пришел к выводу, что в общей массе пришлого в Сибирь в XVIII в. населения при усилении роли ссыльных «значение севернорусского потока переселенцев сохранялось»⁴⁷.

Специальных работ, посвященных заселению Приенисейского края в XVIII в., нет, хотя труды С.В. Бахрушина, В.А. Александрова и А.Н. Копылова могут служить основой для такого исследования. В работах 20–30-х гг. Н.Н. Козьмина, В.А. Смирнова, Н.К. Ауэрбаха и В.П. Косованова заметно стремление переосмыслить немногие накопленные дореволюционной историографией материалы, но эти авторы ставили перед собой краеведческие задачи и потому не претендовали на глубину и полноту изложения⁴⁸. Вопросы заселения изучаемого региона затрагивались лишь косвенно, в связи с изучением истории Хакасии (Н.Н. Козьмин, В.К. Хотяновский, Л.П. Потапов, К.М. Патачаков и В.Г. Карцов), с деятельностью казенных металлургических заводов Средней Сибири (В.Г. Карцов, И.И. Комогорцев), с устройством и заселением Московского тракта (А.Д. Григорьев, П.М. Миндаровский, В.В. Воробьев и К.Г. Гузок), с историей городов и русского освоения Таймыра⁴⁹.

В трудах с более общими целями, задачами, с более широкими рамками хронологии и охватом территории дается лишь общая характеристика условий, темпов и результатов заселения Приенисейского края в XVIII в.⁵⁰ Авторы этих работ обычно исходили из общесибирской концепции вольнонародного заселения Сибири беглыми российскими крестьянами. Интересно, что даже В.В. Покшишевский, связывая заселение Сибири XVIII в. с ес-

тественным приростом, для Минусинской котловины делал исключение. Медленные темпы ее освоения в XVIII в. он объяснял «тупиковым положением по отношению к главным путям движения через Сибирь»⁵¹.

Специально вопросы русского заселения Средней Сибири и ее отдельных районов в XVIII в. разрабатывались немногими⁵².

В работе П.Н. Павлова дается несколько иной вариант вольно-народного заселения Приенисейского края, как и всей Сибири, в XVII – XVIII вв. Автор не склонен отводить главную роль в заселении края беглым помещичьим крестьянам, хотя часто пишет о «движении на окраины» и притоке беглых из европейской части России, который усиливался с ростом товарно-денежных отношений и обострением классово-борьбы. Распространяя на XVIII в. выводы В.А. Александрова и А.Н. Копылова об источниках роста населения Средней Сибири в XVII в., П.Н. Павлов писал, что «в Сибирь и Енисейский край переселялись в абсолютном большинстве жители северных уездов России», и только для XIX в. характерна вольная и самовольная колонизация из центральных губерний⁵³.

Интересно мнение этого историка о влиянии сословно-социальной принадлежности переселенцев на их географическое размещение в Сибири. Российские крестьяне и прочие выходцы, как считает П.Н. Павлов, оседавшие в Западной Сибири, занимались в основном хлебопашеством, а в Среднюю и Восточную Сибирь шли на промыслы преимущественно жители Поморья⁵⁴.

Судя по вниманию, уделенному заимочному пути возникновения селений в старожильческих районах в бассейне Енисея, ученый признает видную роль естественного прироста в дальнейшем освоении края⁵⁵.

В историко-географической работе В.В. Воробьева⁵⁶, где использована по Средней Сибири XVII в. примерно та же, что и у П.Н. Павлова, литература, несколько уточнены выводы последнего. Автор в целом по всему региону и трем районам дает количественную характеристику основных показателей роста населения в XVIII в., определяет главные факторы его формирования и развития. Одним из первых В.В. Воробьев специально проанализировал изменения в половом и возрастном составе населения. Он

пришел к важному выводу, что соотношение полов постоянно выравнивалось, а абсолютная рождаемость была близка к биологическому максимуму. Сопоставив масштабы естественного прироста с количеством переселенцев извне, В.В. Воробьев подчеркнул, что главную роль в увеличении численности населения Средней и всей Восточной Сибири в XVIII в. играл естественный прирост.

В целом разделяя положительную оценку работы В.В. Воробьева с В.В. Покшишевским⁵⁷ и признавая перспективность главных ее положений, нам хотелось бы отметить, что автор не дал окончательного решения проблемы характера заселения ни по бассейну Енисея, ни по всей Восточной Сибири XVIII в. Источниковая база исследования по этому периоду явно недостаточна, нет динамичных сопоставимых количественных рядов по социально-сословному составу русских жителей, по их естественному приросту в XVIII в. Явно недооценил автор принудительные меры по перемещению русских в восточносибирские районы, совсем не учтены усилия властей по заселению приграничной полосы. В качестве особого района не выделена притрактовая полоса. Противоречит источникам вывод о том, что «почти все ссыльные оседали в Западной Сибири, а в Восточную Сибирь их попадало мало»⁵⁸.

Источники. Работа построена на материалах, хранящихся в архивах и библиотеках Москвы (ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГА МИДа, ГБЛ РО, ГИМ РО), Ленинграда (ЦГИА, ЛО ААН СССР, Архив ЛОИИ, БАН ОР, ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина), Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска и Государственном историческом музее (изучались материалы более 55 различных фондов).

Большая по сравнению с XVII в. разбросанность источников XVIII в. обусловлена общими и частными причинами – становлением централизованного государственного аппарата с его бюрократическим и отраслевым принципами организации и разделения власти, частыми изменениями административно-фискальных границ уездов Средней Сибири, конкретной историей фондообразования учреждений этих уездов.

В локальных исследованиях даны частные классификации источников, поскольку историки, исходя из поставленных проблем, выделяли различные содержательные стороны одних и тех же документов.

Главным же критерием общей классификации исторических источников, как считает Л.Н. Пушкарев, является «способ кодирования заключенной в них информации о породившей их исторической действительности»⁵⁹.

Письменные источники как один из 7 основных типов исторических источников, согласно линейно-циклической периодизации Л.Н. Пушкарева, представлены документальными и повествовательными «родами» источников. Каждый из них состоит из 4 разрядов, а те, в свою очередь, включают в себя по 3 основных вида источников. В картографическом разряде документальных источников выделены как виды карты и планы исторические, политические и экономические; в статистическом – статистика экономическая, демографическая, политическая и культурная; в актовом – акты политические, социально-экономические и юридические; в канцелярском – грамоты, реестры с книгами и указами, деловая переписка. В повествовательного рода источниках в разряд личных входили 3 вида – письма, дневники, мемуары; художественных – очерки или корреспонденции, лирика и драма, романы, повести и рассказы; исторических – исторические повести, хронографы и летописи; научных – виды исторических, философско-социологических трудов и географические описания⁶⁰.

В принципе названные виды, разряды и роды письменных типов источников сами по себе могут нести равноценную информацию. Чаще же всего выделенные классификационные структурные части корпуса источников неодинаково отражают историческую действительность, под влиянием которой они складывались, что, как правило, связано с происхождением источника.

В соответствии с проблематикой и задачами данного исследования весь круг привлеченных источников «организован» по частному варианту классификации Л.Н. Пушкарева, где дополнительно учитываются породившая источник социальная среда и степень переработки несомой им информации.

Все использованные источники разделены на группы, каждая из них включает в себя различные виды разрядов и родов письменных источников.

В первой группе представлены документы, непосредственными авторами которых были представители тех или иных слоев трудового населения, главного участника исследуемого процесса. Это сказки «старых, а потому сведомых красноярских старожил» о военных действиях и переговорах с киргизами, об «острожном ставлении», различные челобитные о вознаграждении за ратную службу хлебным, соляным и денежным жалованьем, просьбы о переселении, записи в подушный оклад по месту жительства, переходе в другую сословно-социальную группу, «доезды» по осмотру и отводу земель, «допросы» и показания беглых казаков, крестьян, работных людей, ссыльных и поселенцев. Особым синкретическим (между канцелярским и художественным разрядами) видом письменных источников в этой группе являются «наказы» крестьян, разночинцев, посадских и помещиков Енисейской провинции в Уложенную комиссию. В отличие от наказов многих других губерний, они представляют собой конкретные описания нужд, жалобы и предложения трудового населения 32 присудов и 2 городов Енисейской провинции⁶¹. Живым, ярким и самобытным языком в документах, относимых к первой группе, рассказывается о реальных условиях и тяготах вооруженной борьбы с князьями енисейских киргизов, первичном заселении «замиранных земли», побудительных мотивах и конкретных обстоятельствах переселений, широте географических представлений переселенцев. Особая ценность этих источников заключается в том, что они непосредственно раскрывают роль и характер участия трудового населения в миграционных процессах, содержат оценку правительственных мер.

Вторую в генетическом плане группу источников составляют документы местной и центральной администрации. В них первичная информация, как правило, переработана статистически, тематически и подана с официальных позиций. Эта группа включает в себя различные виды канцелярских, статистических и картографических источников. Текущее делопроизводство воеводских, провинциальных, губернских канцелярий, земских изб, городских магистратов и горных начальств (отписки воевод, помещичьи, квартальные и годовые отчеты, рапорты о сборах канцелярских денег на выдачу «данных», «покормежных» отпусков, та-

моженные счетные выписки, дела о верстании в службу и записи в подушный оклад, «росписные списки» передачи воеводства, различные хозяйственно-фискальные ведомости, перечни и списки) дают представление о процессе, масштабах внутренней и внешней миграции трудового населения, об отношении к ним местных и центральных властей, о различных факторах, влиявших на переселения.

Отдельные виды канцелярского разряда источников представлены законодательными актами, циркулярно-распорядительными и информационными материалами ПСЗ (книгами входящих и исходящих указов, промемориями, доношениями о переселенческой политике центрального правительства в XVIII в. и ее преломлении на местах).

Очень важными видами являются экономические, фискальные, статистико-демографические и политические материалы статистического разряда источников. Их составлением и проверкой занимались низшая уездная и центральная администрации, а в первой половине XVIII в. даже регулярная армия. Это ревизские сказки первой, третьей, частично четвертой переписей Енисейского и Красноярского уездов, перечневые переписные книги 1713 и 1747 гг., именные списки четвертой ревизии подушного населения Красноярского уезда, итоговые подробные и краткие ведомости населенных пунктов с указанием численности их жителей по сословиям, исповедные росписи православного населения уездов за вторую половину XVIII в., перечневые списки служилых и податных, бывших и не бывших у трех присяг на верность императору Ивану Антоновичу и его регентам в 1740–1741 гг.

Ценность переписей XVIII в. для изучения вопросов заселения не раз отмечалась в советской исторической литературе⁶². Тем не менее данные переписей и ревизий по Красноярскому уезду фактически впервые вводятся в научный оборот. Очевидно, это объясняется неточным названием отдельных дел в архивной описи, что затрудняло к ним доступ исследователей⁶³. Ревизские сказки и списки населения – очень трудоемкий для работы материал, но они содержат ценнейшие сведения о движении населе-

ния, истории возникновения и росте сел и городов, социальном, возрастном и половом составе жителей.

Переписи 1713 и 1722 гг. дают сведения о численности не только податных, но и неподатных категорий населения – духовенства и служилых. В материалах второй и наполовину сохранившихся документах третьей ревизий дополнительно указывались места выхода переселенцев и новообразованные селения. Переписи 1713 и 1762 гг. содержат редкие сведения о женском населении. По сохранившимся материалам ревизий можно установить долю естественного прироста в росте податного населения, так как во время переписи отмечалось, какие записанные податные родились после предыдущего учета.

Важно отметить, что городское население по Красноярску и Туруханску не выделялось особо во второй и третьей переписях. Тогда вместе с горожанами учли сельских посадских и цеховых, так как они по административно-фискальному признаку подчинялись городскому магистрату. В итоговых ведомостях и окладных книгах до 70-х гг. деление на городскую и сельскую части посада практически не давалось. Эту специфику учета населения небольших городов не заметили некоторые исследователи. Поэтому их данные о численности населения Красноярска и ряда других сибирских городов в 1747 г. относятся ко всему торговоремесленному населению города и уезда, но без городских неподатных обывателей⁶⁴. По третьей же переписи, численность горожан оказалась особенно завышенной, так как были учтены и не платящие подати.

Большое значение для решения поставленных вопросов имеют демографические источники церковного происхождения, которые еще мало используются в локальных исследованиях. Исповедные росписи и метрические книги составлялись священниками ежегодно на основе данных предыдущей переписи, текущего учета рождаемости, смертности и миграции*. Поименные ежегодные росписи исповедовавшихся и принявших «святое причастие» дают с конца 70-х гг. XVIII в. сведения о половом, возрастном и социальном составе русского и хакасского населения по церковным

* Общую характеристику церковного учета см.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII в. – первой половине XIX в., с. 77–84, 95–99, 155–156.

приходам, по селениям и улусам, по дворам и юртам. Только этот вид источников содержит систематические данные о неподатных категориях – духовенстве, чиновниках, военных, служилых казаках, неокладных разночинцах и отставных, а также о работниках и подворниках. Наконец, в отличие от административно-фискальных документов, где учитывалось только подведомственное население, в исповедных росписях отмечали всех лиц, реально живших на территории присуда и уезда, независимо от того, находились ли они на административно-фискальном учете в данном уезде или числились по старому месту жительства.

По нашим подсчетам ежегодный церковный учет уступал ревизскому по точности в силу того, что был текущим. Сказывались также большие размеры приходов, разбросанность селений, нерегулярное соблюдение населением религиозной обрядности, неподготовленность к учету отдельных приходских священников и, наконец, подчас сознательное искажение ими сведений. Предпринятые в 1784–1786 гг. попытки тобольского губернатора Кашкина упорядочить церковный учет населения и увязать его с ревизским не имели успеха⁶⁶.

Демографические материалы первой половины XVIII в. удачно дополняются особым видом политической статистики – делами о присягах младенцу-императору Иоанну Антоновичу. В исторической литературе еще не давался общий источниковедческий анализ их состава и содержания. Печатные манифесты о присягах сначала наследнику престола, затем императору с регентом Бироном и, наконец, с регентшей-матерью вышли 5, 11 октября и 18 ноября 1740 г.⁶⁷

Согласно специальной инструкции, их торжественно оглашали с церковных амвонов перед собранными «людьми разных чинов», служили молебен во здравие, производили салют из имевшихся в городах и крепостях пушек, а затем все отмечались в специальных присяжных листах. Присягали мужчины всех сословий до 12 лет включительно, кроме пашенных крестьян. Список присягнувших возглавлял в уездном городе воевода, а в присудах – комиссар, приказчик или управитель. Присяги принимали все, кто в данный момент оказывался в том или ином населенном пункте, независимо от места постоянного жительства. При

этом указывали место выхода и социально-сословную принадлежность присягнувшего. После завершения процедуры управители, приказчики и городские ратманы составляли для отчета списки как присягнувших лиц⁶⁸, так и тех, кто был в отлучке⁶⁹. К сожалению, далеко не всегда отмечалось, куда и по какому случаю отлучился тот или иной разночинец, посадский или служилый человек. Когда отсутствовавший возвращался, то приказчик должен был специально выяснить, присягал ли он; если да, то где и когда. Такие сведения сохранились по отдельным присудам Енисейской провинции⁷⁰. Взятые в комплексе материалы присяг дают ценнейшие сведения о причинах миграций и ее масштабах у населения бассейна Енисея. Особенно уникальны данные о численности, социальной принадлежности и местах выхода временных жителей притрактовых присудов. Поскольку присягу принимали в течение первого полугодия 1741 г., то путем пофамильной сверки можно определить степень оседания временного населения в уездах. Материалы второй переписи дают возможность выяснить, кто из жителей остался в уездах края.

К особому переходному виду между видами канцелярского разряда документальных источников и историко-географическим видом научного разряда повествовательных источников относятся ответы Красноярской, Енисейской и Туруханской воеводских канцелярий на вопросы анкет Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева⁷¹. В исторической литературе не раз давалась общая характеристика этих анкет, отмечались их значение и важность для изучения истории Сибири.

Эти источники, по сути дела, являются сводным тематическим обзором документов воеводской канцелярии Средней Сибири за XVII в. – 30-е гг. XVIII в. В анкетах освещается история присоединения Верхнего Енисея к России, есть краткие описания острогов. Очень ценны сведения по топонимике селений в анкете В.Н. Татищева, росписи верст от Красноярска, Енисейска и Новой Мангазеи до других городов Сибири. Анкета Г.Ф. Миллера больше насыщена информацией, так как ученый лично участвовал в сборе сведений. Тематически очень близка к ним анкета М.В. Ломоносова (Академии наук), ответы на вопросы которой поступили из Средней Сибири в 1761–1763 гг.⁷²

Переходными видами между повествовательными и документальными родами личного и канцелярского разрядов письменных источников являются дневниковые записи Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга, опубликованные на немецком языке благодаря совместным усилиям историков СССР и ГДР в 1962–1968 гг.; путевые записи и описания участников второй Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, С.П. Крашениникова, И. Горланова и И. Яхонтова, увидевшие свет еще в XVIII в. и хранящиеся ныне в архиве ЛО АН СССР; путевые записки и дневники П.С. Палласа. Все эти источники ценны живыми непосредственными наблюдениями жизни русского и ясачного населения Приенисейского края в XVIII в.⁷³

Чистые и смешанные виды картографического и научного разрядов документальных и повествовательных источников образуют рукописные общие, горнозаводские, пограничные карты, чертежи и планы острогов, заводов и рудников, атласы, топографические описания и генеральные карты сибирских наместничеств.

В отличие от предыдущего периода картографическое изучение в XVIII в. носило организованный характер. Решая все усложнявшиеся задачи абсолютистского государства, центральные и местные власти, хозяйственные и военные учреждения и ведомства организуют в Сибири картографические работы⁷⁴. Они приобретают такой размах, что крупнейший знаток истории российской географии Д.М. Лебедев по праву называет XVIII в. сибирским периодом в русской картографии.

В первой четверти XVIII в. сибирская картография заботами Петра I переходила от рисованных карт-чертежей к картам на математической основе. В это время по его распоряжению проводилось поездное картирование территории всей страны. «Легенды» уездных ландкарт содержали основные сведения по орографии, гидрографии, топонимии. Тщательно наносилась сеть населенных пунктов.

Первые ландкарты Мангазейского, Красноярского и Енисейского уездов Средней Сибири по инструментальным съемкам выполнил в 1728–1729 гг. опытный геодезист Петр Чичагов. Еще за 9 лет до этой работы, находясь в экспедиции Лихарева и зани-

маясь составлением «Чертежа о Сибири и контайшиной земли», он со слов бывалого красноярского сына боярского Ильи Нашивошникова первым из русских геодезистов относительно верно нанес на карту новоприсоединенные земли по Верхнему Енисею. Не так фантастично, как раньше, выглядят на его карте Мангазейского уезда очертания побережья Северного Ледовитого океана⁷⁵. Судя по полученным К.А. Салищевым фотокопиям ландкарт Средней Сибири и географическому каталогу, составленному по картам самим П. Чичаговым, нужные сведения геодезист получал путем непосредственных съемок, бесед с жителями и обработки книг переписи 1719–1722 гг.⁷⁶ Карты П. Чичагова были использованы, другими картографами при создании общесибирских карт⁷⁷. К сожалению, его карты Средней Сибири не попали в первый атлас Российской империи И.К. Кирилова. В последний момент они затерялись, а позже оказались среди других русских карт, поступивших в Парижскую Национальную библиотеку от французского ученого на русской службе Делиля⁷⁸.

Новый этап широкого географического изучения и интенсивного картографирования края приходится на 30–50-е гг. В это время появляется ряд специальных карт и планов по отдельным районам Средней Сибири, что было вызвано попытками казны наладить эксплуатацию рудных богатств, устроить южную границу, а также в связи с работой морского и сухопутного отрядов Второй Камчатской экспедиции. Обследование морского берега на запад от устья Енисея проводил в 1734–1738 гг. энергичный лейтенант Овцын. На восток от Енисея в 1738–1742 гг. безуспешно пытались пробиться на почтальоне «Обь» штурман Минин и подштурман Стерлегов. Карту плавания Минин представил в Адмиралтейц-коллегию⁷⁹. В геологическом обследовании и картографировании Среднего Енисея большую роль сыграл В.Н. Татищев, крупный ученый, бывший в то время начальником Казанских и Сибирских заводов. Под его руководством в 1735–1737 гг. составлял карту Кузнецкого, Томского и Красноярского уездов горный надзиратель Е. Арцыбашев; позже геодезист Василий Шишков, надзиратель лесов Яган фон Баннер и студент Семен Старков сняли с нее копии⁸⁰.

В эти же годы в Иркутской провинции продолжали работать петровские геодезисты Петр Скобельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков и Василий Шетиллов. Их картографические материалы по юго-восточной части Средней Сибири были значительно беднее содержания горных карт. Непосредственных съемок они в этом районе не вели. Поэтому их «Карта пограничных уездов Иркутской провинции и части Красноярского уезда» 1735 г. и, вероятно, ими же выполненные в 1733 г. две «Карты верховий Енисея» очень схематичны и условны⁸¹.

Более обстоятельное обследование и картографирование Верхнего Енисея проводилось в 40–50-х гг. в связи с активизацией Джунгарии и учреждением южносибирских военных линий⁸². Эти пограничные карты и аналогичная плаутинской, но компилятивная по Средней Сибири карта поручика Я. Уксуникова⁸³ впервые детализируют физико-географическую обстановку Засаянья. Карты 40-х гг. полнее и содержат меньше искажений и гидронимов, чем картографические материалы 30-х гг. По сравнению же с горнозаводскими пограничные карты обычно иллюминированы, охватывают большие районы Южной Сибири и тщательнее выполнены. За исключением специфических сведений, «легенды» всех специальных карт в основе своей однотипны – в каждой приводятся орография, топонимия и ойконимия края, дается общее административное деление. Довольно условна у всех географическая сетка.

Во второй половине XVIII в. картография Сибири, в частности Приенисейского края, развивается в двух направлениях. Появляются довольно многочисленные общесибирские генеральные карты и атласы, обобщающие накопленные по районам материалы⁸⁴. Но они почти ничего не дают нового по истории региональной картографии. Суть второго, самого важного, направления развития картографии в том, что главную роль в картографическом изучении каждого региона страны начинают играть местные силы – уездные и губернские землемеры и геодезисты. Их карты и атласы уездов и наместничеств с соответствующими топографическими и географическими описаниями дают комплекс сведений естественно-исторического, экономического, демографо-этнографического характера. Но по общей направлен-

ности содержания «легенд» эти карты следует считать не общими, а специальными картами административно-фискального типа. Для них характерна самая высокая для XVIII в. степень детализации гидрографической и административной сетки, географического размещения населения. Показательно, что обилие экономико-фискальных данных в «легендах» привело к вытеснению сведений об орографии.

Уездные карты и планы городов Средней Сибири содержат 4 атласа Тобольского наместничества, составленные соответственно в 1784–1785, 1788, 1796, 1797 и 1798 гг.⁸⁵ Только в последних по времени атласах есть карта Красноярского уезда. Территория края восточнее Кана входила с 1783 г. в состав Нижнеудинского уезда, карта которого есть в атласе Иркутского наместничества 1797 г.⁸⁶ Из-за частых административных переделов уездные карты Средней Сибири по исполнению и содержанию «легенд» невыгодно отличаются от аналогичных карт в атласах. В них отсутствуют хозяйственно-демографические приложения по отдельным земским избам. Атлас Колыванского наместничества, куда входил с 1783 по 1796 г. Красноярский уезд, до конца века так и не был полностью оформлен, а топографического описания уезда нет даже в общем описании наместничества⁸⁷.

Во второй половине XVIII в. в связи с новыми попытками казны продолжить эксплуатацию ирбинских железных руд и усилиями верхотурского заводчика и купца Походяшина наладить выплавку серебра из «обысканных своим коштом» руд значительно пополнилась коллекция горнозаводских карт и планов. В 1771 г. был составлен план Ирбинского завода и снабжавших его рудников. Намеченные в бассейне Июса рудники Ужурский, у Божьего озера, у «Чудских копей» на р. Черной, «начатое заводское строение» и окрестные леса нанес на свой план в 1788 г. унтершихтмейстер Албычев⁸⁸.

Картографические материалы являются синкретическим историческим источником, так как они создавались не только на основе официальных административно-фискальных материалов, но и отражали непосредственные геодезические, картографические изыскания самих составителей и географические сведения, полученные от русского и коренного населения. Поэтому трудно

переоценить их значение для анализа географического размещения русских в крае, особенно неподатных, которых не учитывали переписи.

Использование разнохарактерных источников восполняет односторонность их отдельных разрядов и видов, позволяя тем самым воссоздать относительно полную картину завершения присоединения юга Приенисейского края к России и заселения Средней Сибири русскими в XVIII в.

Примечания

- ¹ Кафенгауз Б.Б., Преображенский А.А. Проблемы истории России XVII – XVIII вв. в трудах советских ученых. – В кн.: Советская историческая паука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, с. 149; Кожухов Ю.С. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861). Л., 1967, с. 15; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973, с. 8–10; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 1973.
- ² Специалисты по физической и экономической географии обычно называют бассейн Енисея Средней Сибирью (см.: Средняя Сибирь. Под ред. акад. И.П. Герасимова. М., 1964).
- ³ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. – Науч. тр., М., 1955, т. 3, вып. 2; Он же. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Нагаев А.С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. – Учен. зап. Енис. гос. пед. ин-та, Енисейск, 1958, т. 1, вып. 1; Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965; Копкочев К.Г. Присоединение Хакасии к России. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1965; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966; Кожухов Ю.С. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861). Л., 1967; Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири первой половины XIX в. (социально-экономический очерк). Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Иркутск,

1967; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1970; Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972; Он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

- ⁴ Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970, с. 10–12.
- ⁵ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы. – В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 175–183, 206–210, 226–227.
- ⁶ См. об этом: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970, с. 131–132, 324–325, 334, 345–384; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири конца XIX–начала XX вв., разд. III и IV; Быко-ня Г.Ф. Русское заселение Восточной Сибири в XVIII в. в домарксистской литературе. – В кн.: Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири XIX – XX вв. Вып. 2. Красноярск, 1978, с. 41–47.
- ⁷ Хвостов В.С. О Томской губернии. Спб., 1809. Это публикация «Краткого описания Томской губернии», автором которого был томский уездный землемер Вавилов. Копия этого описания идентична данной книге (см.: ЦНБ АН УССР ОР, 1–1050, л. 52–65); Яроцкий Яков. Некоторые замечания о Туруханском крае. – Казан. вестн., 1826, ч. 16, кн. 2–3; ч. 17, кн. 4, 6; ч. 18, кн. 9; Кохригин Мих. Некоторые статистические сведения о Енисейской губернии. – Сев. архив, 1828, ч. 31; Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831. М., 1833; Степанов А.П. Енисейская губерния. Спб., 1835, ч. 1, 2; Линк И. Описание городов Енисейской губернии. – ЖМВД, 1839, № 3; Шукин Н.С. Минусинский округ. – ЖМВД, 1856, кн. 5, 6; Костров Н.А. Народные приметы крестьян-старожил Минусинского округа. – Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва, 1856, кн. 2; Он же. Очерки Туруханского края. – Там же, 1857, № 4; Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении. – Там же, 1856, кн. 5–6; Он же. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (из путевого журнала 1857 г.) – Живая старина. Спб., 1903, вып. 3; Кривошопкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865; Третьяков П.Н. Туруханский край, его природа и жители. Спб., 1871; Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-экономические этюды). Томск, 1885; Латкин Н.В. Красноярский округ. Спб., 1890; Он же. Енисейская губер-

ния, ее прошлое, настоящее. Спб., 1892; Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края. Казань, 1892; Григорьев В.Ю. Население Канского, Красноярского, Ачинского и Минусинского округов. – В кн.: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Енисейской и Иркутской губерний. Иркутск, 1893, т. 4, вып. 2; Личков Л.С. Новые данные о заселении Сибири. Киев, 1894; Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898, с. 27, 29, 60; Он же. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири. – Зап. Краснояр. подотд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. Красноярск, 1904, т. 1, вып. 1; Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904; Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. Спб., 1910; Анучин В.И. В стране черных дней и белых ночей. (Туруханский край). Пг., 1916; Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII – XVIII вв. Б.м., б.г. (см.: Томский областной краеведческий музей, оп. 4, д. 204, 211–214).

- ⁸ Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Спб., 1810; Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Спб., 1810, ч. 5; Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1854, ч. 2; Слоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн. 1, 2; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ). Иркутск, 1886, т. 2 (1700–1741 гг.); Томск, 1887, т. 3 (1742–1762); Спб., 1887, т. 4; Одесса, 1889, т. 5.
- ⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период), с. 153.
- ¹⁰ Хвостов В.С. О Томской губернии, с. 27–28; Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, с. 10–12; Степанов А.П. Енисейская губерния, ч. 1, с. 135, 139, 145.
- ¹¹ Слоцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1, с. 114–117, 180, 193.
- ¹² Шукин Н.С. Минусинский округ, кн. 5, с. 10; Костров Н.А. Народные приметы крестьян-старожилов Минусинского округа, с. 70.
- ¹³ Чудновский С.Л. Енисейская губерния..., с. 8, 21–24.
- ¹⁴ Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, с. 30–36; Степанов А.П. Енисейская губерния, ч. 1, с. 135, 139, 145; Шукин Н.С. Минусинский округ, кн. 5, с. 5; Костров Н.А. Народные

- приметы крестьян-старожилов Минусинского округа, с. 69–70; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1, с. 114–117, 180, 193; кн. 2, с. 37, 71; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, кн. 2, с. 132; Чудновский С.Л. Енисейская губерния..., с. 8, 21, 24; Латкин Н.В. Красноярский округ, 1890, с. 5–14, 49–53; Он же. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее, с. 429, 434; Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII – XVIII вв., д. 214, л. 1–4, 331–333; Григорьев В.Ю. Население Канского, Красноярского, Ачинского и Минусинского округов, с. 5–9, 11–12; Он же. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири, с. 18–20; Личков Л. С. Новые данные о заселении Сибири, с. 9–10, 18, 48; Адрианов А.В. Очерки Минусинского края, с. 8; Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-насельники..., с. 27–29.
- ¹⁵ Григорьев В.Ю. Население Канского, Красноярского, Ачинского и Минусинского округов, с. 4–5, 7, 11; Он же. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири, с. 4–5, 18–20; Личков Л.С. Новые данные о заселении Сибири, с. 47–48. В конце XIX – начале XX в. выделение по характеру заселения первой и второй половины XVIII столетия было довольно распространенным.
- ¹⁶ См. об этом: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период), с. 209–210.
- ¹⁷ В.Г. Мирзоев и В.Г. Карцов необоснованно относят Г.С. Батенькова к сторонникам вольнонародной колонизации (см.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период), с. 199–200; Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965, с. 78–79). Подробнее об этом см.: Быконя Г.Ф. Взгляды. Г.С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII – XVIII вв. – В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977 с. 69–71.
- ¹⁸ ГБЛ РО, ф. 20, карт. 1, д. 17–26.
- ¹⁹ Статью Г.С. Батенькова «Общий взгляд на Сибирь» см. в журнале «Сын Отечества» за 1822–1823 гг.: 1822, ч. 81, № 41, 44; 1823, ч. 83, № 2; ч. 84, № 10, 11; ч. 85, № 15; статья без подписи.
- ²⁰ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 127–140; Шепукова Н.И. Подворная перепись 1710 г. и численность крестьянства Сибири. – Ежегодн. по аграр. истории Вост. Европы. 1966, Таллин, 1971, с. 231–232, прил.
- ²¹ ГБЛ РО, ф. 20, карт. 1, д. 18 (записка о поселенных в Сибирь), д. 19 (записка о заселении Нерчинского края); д. 21 (о поселениях в Иркутской губернии; Нерчинские заводы); ф. 22 (записка о катор-

- жных); д. 23 (распределение сосланных в Иркутскую губернию людей).
- 22 См. об этом: Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков, с. 110–112, 121.
- 23 См. об этом: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период), гл. III, V.
- 24 Шапов А.П. Историко-географическое распределение русского населения. – Собр. соч. Спб., 1906, т. 2, с. 195 (примечание), 233.
- 25 Шапов А.П. О развитии высших человеческих чувств. – Отеч. зап., 1872, т. 204 (29), № 10, с. 473; Он же. Сибирское общество до Сперанского. – Изв. Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва, 1873, т. 4, № 4; Он же. Собр. соч. Спб., 1908, т. 3, с. 644.
- 26 Шашков С.С. Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении. – Б-ка для чтения, 1862, т. 174, № 12; Он же. Восточные окраины. – Дело, 1870, № 6; Он же. Рабство в Сибири. – Собр. соч. Спб., 1898, т. 2; Бородавкин А.П. С.С. Шашков как историк Сибири. – Тр. Томск., гос. ун-та, Томск, 1957, т. 136.
- 27 ¹ Шашков С.С. Материалы по истории северо-восточной Сибири в XVIII веке. – Чтения ОИДР, Спб., 1864, № 3, с. 62–70, 73–75.
- 28 Шашков С.С. Рабство в Сибири, с. 504.
- 29 Преображенский А.А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В.И. Ленина. – В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 367–374.
- 30 Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 125.
- 31 Там же, с. 34, с. 368.
- 32 Там же, т. 17, с. 70.
- 33 Шунков В.И. Некоторые проблемы истории Сибири. – Вопр. истории, 1963, № 10, с. 230; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 7.
- 34 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 405, т. 5, с. 89.
- 35 Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913; Он же. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. Полный список его работ по истории Сибири, см.: Шейнфельд М.Б. В.А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1963, вып. 9, с. 91–93.
- 36 Подробнее об этом см.: Шейнфельд М.Б. В.А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири, с. 75–80, 82–84. Общую характеристику его вклада в историческую науку и полную библиографию его трудов за

1913–1941 гг. см.: Иванова Л.В. Историк-марксист В.А. Быстрянский (Ватин). – *Историограф. ежегодн.* 1974, М., 1976, с. 249–282, 341–355.

- ³⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786, ч. 2, кн. 2, с. 496.
- ³⁸ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в..., с. 130; Он же. Село Минусинское, с. 31–33.
- ³⁹ Подробный разбор его работ по истории Сибири см.: Шейнфельд М.Б. В.А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири, с. 75–86; Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. – В кн.: *Из истории Сибири.* Красноярск, 1970, вып. 3, с. 5–6.
- ⁴⁰ Бахрушин С.В. Основные течения сибирской историографии XVIII в. – *Сев. Азия*, М., 1929. кн. 1–2, с. 104–112; *История Сибири.* Л., 1968, т. 2, с. 9–22; *Проблемы истории советского общества Сибири (Материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири).* Новосибирск, 1970; *Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода.* Новосибирск, 1971.
- ⁴¹ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, гл. I; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 196–222; Он же. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в., гл. I – III; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 42–58; Он же. *Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).* М., 1969, гл. II – V.
- ⁴² Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1926; Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII – XIX вв.). Абакан, 1952; *История Сибири*, т. 2, гл. 2; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVII – XIX вв. Автореф. канд. дис. М. – Л., 1955; Копкоев К.Г. Добровольное присоединение Хакасии к России. – В кн.: *250 лет вместе с великим русским народом.* Абакан, 1959, с. 19–37; Он же. Присоединение хакасов к России. Автореф. канд. дис. М. – Абакан, 1965; Он же. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов. – *Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ*, Абакан, 1969, вып. 13, с. 21–38; Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов. – *Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ*, Абакан, 1959, вып. 7. с. 70–78; Он же. Еще раз о терминах «хакас» и «киргиз». – *СЭ*, 1971, № 4, с. 59–67; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. М., 1960, с. 222–270; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине

XVIII века. Алма-Ата, 1966; Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1970; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970, Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. – СЭ, 1971, № 4, с. 55–59; Он же. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971; Джамгерчинов. М.Б. Были ли сибирские киргизы этническим компонентом киргизской народности? – Тр. Кирг. ун-та. Сер. ист., Фрунзе. 1971, вып. 11, с. 3–11; Он же. Из истории киргизской народности в XVI – первой половине XVIII в. Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1972.

⁴³ Курц В.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929; Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. – Сов. востоковед, М., 1949, № 6; Она же. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958, гл. I; Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории горного Алтая. – В кн.: Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956; Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958; Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-айратские (западно-монгольские) связи в XVII в. – Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. л., 1958, № 20, вып. 4; Он же. Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галданхане. – Тр. Томск. ун-та., Томск, 1963, т. 165; Он же. Взаимоотношения Монголии и России в XVII – XVIII вв. М., 1978; Златкия И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964; Модоров Н.С. Русско-алтайские отношения в XVII – XVIII веках. Автореф. канд. дис. М., 1969; Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы. – Междунар. жизнь, 1972, № 6, с. 14, 29; Внешняя политика государства Цинь в XVII в. М., 1977.

⁴⁴ Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). М., 1951, с. 101; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1956, т. 2. с. 31; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1729–1916 гг. – История СССР, 1957, № 1, с. 196; Он же. Роль миграции и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России. – Вопр. геогр., 1970, № 83, с. 44; Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья. – Ежегодн. по аграр. истории (1958), Таллин, 1959, с. 38; Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири первой половины XIX века (социально-экономический очерк). Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Иркутск, 1967, с. 43; Колесников А.Д. Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX вв. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1967, с. 10–13; Он же. Темпы и источники роста насе-

ления Западной Сибири в XVIII – XIX вв. – В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968, вып. 3, с. 230–234; Булыгин Ю.С. Первые русские крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975.

- ⁴⁵ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973.
- ⁴⁶ История Сибири, т. 2, с. 181–198; Бояршинова З.Я. Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. – В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971, с. 45–49.
- ⁴⁷ Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI – XVIII вв. – В кн.: Русские старожилы Сибири. М., 1973, с. 48–49.
- ⁴⁸ Козьмин Н.Н. Основание и прошлое Красноярска. – Справ. по г. Красноярску за 1923 г., Красноярск, 1923, с. 1–60; Он же. Исторические условия хозяйственного развития Минусинского края. Б.г, б.м. (хранится в краеведческом музее Красноярского края, ОР, № 48); Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. – Б-ка краеведа, Красноярск, 1926; вторичную публикацию с доработками см. в кн.: 300 лет г. Красноярска (1628–1928). Красноярск, 1928; Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. – Науч. – промысл. исслед. Сибири, Красноярск, 1929, сер. А, вып. 6; Косованов В.П. Завоевание и заселение Енисейской губернии. Б. г. (см.: ГАКК, ф. 180, оп. 2, 17/16). К сожалению, научная деятельность В.П. Косованова и В.А. Смирнова трагически оборвалась в 30-е гг. У родственников В.А. Смирнова хранятся два рукописных очерка по истории Енисейского и Кузнецкого уездов в XVIII в. Они не содержат новых архивных материалов и представляют только историографический интерес.
- ⁴⁹ Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров. – Изв. Ин-та исслед. Сибири. Томск, 1921, № 6; Козьмин Н.Н. Хакасия (историко-этнографический очерк Минусинского края). Иркутск, 1925; Миндаровский П.М. Томско-Енисейская дорога в Северопуть как мера к экономическому развитию края. – В кн.: Естественно-исторический и историко-культурный музей г. Енисейска. Енисейск, 1929; Долгих Б.О. Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района. – Сев. Азия, 1929, № 2; Хотяновский В.К. Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк). Новосибирск, 1934; Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII – XIX вв.). Абакан, 1952; Он же.

Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Бернштейн-Коган С.В. Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейне Оби и Енисея. – *Вопр. геогр.*, 1953, № 31; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом в XVIII – XIX вв. Автореф. канд. дис. М. – Л., 1955; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древних времен до середины XIX в. – В кн.: *История открытия и освоения Северного морского пути*. М., 1956, т. 1; Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX вв.). Иркутск, 1959, гл. II; Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири. – *Изв. Иркут. с.-х. ин-та*, 1960, вып. 18; Карцов В.Г. *Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX вв.* – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1963, вып. 9, с. 94–95, 101; Он же. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970; Комогорцев И.И. *Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период)*. Новосибирск, 1965, с. 70–73; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в. – В кн.: *Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.)*. Новосибирск, 1968 (Сибирь периода феодализма, вып. 3); Троицкий В.А. *Остров Диксон (историко-географический очерк)*. Красноярск, 1972; Он же. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII в. – СЭ, 1975, № 3; Гузок К.Г. *Формирование Московского тракта на юге Восточной Сибири (XVIII в.)*. – В кн.: *Вторая научная конференция молодых ученых Иркутского университета. Тезисы докл.* Иркутск, 1972; Вилков О.Н. *К истории Красноярска и сибирского тракта в XVIII в.* – В кн.: *Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири*. Новосибирск, 1977; Он же. *К истории Енисейска, Илимска и Киренска в XVIII в.* – В кн.: *История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.)*. Новосибирск, 1977.

⁵⁰ Кабузан В.М., Троицкий С.М. *Движение населения Сибири в XVIII в.* – В кн.: *Сибирь XVII – XVIII вв. Материалы по истории Сибири периода феодализма*. Новосибирск, 1962, вып. 1; Они же. *Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1795 гг.)*. – В кн.: *Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири*. Свердловск, 1966; Они же. *Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в.* – СЭ, 1966, № 3, с. 23–44; Воробьева Т.Н. *Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в.* – *Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. о-ва СССР*, 1965, т.63, с. 23–44; Лысенко Ю.Ф. *Формирование*

сети поселений в подтаежной полосе Красноярского края (феодалный период). – Докл. отд. и комис. Геогр. о-ва СССР. Л., 1969, вып. 11, с. 104–117.

- ⁵¹ Покшишевский В.В. Заселение Сибири, с. 102.
- ⁵² Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVIII – первая половина XIX вв.). – В кн.: Красноярский край (материалы по географии). Красноярск, 1965, с. 43–59; Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII века. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 3, с. 3–55; Он же. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1971, вып. 4; Он же. Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского. – В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, ч. 2, с. 42–53; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы), гл. II.
- ⁵³ Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае..., 43, 44, 52, 54.
- ⁵⁴ Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае..., с. 44, 55. Вывод для первой половины XIX в., судя по работам А.Д. Колесникова, А.С. Кузнецова и В.В. Воробьева, несостоятелен (см.: Колесников А.Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв., с. 230–234; Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири первой половины XIX в., с. 42–43; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975, с. 77).
- ⁵⁵ Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае..., с. 52–53.
- ⁵⁶ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири.
- ⁵⁷ Рецензию В.В. Покшишевского на работу В.В. Воробьева см. в журнале «Советская этнография» за 1976 г. (№ 1, с. 172–175).
- ⁵⁸ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири, с. 40, 51.
- ⁵⁹ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 256.
- ⁶⁰ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 255–267.
- ⁶¹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101 (наказы в Уложенную комиссию); ф. 259, д. 23, кн.2 (первый департамент Сената). Подробное описа-

- ние и анализ содержания этих дел см.: Покровская И.М. Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 г. как исторический источник. – В кн.: Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962, с. 82–98; Белявский М.Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. – В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 345–356.
- ⁶² Подъяпольская Е.П. Ревизские сказки как исторический источник. – В кн.: Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 311–321; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963, с. 4.
- ⁶³ Переписные книги первой и второй ревизий Красноярского уезда по описи ошибочно указаны в разделе «Енисейский уезд» (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, с. 242, 136). Против них стоят карандашные пометы «Красноярск 1, 2». «Книга убылого населения...» между первой и второй переписями в описи отмечена как переписная книга первой ревизии Красноярского уезда (см.: там же, с. 241). Ниже карандашная помета «Красноярск 3».
- ⁶⁴ Кизеветтер А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903, с. 110; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960, с. 25–28, примеч. 3, 29–36. В.М. Кабузан и С.М. Троицкий в общем плане отмечали эту особенность учета торгово-промышленного населения, но не выяснили, при каких именно переписях она проявлялась, и не учли ее при анализе сибирского городского населения за 1747 и 1782 г. (см.: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в., с. 167–177).
- ⁶⁵ Общую характеристику церковного учета см.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII в. – первой половине XIX в., с. 77–84, 95–99, 155–156.
- ⁶⁶ ГАКК, ф. 592, оп.1, д. 73, л. 5–12 об.; д. 80, л. 7 об.; д. 123, л. 1–3.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1019, оп.1, д. 18, л. 1–2 об., 208.
- ⁶⁸ Сохранились «реэстры присягавших» по г. Красноярску за январь 1741 г. (см.: ЦГАДА, ф. 1019, оп.1, д. 23, л. 1–7; неполный, конец см.: оп. 5, д. 2701, л. 1–39); по присудам Канского и Нижнеудинского острогов за январь, март и май 1741 г. (см.: там же, ф. 1019, оп.1, д. 8, л. 1–25, 29–36, 45–111, 148–207, 215–290).
- ⁶⁹ Выявлены рапорты о неприсягавших подушных плательщиках 10 присудов старожильческого района Красноярского уезда и присуда Караульного острога (см.: ЦГАДА, ф. 1019, оп.1, д. 8, л. 25–29,

37 об. – 45; 111–145 об.; 208–215). Кроме того, сохранилась роспись цеховых и посадских людей Енисейска, не бывших у присяг (см.: там же, ф. 428, оп. 1, д. 226, л. 1–13 об.).

- ⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 145–147 об.; ф. 428, оп. 1, д. 223, 226.
- ⁷¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт.481, тетр.5; д. 516, тетр.2 (анкеты В.Н. Татищева); Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861; Андреев А.И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири. – СЭ, 1963, № 6; Он же. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. – В кн.: Г.Ф. Миллер. История Сибири. М. – Л., 1937, т. 1; Он же. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII в. (первая половина). М. – Л., 1965, вып. 2; Он же. Труды В.Н. Татищева по истории России. – В кн.: В.Н. Татищев. История Российская. М. – Л., 1962, т. 1; Греков В.И. Очерки истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960, с. 277–289; Шапот Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. – Проблемы источниковед., 1962, вып. 10, с. 133–153; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963, с. 56–80, 107–126; Воробьева Т.Н. Изучение Восточной Сибири участниками Второй Камчатской экспедиции. – Сиб. геогр. сб. М., 1963, № 3, с. 198–223; Громько М.М. Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. – Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1966, т. 1, вып. 1, с. 100–102.
- ⁷² ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 193,194,222,192,215,126,61; оп. 106, д. 61,126,112,120,141.
- ⁷³ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962, t.1; Berlin, 1964, t.2. Подробнее о деятельности Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга в Средней Сибири см.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963, с. 14–15,18–20; Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. л., 1966, с. 25–26; Она же. Даниил Готтлиб Мессершмидт. л., 1970, с. 29–59; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей (XVIII в.). Иркутск, 1968, с. 181–182, примеч. 4, с. 121–126; Быконя Г.Ф. Неизвестная карта Средней Сибири Ф.И. Страленберга. – Изв. ВГО, 1973, № 2, с. 161–167; ЛО ААН СССР, ф. 21 (фонд Г.Ф. Миллера), оп. 5, д. 24, 26, 27 (описание путей от Красноярска до Иркутска, до р. Абакан и обратно, до Енисейска, до Томска, описания рек Туба и Кан – на рус. и нем. яз.); д. 66–68 (описания Енисейского и Красноярского уездов на начало 1735 г. – на нем. яз.); ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 515, ч. 1, д. 8,9, порт. 517, ч. 1, д. 10, 11, 26; ч. 2, д. 1, 2; порт. 526, ч. 2, д. 8,9 (оригиналы Г.Ф. Миллера). Описание материалов см.: Андреев А.И. Очерки источникове-

- дения Сибири, вып. 2, с. 82–84; Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1743. Cöttingen, 1752, t.4; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 2, кн. 2. Спб., 1786; ч. 3, кн. 1, 2. Спб., 1786; см. об этом также: Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 6, 31–32.
- ⁷⁴ Общую их характеристику см.: Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII – XVIII в.). – В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. 7, с. 296–347. Обзор картографии Средней Сибири XVIII в. см.: Быконя Г.Ф. Картографическое изучение Приенисейского края в XVIII в. – В кн.: География и хозяйство Красноярского края (Тезисы докл. к краевой науч.-практич. конф.). Красноярск, 1975; Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России в XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957, с. 8.
- ⁷⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 12, кн.1201, л. 548–561; ГИМ, Геогр. отд., № 6368.
- ⁷⁶ Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова. – Изв. ВГО, 1974, № 10.
- ⁷⁷ БАН РО, № 349 (копия Ханыкова с карты мичмана Петра Чаплина).
- ⁷⁸ Андреев А.И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.). – Тр. Ист.-арх. ин-та, М., 1946, т. 2, с. 190; Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М. – Л., 1958, с. 10.
- ⁷⁹ Греков В.И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960, с. 79, 80, 83; Быконя Г.Ф. Картографическое изучение Приенисейского края в XVIII в., с. 178–179.
- ⁸⁰ ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 540–543 об.; ф. 271, оп. 3 (планы и чертежи Берг-коллегии), № 143 а, 349, 351, 606, 834, 893; ф. 192 (карты Пермской губернии), № 1; БАН РО, № 330, 570.
- ⁸¹ БАН РО, № 568. Копию с этой карты, сделанную учителем Н. Каратдиновым, см.: там же, № 570; ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, № 107, 110.
- ⁸² Работу вел в 1746 г. инженер-капитан Плаутин. Его карта дошла до нас в копии Лукина с копии 1753 г. военного геодезиста Красильникова (см.: ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1584, л. 1277–1280; ЦГВИА, ВУА, № 520).
- ⁸³ ЦГВИА, ВУА, № 524 за 1759 г.
- ⁸⁴ Общую характеристику атласов и описаний наместничеств см.: Андреев А.И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств в 1783–1794 гг. и работы, связанные с ними. – Вопр. геогр. М.,

1950, сб. 17, с. 203–212; Рубинштейн. Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. Памятники географического и экономического изучения России. – *Вопр. геогр.*, М., 1953, сб. 31, с. 52–108; Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971, с. 80–111.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 416, № 535; ГПБ им. В.И. Ленина, ф. 178, № 7622; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, № 43, 44, ч. 1, 2; Картоохранилище ВГО, № Р-90 (1784).

⁸⁶ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, № 10.

⁸⁷ ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 302. Топографическое описание Кольванского наместничества обнаружено нами в Барнауле (см.: ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 302 – «Описание Кольвано-Воскресенской и Томской губерний», 1800 г.).

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 271, оп. 3, д. 893, 894, № 2558; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 3, л. 2, 22.

ГЛАВА I. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЮГА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

РУССКО-КИРГИЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII в.

К концу XVII в. почти вся Сибирь вошла в состав Российского государства. Русское население Сибири преобладало в численном отношении над коренным. Интенсивно шло хозяйственное освоение этой богатейшей страны. Русские промышленники добывали ежегодно до 100 тыс. шкурок пушных зверей, особенно ценился соболь¹. Крестьянство, сконцентрированное в пяти крупных земледельческих районах, в основном уже обеспечивало всю Сибирь хлебом². Города Тобольск и Енисейск выросли в самые крупные центры ремесленного производства и рыночных связей³.

Однако в XVII в. присоединение Сибири не закончилось. Южная Сибирь, в том числе бассейн Верхнего и частично Среднего Енисея, только в XVIII в. стала неотъемлемой частью России. Разновременность присоединения отдельных частей Сибири не случайна и объясняется формами общественного развития сибирских народов, особенностями русского хозяйственного освоения края и внешнеполитической обстановкой на юге Сибири.

Специфические черты русского освоения Южной Сибири четко проявились в заселении бассейна Енисея. Территорию Приенисейского края накануне прихода русских занимали этнически пестрые группы, стоящие на различных уровнях развития. В низовьях Енисея находились самодийские племена, в бассейне Нижней Тунгуски и Ангары – эвенки (тунгусы), по Енисею на юг до Маны – кеты. Эти народности (всего 10–12 тыс.) добывали средства к существованию охотой, рыболовством, жили родами, которые уже начинали распадаться.

Южнее Красноярска по левой стороне Енисея обитало несколько тюркоязычных племен: по р. Каче – качинцы, южнее, в междуречье Верхнего Чулыма и Енисея – алтысары, в минусин-

ских степях – езерцы, по р. Белый Йюс и верховьям Томи – сагайцы, по р. Абакан и его притокам – алтырцы и бельтиры. По правой стороне Енисея кочевали самодийские, угорские и кетоязычные племена, по р. Мане – кашинцы, в междуречье Маны и Верхнего Кана – камасинцы, по Енисею в районе Караульного острога – яринцы, в низовьях р. Казыра – байкотовцы, по р. Тубе – тубинцы, у подножий Саян – моторы. У этих племен (всего 15–18 тыс.) было кочевое охотничье-скотоводческое хозяйство. В XVII в. у них проходил, хотя и в разной степени, процесс классобразования⁴.

Ведущее место занимали тюркоязычные группы, обитавшие в степях Верхнего Енисея и известные у русских как «енисейские киргизы», их численность, согласно подсчетам А.А. Арзыматова, не превышала 10 тыс. чел.⁵ По мнению К.Г. Копкоева, енисейские киргизы представляли собой к XVII в. просто аристократический род-сеок хакасов, насчитывающий не более 1500 чел.⁶ В политическом отношении все население входило в четыре княжества (улуса): Езерское, Алтырское, Алтысарское и Тубинское. Сколько-нибудь прочного единого политического объединения до 60-х гг. XVII в. у них, по-видимому, не существовало. Князь каждого улуса имел зависимых данников – киштымов – из числа соседних мелких родоплеменных групп. Киштымывыплачивали киргизским феодалам дань, или албан, прежде всего пушшиной. В свою очередь, киргизские улусы зависели от более сильных соседних южных государств: Джунгарии и монгольского государства алтын-ханов. Албан, который выплачивался джунгарскому хунтайджи и алтын-хану, киргизские феодалы также выколачивали из своих киштымыв.

Как считают исследователи, первые русские появились в бассейне Нижнего Енисея еще в середине или конце XVI в.⁷ Промысловики из Поморья пробирались в богатый пушшиной край на больших кочах по Северному океану либо плыли через Урал по рекам Чусовой, Тоболу, Оби, Тазу и Кети. Сбиваясь в артели и ватаги, отважные землепроходцы расходились к югу и юго-востоку на добычу пушного зверя, в первую очередь соболя. Редкие удачливые промышленники после одного сезона возвращались домой с богатой добычей. Основная же масса годами оставалась в крае. Часть из них заводила пашню или обращалась к ремеслу.

Проникновение агентов правительственной власти в бассейн Енисея началось позже вольнонародной колонизации и относится к началу XVII в. Отряды служилых людей во главе с воеводами ставили остроги, облагали данью (ясаком) коренное население – собирали пошлины мехами с русских промысловиков и купцов. В 1601 г. на р. Таз основывается Мангазея, ставшая центром пушного промысла и торговли в низовьях Енисея. На перекрестке двух великих путей с Оби на Енисей в 1619 г. возник Енисейский острог – важнейший опорный пункт распространения русских по бассейну Енисея и всей Восточной Сибири. Под защитой острогов интенсивнее пошло заселение и хозяйственное освоение Енисейского края. Для снабжения гарнизонов хлебом правительство переводило в принудительном порядке крестьян из Поморья, заставляло заниматься хлебопашеством ссыльных, гулящих и даже беглых.

К середине XVII в. в бассейне Енисея от Енисейска до Красноярска образовался второй по величине и значению в Сибири район русского пашенного земледелия⁸. При ограниченных естественных возможностях пушного промысла и по мере усиления хищнической добычи пушных зверей удельный вес земледелия и ремесел все возрастал.

Изменения в характере хозяйственной деятельности и стремление властей увеличить сбор ясака усилили движение русских с севера на юг, в таёжные и подтаежные зоны Енисея. С запада и юго-запада по Томи и Чулыму в эти же районы с начала XVII в. пытались проникнуть томские и кузнецкие служилые люди, промышленники и крестьяне. Появление и закрепление России на Нижнем и Среднем Енисее вызывали все возрастающее противодействие у киргизских феодалов и их покровителей, которые пытались отстаивать свое право на грабеж коренного населения края. Киргизские князцы, явно и тайно поощряемые северомонгольскими ханами и Джунгарией, втягивали в вооруженную борьбу с русскими рядовых енисейских киргизов и своих киштымов. Эта борьба чаще всего носила характер грабительских набегов на русские селения, а также на те племена, которые попали в зависимость от России. Иногда она выливалась в крупные организованные походы против русских укрепленных пунктов. В за-

висимости от расстановки сил киргизские феодалы часто меняли свою политическую ориентацию. Нередко они с киштымами присягали на подданство и одновременно вносили ясак России, а албан – алтын-ханам и Джунгарии.

Красноярск, вставленный в 1628 г. «у киргизских людей за хребтом», прикрывая Енисейск, Томск и отчасти Кузнецк, вынес на себе основную тяжесть борьбы со степью. В «бунташный» XVII в. царское правительство еще не имело в Сибири значительных военных сил. Поэтому оно часто ограничивалось активной обороной, организуя на границе с «немирными киргизскими землицами» цепочку укрепленных острогов-крепостей; которая постепенно передвигалась к югу. Вместе с тем центральные и местные власти проводили политику, направленную на привлечение верхушки данников киргизов и их самих на свою сторону. Гибко использовались противоречия между северо-монгольским государством и Джунгарией, которые тоже претендовали на господство в районе Верхнего Енисея.

Исходя из политической обстановки, расстановки сил, методов борьбы и ее результатов в столетней борьбе России за юг Приенисейского края, можно выделить ряд этапов. Первый этап (начало XVII в. – 1647 г.) характеризуется наименьшим вмешательством других государств в русско-хакасские отношения. Джунгария еще складывалась в единое государство. Северомонгольские алтын-ханы были заняты междоусобицами и проискарами Маньчжурии. «Золотой царь» Кунакчей рассчитывал опереться на Россию в борьбе с наиболее опасными врагами. Он в 1616 г. формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерть» на верность Москве в 1634 и 1636 гг.⁹ Русские воеводы использовали эти присяги для обоснования своих прав на обьясачивание коренного населения юга Енисейского края, хотя алтын-ханы по-прежнему считали енисейских киргизов своими киштымами¹⁰. Киргизские князцы, втайне вдохновляемые теми же алтын-ханами, отстаивая право грабить киштымов, организуют разорительные набеги на Красноярск и ближние деревни в 1630, 1634, 1635 и 1636 гг. Согласно источникам тех лет, киргизы побили много служилых, крестьян и ясачных на пашне, сенокосах, рыбных ловлях, «жен и детей

у них в плен поймали... сжатый и насыщенный хлеб выжгли и конями вытоптали»¹¹.

Ответные походы малочисленных отрядов енисейских, красноярских и томских служилых либо были неудачными, либо приносили частичный успех. Не удалось закрепиться в Канской и Братской землях, хотя в 1636/37 г. на Братском перевозе через Кан красноярский атаман Мирослав Кольцов поставил острог (современный г. Канск).

Встревоженное центральное правительство в 1639–1640 гг. подготовило первую крупную военную операцию против енисейских киргизов. Посланному из Москвы сыну боярскому Якову Тухачевскому было подчинено 300 тобольских, 200 тюменских, 100 тарских, 200 томских, 50 красноярских и 20 кузнецких казаков. Этот отряд (870 чел.) с боем пробился в глубь Киргизской земли, но вскоре распался, встретив «...натиски жестокие... день и ночь беспрестанно». Только с помощью дополнительного отряда красноярцев в 200 чел. Я. Тухачевский смог выполнить главную задачу похода – поставить на киргизских сакмах в степи острог. Новый центр русского влияния, вероятно, построили в устье Сережа (современное с. Сереж)¹².

Поход атамана Кобыльского, сменившего Я. Тухачевского, из первого Ачинского острога в глубь киргизской земли в 1642 г. также был удачен. В 1643–1646 гг. красноярские атаманы успешно действовали в бассейне Кана и Уды против братского князя Оилана и поставили в 1646 г. Нижнеудинский острог (современный г. Нижнеудинск)¹³. В результате русские упрочили свое положение в ближних к Красноярску ясачных землях и закрепились в бассейне Среднего Кана и Верхней Уды.

В последующее время (до 1660 г.) воеводы Красноярска, действуя больше дипломатическим путем, нежели оружием, добились серьезных успехов в объяснении коренного населения Среднего и Верхнего Енисея. Во многом эти успехи были обусловлены начавшейся ожесточенной борьбой между алтын-ханами и Джунгарией. Киргизские феодалы внимательно следили за соперниками, склоняясь все более на сторону сильного джунгарского хунтайджи. Монгольский Эрдени-хан и его сын Лауцзан (Лоджан), пытаясь удержать ускользавшую власть над ени-

сейскими киштымами, в 1652, 1657/58 гг. вторгаются со своими войсками в Хакасию, разоряя долгими постоями и поборами местное население. Многие рядовые киргизы и киштымы стали искать под стенами русских острогов защиты от грабежа и произвола феодальных хищников. Усилившаяся прорусская группировка киргизских князцов, учитывая возрастающие симпатии хакасов к России, все чаще ставит перед Красноярском и Москвой вопрос о строительстве нового острога на р. Упсе (Туба), или Абакане, или Ойе¹⁴. Хотя острог не был поставлен, но к 60-м гг. XVII столетия не только киштымы, но и население многих киргизских улусов, как установили Б.О. Долгих и В.А. Александров, признали над собой власть России и начали вносить ясак¹⁵.

Молодой северомонгольский хан Лоджан в запальчивости не раз грозился «развоевать» Красноярск и другие сибирские города, но ничего не мог поделывать¹⁶.

Следующий, самый тяжелый для русских этап борьбы за Верхний Енисей – это 60–80-е гг. XVII в. В начавшейся войне с Джунгарией (1661–1663 гг.) Лоджан терпит поражение. От былой заносчивости не остаётся и следа. В 1661, 1664/65 гг. он шлет послов в Москву, чтобы получить военную поддержку. По мере успехов джунгар Лоджан предлагает России поставить острог то на Кемчике, то на Абакане, то на Тубе¹⁷. Русское правительство за помощь требует присяги на подданство и официального отказа от прав на албан с земель, которые уже платили ясак в царскую казну. Посольствам Зиновия Литоса (1663 г.), а затем Романа Старкова и Степана Баборыкина (1665 г.), вероятно, удалось заключить русско-монгольское соглашение о сферах влияния на Верхнем Енисее. Россия добилась ликвидации двоеданства для обитателей 300 «луков» правобережья Енисея. Это была крупная дипломатическая победа, так как русские послы согласились признать подданными монгольских ханов только левобережных енисейских киргизов Езерской и Алтысарской земель, которые, «изменив» России и алтын-хану, уже отошли к Джунгарии¹⁸.

В исторической литературе обедняется содержание этих переговоров, учитывается только то, что Лоджан-хан принял подданство и согласился отдать своих и киргизских аманатов. К.Г. Коп-

коев даже считает, что со стороны хана это носило чисто формальный характер¹⁸. Между тем фактический материал свидетельствует не только о происшедшем разделе сфер влияния, но и о документальном оформлении названного соглашения, что подтверждается и одним случаем, описанным К.Г. Копковым, но неточно им истолкованным. Осенью 1663 – летом 1664 гг. Лоджан, выбитый джунгарами из своих обычных кочевий, вновь пришел в Хакасию, кормясь за счет местного населения. По жалобе правобережных хакасов к ним прибыл из Красноярска пятидесятник Трифон Еремин. Хан заявил Еремину, что по грамоте от государя с большой красной печатью ему самому велено управлять хакасами. Об этом же трижды объявляли его послы в Красноярске, но последний посол предъявил, как доносил воевода, лишь грамоту о свободе торговли, а не о праве владеть киргизами и «жить в Тубинской (выделено нами. – Г.Б.) землице»²⁰. Здесь важно подчеркнуть, что воевода отказывал монгольскому хану в праве обирать население правобережья, а не всего бассейна Среднего Енисея. Вряд ли разговоры о грамоте были всего лишь выдумкой хана, как считает К.Г. Копков. У хана, очевидно, имелись определенные основания говорить о своих правах на левобережье. Известно, что после переговоров с З. Литосом лоджановы послы прибыли в Москву и присягнули на вечное подданство России. Затем в 1665 г. русские послы Р. Старков и С. Баборыкин, закончив переговоры с Лоджаном, обследовали место предполагаемой постройки острога и передали особый чертеж для исполнения в Томск²¹. Все это свидетельствует о том, что обе стороны пришли к соглашению, но не успели его закрепить делом, так как вмешалась Джунгария. Пока воеводы Томска и Красноярска готовились к строительству острога для защиты Лоджана хунтайджи Сенге, вероятно, узнав о русско-монгольском соглашении, действует быстро и энергично. Джунгарские войска вновь вторгаются в Хакасию и в 1667 г. наносят сокрушительный удар силам Лоджана. Сам хан с семьей попадает в плен и подвергается тяжкому наказанию и бесчестию: ему отрубили по плечу правую руку, подписавшую договор с Россией, а в рот, произнесший подданическую клятву Москве, положили собачье мясо. Так Сенге для всей Киргизской земли симво-

лично объявил Лоджана политическим мертвецом, а его договор с Россией – недействительным²².

Затем Сенге начинает открытые военные действия против России, добываясь монопольного права на сбор албана с енисейских киргизов и их киштымов²³. В мае того же 1667 г. он соединенными силами джунгар, киргизов и тубинцев осадил Красноярск, требуя выплаты албана со всех русских ясачных. Красноярыцы отбились с большим трудом, потеряв 194 чел. убитыми. Окрестные деревни были сожжены, многие женщины и дети попали в плен, скот угнан²⁴. Затем почти ежегодно с 1670 по 1680 г. энергичный киргизский князец Иреняк водил киргизско-джунгарские отряды в разбойнические набеги на Томск, Красноярск, остроги, деревни и юрты подданных русских ясачных. Особенно тяжелым был набег в сентябре 1679 г., когда Красноярск оказался на волосок от гибели, а в уезде сожгли 16 деревень²⁵.

Россия, ссылаясь на присяги алтын-ханов и местного населения, отказывалась признать претензии Джунгарии на территорию Верхнего Енисея. В ответ же на военные действия Джунгарии и Иреняка были предприняты срочные меры. За счет перевода служилых и присылок годовальщиков из Западной Сибири в 1668–1675 гг. гарнизон Красноярска вырос до 622 чел. В Енисейском уезде продолжали спешно укреплять южные острожки и села, а для сторожевой службы расселили 149 беломестных казаков²⁶.

Начиная с 1673 г. Сибирский приказ требует от воевод Томска, Красноярска и Кузнецка решительного военного отпора енисейским киргизам и строительства острогов на наиболее опасных направлениях. Согласно прежней договоренности с Лоджаном, но уже для защиты ясачных, велено было и на Тубе «в крепях и в угодных пашенных местах и (чтобы. – Г.Б.) воинский приход принята, поставити острог... и укрепить всякими крепостями»²⁷. Томские казаки восстановили первый Ачинский острог, сожженный Иреняком в 1674 г. Красноярыцы южнее своего города основали сразу три опорных пункта. В 1674/75 г. пятидесятник Осип Мезенин «на краю Киргизской земли... на киргизском пути, которым они, будучи в измене, ходили на Красноярск», поставил Караульный острог (с. Караульное, ныне в зоне затопления Красноярской ГЭС)²⁸. Южнее, на о-ве Сосновом, близ устья

Абакана в сентябре – октябре 1675 г. красноярцы «с боем» выстроили Абаканский острожек, простоявший три года²⁹. В 1675/76 г. сын боярский Тит Саломатов на Кемчике «на переходе киргизских и калмыцких и тубинских воинских людей... в черном лесу в лому» поставил небольшой Ломовский острожек³⁰. Но к 1680 г. из всех острогов юга Красноярского уезда уцелел только Караульный. Крупные походы объединенных воинских сил Красноярска, Томска, Енисейска, Кузнецка, Тары и Тобольска под руководством Старкова и Суворова были не очень удачными³¹. Сил для закрепления на Верхнем Енисее еще не хватало. Система присылки годовальщиков из различных уездов Западной Сибири мало себя оправдывала³². Часто корыстные действия воевод и их распри из-за ясака мешали усилению прорусской группировки хакасских князцов и росту симпатий со стороны рядовых хакасов. Воеводы нередко шли на переговоры с князцами, когда в том не было особой необходимости. Так, соглашения 1678, 1683 и 1685 гг., к которым прибегал в затруднительных случаях Иреняк, как установил К.Г. Копкоев, играли больше на руку киргизам³³.

Тем не менее Россия сделала в эти годы еще один шаг в присоединении юга Приенисейского края. Упорное сопротивление русских, внутренние распри и тяжелые затяжные войны с казахами и Циньским Китаем вынудили нового хунтайджи Галдана отказаться от притязаний на полное господство в бассейнах Среднего и Верхнего Енисея. Начиная с 1678 г. он пытается добиться от России установления системы двоеданства³⁴. С 1678 гг. после тринадцатилетнего перерыва киргизы стали отправлять аманатов и ясак в Красноярск, хотя делали это крайне нерегулярно³⁵. В 1685–1690 гг. на юге Приенисейского края наступило затишье. Джунгария вела войну с казахами, мобилизовав для этого все силы Киргизской земли. Гибель в 1687 г. в ожесточенном четырехдневном сражении у Телецкого озера почти всего джунгарского войска и 300 енисейских киргизов во главе с Иреняком еще более разрядила обстановку³⁶. В 1690 г. сын Иреняка Корчун подтвердил договор 1685 г. и обязательство вносить ясак с киргизов по соболю с человека³⁷. Однако вассальная зависимость Киргизской земли от Джунгарии еще сохранялась.

ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В НАЧАЛЕ XVIII в. СТРОИТЕЛЬСТВО АБАКАНСКОГО ОСТРОГА

С 90-х гг. XVII в. начинается решающий этап в борьбе России за включение части бассейна Среднего и Верхнего Енисея в свои пределы. Рост населения восточных уездов Сибири вызвал острую нехватку продовольствия. Ленско-Илимский земледельческий район не всегда обеспечивал служилых и промысловиков хлебом³⁸. Енисейский район часто не мог дать нужное количество продовольствия, поскольку наиболее благоприятные в земледельческом отношении земли не были освоены. В Красноярском уезде по-прежнему не хватало своего хлеба³⁹. Не случайно в конце XVII в. начался в крупных масштабах сдвиг русского населения Енисейского края на юг и юго-восток⁴⁰.

Вместе с тем в России к концу XVII – началу XVIII в. возросла потребность в пушнине. Из-за перепромысла зверя ее поступление все сокращалось⁴¹, а «заморская торговля», азовские походы, Северная война и хозяйственные предприятия Петра I поглощали громадные средства. Правительство все настойчивее требует от сибирских воевод упорядочения сбора ясака и «приискания новых земель». Это заметил еще С.В. Бахрушин: «В XVIII в. пушнина продолжает играть значительную роль в истории распространения владычества в Сибири»⁴². По-новому в это время Петр I пытается подойти к рудным богатствам Урала и Сибири. Так, в 1697 г. на севере Киргизской земли на р. Каштак, притоке Кии, была обнаружена серебряная руда. По именному указу Петра там поставили Каштацкий острог и в течение двух лет пытались наладить выплавку серебра. Для обеспечения безопасности рудознатцев правительство потребовало энергичных действий против енисейских киргизов⁴³.

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири позволила вести России более активную политику. Неоднократные переговоры и соглашения с главой енисейских киргизов Иреняком и затем его сыном Корчуном в 70–90-х гг. XVII в. показали бесперспективность мирного исхода русско-киргизских отношений при зависимости князцов от Джунгарии. Самые сильные из этих князцов, не желая видеть реальной расстановки

сил, продолжали ориентироваться на Джунгарию, бесплодно истощая тем самым силы своего народа.

Ослабевшая Джунгария, потерявшая часть Восточной Монголии и теснимая с юго-востока Маньчжурским государством, а с юга – казахами, не могла в это время оказать киргизским князьям действенную помощь. Это было важно для России, которая не хотела войны ни с Джунгарией, ни с ее главным врагом – Циньским Китаем, будучи традиционно заинтересованной в добрососедских, в первую очередь торгово-экономических связях с обеими странами. Мало того, хунтайджи Цеван-Рабдан (как и его предшественник Галдан) стремился к сохранению мирных отношений с Россией, так как настойчиво искал у нее военной помощи против растущей агрессии Циньской империи. Вместе с тем в 90-е гг. Джунгария, не желая совсем терять свои позиции в «Киргизской земле», всячески поощряла сопротивление киргизских князцов русскому проникновению в Хакасско-Минусинскую котловину. Особенно усердствовали джунгарские зайсаны – наместники «Киргизской земли». Поэтому в 90-х гг. XVII в. набеги киргизско-джунгарских отрядов на улусы киштымов «белого царя» и русские населенные пункты продолжались. Так, в 1690 г. тубинский князец Шанда захватил Канскую землицу. В ответ на последовавший разгром Шанды в 1692–1693 гг. князцы совершили несколько набегов на Красноярский и Томский уезды. Тревожно было в 1698 и 1699 гг. В сентябре 1700 г. несколько киргизских отрядов одновременно напали на Кузнецк и Красноярск⁴⁴.

Активизация киргизских князцов и джунгарских зайсанов дала царским властям повод для ответных решительных действий.

Правда, центральное правительство в 90-е гг. XVII в. не смогло заставить воевод Средней Сибири действовать согласованно. Именной указ от 1697 г. о строительстве острога на Абакане, о чем просили еще в 1690 г. жители Красноярского уезда, остался невыполненным⁴⁵. Только к началу 1701 г. воеводы Томска, Кузнецка и Красноярска согласовали свои действия. В 1700–1701 гг. в результате ответных походов на Абакан объединенных томских, красноярских и кузнецких отрядов во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым (всего 728 служилых) и

томским сыном боярским С. Лавровым (515 чел.) были разгромлены основные силы киргизских феодалов⁴⁶. Особенно удачны были действия красноярских служилых людей во главе с Кононом Самсоновым. В начале лета 1701 г. на р. Ерба отряды Самсонова в трехчасовом сражении разгромили силы алтысарского князца Корчуна, наиболее последовательного противника русских. Победители захватили много пленных, в том числе мать Корчуна и его сестру. Вслед за тем К. Самсонов пошел вверх по Енисею, разбил мелкие киргизские улусы и, перейдя р. Абакан, вторгся в Алтысарский улус. В урочище Изык, выше места впадения р. Уйбат в Абакан, русские отряды были встречены соединенными силами алтырского князя Таин-Иркина и потерпевшего ранее поражение Корчуна. В сражении «киргизы бились не щадя головы своей», но понесли большие потери⁴⁷ и были разбиты.

В результате похода наиболее сильные и послушные Джунгарии князцы потерпели поражение. Это усилило прорусскую ориентацию трудового коренного населения Верхнего и Среднего Енисея, видевшего в подданстве России конец разорительной системе двоеданства и возможность мирного труда. Усилились разногласия в среде киргизских феодалов относительно их дальнейшей политической ориентации.

В этих условиях джунгарский наместник в киргизских улусах Аба-Зайсан пошел на мирные переговоры с русскими властями, пытаясь, с одной стороны, успокоить недовольных князцов, а с другой – получить передышку в борьбе с Россией⁴⁸.

1 июля 1701 г. представитель наместника Аба-Зайсана Юрукта Кашка прибыл в Красноярск с письмом, в котором наместник отмечал, что «крайние киргизские люди» с «великого государя людьми воровство и войны чинят», и предлагал «договориться как жили преж сего в миру и ныне бы также». Аналогичные предложения были сделаны томскому и кузнецкому воеводам. В Красноярске джунгарский посол получил от воеводы П.С. Мусина-Пушкина вполне определенный ответ: «Русские мир заключить готовы, как только киргизы пришлют с аманатов и с киштымов ясак по-прежнему давать станут и отгонных лошадей и грабленные животы отдадут». В таком духе был составлен и письменный ответ, врученный Юрукте Кашке для передачи на-

местнику Абе-Зайсану. Через месяц, в начале августа, в Красноярск прибыло уже целое посольство во главе с тем же Юруктой Кашкой. Он заявил на переговорах, что русские предложения принимаются и добавил, что хунтайджи указал отдать русским «отгонных коней из Красноярска и Кузнецка». С аналогичной речью выступил и представитель киргизских князей Эрке Кардачи. Он заявил, что «киргизские все князцы» поручили ему предложить, чтобы «русские и киргизские люди ссор и войны не вчинали». Эрке Кардачи также передал просьбу князца Корчуна отпустить его мать и сестру. Однако «шертовать» и дать аманатов в качестве гарантии нерушимого и прочного мира посольство отказалось. Юрукта Кашка предложил воеводам послать посольство в киргизские земли для завершения переговоров, чтобы «по их вере князцов и иных лучших людей в том привести к шерти».

Воевода долго не соглашался, мотивируя это тем, что подобные посольства не раз уже отправлялись «в киргизские земли», причем с ними обращались крайне грубо – «морили голодом и всячески ругали». В конце концов Мусин-Пушкин согласился послать посольство из 4 чел. для завершения переговоров и заключения мира.

Послам во главе с конным десятником Романом Торгашиным были даны полномочия для заключения договора с условием, чтобы киргизские князья приняли «шерть» – присягу – «слушать... великому государю и прямить во всем правду по своей вере, до своего живота, со всем родом своим, да они ж бы дали шерть на своих детей, на внучат и на правнучат своих и всех родственников». По сути дела, это было требование об установлении над киргизскими улусами русского протектората, что отвечало требованиям царского правительства.

7 августа русские послы выехали из Красноярска и через девять дней прибыли по приглашению джунгарского наместника Аба-Зайсана в его ставку на р. Нин (приток Абакана). Выслушав русское посольство, наместник хунтайджи обещал, «что дело он сделает», т. е. заставит киргизских князей принять условие.

19 августа посольство Романа Торгашина прибыло на р. Абакан в Езерский улус к князю Шорло Мергену, одному из влиятельных киргизских князей, а с 18 сентября они съехались в Алтысарском улусе с послами из Кузнецка и Томска.

19 сентября Аба-Зайсан предложил «быть к нему в посольскую юрту... посланцам... всех трех городов вместе... для того, что де люди русские одного великого государя и посольство чинить бы в ответах всем заодно».

В переговорах приняли участие «все киргизские князцы» со многими знатными улусными людьми. В первый день обе стороны высказали взаимные претензии друг к другу. Русские потребовали от джунгарского наместника, «чтоб он, Аба-Зайсан, киргиз от воровства унял и отгонные лошади, которые в разных месяцах и числах из-под Красноярска и уезда отогнали и панцири и куяки и ружье побитых людей и знамя, что взято на бою, отдали и в аманаты бы дали Шорлова сына да Бакова сына».

Езерский князь Шорло Мерген-тайчжи, выступая от имени всех киргизских князей, согласился вернуть трофеи, захваченные у русских, если последние возвратят «иноземческие пожитки», взятые в походах 1700 г. Позже в ходе переговоров тот же князь заявил, что киргизские князья не отказываются от сбора дани с канских киштымов и потребовал официального согласия русских властей на то, чтобы «им... с канских киштымов имать после государева ясаку дань свою железом и топорами и осинами и орловым перьем кроме соболей добровольно, а не сильно и не грабежом». Русские послы отказались обсуждать этот вопрос, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий.

Переговоры затянулись до конца сентября. Киргизские князья в конце концов согласились дать аманатов с езерцев и тубинцев, платить ясак со всех улусов, с 300 лук по соболю с человека, причем для сбора ясака они готовы были допустить «из Красноярска в киргизы добрых людей». Было достигнуто соглашение об обмене пленными и возвращении захваченного имущества и скота. В знак нерушимости заключенного договора «киргизские князцы все шертовали со всеми улусными людьми, а калмыцкий Аба-Зайсан вместо Корчуна шерт пил сам»⁴⁹.

Таким образом, только в 1701 г. Джунгария признала русско-монгольский договор 1663–1665 гг. о сферах влияния на Верхнем Енисее. На территории современной Хакасии вновь официально установилась система двоеданства.

Время, однако, показало, что киргизские феодалы не собирались выполнять торжественно принятые обязательства, особен-

но в отношении выплаты ясака. Не прекращались мелкие набеги на ближние русские селения и «землицы» данников России. Вместе с тем не только хунтайджи, но и джунгарские зайсаны стали понимать безнадежность вооруженной борьбы с Россией. Джунгария в это время продолжала вести тяжелую борьбу с Циньским Китаем, с казахами и тяньшанскими киргизами. В этих условиях хунтайджи с некоторыми киргизскими князьями решает временно отказаться от борьбы с Россией за верховья Енисея, по-прежнему рассчитывая опереться на нее в борьбе с главным врагом – маньчжурской династией⁵⁰. Своеобразным выражением этого отказа была попытка переселить енисейских киргизов во внутренние районы Джунгарии. «И приехали до 2500 калмыков в киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех», – сообщали оставшиеся⁵¹. Однако уведены были далеко не все, но с этого времени русские не встречали на своем пути организованного вооруженного сопротивления местных племен.

В последние годы историки разошлись во взглядах на характер угона енисейских киргизов, роль в этих событиях князцов, численность и дальнейшие исторические судьбы уведенных киргизов. До конца 50-х гг. советские историки считали, что с ведома князцов были уведены почти все киргизы, а на освободившуюся территорию переселились бывшие их киштымы, жившие севернее⁵². Начиная с 1959 г. в ряде статей и кандидатской диссертации хакасский историк К.Г. Копкоев выдвинул другую точку зрения об этом угоне, которую поддержали Л.Р. Кызласов и В.Г. Карцов⁵³. Опираясь на данные новых, хотя и косвенно характеризующих увод хакасов, архивных материалов, К.Г. Копкоев считает, что подавляющая часть хакасов не покидала своей родины. Было уведено лишь около 3 тыс. чел., т. е. 1/4 всех хакасов, из которых половина вернулась в ближайшие годы, а остальные – в 50-е гг. XVIII в. Увод был неожиданным и насильственным не только для рядовых хакасов, но и для многих князцов. Выводы К.Г. Копкоева и его сторонников вызвали возражения у историков Казахстана и Тувы, которые в целом разделяют традиционную точку зрения⁵⁴. В некоторых недостаточно известных и малоиспользованных источниках как русского, так и джунгар-

ского происхождения есть новые сведения об уводе енисейских киргизов и их киштымов.

В сентябре 1721 г. в Петербург прибыл джунгарский посол Борокуган с очередной просьбой о военной помощи против Циньской империи. Во время переговоров обсуждался и киргизский вопрос. По данным Борокугана, в первом десятилетии XVIII в. в Южной Сибири, не считая уведенных, было около 4000 «юрт», или «кибиток», енисейских киргизов и их киштымов, в том числе в Томском уезде – более 1000 кибиток, Кузнецком – более 2000 юрт и Красноярском – около 1000 юрт⁵⁵. Очевидно, сюда вошли те, кто сразу же смог вернуться на родину после увода.

В другом документе, за 1720 г., который был использован Борокуганом, говорится, что в 1704 г. (т. е. после увода киргизов) кузнецкие и томские воеводы стали брать ясак с 1000 «урянской аймаков», причем 300 «кибаков» (кибиток) относились к аймакам «Уйсага, Томьсага, Иргет, Табан, Саин, Белтер, Хапта-ла, Джастер, Эчик, Эть биргю», т. е. в бассейне Абакана и верховьях Томи⁵⁶. В 1732 г. джунгарский правитель Галдан Цэрен также спрашивал о том, отдадут ли ему 300 кибиток «наших киргизов» и 60 кибиток мингатов, которых русские «взяли» в Томском и Кузнецком уездах. Сибирский губернатор А. Плещеев назвал этот вопрос «неприличной претензией», так как енисейские киргизы были в российском подданстве⁵⁷.

С этим известием частично перекликаются данные кузнецких ведомостей, составленных для посла Саввы Рагузинского, о том, что «киргизы, которых жили по сей стороне Саянского камня на Абакане реке в прошлом 703 году взяты к контайше, а на той земле живут ныне... кузнецкие ясашные иноземцы... волостей Бельтирской и Сагайской, которые и раньше жили смежно с киргизами и промыслы имели воопче с показанными киргизы». От Кузнецка до сагайских юрт на Абакане было семь дней пути по воде⁵⁸. Интересно, что в документе четко различаются киргизы и ясачные бельтиры и сагаи, которые избежали увода (300 юрт).

В донесении 1732 г., посланном из Красноярска в Тобольск (копия его стала известна Г.Ф. Миллеру), сообщалось, что «Езерской и Алтысарской земли киргизы со своими улусными людьми кочевали по Абакану, по Енисею и Июсу рекам, были мун-

гальского владения и платили ясак Красноярску». Затем «означенные изменники киргизы откочевали к калмыцкому контайше в дальние места, а именно: которые кочевали по Енисею и Июсу рекам – все без остатку, а прочих землиц тубинцов, моторцов, кайбал осталось 300 луков да кайбальские ж тубинские моторские ясашные люди, которые с киргизы к измене не приставали и от калмыцкого нашествия откочевали за Саянский камень в каменные моторы». Позже, когда «тубинцы, кайбалы и протчих землиц остальцы утвердились ясашнем платежем в Красноярск», вернулись на свои урочища и их ясачные люди. В выписке из ясачных книг 1704 г. по Красноярскому уезду значилось в платеже 19 киргизов, а 23 показаны изменниками, которые, «не заплатя ясаку, изменили и откочевали в дальние места»⁵⁹. Вероятно, в этом случае речь шла о князцах-родоначальниках.

Приведенные документы называют только две собственно киргизские землицы: Езерскую и Алтысарскую. Киргизы обитали в основном на территории, вошедшей в Красноярский уезд. Тубинцев, моторцев и койбал иногда называли киргизами, и у них имелись свои ясачные. Увода избежала почти половина жителей юга Средней Сибири: часть киргизов и их улусных людей, кочевавших по Среднему Абакану, 300 луков тубинцев, койбал и моторов и их многочисленные киштымьы, 300 ясачных кузнецких бельтир, сагайцев, живших в верховьях Абакана, обитатели почти 700 урянхайских (саянских) кибиток. Князцы основных землиц находились в сговоре с хунтайджи, и их улусы «откочевали», а князцов прочих улусов и их киштымьов «взяли к контайше», т. е. увели насильно. На территории Красноярского уезда многие левобережные киргизы ушли или были уведены князцами, а основная масса их киштымьов, особенно на правобережье Енисея, осталась на родине. Поскольку Россия до конца 20-х гг. XVIII в. не поднимала вопрос о возврате уведенных, а угон не коснулся правобережья, где числилось 300 луков киргизов, то это еще раз доказывает существование русско-монгольского соглашения 1662–1665 гг. о сферах влияния на Енисее, которое признала Джунгария в 1701 г.

После увода части енисейских киргизов у местного населения Минусинской котловины значительно усилились прорусские

симпатии. «Остальцы» стали переходить в российское подданство. Противодействие некоторых оставшихся князцов было сломлено в 1704–1705 гг. походами томских, кузнецких и красноярских казаков. «Возвращенцы» уже только с Россией связывали свои надежды жить на родине и заниматься мирным трудом. Поэтому они и трудовое коренное население вновь обратились к русским властям с просьбой построить на их земле острог, «чтоб им жить под великого государя державой безопасно»⁶⁰.

Центральное правительство, осведомленное о событиях в Присяянье, требует от местных воевод выполнения указа 1697 г. об основании острога на Абакане⁶¹.

После именных указов от 6 июля, 22 декабря 1706 г. и 27 февраля 1707 г. в Томск и Красноярск, а также указов в Енисейск и Кузнецк в уездах развернулась конкретная подготовка к строительству острога. Указы предписывали воеводам выделить 1000 чел. служилых людей с «огненными, полковыми и железными припасами к городовому строению» (400 служилых из Томска, 300 – из Красноярска, 200 – из Енисейска и 100 – из Кузнецка).

Для «того острожного строения, надсмотру над служилыми людьми и пашенными крестьянами» повелевалось послать из Сибирского приказа особый «наказ», в котором предписывалось «на р. Абакан в пристойных местах, где б от внезапного неприятельского приходу было безопасно и к селению крестьян осмотра пригородные и хлебородные места в близости к лесам и ко всяким местам... поставить острог»⁶².

Центральное правительство входило во все детали подготовляемого похода. Согласно указу Сибирского приказа от 21 марта, «хлебный запас» следовало взять в Енисейске. Сборными пунктами для служилых людей были Томск и Красноярск.

Через полгода интенсивной подготовки из этих городов выступила почти 1 тыс. служилых с различными припасами. Томские и кузнецкие служилые люди во главе с И. Цицуриным пошли «сухим путем» через степи с обозом из 15 телег. Енисейские и красноярские служилые разделились на две группы. Основная масса служилых во главе с енисейским сыном боярским Василием Чемесовым поплыла вверх по Енисею, красноярцы – на 8 парусных дощаниках, енисейцы – на 9. Так как казенных дощани-

ков не хватило, то многие поплыли на своих лодках и «каюках». По доношению Ильи Цицурина, красноярские служилые прибыли на 80 судах, а енисейские – на 50⁶³.

Небольшой же конный отряд в 70 чел. во главе с красноярским сыном боярским Кононом Самсоновым 9 июля направился по правой стороне Енисея «... тайгою, ельником, грязями, камнями и степью» кратчайшим путем к р. Котку-Карасу, которая впадает слева в Енисей против р. Бирь «у камня Батенев бык или Иржи». Там он должен был встретиться с отрядом И. Цицурина. От устья Маны К. Самсонов приказал «ополчаться войсковым ополчением... а при ночевке учинял по воинскому обыкновению табор, ставил отъезжие и становые караулы», так как дальше вверх по Енисею пошли «немирные киргизские землицы»⁶⁴.

На одиннадцатый день пути отряд К. Самсонова, переправившись через Енисей недалеко от камня Батенев бык, соединился с томскими и кузнецкими служилыми людьми. После длительного обсуждения, где заложить острог, 21 июля объединенный отряд, соблюдая все меры предосторожности от нападения, медленно двинулся вверх по Енисею. Еще на подходе к р. Абакан «для обыска» места под «острожное строение» был дослан специальный отряд из 80 чел. 27 июля И. Цицурин и К. Самсонов уже были в назначенном месте и четыре дня ждали дозорщиков, которые, вернувшись, объявили, что на р. Абакан, особенно в ее устье, «место низменное и места для хлебного обзаводу нет»⁶⁵.

Посоветовавшись вновь «меж томскими, кузнецкими и красноярскими людьми», И. Цицурин с К. Самсоновым решили «отступить» от р. Абакан и ставить острог ниже по Енисею. Место было выбрано «на 20 верст от устья Абакану... пониже камня Турану на правой стороне во близости к лесам и к селенью пригодное, а во близости того места есть хлебородные места малое число». Однако на пути к намеченному месту им предстояло преодолеть Енисей. К. Самсонов в донесении сообщает любопытные подробности о переправе: «... делали 29 лодок и на те лодки тес тесали и делали паром и переправлялись за реку Енисей августа 2 числа»⁶⁶. На следующий день прибыли по Енисею остальные енисейские и красноярские люди, которым И. Цицурин тотчас «учинил смотр». Вместо 200 енисейских служилых насчитыва-

лось уже 170. Все красноярские и енисейские казаки имели пищали и по 1 фунту свинца и пороха. Так как 3 «нетчика» было из томских служилых и 4 – из кузнецких, то всего в строительстве Абаканского острога участвовало 964 служилых. Кроме того, из Кузнецка были взяты бронник, из Томска 2 подъячих, 2 кузнеца и бронник, из Енисейска – 2 кузнеца и умелец «для всяких нужд и поделок»⁶⁷. С собой они привезли значительное число различных «припасов». Укрепление поставили быстро, всего за пять дней (с 4 по 9 августа)⁶⁸ так как и рабочих рук и инструментария, как видим, было достаточно.

И. Цицурин в своем донесении в Сибирский приказ дал подробное описание новопостроенному острогу: «А тому острогу длина 50 сажен, ширина 33 сажени, вышина 2 сажени печатных. По углам сделаны 4 башни. Пятая башня проезжая большая в степь с верхним и нижним боями да к реке Енисею ворота створчатые. Все крыты тесом. А в нем часовня, государев двор – 2 избы, меж ними сени, изба судная с сеньми, 3 амбара: хлебный да соболиной казны и зелейной (пороховой – Г.Б.). Под ним погреб трех сажен; 20 войсковых казачьих изб, мерою по 4 сажен, все крыто тесом же. Да около того острогу ров (отступив. – Г.Б.) три сажени печатных, а рву ширина – 1 сажень, глубина тож. За рвом, уступя сажень семь деланы круг острога двойные надолбы»⁶⁹. Из донесения Конона Самсонова мы узнаем новые подробности и уточнения: «Все крыто тесом в зубцы». Построенную часовню с трапезной назвали Богоявленской. В государевом дворе, состоящем из двух изб, одна изба была «белая», другая «черная». Над хлебным амбаром «сделан амбар государев для соболиной казны». Другой амбар, зелейный, в «3 сажени ручных и под ним погреб». «Казачьи избы (мерою. – Г.Б.) по три сажени печатные»⁷⁰, а не по четыре, как доносил И. Цицурин. На каждой башне установили пушки. В хлебном амбаре сложили 174 мешка ржаной муки, всего 692 пуда – остатки хлеба после раздачи хлебного жалования томским и кузнецким казакам, оставленным в гарнизоне острога⁷¹.

Позже, в последующие два года, укрепления усилили: ров расширили и углубили; протяженность его увеличилась до 32 сажень, а ширина – до 2 сажен⁷².

Одновременно с постройкой острога Илья Цицурин и Конон Самсонов заботятся о «приведении под высокую государеву руку немирных землиц». Они посылают шестерых красноярских служилых людей во главе с Романом Торгашиним в окрестные улусы. К 30 августа Торгашин привозит в острог «лучших людей 20 человек». По донесению И. Цицурина, старейшины и князцы представляли 11 улусов, а по рапорту К. Самсонова – 8, в которых насчитывалось 280 чел. Очевидно, последняя цифра точнее, ибо И. Цицурина в то время в остроге уже не было⁷³. В результате переговоров «лучшие татары» обещали платить по 6 соболей с человека, дали 2 аманатов из «лучших родов», договорившись менять их ежемесячно.

С основанием Абаканского острога (с. Краснотуранское, ныне в зоне затопления Красноярского водохранилища) в подданство России были приведены оставшиеся после угона енисейские киргизы из ближних к укреплению улусов Тубинской землицы. Судя по значительным масштабам экспедиции, мерам предосторожности в походе и при строительстве острога в верховьях Енисея большинству енисейских киргизов, как полагало правительство, удалось избежать «угона» в Джунгарию. Местные и центральные власти со строительством Абаканского острога не считали край присоединенным. Поэтому там «... на житье до указу» был оставлен значительный по тем временам гарнизон в количестве 375 чел. Одновременно в новопостроенный острог разрешили переселиться всем «охочим казачьим детям и оставным служилым» с семьями. Однако служилые тоже не верили в «замиренность» Киргизской землицы, поэтому местные власти не смогли выполнить ни эти, ни более мягкие предписания относительно службы и поселения в Абаканском остроге⁷⁴.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРИСОЕДИНЕНИЯ

События последующих лет показали, что до полного замирения с населением Северного Присяянья еще далеко. Повторялись набеги киргизов на ясачные землицы. Непокойно было на границе соседнего Кузнецкого уезда, куда неоднократно приез-

жали за ясаками киргизские князцы и джунгарские зайсаны⁷⁵. С 1713 г. Джунгария вновь стала претендовать на территорию по Верхнему Енисею, Томи и Иртышу⁷⁶. В то же время правительство получало донесения из Красноярска и других восточносибирских городов о враждебных военных демонстрациях со стороны Циньской империи⁷⁷. Тревожная обстановка сказывалась и на сборе ясака. В те годы в Красноярском уезде собирали едва половину окладной пушнины. Судя по выпискам из ясачных книг, в 1717 г. вместо 246 сороков и 30 соболей взято 140 сороков и 10 соболей, а в 1718 г. из 218 сороков 8 соболей недобрано 135 сороков 21 соболя⁷⁸. Ясачные Кайсотской, Саянской, Канской, Камасинской и Удинской земель часто откочевывали за «Камень», т. е. за Саянские горы в Монголию. В копиях с различных документов, хранящихся в портфелях Г.Ф. Миллера, подлинниками которых в 1726 г. пользовался красноярский воевода Д.К. Шетнев «... К письменному и устному разговору о делах пограничных...» для ответа послу Савве Владиславовичу Рагузинскому, значилось, по неполным сведениям за 1709–1726 гг., до 140 ушедших за «Камень» ясакоплательщиков⁷⁹. Ясачные книги тоже свидетельствуют об откочевках. Если в 1709 г. числилось в уезде 1746 ясачных людей, то в 1718 г. их было 1573⁸⁰.

Правительство Петра I предпринимает в 1715–1718 гг. меры для пресечения ухода ясачных за Саяны и территориальных притязаний маньчжурских и джунгарских феодалов. В 1716 г. у оз. Косоголь ставится острог⁸¹. В 1717 г. гарнизон Канского острога усиливают за счет переселения 20 семей беломестных казаков⁸².

Одновременно делаются попытки закрепить в верховьях Енисея. В исторической литературе, вслед за И.Г. Гmeliным⁸³, основание Саянского острога без какой-либо аргументации ошибочно относят к 1709 г. Обнаруженные нами копии различных документов, снятые по требованию Г.Ф. Миллера в Красноярском архиве в 1735 и 1741 гг., свидетельствуют, что это произошло в 1718 г. Еще при Г.Ф. Миллере в Красноярской воеводской канцелярии хранились два указа за апрель 1716 г. и указ от 6 июня 1717 г., которые свидетельствуют, что Петр I и сибирский губернатор М.П. Гагарин в 1715–1716 гг. предписывали комендантам Козлову и Зубову тщательно обследовать русло Ени-

сея в Саянах, «провесть про р. Кандарь» и наметить места под два острога: «город рубленный или земляной» вблизи Саян и город за «Каменем» в устье реки «Кемь» (Хемчик)⁸⁴.

В апреле – августе 1716 г. это обследование провел отряд в 30 чел. во главе с красноярскими детьми боярскими Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. В своем «доезде» они дали первое подробное географическое описание Енисея в Саянских горах. Перечислив все препятствия на водном пути, указав ширину Енисея и характер местности, где решено ставить остроги, казаки отмечали, что «Большой Саянский порог... большими судами и легкими лодками» вверх и вниз «никоторыми мерами невозможно» пройти. «К городовому же строению у того порогу, – говорилось в “доезде”, – место каменное и меж камен расселины шириной по сажени и по две и больше, а лесу на строение довольно, а стоячего острогу (защитных укреплений. – Г.Б.) ставить нельзя, для того, что место каменное, а ис под порогу волоку через гору тою камень мерою 145 сажен». От порога до устья Кеми казаки добирались еще пять дней. Они сообщали, что «устье Кеми не на выходе Саянского камени... а до выходу Камени половина дня... где Енисей шириной в 130 сажен». По их мнению, острог ставить в устье тоже нецелесообразно – небольшую степь, длиной в одну версту и в ширину 300 сажен, окружали безлесные горы, а по берегам реки и островам рос только «тополиник»⁸⁵. 6 июня 1717 г. М.П. Гагарин отдал распоряжение красноярскому коменданту Зубову о строительстве двух острогов «выше Абаканского острогу у Саянского камени и за Саянским каменем». Предписывалось также «Абаканск умножить людьми» за счет перевода 50 енисейских казаков⁸⁶. В том же 1717 г. воеводская канцелярия выдала 2 руб. 10 алтын «на покупку лодок в отпуск под Саянский камень».

Непосредственная подготовка к строительству острога была возложена на приказчика Абаканского острога сына боярского Андрея Еремеева. Сохранилась копия его донесения за 1718 г., в котором он просил коменданта Дмитрия Зубова отпустить все необходимые припасы к «острожному ставлению»⁸⁷.

Ранней осенью 1718 г. красноярский дворянин Илья Нашивошников с 300 казаками поставил Саянский острог на правом

берегу Енисея, у подножия Саян, в 120 верстах южнее Абаканского острога, на несколько верст севернее «означенного в 1716–1717 гг. для этих целей места»⁸⁸.

Очевидно, И. Нашивошников после постройки острога посылал донесение с чертежом, но эти материалы не обнаружены. Более поздние описания острога в 1735, 1741–1742, 1772 гг. позволяют восстановить характер его укреплений, внешний и внутренний вид. Это «одно строение, вокруг острога заплот рубленой в лапу. По углам 4 башни, пятая башня проезжая – к бору, а к Енисею реке – ворота проезжие и вокруг одного острога выкопан ров и позади рва – надолбы. А в том месте имеется 2 избы (государев двор. – Г.Б.), да 4 избы под башнями, 2 анбара да анбар на берегу Енисея»⁸⁹. Острог занимал площадь 50 кв. сажен, т. е. он был меньше Абаканского в 3 раза⁹⁰. На четырех угловых башнях были установлены пушки, одна из них медная, две калибром двухфунтовые, две другие – фунтовые, общий их вес – 29 пудов 30 фунтов. После постройки в нем были оставлены различные припасы. Гарнизону острога, как и абаканскому гарнизону, вменялось в обязанность выставлять в южном направлении отъезжие караулы.

Красноярцы, опасаясь новой обременительной службы за Саянами, упорно выступали против строительства острога в устье Хемчика за непроходимым Большим порогом. Вероятно, в связи с этим в Красноярске осенью 1717 г. побывал проездом сибирский губернатор М.П. Гагарин. Сведений о его распоряжениях по этому вопросу нет, но известно, что жители ему поднесли «древние вещи» из могильных курганов, а М.П. Гагарин отдал им 25 ведрами простого вина⁹¹. Может быть, алчного губернатора, которого позже повесили за лихоимство, больше убедили щедрые подношения, чем доводы, но в начале 1718 г. в Красноярск прибыл указ о строительстве острога уже у Большого порога⁹². Однако укрепление так и не построили: в конце 1717 г. М.П. Гагарина отозвали в Петербург, а все его распоряжения были поставлены под сомнение.

Почему правительство намеревалось в устье Хемчика «делать город»? Чтобы перекрыть по Енисею проход через Саяны в Монголию, достаточно было одного форпоста у Большого порога или

на Енисее перед «Каменем». Вероятно, замысел не ограничивался созданием острога для дальнейшего продвижения за Саяны. Указами повелевалось собрать сведения о судоходности Верхнего Енисея, количестве порогов и шивер, времени следования до Хемчика и местоположении р. «Кандарь». Правительству было известно о постоянных еще с XVII в. поездках бухарских и монгольских купцов через Саяны в Красноярск, Кузнецк и Томск⁹³, и есть основания предполагать, что оно рассчитывало через Енисей завязать прочные торговые связи с Монголией и Китаем. «Городу» в устье Хемчика отводилась роль крупного торгового пункта, каким, например, позже стал в Восточной Сибири Кяхтинский форпост. Полученные сведения о непроходимости «большими судами и легкими лодками» Большого Саянского порога и сопротивление красноярских служилых заставили правительство отказаться от этих планов. Следует отметить, что их постановка Петром I по времени совпадает с экспедицией полковника Бухольца и походом Лихарева и очень характерна для политики петровской России на восточной ее окраине. Но эти планы относительно верховий Енисея удалось осуществить лишь в конце XIX в. В итоге же был поставлен только Саянский острог с гарнизоном из 100 казаков-годовальщиков для обеспечения безопасности присоединенного Хакасско-Минусинского района.

Строительство Саянского острога относится к заключительному этапу присоединения южной части Приенисейского края к России. Созданная система укреплений на юге и мощная естественная преграда – Саянские горы – обеспечили относительно спокойную обстановку, хотя полностью откочевки хакасов пресечь не удалось.

После смерти Петра I правительство верховников при Екатерине I отказывается от активной политики в Южной Сибири, несмотря на обострение русско-китайско-джунгарских отношений при молодом богдыхане и разорение Косогольского острога, ибо «земля им, китайцам, принадлежит». Китайская сторона также требовала выдачи 700 «мунгальских реребезчиков». Обстоятельно осветил русско-китайские отношения в этот период Н. Бантыш Каменский⁹⁴.

Для снятия спорных пограничных вопросов и установления регулярной торговли было решено снарядить посольство, благо был повод – поздравить нового богдыхана с приходом к власти. Возглавил посольство с 18 июня 1725 г. действительный статский советник, иллирийский граф Савва Лукич Рагузинский. Этот незаурядный человек прибыл в Россию в 1702 г. из Константинополя торговать деревянным маслом, кумачом и бумагой и намеревался установить морской путь из Черного моря в Москву. Это отвечало намерениям Петра Великого, который разрешил предприимчивому греку 10 лет торговать и приблизил к себе. После Полтавской виктории в 1710 г. Савва Лукич стал надворным советником и получил на Украине поместье. Он сопровождал Петра I и в неудачном Прутском походе и по поручению царя ездил в Рагузу объясняться с южными славянами и разведывать намерения турок. Миссия очевидно была успешной, и Пётр I возвел его в графское достоинство.

Этот один из «птенцов гнезда Петрова» в ранге чрезвычайного посла и полномочного министра, согласно инструкции из 45 пунктов, должен был согласовать с китайской стороной общую границу и договориться «о взаимной свободе торгов, пропуске и вывозе ежегодно разных товаров повольной ценой». Посольство двинулось в путь из столицы на Неве 25 октября и прибыло в Иркутск только 5 апреля 1726 г. В Сибири к нему присоединились традиционный торговый караван и 800 солдат во главе с полковником Бухгольцем. Через месяц посольство вновь двинулось в путь и достигло договоренного места на речке Буре в 10 верстах от Кяхты 24 августа 1726 г. Однако китайцы не пропустили до Пекина ни епископа Кульцицкого, ни торговый караван.

Несмотря на торжественную встречу в столице, С.Л. Рагузинскому пришлось несладко. Переговоры затянулись на семь месяцев. Состоялось 30 заседаний, на которых, как пишет знаток русско-китайских отношений Н. Бантыш-Каменский, ссорились устно и письменно и на каждую статью договора было до 20 вариантов. Камнем преткновения, естественно, была граница. Китайская сторона, следуя купеческому принципу заламывать за товар первоначальную цену по максимуму, требовала провести границу аж по Ангаре. Савва Лукич твердо держался инструк-

ции, по которой следовало в случае отказа китайцев установить новую границу, оставаться на условиях Нерчинского договора 1689 г., но земли с русскими крепостями и селениями ни в коем случае не отдавать. После неудачной попытки подкупить русского посла с восьмого заседания перешли к угрозам уморить в тюрьме, выгнать в голодную степь, выслать с бесчестьем из страны и т. д. Грубо нарушая законы гостеприимства, посольству и лично С.Л. Рагузинскому больше месяца не выдавали обычное содержание. Пришлось кормиться за свой счет. Для покупок даже посольский огромный столовый сервиз перелили на серебро. В конце концов решили на месте провести размежевание, и богдыхан назначил своего зятя Цырен Вана и трех министров. Заминка с отъездом посольства произошла из-за болезни посла, но его быстро поставили на ноги исусные местные врачи.

На Буре обе договаривающиеся стороны встретились вновь 14 июня. И снова два месяца длились споры. На этот раз китайская сторона претендовала на территории до Красноярска, выставляя себя наследницей енисейских киргизов и еще не подчиненной Джунгарии, с которой продолжалась война. На это С.Л. Рагузинский отвечал, что монгольский Алтын хан ещё «лет 90 в подданство России передался» и предъявил «списки с трактатов присяг 1634 г. алтын хана и его сына Лоджана». Это помогло умерить аппетиты китайских представителей. По крайней мере, в своем кратком отчете Сенату посол счел необходимым упомянуть, что эти важные документы найдены, когда он был в Красноярске, «неусыпными трудами тогда бывшего коменданта Дмитрия Щетнева». Наконец 20 августа обе стороны согласились подписать Буринский договор о границе по линии от Шибан – Дабаго до Аргуни. От Кяхты на запад «разводил границы» пограничный комиссар, комнатный стольник Степан Колычев, получивший для солидности чин бригадира с жалованьем в 1500 руб., а с китайской стороны – Дарамба Бесыг-Сек. 27 октября С. Колычев обменялся «разменным письмом» с Дарамбой, в котором были показаны 24 парных пограничных знака. С.Л. Рагузинский еще 3 месяца до 13 ноября жил в палатках на Буре, ожидая китайских министров с «главным трактатом» из Пекина. Однако китайская сторона самовольно изменила условия дого-

вора, показав бассейн Уды своим владением. Савва Лукич на это объявил, что будет и 7 месяцев дожидаться истинного договорного трактата. Новый исправленный договор привезли только 4 апреля уже 1728 г. в Кяхту, где находился посол. Казалось, все препятствия устранены для его подписания, но китайская сторона захотела удостоверить идентичность текста договора на русском и латинском языках китайскому подлиннику. Тексты в Пекине сверяли еще 40 дней. Только 14 июня 1728 г. произошел обмен трактатами из 11 статей. Китайской стороне все же удалось оставить «восточные около реки Уды и каменные горные места «неразделенными, то есть вопрос об Амуре решился только в середине XIX в. На запад от Кяхты С. Колычеву удалось значительно южнее передвинуть границу. Так, в «Сказке бывших при разграничении» засвидетельствовано: «...от Мунгальского владения заграничены многия земли, которья никогда не бывали; а именно: от реки Хан тенгри в разстоянии верховою ездою в длину дней на восемь; а в широтою до реки Абакану дни на три; а те места во владении Российской империи никогда не бывали... И с такою учиненною и пространною границею подданные российские ясашные люди, а також и русские промышленные весьма довольны и радостны». В верховьях Енисея пограничные знаки в виде каменных гурьев и караулов, а при них с ясачными иноземцами учредили в восьми местах: «18. Тенгис реки на вершине, на хребте Эргин Тагак Тайга, на левом конце. 19. На вершине Бедикема реки, на хребте Торос Дабага. 20. На хребте Эргин, Таргак Тайга, на правом конце, на вершине Уса реки, на хребте Кызынмеде. 21. Ус реку пересекли по течению на правой стороне. 22. На хребте Хонин Дабага. 23. На устье реки Кемкем Бом. 24. На Шабин Дабага». Собственно граница условно проходила посередине широкой полосы между парными противоположными знаками с русской и китайской стороны. Это способствовало в целом спокойной обстановке в верховьях Енисея, которая сохранялась до конца XVIII в. Поэтому сооружение пограничной системы крепостей, форпостов и караулов здесь затянулось до 60–80-х гг. и не приняло такого размаха, как в южных районах Западной Сибири. Отпала, естественно, необходимость в крупных гарнизонах на Верхнем Енисее. Поэтому уже в 1728 г.

численность гарнизона в Абаканском остроге была уменьшена вдвое, а в Саянском остроге сокращена со 100 до 60 чел.⁹⁵

Итак, процесс присоединения к Российскому государству юга Приенисейского края, прогрессивный для его коренных обитателей и отвечавший насущным нуждам русского населения Средней Сибири, затянулся на 100 лет. Завершающий его этап пришелся не на первое десятилетие XVIII в., как утверждалось в литературе, а на конец второго десятилетия. Именно в это время петровское правительство строительством острогов на оз. Косоголь (1716 г.) и у самих Саянских гор (1718 г.), а также увеличением численности гарнизонов существовавших укреплений окончательно закрепляется в Северном Присяянье. После неудачной попытки сразу проникнуть в Засаянье (ныне Тува) русские власти стали стремиться к закреплению и оформлению достигнутого положения. Это было осуществлено через несколько лет в результате заключения Кяхтинского мира.

Примечания

- ¹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, с. 105–121, табл. 2.
- ² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, т. 1; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. – Тр. Томс. гос. ун-та, 1950, т. 112; Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Иркутск, 1956; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 430; Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964, с. 172.
- ³ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, с. 250–251; Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 322.
- ⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М., 1960, с. 228–270.
- ⁵ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1956, с. 15.
- ⁶ Копкоев К.Г. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1969, вып. 13, с. 25–30.

- ⁷ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 13–14.
- ⁸ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в..., с. 82,88–89, 241; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 298; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), с. 93.
- ⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 40; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. – Науч. тр., М., 1955, т.3, вып. 2, с. 205.
- ¹⁰ История Тувы. М., 1964, т. 1, с. 214.
- ¹¹ См. напр: Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 203–204; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 49–50.
- ¹² Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 204–205.
- ¹³ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 50–52.
- ¹⁴ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 206–209; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 40–42; Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М. – Абакан, 1965, с. 129; История Тувы, т. 1, с. 208.
- ¹⁵ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 223, 257, 266; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 52.
- ¹⁶ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 135.
- ¹⁷ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 13–43.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 3–5 об. (выписки из ведомостей сибирских о русско-джунгарских делах). Б.О. Долгих считает, что в 1658–1667 гг. все киргизы Езерской и Алтысарской землиц еще платили ясак России (см.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 223).
- ¹⁹ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 147–150; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 43–44; История Тувы, т. 1, с. 210.
- ²⁰ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 142–146.
- ²¹ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 44.
- ²² Факт физической расправы над Лоджаном без комментария приводят И.Я. Златкин и К.Г. Копкоев (см.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 217; Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 151).
- ²³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 218–275.

- ²⁴ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 209–210; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978, с. 55–58.
- ²⁵ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 210–220; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 44–50.
- ²⁶ ДАИ, т. 8, № 44, ч. I, с. 149–150; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 54.
- ²⁷ ДАИ, т. 6, № 93, с. 319–320.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 41; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212.
- ²⁹ ДАИ, т. 7, № 72, ч. 2, с. 334; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 55, примеч.122.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 1, 2 об.; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212.
- ³¹ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 216–220.
- ³² ДАИ, т. 3, ч. 1, с. 151–152.
- ³³ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 172–187.
- ³⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 218–275; Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Отношения Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. – Вопр. истории, 1979, № 3, с. 51.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 5об.
- ³⁶ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 198–199.
- ³⁷ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 221.
- ³⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т.1, с. 569–571.
- ³⁹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), с. 155.
- ⁴⁰ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 93–99.
- ⁴¹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в., с. 104–105, 231–259, табл. 12, 14, 18.
- ⁴² Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до первой половины XIX в. – В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922, вып. 2, с. 45.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 271, кн. 854, л. 509–532; оп. 1, д. 3278, л. 190–191; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 173; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 222; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 57–58.

- ⁴⁴ См. об этом: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 128–129; Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Отношения Китая и России с Джунгарским ханством..., с. 51–52; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 222; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 57–58.
- ⁴⁵ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 203–204.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 4; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38, 40.
- ⁴⁷ Памятники сибирской истории. Спб., 1882, кн. 1, № 39.
- ⁴⁸ Этот сюжет подробно рассмотрен А.А. Арзыматовым (см.: Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38–40).
- ⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 4; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38–40.
- ⁵⁰ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 329–330.
- ⁵¹ Чтения ОИДР. Спб., 1866, кн.4, с. 128.
- ⁵² Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1926, с. 8–9; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 223–224; Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; с. 62; Он же. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 161–163; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 59.
- ⁵³ Копкоев К.Г. Добровольное присоединение Хакасии к России. – В кн.: 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959, с. 19–37; Он же. Присоединение Хакасии к России, с. 225–237; Он же. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII в. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1965, вып. 11, с. 75; Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах «хакас» и «киргиз». – СЭ, 1971, № 4, с. 59–67; Карцов В.Т. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970, с. 4.
- ⁵⁴ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 7, 71–73; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, т.1, с. 5, 121–132, 150–160; Сердобоев Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 140–142; Он же. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. – СЭ, 1971, № 4, с. 56–57; см. также: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 133–138.
- ⁵⁵ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 26 об.
- ⁵⁶ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 1 (1658–1720 гг.), л. 2 об. – 6 об.
- ⁵⁷ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 80.

- ⁵⁸ ЦГА МИД, оп. 113/1, 1750 г., д. 1, л. 36 об. –37 об. (Зюнгорские дела).
- ⁵⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт.481, тетр.5, л. 46–46 об. (справка Красноярской воеводской канцелярии 1735 г. на вопрос анкеты Г.Ф. Миллера, составленная на основе копий документов XVII в.; копии доношения 1732 г. в Тобольск для посольства Угримова с выписками из ясачных книг 1704–1732 гг.; сказки ясачных татар и «старых красноярских людей, а потому сведомых»). Следует отметить, что в обширной «выписке из ведомостей сибирских», сделанной в 30-х гг. XVIII в. для сибирского губернатора и послов, направившихся в Джунгарию, описание увода ошибочно отнесено к 1662–1665 гг., когда шла война Лоджана с Сенге (см.: ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 2 об. – 5 об.).
- ⁶⁰ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 240–241; см. также: Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1, Спб., 1882, с. 245.
- ⁶¹ Подробнее о строительстве Абаканского острога см.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 3, с. 20–25.
- ⁶² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 11 об., 12.
- ⁶³ Там же, л. 14 об., 18.
- ⁶⁴ Там же, л. 39.
- ⁶⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 5 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 1059, л. 40 об. (рапорт Конона Самсонова, присланный 1707 г. «декабря в 14 день»). Расстояние от острога до устья р. Абакан дано в старых верстах, которые в 2 раза превышают версты, введенные с 1721 г.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 13 об., 37, 22 об. Таким образом, в «острожном ставлении» приняло участие 972 чел., а не 1000, как считалось до сих пор (см.: Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913, с. 30; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 214; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 48). Г.Ф. Миллер в своем «Описании Красноярского уезда», составленном в феврале 1735 г., отмечал, что острог строили служилые люди четырех уездов в количестве 800–900 чел. (см.: ЦГАДА, ф. 199, порт. 526, ч. 2, д. 9, л. 19 об., на нем. яз.).
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 16.
- ⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 16–16 об.
- ⁷⁰ Там же, л. 41 об.
- ⁷¹ Там же, л. 21 об.
- ⁷² Там же, д. 1658, л. 4 об.

- ⁷³ Там же. В своем прошении о записи в дворянство К. Самсонов назвал 8 улусов: Большой Байкотовский, Малый Байкотовский, Иржи, Богожаев, Ургулов, Шик, Кайбальский и Каяк.
- ⁷⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1658, л. 17 об., 43 об.
- ⁷⁵ Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 6, 12–13; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 139.
- ⁷⁶ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 342.
- ⁷⁷ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 165–168.
- ⁷⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2328, л. 8; ЛО ААН СССР; ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 238 (1718 г.).
- ⁷⁹ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 210–223, 245–282.
- ⁸⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1948, л. 23 (список с ясачной книги); ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 236–238.
- ⁸¹ История Тувы, т.1, с. 212. В Иркутской летописи записано, что этот «Тункинский на косогоре» острог построен в 1717 г. по указу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина (см.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн.1, с. 167, примеч.1). Это подтверждается доношением сибирского губернатора М.П. Гагарина царю Петру I от 16 марта 1717 г., где прямо сказано: «Тако ж, великий государь, и на Косоголе-озере крепость делать из Ркуцкого велел» (см.: Русско-китайские отношения в XVIII веке. – В кн.: Материалы и документы. Т. I. 1700–1725. М., 1978, № 138, с. 181).
- ⁸² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 23, л. 20.
- ⁸³ Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre. 1733–1743. Göttingen, 1752, t. 1, S. 508.
- ⁸⁴ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 207–209; д. 20, л. 228–229. На карте Н.А. Витсена, которой пользовались в Москве, верховья Енисея нанесены весьма неточно. Река «Канзара» (Кандара) на ней – это, скорее всего, Верхний Енисей (Улуг-Хем) (см.: ГИМ РО, № 6058, карта Н.А. Витсена, б/д).
- ⁸⁵ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 208–209.
- ⁸⁶ Там же, д. 20, л. 228–229 об.; Русско-китайские отношения в XVIII веке, с. 181.
- ⁸⁷ ЦГАДА, ф. 241, оп. 5, д. 2328, л. 20; ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 238 об.
- ⁸⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 48 (ответ Красноярской воеводской канцелярии на пятый вопрос анкеты Г.Ф. Миллера). Г.Ф. Миллер в «Географическом описании Красноярского уезда», со-

ставленном на немецком языке, отмечает, что в строительстве острога участвовало 300 красноярских служилых людей. Время постройки острога – «1717 или 1718 гг.» И. Нашивошников назван «порутчиком». Именно с ним беседовал ученый в 1740 г. о поездках 1716–1717 гг. за Саяны и вывезенных с рч. Джакуль, что выше Хемчика, татарских письмах на 20 синих листах (см.: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 526, ч. 2, д. 9, л. 19). О встречах Г.Ф. Миллера с И. Нашивошниковым писал В.А. Ватин (см.: Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 32). Косвенные данные и сообщения некоторых авторов первой трети XIX в. тоже свидетельствуют, что Саянский острог основан позже 1709 г. В сохранившихся делах Красноярской воеводской канцелярии за 1709–1714 гг., и в том числе в нескольких челобитных наиболее видных красноярских служилых о пожаловании «за службы» в дети боярские и дворяне, нет упоминаний о строительстве Саянского острога в 1709 г. (см.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1657–1659, 1832, 1955, 2004, 2152). Е. Зябловский, не называя источник, относит основание острога к 1718 г. (см.: Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Спб., 1810, ч. 5, с. 31). П.А. Слобцов в первой книге о Сибири писал, что Саянский острог был построен в конце XVII в., но позже, перечисляя во второй книге остроги Красноярского уезда, счел необходимым ответить, что «по верным сведениям строились остроги: Абаканской – 1707, Саянской – 1718 гг.» (см.: Слобцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1, с. 115; кн. 2, с. 71, примеч.1). Предыстория основания острога на Верхнем Енисее нашла отражение и в местной топонимии. Селение, возникшее во второй половине XVIII в. на месте, выбранном первоначально для строительства острога перед Саянами, назвали Означенное. Ныне это пос. Означенное, близ которого строится крупнейшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 48; ф. 1019, оп. 1, д. 36, л. 133; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, ч. 3, кн. 1, с. 542.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 30, л. 6 об. – 7; д. 46, л. 17.

⁹¹ ЛО ААН СССР, ф. 21, д. 20, л. 230.

⁹² Там же, д. 20, л. 238 об.

⁹³ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4, с. 121–123.

⁹⁴ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 141, 358–363. Приложение.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 54, л. 1–20.

ГЛАВА II. ЗАСЕЛЕНИЕ ХАКАССКО- МИНУСИНСКОГО РАЙОНА В XVIII в.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ РАЙОНА И ЕГО ВОЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.¹

До начала XVIII в. южная граница русского расселения проходила, как установил С.В. Бахрушин², сразу же за Красноярском. С завершением вооруженной борьбы с енисейскими киргизами началось заселение южных территорий.

Первый шаг, как и в других южных районах Сибири, сделало правительство. Отдавая в 1706–1707 гг. грозные указы о строительстве острога в устье Абакана, Москва планировала превратить новый острог в крупный опорный пункт для закрепления присоединенной территории, дальнейшего продвижения на юг и объясачивания местного населения. Поэтому в Абаканском остроге было велено оставить большой по тем временам гарнизон и организовать переселение «охочих» людей из служилых категорий населения.

Именной указ Петра I с «приговором боярина князя Ивана Борисовича Репнина» от 21 марта 1707 г. предписывал в Абаканском остроге «для сбора ясашных денег и на житье до указа оставить начального человека Конона Самсонова да с ним служилых 400 человек, в том числе 100 человек избрать из томских, кузнецких, енисейских людей, которые в городовом деле заобычны...»³. Этими указами правительство к многочисленным «службам и посылкам» сибирских служилых людей прибавляло еще одну, крайне тяжелую из-за дальности острога и опасности службы. Особенно в тяжелом положении оказались красноярские служилые. По сути дела, почти половина их должна была служить неопределенное время в Абаканском остроге. Одновременно во-

еводам тех уездов, откуда будут взяты служилые, предписывалось: «... буде кто казачьи дети и братья и племянники и иные свойственники похотят для острожного строения или в тот ново-построенный Абаканский острог идти на житье волею и они (казачьи дети. – Г.Б.) на ту службу сами, а в построенной острог с женами и с детьми шли безо всякого препинания» со стороны воевод⁴. Интересно, что категории податного населения не получали права на переселение. Воеводы обязаны были предоставить Илье Цицурину 200 пищалей для раздачи «охочим людям». Судя по принятым мерам, правительство подходило к вольнопоселенцам как к дополнительной военной силе, которая вместе с гарнизоном обеспечит безопасность новоприсоединенной территории и беспрепятственный сбор ясака.

После постройки острога Илья Цицурин оставил гарнизон из 375 служилых, в том числе 272 – красноярских, 50 – енисейских, 43 – томских и 10 кузнецких конных казаков. Это сразу же вызвало единодушный протест. На имя Петра I и в Сибирский приказ поступили челобитные от служилых людей всех четырех уездов и коллективная челобитная первого гарнизона острога. Казаки просили не оставлять их товарищей на неопределенное время в новом дальнем остроге, мотивируя тем, что военная опасность угрожает до сих пор их уездным городам. Обращалось также внимание на значительную удаленность нового острога от мест жительства, недостаточность в связи с этим хлебного и денежного жалованья. Красноярские служилые во главе с сыном боярским Михаилом Злобиным поставили под сомнение даже целесообразность построения острога. Свою просьбу «переманить их, а на годовую службу или навечно (пусть назначат. – Г.Б.) откуда государь похочет» они объяснили тем, что Абаканским острогом «Красноярску оборону нельзя дать, а степи великие и дороги многие»⁵.

«Бунт на коленях» возымел действие, так как на окраинах власти были вынуждены действовать более гибко. Указом от 2 марта 1708 г. гарнизон сократили до 200 человек, полностью удовлетворив просьбы томских, кузнецких и енисейских казаков. Конная сотня красноярских казаков должна была ежегодно сменяться, то есть нести годовую службу. В пешую сотню допол-

нительно разрешили поверстать в Енисейском и Красноярском уездах по 50 человек из казачьих детей и гулящих при условии, что «быть им в этом остроге с женами и детьми на вечном житье»⁶. Но и это компромиссное решение местные власти не смогли провести в жизнь.

Судя по подворной переписи 1713 г., никто из новоповерстаных пеших казаков не поселился в Абаканском остроге. Мало того, многие годовальщики (всего 41 чел.) наняли в службу вместо себя гулящих людей. Среди них были Иван Медведка, Солдат, Василий Волга, Иван Кемский, Семен Гриб⁷. Те немногие казачьи семьи, решившиеся перейти в недавно столь опасное края, осели значительно севернее, между Красноярском и Караульным острогом. В устье р. Маны поставил свой двор шестидесятилетний конный казак Федор Рассказчиков. В его семье было 4 сына, из которых двое – пешие казаки, 3 дочери, 2 снохи, 2 внука и 4 внучки. На берегу Енисея близ устья р. Бирюсы основали деревеньку из двух дворов пеший казак Василий Симанов (4 души муж. пола и 4 души жен. пола) и отставной пеший казак Иван Грицков с женой и двумя сыновьями. Остальные служилые (сын боярский, 3 пеших и 4 конных казака) подселились в Караульный острог. Всего перешло 14 служилых с семьями, которые имели 11 дворов, где числилось по переписи 49 душ муж. пола и 56 душ жен. пола. Вольных переселенцев из других служилых категорий было также немного – всего 5 дворов казачьих детей (19 душ муж. пола и 14 душ жен. пола).

Показательно, что самовольное заселение района податными практически не наблюдалось. Только в Караульном остроге переписью зафиксировано два двора захребетников (3 души муж. пола и 2 души жен. пола)⁸.

В последующие годы с завершением строительства оборонительной системы острогов и увеличением численности гарнизонов на 150 чел. приток переселенцев возрос. Ведущую роль по-прежнему играли служилые трех южных острогов (всего 390 чел.), которые стали охотнее переселяться к месту службы со своими семьями. Годовая служба способствовала первичному ознакомлению значительной части служилого населения Енисейского края с естественно-экономическими условиями южно-

го района. Многие годовальщики, временно находясь на юге, в условиях «замирения ясачных земель» начали шире заниматься торгово-промышленной деятельностью, основывая заимки в необжитых местах⁹. Их промысловые избышки и заимки как бы на черном наметили будущую сеть русских поселений.

К 1722 г., согласно первой ревизии, на юге уезда уже одна треть гарнизонов жила постоянно своими дворами с семьями (96 чел., а с членами семей 216 р. д.¹⁰ в 61 дворе). Служилых с семьями и близких им категорий населения насчитывалось 336 душ муж. пола в 95 дворах, или до 70 % всех жителей и 80 % дворов (табл. 1).

Кроме пеших казаков и конных годовальщиков, здесь были служилые, «отставленные от службы» и переселившиеся, как и казачьи дети, по разрешению властей на основании указа 1707 г. Казаки и выходцы из служилых жили во всех 15 деревнях юга. Почти каждый из них имел двор с высоким численным составом семей. У них проживали все отмеченные в переписи дворовые люди и большинство подворников. Все это свидетельствует о ведущей роли служилого элемента на первом этапе русского заселения Хакасско-Минусинского района.

Вольное переселение податного населения только началось. Кроме одиночных семей крестьян, посадских и захребетников, на юге уезда во втором десятилетии XVIII в. оседали главным образом гулящие – всего 66 из 94 вольнопоселенцев. Анализ социального состава пришлых убеждает, что трудовое тягловое население шло в основном легальным путем. Желаящие переселиться относительно легко получали такое право. Наем вместо годовальщиков на военную службу открывал им дорогу в Хакасско-Минусинский район.

По-прежнему и служилые, и податные сами выбирали время и место поселения, руководствуясь хозяйственными соображениями и своей оценкой степени безопасности края. Поэтому почти все возникшие деревни (11 из 15) находились в Енисейско-Чулымской котловине под защитой Караульного острога. С юга их прикрывал Абаканский острог, возле которого появилось четыре деревни, причем только дер. Бирь (Козлова) лежала южнее укрепления. Показательно, что даже к 1722 г. в Абаканском остроге вместо 100 семей пеших казаков жила только одна служилая семья.

Таблица 1

**Численность и социальный состав населения Хакасско-Минусинского района
в первой четверти XVIII в. душ муж. пола**

Населенный пункт	Духовенство		Служилые люди				Отставные казачьи дети	Захребетники и срочники	Дворовые		Красноярские жители	Новойрещенские ясачные	Гулящие люди			Итого	Реконструкция податных душ											
	Душ	Дворов	дети боярские	конные казаки	пешие казаки	Дворов			Душ	Душ			Дворов	Душ	Дворов			Душ	Дворов	Имеют дворы	бездворные	Подворники						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	
Острог Абаканский	1	4	-	-	-	-	1	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	10	-	-	-	-	5	20	34	
Деревни:																												
Сыдинская (Горашина)	-	-	-	-	2	4	1	2	3	12	-	-	2	1	4	1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	8	31	28
Белая	-	-	-	-	-	1	6	3	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	18	18
Бирь (Козлова)	-	-	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	5	5

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Еремеево (Триффиново)	-	-	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	1	2	-	-	-	-	2	3	3	17	13
Медведово (Убий)	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	2
Сисим	-	-	-	-	2	5	5	27	3	16	-	-	-	-	-	-	-	-	1	4	2	2	-	-	11	54	49
Село Каратульное	1	3	-	-	7	23	11	33	12	45	-	1	-	1	1	2	2	5	5	17	10	20	4	5	41	155	152
Деревни:																											
Погромная (Бобриво Кундугашево)	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	7*	8
Даурская	-	-	-	-	6	23	8	27	5	11	-	1	-	5	-	-	2	4	2	8	4	5	1	1	23	85	92
Однодворка (Брмолаево)	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	3
Потапово	-	-	-	-	2	9	1	6	3	9	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	27	31
Дербинская	-	-	-	-	3	9	1	4	2	5	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	19	18

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Езагаш- ская	-	-	-	-	1	5	-	-	3	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	19**	18
Донни- кова	-	-	-	-	-	-	1	3	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	8	8
Итого	2	7	4	10	25	86	32	120	34	120	1	6	-	15	2	6	6	18	11	39	16	27	7	9	120	470 ^{***}	476 ^{***}

* В том числе семья крестьянина из четырех душ мужского пола.

** В том числе трое посадских.

*** Итого негочен из-за плохой сохранности источника по дер. Даурской – в дворах конного казака и гулящего (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 60 об., 61; дер. Дербиной – семья захребетника, жившей во дворе отставного сына боярского (л.64 об.); дер. Езагашской – семья посадского, подворника, отставного казака (л. 65)).

**** Подсчеты сделаны по материалам второй переписи и «Книге убылого населения...», записанного в первую ревизию (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 96–165; д. 1657, л. 29–36 об., 29, 84). Не вошли разночинцы из бывших служилых, вновь поверстанные между первой и второй ревизией, духовенство и сельские.

Не подтверждается предположение С.И. Беляевского, что Шушенское уже существовало как населенный пункт в начале XVIII в.¹¹ На р. Шуше, правом притоке Енисея, обитали ясачные Койбальской земли. В ее устье первая ревизия не отмечает ни постоянных жителей, ни селения. Близ монгольского земляного укрепления середины XVII в., так называемой «Лозановой осады», которую С.И. Беляевский принял за остатки русского форпоста начала XVIII в., также не было никакой заимки саянских годовальщиков. О ней ничего не сообщают в своих подробных дневниковых записях и обстоятельной карте ученые-путешественники Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг (Табберт), которые в 1721–1722 гг. дважды изучали эти места¹².

Таким образом, правительственная колонизация юга Красноярского уезда, проводимая в первую очередь с военно-оборонными и фискальными по отношению к коренному населению целями, быстро трансформировалась в легальную и самовольную с хозяйственно-экономическими целями. Эта «смешанная» колонизация обусловила состав и характер складывания русского населения Хакасско-Минусинского района в первой четверти XVIII в.

В 20-е гг. центральное правительство меняет свои планы относительно заселения Хакасско-Минусинского района. Выход к мощному естественному рубежу – Саянам, неудачная попытка через Верхний Енисей завязать широкую внешнюю торговлю, заключение Кяхтинского мира – все это отодвинуло на задний план поставленную было задачу немедленного заселения Хакасии. К указу о поселении 100 казаков с семьями в Абаканский острог больше не возвращались. Численность южных гарнизонов сократили в 1726 г. с 390 до 180 чел., т. е. вдвое¹³.

Главная задача, которая была поставлена перед местными властями, – полное объясачивание всего коренного населения и организация бездоимочного сбора ясака. Приграничное положение требовало от властей большой гибкости в ее осуществлении. Поэтому традиционное требование правительства о «незанятии ясачных угодий» приобрело для Хакасско-Минусинского района особое значение.

Редкий год приказчики Саянского и Караульного острогов не получали указов из Красноярска о том, что самовольных посель-

щиков на ясачных землях надлежит «высылать на прежние жилища, а дворы и прочие заводы разломать и впредь в оные волости для жилья и ни для чего не впускать и тем самым иноземцам отнюдь обид и налоги, утеснения в промыслах их помешательства не чинить». Это распространялось и на тех русских, которые «... по закладным и поступным записям и по письмам от ясачных иноземцев...» пытались как-то юридически оформить свое пребывание в новых местах¹⁴.

Целым улусам, а также отдельным служилым и неслужилым хакасам власти выдавали за обычную плату «данные» на владение «звериными ловлями, бобровыми гнездами и санными покосами»¹⁵. Были даже случаи выселения русских из угодий ясачных. Так, жалоба койбала Серженяка на разночинца Л. Песегова, занявшего его промысловые бобровые угодья на р. Шушь, достигла цели¹⁶. Л. Песегов и его брат, жившие в дер. Шунерская, по второй переписи уже не показаны в числе ее жителей¹⁷. Поэтому, вслед за В.Г. Карцовым, нам трудно согласиться с Л.П. Потаповым, что до XIX в. не было поземельных споров между русским и хакасским населением¹⁸.

Меры по охране ясачных угодий, распространение на Сибирь паспортного режима вызвали более строгий полицейско-фискальный контроль за мигрантами и порядком наделения их земель. Разрешение на переселение и согласие мира получали те, кто не имел угодий по прежнему месту жительства: выходцы из старых семей, бедняки, гулящие, а также те, у кого «выпахивались земли». Переселенцы были обязаны зарегистрировать количество и качество вновь занимаемых земель и получить на них воеводской канцелярии специальный документ – «данную».

Подыскав угодья, поселенец подавал в канцелярию специальное доношение, в котором описывал, где и какие земли «обысканы под дворовое строение, под скотский выпуск, под пашню, санные покосы и рыбные ловли». Уездная канцелярия, высылала «доезд» из двух-трех казаков для осмотра этих земель или обязывала произвести осмотр приказчикам. Расходы по «доезду» возлагались на переселенцев, с них же брали за каждую «данную» по 25 коп. печатных пошлин. Во время «доезда» казаки должны были опросить русских старожил или ясачных о принадлеж-

ности угодий. Угодья ясачных людей не разрешалось занимать в целях обеспечения бездоимочного сбора ясака. Так, в 1741 г. при отводе земли отставному солдату Петру Бекешину у «старожилов посторонних людей... взяли сказки, что на ту землю крепостей ни у кого не было». Старожил Иван Терской с товарищами подтвердили, что «в даче эта земля ни у кого не числится и не в ясашных волостях, и бобровых гнезд не имеется»¹⁹.

Вместе с тем нельзя переоценивать ограничения свободы передвижения трудового населения в приграничных южных районах Средней Сибири. В огромном почти неосвоенном крае при слабой местной администрации многие мигранты просто не считались с этими запретами либо гибко их обходили. Для легализации переходов использовались покормежные паспорта, отпуска и распоряжения правительства о переселении в других направлениях: сенатский указ 1728 г., разрешающий желающим наниматься на алтайские заводы Демидова; указы Сибирской губернской канцелярии за 1734–1743 гг. о льготном переходе на Московский тракт²⁰, а также указ Петра I от 9 января 1723 г., запретивший ломать дворы беглых в ясачных землях, если в селении таких дворов было более трети²¹.

Выбор места нового жительства и скрытый переход нередко осуществлялись через найм на годовую гарнизонную службу в южные остроги и участие населения Приенисейского края в обслуживании Красноярских казенных заводов. Наконец, местные воеводы и приказчики Абаканского, Караульного и Саянского острогов к вольным переселенцам зачастую относились не по инструкциям центра, а исходя из конкретной обстановки в районе и своих соображений. Приказчики нередко разрешали поселенцам занимать «порозжие места» и даже ясачные угодья²².

Все это привело к тому, что во второй четверти XVIII в. темпы заселения юга уезда значительно превысили общеуездные. Если в уезде население между первой и второй ревизиями возросло в 1,4 раза (с 6023 р. д. до 8225 р. д.), то на юге его – в 4 раза (с 476 р. д. до 1915 р. д.). В районах южнее Красноярска сосредоточилось уже до 24 % всего податного населения уезда²³.

О неподатном русском населении (верстанные казаки с семьями и духовенство) прямых сведений нет. Судя по числу церквей

и количеству годовальщиков, которых присылали в южные остроги из других мест в 20–40-х гг., всего старожилов из неподатных с детьми мужского пола насчитывалось до 250 чел.²⁴ Конечно, красноярские казаки, как и годовальщики других районов Енисейского края, участвовали в дальнейшем заселении Хакасско-Минусинского района, но ведущую роль уже утратили. Сопоставление данных фискальных источников о размещении податных в 1735 и 1747 гг. с нарративными и картографическими материалами того же времени показывает, что основанные служилыми деревни составляли не более 1/4 всех новых селений, возникших между первой и второй ревизиями (18 из 35). До 1737 г. ими основаны Ульянова, Кривошеинная, Шилова, а еще через 10 лет – Сорокино, Худогово, Туранова, Козлова и Пчелина²⁵.

Окладная ревизская книга второй переписи и «Книга убылого населения...» между первой и второй ревизиями Красноярского уезда дают возможность выявить источники формирования податного населения юга уезда, его социальный состав и географическое размещение. По этим материалам, сведенным в табл. 2, переселенцы из Енисейского уезда составили всего 5 % податного населения юга уезда. Последнее не подтверждает вывода Л.П. Потапова, с которым согласился В.А. Александров, о широком переходе енисейских крестьян в Минусинскую котловину в первой трети XVIII в.²⁶

По второй ревизии не числятся также вольные российские переселенцы и беглые. Если даже всех местных и пришлых «прописных», т. е. не учтенных предыдущей переписью, считать за российских переселенцев и беглых, то и в этом случае они составят 2,3 % податных Хакасско-Минусинского района (52 из 1915 р. д.). Посадских, которые в основном пополнялись за счет различных пришлых и ссыльных, тоже было немного. Поэтому традиционное мнение о наплыве дальних переселенцев в глухой Минусинский район в первой половине XVIII в. следует пересмотреть²⁷.

Видное место среди источников формирования русского населения занимал и естественный прирост. В количественном выражении за 25 лет у старожилов он составил 434 р. д., т. е. годовой естественный прирост был довольно высок – 2,53 %. У осевших

Таблица 2

**Источники формирования и социальный состав податного населения
Хакасско-Минусинского района к середине XVIII в., душ муж. пола**

Категории населения	Крестьяне				Разночинцы				Итого						
	Учтены в первую ревизию, душ	Родился после пер. войн ревизию, душ	Всего	% к общему кол-ву	Учтены в первую ревизию	Родился после пер. войн ревизию	Всего	% к общему кол-ву	Всего	% к общему кол-ву					
				душ				семей			душ	семей	душ	семей	
Старожилы, записанные в первую ревизию	30	37	67	3,5	3,5	221	397	618	165	32,3	31,7	685	183	35,8	35,2
Из них участвовали в миграциях внутри уезда на юге	16	21	37	2,0	2,0	89	180	269	62	14	11,9	306	72	17	11,7
Пришлые всего	35	37	122	6,4	4,7	445	501	946	286	49,4	54,4	1068	311	55,8	59,1
В том числе: из других мест Красноярского уезда	9	15	24	1,5	1,2	444	500	944	285	49,3	54,4	968	298	50,8	56
из Енисейского уезда	26	72	98	4,9	3,5	1	1	2	1	-	-	100	18	5,0	3,1
Ссылные всего	127	35	162	8,4	5,7	-	-	-	-	-	-	162	30	8,4	5,7
Из них: поселенные до 1737 г.	4	5	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
поселенные при заводах	122	27	149	7,7	4,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
поселенные после работ на заводах	1	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	192	159	351	18,3	13,9	666	898	1564	451	81,7	86,1	1915	524	100	100

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 96–165. Не вошли верстанные казаки с детьми мужского пола, духовенство, посадские и те немногие переселенцы из томских, кузнецких, енисейских крестьян и разночинцев, которые могли платить деньги по старым местам жительства. Подсчет наш.

на юге уезда пришлых он был тоже значительным, хотя и на 0,32 % ниже, чем у старожилов (538 из 1068 р. д. дал естественный прирост за 25 лет). Согласно данным церковей юга Красноярского уезда о рождаемости и смертности за 1732–1734 гг. (материалы портфелей Г.Ф. Миллера), естественный прирост в эти годы был еще выше. Судя по этим данным, сведенным нами в табл. 3, на юге уезда население ежегодно увеличивалось за счет рождаемости в среднем на 43 души муж. пола и 38 душ жен. пола. Если условно принять, что общая численность русского населения к 1732 г. с учетом естественного прироста за 10 предыдущих лет после первой ревизии (430 р. д.) достигла 906 р. д., то получим

Таблица 3

Естественный прирост русского населения Хакасско-Минусинского района в 30-е гг. XVIII в.

Центр регистрации	Год	Родилось			Умерло			Всего		
		муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Село Потаповское	1732	10	5	15	3	2	5	7	3	10
	1733	9	5	14	3	–	3	6	5	11
	1734	12	8	20	3	–	3	9	8	17
Итого		31	18	49	9	2	11	22	16	38
Село Караульное	1732	26	28	54	7	5	12	19	23	42
	1733	31	37	68	8	6	14	23	31	54
	1734	42	33	75	10	13	23	32	20	52
Итого		99	98	197	25	24	49	74	74	148
Острог Абаканский	1732	8	8	16	–	2	2	8	6	14
	1733	13	9	22	4	1	5	9	8	17
	1734	18	12	30	2	2	4	16	10	26
Итого		39	29	68	6	5	11	33	24	57
Итого	за три года	169	145	314	40	31	71	129	114	243
	за год	56,3	48,3	104,6	13,3	10,3	23,6	43	38	81

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порг. 481, тетр. 5, л. 96 об. – 97.

годовой прирост 4,7 %. Таким образом, можно достаточно уверенно предположить, что естественный прирост составлял как минимум 2,5 % в год²⁸.

Главную роль в заселении во второй четверти века сыграли «перешедшие собой крестьяне и разночинцы». Сведения о местах выхода и оседания мигрантов по социальным группам отражены в табл. 2, 4, 5. Основная масса пришлых переселилась из старожильческих мест Красноярского уезда, всего 968 р. д., или 51 % всех жителей юга уезда по второй переписи. Это составило 1/2 всех мигрантов уезда в 1722–1747 гг. Интенсивно шел отток населения из Красноярска и его округа, которые дали до 2/3 всех пришлых. Выходцы из Красноярска были почти в каждом втором из 50 селений юга уезда к середине XVIII в. Одна треть всех мигрантов из более северных районов тоже осела здесь, а прочие ушли в Канскую лесостепь. Расселение происходило как бы волнами. Почти половина старожил юга уезда (306 р. д. в 72 семьях) в 20–40-е гг. XVIII в. сдвинулась южнее и западнее, а население старых селений выросло почти в 2,5 раза за счет пришлых из других районов. Старожилы были во главе переселенческой волны. Именно ими основаны почти все новые деревни (всего 20). Это не бродячие ловцы удачи, привыкшие к перемене мест, как писали буржуазные историки. Анализ мест выхода и оседания старожил показывает, что в основном силами выделившихся семей шло целенаправленное хозяйственное освоение новых земель в районах старых поселений.

Расширение очагов уже освоенных земель и создание новых осуществлялось на базе заимок и промысловых избышек. Средний радиус перехода старожил равнялся 20–30 верстам. Заимки быстро росли за счет большесемейных, а значит, экономически более дееспособных переселенцев из дальних районов Енисейской провинции. Одиночки или малосемейные чаще всего шли в старожильческие селения, где имелись окультуренные земли и легче было через найм обзавестись своим хозяйством.

Средние цифры состава семей пришлых, осевших в старых и новых деревнях (соответственно 3,2 и 4,4 р. д. в семье), на первый

**Миграции крестьян в Хакасско-Минусинском районе
во второй четверти XVIII в., душ муж. пола**

Места оседания	Районы выхода														Итого	
	Внутренняя миграция			Из прочих мест Красноярского уезда			Из Енисейской провинции			Ссылка						
	Семей	душ	селений	Семей	душ	селений	Семей	душ	селений	Семей	душ	селений	Семей	душ	Семей	душ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	11	12	13	14		
Остроги: Абаканский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	4	1	4	3		
Караулный	-	-	-	1	2	1	-	-	-	-	-	1	2	1		
Деревни: Белыцкая	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	1	2	1		
Еремеево (Трифоново)	-	-	-	1	3	1	-	-	-	-	-	1	3	1		
Села: Потаповское	-	-	-	1	1	1	-	-	-	1	4	2	5	4		
Новоселово	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	2	3	1		
Итого в старых селениях	-	-	-	3	6	3	-	-	-	5	13	8	19	11		
Деревни: Шушская	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	1	1	-		
Пойлово	1	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	4	3		
Шалоболдино	1	10	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	10	4		
Байкалова	-	-	-	1	2	1	-	-	-	-	-	1	2	1		

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	11	12	13	14
Ерба	1	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	2
Онашская	1	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	2
Янова	-	-	-	1	7	1	-	-	-	-	-	1	7	5
по р. Юсу	2	9	1	2	8	1	17	98	9	-	-	21	115	82
Тумнина	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Онисимова	3	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	5	3
Итого в новых селениях	10	37	4	5	18	4	17	98	9	-	-	32	153	103
ВСЕГО	10	37	4	8	24	7	17	98	9	5	13	40	172	114

Примечание. См. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 96-165 об. Только три души муж. пола в 2 семьях были из г. Красноярска (л.102, 120). Прописных из крестьян было двое, один из них – Алексей Бутаков – жил в дер. Шушской. Подсчет наш.

**Миграции разночинцев в Хакасско-Минусинском районе
во второй четверти XVIII в., душ муж. пола**

Места оседания	Районы выхода														
	Внутренние миграции		Красноярск		Из прочих мест Красноярского уезда		Прописные		Итого						
	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	Родивсь после пер-вой ревизии	душ	Всего	селений		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Остроги:															
Абаканский	-	-	-	9	29	9	29	4	2	4	-	20	38	62	5
Караульный	-	-	-	7	22	-	-	-	-	-	-	7	12	22	1
Деревни:															
Сыднская	-	-	-	9	28	12	35	4	3	5	-	24	42	68	5
Бельцкая	-	-	-	4	19	15	53	6	1	2	-	20	20	74	7
Бирь	-	-	-	1	1	10	36	7	2	4	-	13	27	41	8
Еремеево (Трифоново)	-	-	-	1	2	3	27	3	-	-	-	4	15	29	4
Медведево (Убей)	1	2	1	4	27	6	26	2	-	-	-	11	33	55	4
Сисимская	-	-	-	7	19	15	42	5	3	11	-	25	43	72	6
Даурская	-	-	-	7	17	1	2	1	3	5	1	11	11	24	3
Дербинская	6	25	4	5	10	2	14	2	-	-	-	13	25	49	7
Язагашская	-	-	-	3	6	-	-	-	-	-	-	3	6	6	1
Ермолаево	2	6	1	1	5	1	3	1	-	-	-	4	10	14	3
Села:															
Потаповское	-	-	-	7	12	2	15	2	-	-	-	9	15	27	3

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Новоселово	6	22	2	13	42	6	13	6	1	2	-	26	27	79	9
ИТОГО в старых селах	15	55	8	78	239	82	295	8	15	33	1	190	324	622	
Деревни:															
Шушская	-	-	-	-	-	3	7	3	-	-	-	3	4	7	3
Шуверская	1	3	1	4	14	4	5	4	1	2	-	10	15	24	6
Пойлово	-	-	-	-	-	1	5	1	-	-	-	1	4	5	1
Шалоболдино	-	-	-	-	-	7	23	3	1	1	-	8	13	24	3
Байкалово	-	-	-	-	-	8	31	3	-	-	-	8	21	31	3
Ерба	4	10	3	-	-	7	29	4	-	-	-	11	23	39	7
Тесь	-	-	-	-	-	1	8	1	-	-	-	1	3	8	1
Онашская	7	29	3	1	6	2	4	2	-	-	-	10	28	39	6
Янова	2	7	1	1	6	3	10	2	-	-	-	6	14	23	4
по р. Юсу	16	94	3	3	14	7	18	5	-	-	-	28	71	128	9
Комы	2	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	5	2
Кривошеинная	8	22	4	-	-	5	27	4	1	1	-	14	31	50	8
Тумина	1	10	1	1	5	4	11	3	-	-	-	6	17	26	5
Онисимова	1	3	1	8	28	2	17	1	1	2	-	12	28	50	3
Караульная	3	23	1	2	3	-	-	-	-	3	-	6	16	29	2
Юшкова	2	8	2	2	8	1	5	1	-	-	-	4	11	21	4
Итого в новых поселениях	47	214	8	22	84	55	203	?	4	9	-	130	302	509	?
ВСЕГО	62	269	16	100	323	137	495	?	19	42	-	320	626	1131	?

Примечание. См. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 96-165 об. В дер. Медведево не учтены 2 рекрута, взятых в службу в 1747 г. (л. 119 121); в деревнях на Юсе из разночинцев только семья Алексея Похабова вышла из Кемской слободы Подпорожного прихода Енисейского уезда (л. 148 об.). Подсчет наш.

взгляд недостаточно убедительно раскрывают отмеченную особенность размещения поселенцев. Дело в том, что эти данные нивелированы: при наличии свободных угодий или в силу своих торгово-ремесленных занятий отдельные крупные семьи оседали в старых селениях. Кроме того, некоторые маломощные семьи, поселившись первоначально в старых деревнях, через несколько лет по хозяйственным соображениям или из-за преследований местных властей переходили в новые, менее обжитые районы. Число тех и других было примерно равным; поэтому распределение мигрантов между старыми и новыми селениями (соответственно 57 и 43 %) будет в известной степени отражать и их имущественное положение. Отсюда можно заключить, что переселялись в основном маломощные и среднезажиточные семьи, которые с переходом надеялись улучшить свое положение.

На миграционные процессы и размещение русских в Хакасско-Минусинском районе заметный отпечаток наложило присутствие хакасского населения. По второй ревизии на юге уезда на каждого русского приходилось два хакаса²⁹. Ясачные защищали свои угодья и земли, прибегая и к жалобам, и даже к силе. Поэтому русские часто вступали в поземельные сделки с хакасами, пытаясь «по закладным и поступным записям от ясашных иноземцев» как-то оформить юридически свое пребывание на новых местах. Так на правобережье Среднего Енисея и в Енисейско-Чулымской котловине стало складываться чересполосное размещение русского и хакасского населения. Это ускоряло этногенез хакасов и способствовало углублению взаимных хозяйственно-культурных влияний. Более тесные, в том числе и родственные, связи старожилов с хакасами обусловили также их высокую миграционную активность.

Особенности и характер заселения, а также удаленность Хакасско-Минусинского района от соседних старожильческих районов и крайнее его положение по отношению к главному пути, по которому шло переселение в Среднюю и Восточную Сибирь, – все это обусловило географическое размещение русских (см. первый форзац книги).

К середине XVIII в. русские по-прежнему проживали в Енисейско-Чулымской котловине, а также на севере Минусинской

впадины, где было меньше хакасов, особенно после устройства казенных заводов. В Предсаянье, южнее устья р. Абакан, кроме трех казенных деревень, лишь в 40-х гг. появилось 4 деревеньки, в том числе и Шушенская (в документах – Шушская).

Приведенные данные о численности русского населения в Хакасско-Минусинском районе и о темпах его прироста по сравнению с другими районами опровергают традиционное мнение, что территория южнее Красноярска была почти не заселена, а рост русского населения во второй четверти XVIII в. шел крайне медленно³⁰.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ РАЙОНА В 20–40-Е ГГ. ВЛИЯНИЕ КРАСНОЯРСКИХ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дореволюционные исследователи Н. Зобнин, В.И. Семевский, В.А. Ватин, а в наше время Э.Э. Гешеле и В.В. Воробьев³¹ считали, что власти организовали принудительное переселение сибирских крестьян в заводские районы, в результате чего и появились так называемые «поселенные крестьяне». О ссылке упоминалось вскользь. Лишь Н. Зобнин гипотетично говорил о ее заметной роли в формировании особой категории «поселенных крестьян».

Наряду с признанием положительного влияния заводов на заселение юга имеются и иные высказывания. Так, В.Г. Карцов утверждает, что деятельность казенных металлургических предприятий хотя и сдерживала вольную миграцию, но почти не сопровождалась принудительным заселением³².

Масштабы принудительной колонизации, соотношение в ней ссылки и принудительного перевода работных, деятельность горных властей по заселению заводских районов сибирскими крестьянами и ее результаты – все это осталось нерешенным.

Принудительное заселение Хакасско-Минусинского района в 20–40-е гг. связано с попыткой правительства наладить эксплуатацию рудных богатств района. До учреждения Красноярских заводов ссылка была эпизодической ввиду слабой освоенности

присоединенной территории и земельной политики в отношении ясачных угодий³³.

Наиболее перспективные для разработки медные и железные руды находились в глухих малонаселенных местах: на р. Уя близ Саянского острога, на левых притоках Абакана – Сыре, Базе, Нене, Уйбате и р. Ирба, правом притоке Тубы.

Енисейский посадский Андрей Соколовский пытался разрабатывать медные руды на р. Уя еще в 1732–1735 гг. Недостаток средств, затруднения с рабочей силой и отсутствие специальных знаний привели к тому, что А. Соколовский обратился за помощью к казне. Прибывший горный надзиратель Егор Арцыбашев в 1735–1736 гг. трижды обследовал руды Красноярского уезда и рапортовал об исключительной выгоде их эксплуатации. Заведение А. Соколовского за 300 руб. было куплено в казну, и Е. Арцыбашев начал добычу руды для будущего медного Луказского завода. Он же первый поставил вопрос перед Екатеринбургом о присылке для заводских работ ссыльных или «горных служителей». Кроме того, Е. Арцыбашев предлагал приписать к намечаемым Луказскому и железному заводу на р. Ирба податное население Красноярского уезда³⁴.

Начальником Сибирских и Казанских заводов был в то время Василий Никитич Татищев, один из «птенцов гнезда Петрова», первый российский историк. Получив обнадеживающие результаты проб лучших руд, присланных от Е. Арцыбашева, он вошел в Берг-коллегию и Кабинет с предложением открыть медный Луказский завод и приписать к заводу русское население ближних мест. Однако Кабинет колебался, предпочитая реальные суммы подушных платежей будущим высоким прибылям. Кроме того, силами немногочисленного населения бассейна Енисея нужно было обслуживать учреждаемый Московский тракт и Вторую Камчатскую экспедицию. Поэтому 8 июня 1737 г. Кабинет разрешил привлечь податное население только для строительства заводов с оплатой их труда по «плакату», т. е. по казенным расценкам. Одновременно рекомендовалось выяснить, нельзя ли «вольными людьми тот завод содержать» или передать эксплуатацию руд частным лицам³⁵.

В.Н. Татищев настоял на том, чтобы Луказский завод принадлежал казне и строился как можно скорее. Исходя из завышен-

ной Е. Арцыбашевым оценки запасов и качества медных руд, В.Н. Татищев определял прибыль от одного медного завода минимум в 25 тыс. руб. ежегодно. 7 августа 1737 г. В.Н. Татищев писал с дороги из Самары: «Медной же Красноярской (завод. – Г.Б.), если людьми удовольствован будет, – 10 000 пуд меди может поставить дорогою ценою. (Если. – Г.Б.) пуд из четырех в деньги переделать – по 10 рублей прибыли будет, а за расходом – по 5 рублей, итого 50 000 рублей, а если продать по 6 рублей с половиной, то 25 000 рублей чистой прибыли»³⁶. Перспектива через три года получить такой доход заставила центральное правительство действовать более решительно. Срочно была затребована смета расходов, а 17 августа и 3 декабря 1737 г. изданы указы о строительстве медного Луказского и обслуживающего его железного Ирбинского заводов.

Заводы решили строить с весны 1738 г., «употребляя к тому рекрут и ссыльных и что к тому потребно Красноярского уезду крестьян». Уже 16 декабря 1737 г. Е. Арцыбашев сообщал в Екатеринбург, что из Томского горного начальства на Луказку прибыли с казной 27 чел. команды, а «достальные же солдаты, рекруты и мастеровые и ссыльные 268 человек оставлены за недостатком при заводе провианта в Абаканском остроге и при оном в деревнях, от завода в 45 верстах». Весной 1738 г. прибыло из Кузнецка еще 57 рекрутов и 200 чел. ссыльных³⁷. В разгар строительства завода поступила новая партия ссыльных из 200 чел. Она встретилась ученому И.Г. Гмелину осенью 1739 г. у дер. Еловка близ Красноярска³⁸. С 1739 г. стали присылать крестьян и разночинцев из Тобольска, Томска и других городов для отработки недоимок по подушным платежам³⁹. Поступление ссыльных и других работников прекратилась с июня 1742 г., когда из-за трудностей в реализации продукции был закрыт Ирбинский завод и из-за нехватки хорошей медной руды свертывалась работа Луказского завода⁴⁰.

Общую численность принудительно присланного населения трудно определить из-за высокой смертности, бегства и амнистии 1740 г. Бирона, о чем сведений почти не сохранилось. Однако с уверенностью можно сказать, что первоначально для ведения основных работ заводы с избытком были обеспечены рабочей силой.

Утверждение В.Г. Карцова, что до 1741 г. главной рабочей силой на заводах были крестьяне и разночинцы Енисейского края, которых сменили ссыльные, не подтверждается источниками⁴¹. В портфелях Г.Ф. Миллера сохранились ответы Красноярского горного начальства на анкету ученого, доставленную им самим на заводы 13–16 сентября 1739 г. По «Табели служителей и рабочих людей», на Луказском заводе числилось 529, а на Ирбинском – 417, всего 946 чел. Из них было 83 чел. администрации с лекарем, учителем и учениками, 71 солдат во главе с сержантом, 76 рекрутов, 154 заводских служителя и 562 ссыльных⁴². Некоторым штейгерам, мастерам, рабочим, солдатам и даже рекрутам разрешили сразу прибыть с семьями, а другие перевезли их несколько позже⁴³. Была даже открыта школа, в которой к 1739 г. обучалось наукам «словесным и письму» 53 ученика от 7 до 15 лет⁴⁴.

Первоначально все прибывшие размещались только при заводах и в трех рудничных поселках. На Саянском, Сыринском и Базинском медных рудниках было выстроено: 1–2 квартиры для штейгеров, 1–2 казармы для ссыльных, размерами 5×3 сажени каждая, бани, кузницы, сараи для хранения инструментов. Казармы ссыльных обносили «стоячим острогом», а весь поселок – надолбами. У шурфов, шахт и ям, где брали руду, стояли специальные сараи. На Луказском заводе, кроме различных производственных сооружений, построили 6 казенных квартир, командирский двор и канцелярию. Против нее под горой находилась «казарма для содержания колодников с перерубами, в ней одно окошко колодное, окончина слюденая, 6 чуланов с дверями и замками». Основная масса каторжных размещалась в двух общих казармах размерами «4 1/2×4 1/3 сажени, обнесенных тыном стоячим». На Ирбинском заводе были выстроены две квадратные казармы по 3 сажени 2,5 аршина с сенями, в которых помещались все присланные ссыльные, поскольку добыча руды велась у самого завода⁴⁵. Вокруг заводов и рудников возводились палисады и надолбы для предупреждения возможных нападений со стороны качинцев и койбал, а также на случай вторжения джунгар.

Положение ссыльных, приравненных к ним недоимщиков и рекрутов было очень тяжелым. Они размещались в тесных казар-

мах под строгим надзором солдат, получали скудный месячный солдатский паек – 1 пуд 30 фунтов муки и 2 коп. в день за работу. Согласно указу Петра I от 28 января 1725 г., подтвержденному в 1730 г. Берг-коллегией, каждому ссыльному выдавали в год «две пары голиц, пару варег, 3 пары упоков», 12 аршин подкладочного холста на рубашки, 8 аршин хрящевого холста на «порты», один на два года сермяжный кафтан и раз в три года баранью шубу. Готовое платье власти не завезли. Не было ремесленников, чтобы шить одежду и изготавливать кожаные коты и голицы. Выданный материал ссыльные часто через солдат продавали или выменивали на вино, которое в избытке имелось в питейных домах поселков, быстро появившихся за палисадами заводов. В первые два года работным из ссыльных давали по 3 коп. за рабочий день, но без выдачи одежды, обуви и провианта⁴⁶.

Полуголодные и плохо одетые, выполняя самую тяжелую подсобную работу при заводах, работая киркой по 10–14 ч. в низких ямах и шурфах, катая тяжелые тачки с рудой, ссыльные быстро выходили из строя. Тяжело больных помещали в госпиталь, где Сизиков, лекарь из тобольских недоимщиков, по ироническому отзыву И.Г. Гмелина, «никому не мог причинить вреда по неимению лекарства»⁴⁷. Если человек оказывался совсем негодным к работе, то его отправляли в Красноярск или в какую-нибудь деревню на «свое пропитание». Например, в промемории Красноярского горного начальства в Красноярскую воеводскую канцелярию от 9 января 1741 г. сообщалось следующее: по жалобе каторжного Ивана Ивунина на немощь лекарский ученик Сизиков обследовал его и пришел к выводу, что Ивунин «... болен ногами в коленных... и затем в заводских работах быть не может... Определенно:... каторжного Ивана Ивунина по силе Указа из канцелярии заводского управления отослать в г. Красноярск... для содержания с прочими каковыми...». Согласно справке, он был сослан «... за подговор к побегу Сузунского заводу Константина Шилова снохи ево Василисы и за кражу у него пожитков и за удушение оной женки вместо смертной казни с наказыванием кнутом и вырезыванием ноздрей. А приметы ево... ростом 2 аршин 4 вершка, волосы и борода – русые, глаза серые, на правой щеке рубец, 35 лет»⁴⁸.

Ссылные, особенно молодые, часто совершали одиночные и групповые побеги. Штейгер Ирбинского завода Лука Вострая Сабля доносил, что 30 апреля 1741 г. с завода бежали пять молодых работников, прихватив казенные плотничьи топоры и огнива. В том же 1741 г. 30 мая ночью с Луказского завода бежали фурновой подмастерье и 4 работника из каторжных, у которых были бритые лбы и клейма. Сама администрация признавала, что ссылных «побеги не без нужды были, ... а бегали чаще от хлебной скудости»⁴⁹. Особенно часто бегали «от голода, цынги, скудных хлебных дач» томские и кузнецкие рекруты и недоимщики, которые по условиям жизни отличались от ссылных и каторжных только большей свободой передвижения. Не помогали даже «поручные круговые записи по 4 и по 7 человек», практиковавшиеся горными властями⁵⁰.

В фонде канцелярии главного управления Сибирских и Казанских заводов сохранилось следственное дело о беглом рекруте с Красноярских заводов, раскрывающее историю превращения обычного сибирского крестьянина в бесправного работного человека. Тихона Чахлова, крестьянина-старожила, из дер. Чахловой Томского уезда, взяли в рекруты в феврале 1738 г. Вместе с другими рекрутами он попал в первую группу, которую отправили во главе с Егором Арцыбашевым и поручиком Исаем Лукашевым на строительство Красноярских заводов. Рекрутов определили на рубку дров. До марта 1739 г. Тихон, как и все, получал только хлеб по 1 пуду 30 фунтов в месяц без крупы и соли. В марте, как показал на допросе Т. Чахлов, все рекруты «многократно словесно просили И. Лукашева и Е. Арцыбашева о выдаче им сполна провианта, соли, а также о замене порвавшейся одежды и обуви. Горное начальство отказалось удовлетворить их законные просьбы. От цынги и голода администрация цинично предложила им одно средство – есть сосновую кору. Тогда Чахлов с двумя товарищами бежал. Долго они пробирались «пустыми местами» домой в Томский уезд. На р. Яе беглецы два дня жили у татарина в юрте, а затем разошлись по деревням. Чахлов, добравшись до своей деревни, пробыл там «тайно 2 ночи», а затем ушел в степь на р. Чумыш в соседний Кузнецкий уезд. Лето он прожил в лесу, питаясь рыбой. Осенью, услышав об указе 29 ноября 1740 г., ко-

торым объявлялась амнистия беглым рекрутам, солдатам и матросам, Тихон явился в Бердский острог с повинной. После допросов в мае 1741 г. его снова отправили на Красноярские заводы⁵¹.

Подневольный малопроизводительный труд, дороговизна хлеба и других съестных припасов, одежды, обуви, частые побеги – все это сказывалось на себестоимости заводской продукции и вынуждало искать пути сокращения слишком высоких расходов.

Выяснилось, что заготовленные впрок Е. Арцыбашевым 200 тыс. пудов медной руды очень плохого качества и Лукацкий завод вряд ли даст ожидаемую высокую прибыль. В ответ на рапорт бергмейстера Н. Клеопина В.Н. Татищев 24 января 1739 г. распорядился срочно поставить две плавильных печи «для подлинного о доброте сысканой медной руды познания»⁵². Пробные плавки 1739 г. показали, что 1 пуд меди на месте обходится в 6 руб. 84 коп., а с учетом издержек за провоз производство становится убыточным⁵³.

Чтобы выправить положение, Н. Клеопин ведет интенсивные поиски лучших руд, для чего позже даже выписал специалистов-саксонцев: «лозоходца Гауза со штейгерами»⁵⁴. Для экономии казенных средств при каждом заводе с осени 1740 г. стали распахивать по 10 десятин казенной пашни, а позже сократили плату каторжным до 1 коп. в день⁵⁵. Наконец, некоторых ссыльных, высвободившихся после строительства Ирбинского завода, разместили осенью 1739 г. в особых деревнях. В донесении в Екатеринбург от 15 декабря 1739 г. Н. Клеопин разъяснил, что селили «для того резону, что здесь места пустые, крестьян во близости нет и от того хлеб дорог, ибо (а. – Г.Б.) по поселении (они. – Г.Б.) будут хлеб пахать и могут тем самым довольствоваться и на заводы, приводя продавать и из-за того работы заводские отправлять и тако им выход и заводам заселение. И впредь оные надежнее будут, ибо по дороговизне здесь провианта, платья и обуви дача за работы вечно осужденным с платой поселенным равняется, а еще с них, как поселятся, и подушные деньги в казну приходять будут»⁵⁶.

Поселенные ссыльные получали за деньги, а чаще в долг казенную лошадь, семена, освобождались на два года от заводских работ, находясь в это время на казенном содержании. Учитывая, что поселенные не могли сразу обжиться, им разрешили по «осо-

бому отпуску», который выдавал десятский деревни или староста всех поселенных, искать себе приработка наймом у старожилов⁵⁷. Негодных к заводским работам также стали оставлять в Хакасско-Минусинском районе, если они располагали какими-то средствами к жизни.

В деле об убийстве каторжного Карпа Иванова сохранилась копия его паспорта, какие обычно выдавались каждому поселенному. Этот редкий документ дает представление о том времени, процедуре освобождения от работ и условиях определения ссыльных «на землю».

Документы позволяют проследить дальнейшую судьбу каторжника. К. Иванов решил при Ирбинском заводе «торговый промысел к пользе заводских жителей открыть». 4 мая 1741 г. он взял до сентября «отпуск» для проезда в Красноярск и Енисейск, чтобы приобрести мелочные товары и обувь. В ноябре 1741 г. Карп Иванов, возвращавшийся с товаром, был убит беглым каторжником⁵⁸.

Первые казенные деревни с поселенными ссыльными, согласно распоряжению Н. Клеопина, появились на дорогах, связывающих Ирбинский завод с рудниками, Луказским заводом и Абаканским острогом⁵⁹.

В эти деревни постоянно поселяли все новых и новых каторжных. Но мало кто смог вынести трудности, сопряженные с обезлюдением хозяйства на целинных землях. Часто приходилось жить без семьи, а все самое необходимое стоило очень дорого. Многих постигла участь ссыльного Ивана Иванова. Отправленный в 1740 г. в дер. Шушскую, он через год умер от физических недугов и непосильного труда. В донесении от 16 апреля 1741 г. десятник деревни Шмелев сообщал, что кроме серой лошади, отданной священнику Абаканского острога «за погребение и сорокоуст», от Иванова «пожитков и в земле посеянного хлеба ничего не осталось»⁶⁰. Другие поселенные убегали, пользуясь «покормежными отпусками». Некоторые ссыльные, непривычные к тяжелому крестьянскому труду, промышленляли у ясачных и старожилов, даже раскапывали многочисленные курганы, добывая «могильное золото».

Очевидно, управитель Н. Клеопин вскоре разочаровался в казенных деревнях, заселенных одними ссыльными. В документах

1742–1747 гг. уже нет упоминаний о новых казенных селениях, а с закрытием Ирбинского завода опустели деревни Салбинская и Раменская. Более перспективным стало казаться Н. Клеопину расселение ссыльных по старожильческим деревням. Так, в декабре 1741 г. ставился вопрос о размещении всех каторжных по селениям Красноярского и Енисейского уездов⁶¹. Дело в том, что с обслуживанием заводов справлялись мастеровые, рекруты и недоимщики, поскольку из-за плохих руд и их «пресечения» на Луказском заводе из восьми печей действовало четыре, причем только в течение двух-трех месяцев⁶². Однако из-за недорода в Енисейском уезде этот план не был осуществлен. Группу «секретных колодников» все же отправили в Екатеринбург, а некоторых, вероятно, в Томск.

Дальнейшая история принудительного заселения Хакасско-Минусинского района тесно связана с судьбой заводов. После многочисленных неудачных попыток найти хорошие медные руды или передать предприятия частным лицам заводы законсервировали: Ирбинский – с 9 сентября 1742 г., а Луказский – с 10 апреля 1745 г.⁶³ Больного канцеляриста Григория Серебряникова с командой из 9 солдат решено было оставить для охраны казенных строений и поисков руд. В административно-фискальном отношении ему подчинили всех поселенных по деревням ссыльных и осевших на заводах ремесленников из каторжных. Работавших при заводах ссыльных, согласно распоряжению канцелярии главного управления Сибирских заводов, также повелевалось поместить на пашню с выдачей им за круговой порукой казенной ссуды хлебом и лошадьми. В это время на заводах работало 202 чел., а в деревнях насчитывалось 178 поселенных. 9 января 1746 г. Берг-коллегия с некоторыми изменениями утвердила решение Екатеринбурга о закрытии заводов. Мастеровых и ссыльных, у кого не было своего хозяйства, передали на заводы Восточной Сибири. Всего отправили в Нерчинск – 109 заводских служителей и 24 – в Якутск. Кроме того, 46 заводских служителей, задолжавших казне, канцеляристов и детей-сирот перевели в Екатеринбург. Поселенных ссыльных и мастеровых, «кои пашни имеют и кроме жалования пробыть могут», оставили на месте до указа. Всего в уцелевших 7 деревнях остался

91 поселенец, а при заводах – 29 негодных к работам и 23 «отставных» каторжника. Собираемые с них подушные деньги шли на жалованье Г. Серебряникову и его команде. В 1747 г. при проведении второй подушной ревизии поселенные ссыльные были учтены особо (табл. 6).

Таблица 6

**Численность и семейный состав поселенных ссыльных
в Хакасско-Минусинском районе
(по материалам второй ревизии)**

Деревни	Дворов	Душ муж. пола	
		всего	из них родились после 1722 г.
Шушская (Шмелева)	9	10	1
Верхнетубинская	13	18	5
Городок	12	13	1
Минусинская	16	26	10
Потрошилова	14	18	4
Койская	14	14	-
Каменка	15	17	2
ИТОГО	93	116	23
Каторжные в заводских работах	29	33	4
Итого	122	149	27

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 312 об. – 317. Семейных, вероятно, было больше, так как учитывались только души мужского пола.

Всего в уезде ссыльных – бывших заводских работников, по переписи 1747 г., числилось 180 р. д., так как 31 чел. жил «на своем пропитании» в Красноярске и 7 – в старожильческих селениях⁶⁴. Таким образом, только 15 % всех присланных на Красноярские заводы можно считать постоянным населением юга Приенисейского края, что составило около 8 % податного населения Хакасско-Минусинского района к середине XVIII в. Но они оставались в распоряжении Берг-коллегии и не были подчинены местным властям.

Роль заводов в миграционных процессах не сводится только к этому скромному итогу. Как уже отмечалось, Кабинет разрешил использовать податное население Красноярского уезда при строительстве заводов с оплатой труда «по плакату». Фактически же и после строительства заводов на различных вспомогательных работах использовались, кроме красноярских, еще томские, кузнецкие и енисейские крестьяне и разночинцы. С населения этих уездов взимались деньги на содержание Красноярских заводов, всего 20 тыс. руб.⁶⁵ Частично подушные сборы договорились заменять работой на заводах. Проведя сверху эту своего рода коммутацию ренты, горное начальство получило дешевую рабочую силу для трудоемких работ и транспорт, а воеводы доносили о бездоимочном сборе подушных денег. Ежегодно с 1739 по 1743 г. главный управитель Красноярских заводов принимал в зимне-весеннее время в среднем до 100 чел. на «лошадях со своими кормами» для подвоза руды, дров, древесного угля, сооружения и ремонта плотины. С 1740 г. в зачет заводских работ крестьяне пахали под овес для казенных лошадей по 10 десятин пашни на каждом заводе, а с 1744 г. Екатеринбург разрешил расширить запашку до 100 десятин⁶⁶.

Расходы, связанные с выполнением работ, значительно увеличивались из-за длительного, в сотни верст, пути к заводам. Так, крестьяне присуда Большой Ялани Енисейского уезда затрачивали на дорогу «месяц и больше», не получая до 1743 г. никакой платы. Снаряжение каждой подводы или ее найм обходился им в 15 руб.⁶⁷ Поэтому красноярские, енисейские, томские, кузнецкие крестьяне и разночинцы не раз подавали прошения о переселении в при заводские районы. В разрозненных делах горного начальства за 1739–1741 гг. обнаружено только от красноярских податных четыре подобных коллективных просьбы⁶⁸. В прошении от 28 февраля 1741 г. разночинцы Балчесского, Бузимского и Ладейского станков писали: «Желаем для случившихся при здешнем Луказском медном заводе заводских работ и пахоты хлеба и для распространения здешних заводов поселиться дворами над Ойей рекою, где повелено будет, понеже мы из домов своих на здешние заводы в работу беспрестанно и за дальностью от домов нам в проездах чинятся излишние тяготы. Того ради

Красноярское горное начальство с покорностью просим, чтоб повелено было при здешнем заводе над Ойей рекою поселиться и отвести нам под строение дворов, места для пахоты пашенных земель и сенных покосов, а подушных денег платить нам сюда повсягодно бездоимочно с 1741 г.»⁶⁹.

Заводские власти, естественно, тоже были заинтересованы в притоке вольных переселенцев. Из ответа на анкету Г.Ф. Миллера видно, что для обеспечения нормальной работы заводов уже в 1739 г. горное начальство в Красноярске разработало целый план заселения при заводских районов. Власти намеревались расселить 930 крестьянских дворов⁷⁰, в том числе для Луказского завода: на р. Коя в шести верстах от завода – 60 дворов; на Енисее в девяти верстах на перевозе – 20; на Тубе на новостройке в 30 и 50 верстах – 500; близ дер. Тазыкуль в 40 верстах – 40; по р. Луказ в 20, 30 и 40 верстах – 60 и на р. Минусе в 20 верстах – 30 дворов. Вокруг Ирбинского завода предполагалось разместить 220 дворов, в том числе по Тубе на правой стороне в 27 верстах от завода – 60; по р. Ирба в 5, 10 верстах и на реках Большая и Малая Грязнуха в 90 верстах – 100; на р. Шушь в 25 верстах – 40; на р. Салба в 40 верстах – 20 дворов.

Поэтому управители заводов разрешили селиться в назначенных ими местах всем пришлым из России и из отдаленных уездов Сибири. Так, при Н. Клеопине получили право жить в Абаканском остроге и дер. Беллыцкой и «никуда без указа не съезжать» архангельские отставной солдат Петр Бекешин и посадский Григорий Уледников, волобуйский посадский Сергей Рожин⁷¹. Однако податных Приенисейского края горное начальство не могло принимать без «отпусков» местных властей. Отношение же воевод ближних уездов к легальному заселению Хакасско-Минусинского района определялось указами Кабинета о неприписке крестьян и разночинцев к заводам и стремлением обеспечить бездоимочный сбор ясака с хакасов. Поэтому красноярские воеводы и во время существования заводов продолжали рассылать указы приказчикам Абаканского и Саянского острогов о преследовании вольных поселенцев вплоть до слома их дворов⁷².

Местные власти лишь чаще стали отправлять на юг уезда ссыльных на поселение. Так, 11 декабря 1740 г. из Енисейска в

Красноярский уезд прибыл на поселение ссыльный Василий Поленов «за ложное его показание на мангазейского управителя Семена Соснина и других лиц по злобе... Велено его на житье определить в дальний острог и написать в пашню и в подушный оклад». Красноярский воевода капитан Григорий Карташов 31 декабря направил В. Поленова в Саянский острог. Указ управителю Абаканского острога Петру Кольцову предписывал «при том Саянском остроге отвести под дворовое строение, пашню и под сенные покосы порозжие места против его братии крестьян и по указу Сибирской губернской канцелярии от 13 мая 1732 года... дать ему льготы на 2 года и по прошествии оных двух лет збирать с него подушные семи и 4 гривенные деньги с предбудущего 743 г. повсегодно сполна...»⁷³. Между 1740–1744 гг. был прислан за какие-то вины «прописной» крестьянин Савва Бутakov. Приказчик Саянского острога поместил его на ясачных землях у переправы через устье р. Шушь, правого притока Енисея, поскольку с появлением рудника южнее Саянского острога на рч. Уя дорога на Луказский завод и в Абаканский острог стала более оживленной. Так возникла дер. Шушенская⁷⁴.

Главный управитель заводов Н. Клеопин настойчиво пытался легализировать заселение при заводских районов. Послав соответствующее доношение по своей инстанции в Екатеринбург, он одновременно обращается в Красноярск с резонными доводами о необходимости разрешить вольные переходы. В пространной промемории от 4 марта 1741 г. он подчеркивал, что из-за «близкого приезда на завод к работам по нарядам» переселение принесет пользу и заводам, и самим крестьянам: «Заводам в случае чрезвычайных работ... крестьян скорее взять можно», а хлеб «через такое заселение... довольнее и дешевле будет». Почувствуют, по мнению Д. Клеопина, облегчение и остальные крестьяне уезда, так как они «от работ и дальнего перехода освободятся... и лошади приставать... в дальних переходах не будут». Затем он давал понять, что в любом случае переселение неизбежно, поскольку заводам без этого «надлежащего успеха возыметь невозможно». Следовательно, «лучше оным охотникам позволить поселиться, нежели впредь не по их воле для; того поселения переводить». Главный управитель предложил, не дожидаясь указа,

удовлетворить все просьбы о поселении близ заводов и не брать с прошений поселенцев пошлин, чтобы «охоты... к поселению не отнять». Предупреждая опасения воеводы относительно возможной путаницы в фискальных счетах, Н. Клеопин соглашался, чтобы до официального указа подушные деньги с переселенцев по-прежнему собирала воеводская канцелярия⁷⁵. По сути дела, он хотел приписки к заводам крестьян-переселенцев.

В 1744 г. Н. Клеопин уже в качестве советника канцелярии Сибирских и Казанских заводов вновь ставит вопрос о легальном заселении Хакасско-Минусинского района. Поскольку Луказский завод практически уже не действовал, то переселенцев предлагалось использовать в качестве заводских пашенных крестьян, не подчиняя их в фискальном отношении горному ведомству. Заводскую пашню в связи с этим и следовало увеличить до 100 десятин. Весной 1744 г. ее должны были обработать по-прежнему красноярские крестьяне по «плакатным» расценкам, а «впредь для пахоты земли наилучшее признается учинить перевод на поселение пристойное число крестьян от Томского, Енисейского, Красноярского и Кузнецкого уездов, ибо к тому в бытность при оных заводах асессора Клеопина по несколько семей из оных всех уездов охотников было... А чтоб желавшие охотою в поселение допущены были, о том определенно было от Берг-Коллегии Сибирской губернии указом, ибо где б оные не были, то подушной оклад равно как и прежде платить могут в те места, откуда кто на поселение придет, ибо те уезды одного Сибирской губернии ведомства». В указе, изданном Берг-коллегией 2 января 1744 г., подчеркивалось, что разрешение вольных переходов необходимо в интересах самих крестьян, так как на заводскую пашню их отправлять в пахотное время трудно и далеко, а «на прежних жеребьях может учинитца недопашка и им через то не без обиды быть может»⁷⁶.

Эти планы остались на бумаге в связи с тем, что Луказский завод в 1745 г. был закрыт. Но указ о легализации вольного заселения Хакасско-Минусинского района выходцами из Сибирской губернии сыграл свою роль, особенно во второй половине XVIII в.

Учреждение заводов способствовало и самовольному заселению юга. В 30–40-е гг. XVIII в. трудовое население Енисейского

края широко пользовалось благожелательным отношением заводских властей к вольным поселенцам и их ведомственными разногласиями с местными воеводами. Им легче было избегать поземельных споров с ясачными, так как многие камасинцы, койбалы и ястынцы откочевали со строительством заводов на юг и на левобережье Енисея⁷⁷. Пребывание на заводских работах давало возможность легально выбрать место будущего поселения, а затем скрытно от воеводской администрации осуществить переход. Поэтому начавшееся ранее самовольное заселение правобережья Среднего и Верхнего Енисея значительно усилилось с появлением казенных заводов, приобретая одновременно легальный характер. Если с 1722 по 1735 г. на юге Красноярского уезда возникло 12 новых селений, то в последующие 12 лет появилось еще 20 деревень, не считая 7 казенных и 2 заводских поселков. Правда, переселенцы предусмотрительно держались поодаль от заводов и рудников, размещаясь в основном в Чулымско-Енисейской котловине.

Началось заселение Верхнего Чулыма, где, вероятно, не без содействия горного начальства в семи новых деревнях осело 100 крестьян и разночинцев Енисейского уезда⁷⁸. Влиянием заводов, очевидно, объясняется редкий для внутренней миграции факт выхода 1/3 всех пришлых переселенцев из дальних старожильческих районов уезда, отстоящих за 200–400 верст от места нового поселения.

Показательно, что отмеченные явления отразились и на развитии дер. Шушенской как населенного пункта. Зафиксированные в ней второй переписью 3 семьи разночинцев тоже пришли из дальних мест уезда.

Разночинец «Иван Никитин сын Крапивин», 29 лет, был из старинной казачьей семьи, которая жила в середине XVII в. в большом селе Балчесском, расположенном в 180 верстах севернее Красноярска⁷⁹. Судя по рапортам приказчика от 10 января и 2 марта 1741 г., Иван со старшим братом Максимом ушли из дома отца после 1741 г.⁸⁰ Первоначально братья осели в дер. Шунерской. Там, вероятно, Иван умыкнул в жены у новокрещеного Козьмы Шахова «Анну Григорьеву дочь». По этому поводу 25 июня 1745 г. воеводская канцелярия требовала их обоих не-

медленно доставить в Красноярск «к допросам... к приставу»⁸¹. К 1747 г. Максим с семьей оказался в дер. Байкаловой севернее Абаканского острога, а Иван с шестимесячным сыном Михаилом – в дер. Шушенской⁸². И. Крапивин прожил в Шушенском до 70-х гг. XVIII в. Между 1771–1779 гг. он переселился с сыновьями Григорием, Филиппом и тремя внуками в дер. Идренскую, где и в 1795 г. жили его дети и внуки.

Разночинец Василий Плишкин, 31 год, перешел из небольшой деревушки Погорельской, которая находилась еще севернее с. Балчесского. Выходец из потомственной казачьей семьи (дед Григорий и отец Иван дослужились до чина «сын боярский»)⁸³, сам он никогда не служил⁸⁴. Вероятно, после того, как умер отец, а старшего брата Федора отдали в рекруты, Василий, оставшись единственным мужчиной в семье, перешел в дер. Бузим. В конце 1739 – начале 1740 г. вместе с другими разночинцами он подал прошение горному начальству в Красноярске о дозволении «поселиться дворами при р Минусе, Ойе и Койе... для заводских работ и пахоты хлеба»⁸⁵. Не дождавшись разрешения, В. Плишкин, как и многие другие, переселяется самовольно, и по второй ревизии он отмечен уже в дер. Шушенской. Семья прижилась на новом месте. Согласно исповедным росписям, здесь в 1779 г. находились крестьянские дворы самого Василия и его сына Петра, всего 5 р. д. и 6 душ жен. пола. К 1795 г. Василий умер, а в дер. Шушенской числилось 3 двора его сыновей, всего 12 р. д. и 9 душ женского пола⁸⁶.

О разночинце Дмитриии Коневе, 54 лет, который, согласно второй ревизии, записан, в дер. Шушенской с 3 взрослыми сыновьями, мало данных. Он перешел из большой деревни Павловской, где жили два его брата, служившие, как и их отец, в пешем и конном полку до 1726 г. Судя по отсутствию Коневых в переписных книгах 1671, 1700–1702 гг. и появлению их в посаде с 1702 г., а среди служилых – к 1713 г., они переселились из Енисейского уезда и были поверстаны в службу в связи со строительством Абаканского острога⁸⁷. Коневы жили в Шушенской до 1771 г. После смерти Дмитрия, записанного, как и все разночинцы, с 1762 г. в крестьяне, его сыновья Евдоким и Дмитрий разделились (всего пять р. д. и семь душ женского пола)⁸⁸. К 1796 г. один из них перешел южнее в дер. Каптыреву.

В целом, почти половина всех мигрантов уезда между 1722–1747 гг. осела в Хакасско-Минусинском районе (968 из 2002 р. д.). Темпы роста населения здесь были самыми высокими по сравнению с другими районами и превышали общеуездные в два раза⁸⁹.

Все эти материалы свидетельствуют, что строительство заводов и поощрительная переселенческая политика горных властей стимулировали внутри- и междуездные переходы населения в бассейн Верхнего Енисея и придавали им легальный характер. Мысль С.В. Бахрушина о важной роли промышленности в заселении Сибири XVIII в. и выводы М.М. Громыко об опережающем росте населения в заводских районах юга Западной Сибири получили на конкретном материале изучаемого района новое подтверждение⁹⁰. В этой связи трудно согласиться с В.Г. Карцовым, что заводы не стимулировали заселение Минусинского района, а наоборот, даже отпугивали вольнопоселенцев⁹¹. Вместе с тем нельзя признать правильным утверждение В.А. Ватина, что «главным толчком для колонизации южной части округа явилось горное дело»⁹².

ЗАСЕЛЕНИЕ РАЙОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В это время меры правительства по заселению Хакасско-Минусинского района были связаны с упорядочением пограничной службы и обеспечением рабочей силой эпизодически действовавших заводов. Устройство более регулярной службы казаков в основном повлияло на их внутриуездные перемещения.

В 20–30-е гг. по границе раз в год проезжали 20 ясачных и небольшой отряд пограничного дозорщика. В 40–50-е гг., в связи с походами Джунгарии на казахов и слухами о возможном нападении ее на Россию, по всей Южной Сибири стали принимать меры предосторожности. Так, в частности, Красноярская воеводская канцелярия в 1741 г. учредила в Северном Присяянье два новых отъезжих караула, куда посылались «из годовальщиков с переменной 23 служилых конных с хлебным запасом»⁹³. В 1741–1744 гг. Сенат неоднократно издавал указы о необходимости

строительства в Южной Сибири новых крепостей. Разместить их было решено значительно севернее границы для более надежной защиты мирных русских селений. По составленному в 1746 г. плану инженера-капитана Сергея Плаутина от Телецкого озера до Енисея надлежало поставить девять крепостей, состоящих из четырех деревянных «полигонов», и два деревянных редута. В Красноярском уезде, кроме перестройки Саянского острога, были намечены укрепления на р. Уть, в устье р. Монок, где проходила Кара-Сабинская дорога, в 16 верстах от Монокской крепости на месте прежнего отъезжего Абаканского караула, и острог в 38 верстах от него на р. Таштып. По смете строительство одной крепости следовало закончить силами 50 чел. в одно лето. Гарнизоны каждого укрепления предполагалось формировать из «20 регулярных и 40 нерегулярных служилых людей»⁹⁴. Однако строительство затянулось до середины 50-х гг. XVIII в., причем план С. Плаутина, которым предусматривалось поселение нерегулярных казаков, реализовали только наполовину. На «сборной карте полуденной части Сибирской губернии», составленной в 1759 г. поручиком Я. Укусниковым, отмечены только два отъезжих караула – Монокский и Таштыпский⁹⁵. Такие же зимовья-караулы в виде одиночных изб были поставлены к востоку от Енисея на реках Шадат, Кебеж и Нарыссы⁹⁶. Саянский острог, занимавший центральное место в системе обороны, перестроили заново. В небольшие крепостцы караулы превратились только во второй половине XVIII в. в связи с обострением отношений с Манчжурией и начавшимися набегами на ясачных. Они представляли собой одну-две казармы, окруженные бревенчатым заплотом со сторожевой башенкой над воротами, рвом и валом вокруг, по которому в один-два ряда шли рогатки. Непосредственно у границы кое-где были поставлены летние караулы, куда наезжали дозорные казаки⁹⁷. Яков Гавердовский, квартирмейстерской части поручик, в своих «Примечаниях к рассмотрению Оренбургского края», составленных в 1799–1800 гг., отмечал, что на южной пограничной линии края несли службу 293 чел. Из них на Абаканском кордоне служили 36 чел., Кебежском карауле – 35, Шадатском – 30, Таштыпском – 30, в абаканских караулах – 36, в Абаканском остроге при артиллерии – 14,

на соленых озерах – 46. На Нижнеудинском кордоне числилось 56 казаков, находившихся уже в подчинении Троицкосавской пограничной канцелярии⁹⁸.

Казаки, считавшие такие дальние посылки обременительными, еще в 60-х гг. обратились к уездным и губернским властям за разрешением переселиться в ближние от караулов места или прямо на форпосты, где были удобные земли. Так, в 1768 г. рядом с Таштыпским караулом, который прикрывал путь в Кузнецкий уезд, возникла одноименная деревня. Казаки абаканских, Табатского и Монокского караулов, охранявших дорогу на Енисей, обосновались рядом в деревнях Арбаты, Бейской и несколько ниже по Енисею в дер. Байкаловой (позже дер. Монок)⁹⁹.

Позже власти стали переводить на поселение в эти места семьи разночинцев, отставных и неверстанных казаков. За обычное хлебное и денежное жалованье и пользование угодьями переселившиеся казаки обязаны были потомственно нести пограничную службу¹⁰⁰.

Данные о численности служилых и отставных казаков содержатся в исповедных росписях южных приходов Красноярского заката и сведены нами в табл. 7.

К 1795 г. служилые и отставные проживали в 49 из 160 селений юга Красноярского уезда. Тот факт, что к концу XVIII в. на юге сосредоточилась почти половина служилых уезда, а в приходах Шушском, Аскизском и Абаканском в 1782–1795 гг. оказалось более половины всех служилых юга, свидетельствует о значительном их сдвиге в приграничный район Енисея в течение второй половины XVIII в.

Прямое принудительное заселение, как и в первой половине XVIII в., имело место в связи с попытками возобновить разработку руд и выплавку меди и железа. Вновь открытый с 1758 г. Ирбинский железный завод находился в ведении Кабинета. По расписанию канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, составленному в 1764 г., на заводе по штату было положено 82 горных специалиста. Власти перевели с Урала 40 чел.¹⁰¹ Заводской штат так и не укомплектовали к апрелю 1768 г., когда на Ирбу прибыли 29 семей мастеровых с Бюринских, Кузьминых и Аннинских заводов г. Степанова-Романова Воронежской губернии.

**Размещение служилого населения Хакасско-Минусинского района
во второй половине XVIII в.**

Приход	1769–1770 гг.						1782 г.						1795 г.						Итого	
	служилые и отставные						служилые						отставные							
	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.		
Караульный	12	33	26	?	35	29	4	11	10	7	24	29	11	34	36					
Лукацкий	11	34	36	?	88	83	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
Езагацкий	7	10	11	?	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		
Новоселовский	20	61	45	?	19	24	22	28	14	2	3	3	6	31	17					
Курагинский	55	146	117	?	64	66	12	57	63	1	1	1	13	58	64					
Балахтинский	6	10	16	?	14	11	1	4	6	1	4	2	2	8	8					
Абаканский	24	73	63	?	44	35	10	36	40	19	54	58	29	90	98					
Аскизский	13	38	36	?	86	87	38	124	141	8	19	36	46	143	178					
Онашский	–	–	–	?	21	32	1	11	7	4	11	8	5	22	15					
Бараицкий	–	–	–	?	30	28	5	20	25	1	5	5	6	25	30					
Назаровский	–	–	–	?	2	2	–	–	–	1	4	1	1	4	1					
Шушский	–	–	–	?	–	–	37	123	111	4	13	13	41	136	124					
Минусинский	–	–	–	?	–	–	1	4	2	1	2	2	2	6	4					
Итого	148	403	354	?	404	398	113	418	419	49	140	138	162	558	557					
В % от уезда	42	40	34	?	33	32	35	45	37	38	43	32	36	44	34					

Примечание. См.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 8, л. 29–54 об.; д. 30, л. 1–18. Аскизский и Новоселовский приходы за 1770 г.: д. 28, л. 72–141; д. 63, л. 69–71, д. 215, л. 1–12, 32 об.; д. 189, л. 373–397, 415, 423 об. – 449 об., 454–455, 479 об., 474, 491, 492 об., 510 об., 517, 518, 521 об., 538 об., 540 об.; д. 136, л. 126 об., 131, 133–139 об. В графе 1795 г. подсчет наш. Официальный итоговый подсчет завышен. Проценты взяты по уезду с городом в старых границах, но без территории, отошедшей к Нижнеудинскому уезду, где казаки не числились, а были военные и приказные.

Неизвестно, по какой причине они оказались в Сибири, но, согласно распоряжению из Барнаула, их поместили на заводе с 3-летней податной льготой¹⁰². К 1769 г. на Ирбинском заводе числилось 67 мастеровых. У них было 62 чел. детей мужского пола, которых уже с 13 лет брали в кузницу или в «укладную и столярную работу». Социальный состав присланных работников: из крестьян – 40, из мастеровых – 20, из подьячих – 3, из казаков – 2 и из солдат – 1 чел.¹⁰³

Одновременно с мастеровыми власти стали направлять в заводской район ссыльных и посельщиков из числа тех, кого предполагали поселить на Московском тракте. Появление посельщиков¹⁰⁴ объясняется тем, что их все труднее было устраивать у тракта, а Ирбинский завод, где расширялось производство, нуждался в рабочей силе. В деле о рекрутском наборе за 1785 г. содержатся интересные сведения о количестве, времени прибытия и территориальном размещении посельщиков, находившихся на 20-летней льготе по рекрутской повинности.

Следует отметить, что учет посельщиков был поставлен плохо, поэтому приведенные здесь данные не полные (табл. 8), но и они свидетельствуют, что в 60–70-е гг. более 40 % всех присланных в Красноярский уезд размещали в южных районах (261 из 595 р. д.).

По истечении трех льготных лет семейных использовали для обслуживания завода и рудников. Особенно интенсивно их стали направлять сюда с 1774 г., когда Ирбинский завод после очередной пятилетней консервации был сдан в аренду московскому купцу Ивану Савельеву. Казна обещала заводчику прислать для заводских работ 300 чел., так как жителей 7 казенных селений и 2 при заводских поселков – всего 263 р. д., по третьей ревизии (табл. 9), – принудительно переселили в 1771 г. в Томский уезд на р. Уксунай к новоучрежденному заводу¹⁰⁵.

Алчный и предприимчивый, И. Савельев охотно стал принимать посельщиков, ибо положенные им на провиант и покупку лошадей деньги из казны поступали в его распоряжение. Как отмечал В.Г. Карцов, заводчик в корыстных целях старался получить работников больше, чем было предусмотрено договором с казной. По данным В.Г. Карцова, на завод в 1775–1779 гг.

**Размещение, численность поселщиков в Хакаско-
Минусинском районе во второй половине XVIII в.**

Сотня	Число поселщиков, р. д.	Место и время поступления
Назаровская	4	Нет свед.
Подсосненская	-	» »
Сисимская	9	Крышский рудник, 1767 г.
Караульная	20	Нет свед.
Новотубинская	6	Крышский рудник, 1768, 1773 г.
Абаканского острога	110	» » 1762, 1767–1772 гг.
Даурская	3	» » 1780, 1783 гг.
Балахтинская	18	» » 1767–1768, 1770, 1772–1773 гг.
Ирбинского завода	91	» » 1769–1773, 1776 гг.

Примечание. См.: ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 385, л. 287 об., 290, 532–533 об.

поступило 476 поселенцев. Кроме того, И. Савельев перебросил на берега Енисея часть работников со своего Ключево-Воскресенского завода – всего 159 чел. С Екатеринбургских, Барнаульских и Нерчинских заводов было переведено 39 мастеров, подмастерьев и учеников¹⁰⁵. Всего в непосредственном ведении завода, судя по материалам Колывано-Воскресенского горного начальства, постоянно находилось до 700 чел.

Близки к этим данным сведения административно-фискальных документов. Однако надо учитывать, что в них поселщиков, 3-летние льготы которых истекли, записывали крестьянами. Так, в ведомостях Колыванской казенной палаты о количестве не приписных к заводам в четвертую ревизию крестьян Красноярского уезда (южные районы) указано 510 поселщиков, в том числе в Балахтинской земской избе – 10 чел. в 5 селениях; Кривошеинской – 6 чел. в 2 деревнях; Минусинской – 77 чел. в 7 селениях и Курагинской – 417 чел. в 5 селениях¹⁰⁷. То обстоятельство, что половина учтенных поселщиков (510 из 1107 чел.) всего уезда в новых границах находилась в южных районах и в

**Размещение и численность поселенных ссыльных
в Хакасско-Минусинском районе
(по материалам третьей ревизии)**

Населенные пункты	Убыло душ муж. пола						Наличие			Душ жен. пола
	умерло	отпущено	в службе	беглые	в ссылке	переселились	старожилы	Родились после второй ревизии	итого душ муж. пола	
Деревни:										
Каменка	3	-	7	-	-	16	21	21	42	36
Минусинская	15	1	10	7	3	14	17	36	53	50
Койская	-	-	2	-	-	5	8	5	13	12
Потрошилова	9	1	6	-	-	1	11	9	20	17
Верхнетубинская	7	-	-	-	-	3	8	17	25	17
Шушская	3	-	3	-	-	5	7	14	21	21
Городок	7	-	-	-	-	2	11	8	19	18
Луказский з-д	Нет свед.						19	8	27	Нет свед.
Ирбинский з-д	» »						16	27	43	»
Итого	44	2	28	7	3	46	118	145	263	171

Примечание. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 298–315, 327. Перепись населения деревень, приписанных к заводам. В одних деревнях без заводов числилось 196 р. д. Эту цифру обычно приводят в исторической литературе (см.: Вагин В.А. Село Минусинское, с. 19). Вероятно, учтены и те, кто приселился в деревни и заводы после третьей ревизии. Везде подсчет наш.

ближних к заводу земских изб, свидетельствует, что И. Савельев успешно конкурировал с трактом в получении ссыльного населения. Несомненно, поселщиков в южные заводские районы поступало значительно больше указанного здесь числа. Скучная ссуда, жесткая регламентация быта, тяжелые заводские работы и злоупотребления И. Савельева – все это приводило к большой

смертности и повальному бегству. Так, по четвертой ревизии, только в Красноярске выявили 49 чел., бежавших с Ирбинского завода. Некоторые беглые добровольно являлись в канцелярии Красноярска, Енисейска, Тобольска и объявляли, что «они принуждены были искать облегчения от тяжести судьбы своей побегом по причине худого содержания их в пище и одежде и многотрудной работе, так что многие были сутки по двое на работе голодом и зимой ноги ознобили»¹⁰⁸.

Даже привыкшие ко всему тобольские губернские власти вынуждены были предупредить И. Савельева, что в случае нарушения им своих обязанностей по казенным поставкам и содержанию работников все новые жалобы на него будут переданы в Сенат. О невыносимом положении приданного заводу населения свидетельствует и тот факт, что когда по именному манифесту 1782 г. части посельщиков разрешили возвратиться на прежние места жительства, то с Ирбинского завода сразу ушло в Красноярск и Томск 117 чел.¹⁰⁹ Согласно ведомости об учрежденных в 1788 г. земских избах, на юге уезда уже числилось всего 160 посельщиков, в том числе в Кривошеинской земской избе – 7, Балахтинской – 13, Минусинской – 48 и Курагинской – 92 чел.¹¹⁰ К сожалению, трудно определить, сколько посельщиков было уже записано в крестьяне.

Со смертью И. Савельева в 1788 г. судьба приписанных к заводу людей круто изменилась. Завод за громадный в 105 тыс. руб. долг вернули казне. В 1791 г. Колыванская казенная палата решила его закрыть. Числившиеся за заводом люди были записаны в государственные крестьяне по месту жительства. Заводских расселили «по разным селениям на хлебопашество». В деле о выборе старост в земские избы на 1795 г. есть сведения, что такие поселения были в ведомствах Балахтинской, Абаканской земских изб и в Сагайской степи. В ведомстве Сагайской степи старшиной, например, выбрали отставного пятидесятника Ивана Антонова, человека «состояния и поведения хорошего, чтобы он заводских и отставных поселенных... принуждал к хлебопашеству и домостроительству неослабно, от пьянств и непотребных поступков воздерживал...»¹¹¹.

Кроме того, в Минусинске, судя по исповедной росписи 1795 г., находилось семь дворов ссыльных, всего 26 р. д. и 19 женщин, да близ рудников в деревнях Верхняя Ерба и Тесь жили четыре семьи отставных рудокопщиков, всего 15 р. д. и 15 женщин¹¹². На заводе, по данным В.Г. Карцова, оставили только 13 мастеровых с семьями¹¹³. Исповедные росписи южных приходов за 1795 г. отмечают на заводе, кроме 22 дворов крестьян, еще 14 дворов мастеровых (всего 27 р. д. и 21 душа жен. пола) да 13 семей «присыльных» (всего 44 р. д. и 38 душ жен. пола). Из них 2 семьи жили у мастеровых и крестьян на подворье, а прочие имели свои дома. В двух заводских деревнях (Деднова и Березовка) насчитывалось 35 дворов, в которых проживало 148 р. д. и 132 души жен. пола¹¹⁴.

Таким образом, только около половины постоянно закрепленного за Ирбинским заводом населения (350 р. д. из 700) осело на юге уезда и слилось с местным крестьянством. Остальные в течение многих лет преодолевали трудности хозяйственного устройства. В этих тяжелых условиях использовалась новая форма ведения хозяйства, которая впервые появилась у ссыльных в притрактовых районах¹¹⁵. Священник Ирбинского прихода в росписи исповедовавшихся за 1795 г. отметил, что «товарищами в домах» жили в д. Березовка 3 крестьянских семьи, всего 7 р. д. и 6 жен. д., а в д. Дедновой – 11 семей, всего 18 р. д. и 22 жен. д.»¹¹⁶. Это своеобразное хозяйственно-бытовое кооперирование двух или нескольких семей ссыльных носило временный характер.

Во второй половине XVIII в. вольное переселение еще продолжало играть видную роль в заселении Хакасско-Минусинского района, хотя его значение постепенно уменьшалось. На обычные мотивы перехода на новые плодородные земли и темпы заселения в это время противоречиво влияли новые общесибирские и местные социально-экономические факторы. С одной стороны, устройство и заселение Московского тракта в Восточной Сибири в 50–70-е гг., попытки широко привлечь население старожильческих районов Енисейского края в районы обслуживания императорских Алтайских и Нерчинских заводов, Колывано-Воскресенской и Кузнецкой пограничных линий несколько ослабляли миграционный поток в Хакасско-Минусинский район из

бассейна Енисея и других краев Сибири. С другой стороны, определение в 50–60-е гг. XVIII в. крестьян и разночинцев в выписные казаки, их посылки в южные остроги Западной Сибири и на строительство Кузнецкой военной линии, введенная с 1749 г. обязанность податных Енисейского края доставлять на своем коште провиант на Барнаульские заводы¹¹⁷ – все это заставляло искать облегчения от обременительных повинностей в переселении на благодатные южные земли. Характер несения таких повинностей расширил потенциальные возможности для выбора и перехода на новые места поселения именно на юге.

Увеличивала свободу передвижения и хозяйствования сибирских крестьян замена в 1762 г. и десятинной пашни, хлебного оброка денежными платежами. Сенатский указ, появившийся, очевидно, в 1765 г. и действовавший до 1789 г., разрешал вольные переселения «крестьян казенного ведомства в сибирские пограничные губернии» и внутри их и обеспечивал легальность всем переселенцам¹¹⁸.

Во второй половине XVIII в. охранительная политика властей в отношении ясачных угодий создавала еще меньше препятствий вольному переселению, чем раньше. Удельный вес пушнины в ясаке неуклонно понижался. Это общее для всей Сибири XVIII в. явление, обусловленное в основном перепромыслом зверя, на юге Красноярского уезда было связано с усиливающимся переселением части хакасов в степи левобережья Енисея, с углублением отраслевой скотоводческо-промысловой и земледельческо-скотоводческой специализацией хакасских хозяйств¹¹⁹. Поскольку большинство ясачных обитало в южных районах уезда, то в данном случае есть все основания привлечь поуездные данные о динамике соотношения пушнины и денег в ясаке. Составленная по выписке из окладной ясачной книги 1740 г., отчету воеводы А. Копнина за 1746–1748 гг. и ведомостям окладных сборов в Красноярском уезде за 1763, 1768, 1770 гг. табл.10 показывает резкое уменьшение поступления пушнины во второй половине XVIII в.

Правда, количество реально сдаваемой пушнины было несколько больше, так как ясачные сборщики, воеводы и князцы утаивали часть пушнины, внося за нее деньги, или скупали меха у населения¹²⁰.

Динамика соотношения пушнины и денег в ясаке

Год	Ясак по оценке, р. к.	В том числе			
		пушнина по оценке, р. к	денег, р. к.	пушнины, %	денег, %
1740	6474,30	3950,36	2523,94	61,5	38,5
1746	6564,30	3585,20	2979,10	54,0	46,0
1747	5991,70	3233,20	2758,50	54,0	46,0
1748	6215,30	4578,80	1636,50	72,6	27,4
1763	5216,20	948,45	4267,75	19,0	81,0
1768	5216,20	948,45	4267,75	19,0	81,0
1770	5125,47	313,66	4811,81	6,0	94,0

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 232, л. 2–3 об.; СП, оп. 1, ч. 8, д. 6092, л. 380; ф. 273, оп. 1, ч. 5, д. 31664, л. 22; д. 31796, л. 117 об.; д. 31782, л. 27 об.

Многие ясачные, нанимаясь на работы в соседние русские деревни, все чаще вносили деньги при ясачном платеже. Так, красноярские ясачные, протестуя в 1739 г. против повышения ставки за соболя до 3 руб., заявили, что им не только самим и женам приходится наниматься, но даже продавать детей, чтобы внести деньги за 5–6 ясачных соболей¹²¹. О том, что «татары часто ходят в подгородние деревни на сроки для снятия хлебов и кошения сен», писал И.Г. Гмелин в своих путевых заметках во время обследования р. Мана¹²².

Во второй половине XVIII в. случаи найма ясачных участились¹²³. Так, с каждым десятилетием бездоимочное поступление ясака все больше обеспечивалось не столько сохранностью ясачных угодий и отсутствием в них русских, сколько соседством русских деревень, где можно было заработать нужные для ясачного платежа суммы или сбыть выращенный скот. Поэтому все чаще князья родов ходатайствовали перед приказчиками и воеводами о разрешении поселить русских рядом с их улусами. Местные власти обычно удовлетворяли такие просьбы при условии, что поселенцы не будут заниматься промыслом зверя и чинить обиды ясачным. Проникновению русских в глубь бывшей Киргиз-

ской земли в определенной степени способствовала усиленная христианизация хакасов, которая, судя по исповедным росписям церквей юга, охватывала к концу XVIII в. до 1/4 всего коренного населения (табл. 11). Известно, что церковь предписывала новокрещенам жить в русских селениях либо отдельно от других ясачных. Так, в 1795 г., согласно исповедным росписям, данные которых сведены в табл. 11, почти 1/6 ясачных уже вела оседлый образ жизни – в 37 русских селениях из 160 они имели свои дворы.

Этот период характеризуется как внутриуездной, так и внешней миграцией. По сравнению с первой половиной XVIII в. сократились переселения на юг из других районов Красноярского уезда. Участились переходы из соседних сибирских уездов, особенно Енисейского. В приграничных к Красноярскому уезду присудах целые деревни стояли заброшенными. Теряли большую часть своих обитателей другие селения¹²⁴. Так, крестьяне дер. Томилово Подпорожного присуда в 1765 г. «за неимением хлебопашества» перешли на Июс в деревни Сосновую, Тоилуцкую, Амалинскую. На старом месте к 1769 г. осталось всего два двора, жители в которых тоже собирались перейти в дер. Сосновую. Поэтому переселенцы в 1769 г. обратились к духовному заказчику с просьбой о переводе и их церкви в дер. Сосновую¹²⁶.

В зависимости от конкретных условий переселенцы уходили либо с согласия «мира», либо самовольно, не платя в последнем случае «пересылкой» ни подушных, ни оброчных денег за оставленные сенокосы, мельницы, кожевни, кузни, рыбные ловли и звериные ямы. Судя по ведомостям 1764–1766 гг. о пересмотре оброчных статей с промыслов населения Енисейского уезда, переселенцы чаще платили подати «пересылкой»¹²⁶. Это не случайно. Очередная ревизия обычно оформляла их переход и платежи по новому месту жительства. Самовольных же переселенцев обязывали выплачивать подати за все пропущенные годы и даже принудительно переселяли назад. Поэтому нередко такой переселенец при проведении переписи сам подавал прошение о записи в ревизские сказки. Так сделал енисейский экономический крестьянин Василий Орлов, который прибыл за 4 года до четвертой переписи с семьей из 5 чел. в дер. Тоилуцкую Подсо-

сенского станка, «обзавелся домовою экономией, скотоводством и распахал 10 десятин пашни». В своем прошении он прямо просил приписать его к новому месту жительства, ибо возвращение назад приведет к разорению¹²⁷. Однако некоторые переселенцы, особенно из посадских (мещан с 1775 г.), живя много лет на новых местах, не торопились переходить в административно-фискальное подчинение местным властям.

В ряде селений Среднего Чулыма и Енисея в 60–90-е гг. XVIII в. жили енисейские, томские, кузнецкие, ачинские и красноярские подушные плательщики¹²⁸. На эту практику, известную с XVII в.¹²⁹, не обращалось должного внимания в исторической литературе, так как исповедные росписи церквей, которые содержат такие данные, почти не изучались. Между тем эта тактика поселенцев вскрывает одну из глубоких причин размаха внутрисибирской миграции в XVIII в. и является своеобразной формой классового противодействия трудового населения системе государственного феодализма в Сибири с его ограничениями свободы передвижения. Вместе с тем эта борьба отражала внутренний дуализм мелкого собственника-труженика, искавшего облегчения за счет переложения части тягот на плечи своих же собратьев по классу.

Обрабатывая новые плодородные земли, расширяя промыслы, переселенец старался дольше платить различные оброчные сборы и мирские суммы по старой раскладке, сделанной в старожильческих присудах на прежнем месте жительства¹³⁰, где они (особенно сборы по подводной повинности) были меньше, чем в новых малонаселенных районах. Весьма эффективно для своего хозяйства мигранты из Енисейского, Ачинского, Кузнецкого уездов использовали указ 1744 г., разрешавший при поселении в южных районах Приенисейского края платить подушные и прочие суммы в прежнее ведомство.

Старожилы мест, где оседали подобные переселенцы, не раз в своих челобитных и даже в наказах Уложенной комиссии 1767 г. поднимали вопрос об отмене этого порядка, наносящего им материальный ущерб¹³¹. Так, в 1788–1789 гг. директору коллегии экономии Колыванской казенной палаты крестьяне юга Красноярского уезда жаловались, что «многие мещане Кузнецкого уезда

**Размещение и численность православного хакасского населения
Хакасско-Минусинского района во второй половине XVIII в.**

Приход	1769-1770 г.				1782 г.				1795-1796 г.						
	юрт	муж.	жен.	жен.	юрт	муж.	жен.	жен.	Всего			В том числе			
									муж.	жен.	жен.	оседлые		в работе	
												дво- ров	муж.	жен.	се- мей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Езагашский	2	2	3	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Караульный	8	14	18	7	1	3	11	7	3	11	7	-	-	-	
Новоселовский	40	200	173	-	-	37	54	52	-	-	-	-	-	-	
Онашский	-	-	-	32	43	18	39	40	18	39	40	-	-	-	
Абаканский	6	27	26	27	19	59	161	123	15	60	63	5	13	8	
Лукацкий	1	5	3	17	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Курагинский	20	63	69	30	28	40	83	70	23	37	33	1	2	-	
Минусинский	-	-	-	6	7	92	248	226	2	9	8	27	85	66	
Шушенский	-	-	-	-	-	19	54	45	6	22	19	-	-	-	
Аскязский	70	135	142	364	338	96	217	196	14	60	55	15	52	50	
Бараитский	-	-	-	34	39	94	271	270	8	47	50	-	-	-	
Балахтинский	17	68	68	65	78	17	53	70	17	53	70	-	-	-	
Курбатовский	-	-	-	-	-	2	3	5	-	-	-	-	-	-	
Ужурский	-	-	-	952	888	235	823	775	-	-	-	7	12	14	
Подсосенский	-	-	-	-	-	10	30	25	3	10	13	-	-	-	

Окончание табл. 11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Назаровский	-	-	-	120	105	2	6	10	2	6	10	-	-	-
Сережский	197	686	698	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ачинский	-	-	-	-	-	15	83	72	15	83	72	2	2	11
Кийский	-	-	-	-	-	112	686	613	-	-	-	60	149	125
ИТОГО	361	1200	1200	1656	1565	851	2822	2599	126	437	440	117	315	274

Примечание. Данные за 1769–1770 гг. см.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 1–141. Данные по Абаканскому, Аскизскому и Новоселовскому приходам см.: д. 29, л. 1–32; д. 30, л. 1–18. Данные за 1782 г. см.: д. 63, л. 266 об.–267 (сводная ведомость); за 1795–1796 гг. см.: д. 189, л. 373–536; д. 215, л. 1–98; д. 222, л. 1–90; д. 136, л. 126–144. Часть ясачных Сережского, Ачинского и Кийского приходов жила в притрактной полосе. Везде подсчет наш.

Таблица 12

**Численность податных сибирских уездов, переселившихся
на юг Красноярского уезда в 1795-1796 гг.**

Приход	Из Енисейского		Из Кузнецкого		Из Ачинского		Итого				
	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.		
Балахтинский	4	16	14	-	4	10	9	8	26	23	3
Барантский	1	4	3	-	-	-	-	1	4	3	1
Назаровский	-	-	-	-	28	112	113	28	112	113	2
Подсосенский	11	44	47	-	-	-	-	11	44	47	4
Курбатовский	6	20	14	-	-	-	-	6	20	14	1
Ужурский	-	-	-	-	7	25	18	7	25	18	1
Миңусинский	1	3	1	-	-	-	-	1	3	1	1
Абаканский	1	6	7	-	-	-	-	1	6	7	1
Аскизский	-	-	-	3	9	12	-	3	9	12	2
Итого	24	93	86	3	9	12	39	147	140	249	16

Примечание. См.: ГААК, ф. 592, оп. 1, д. 215, л. 30, 30 об., 43, 45 об. 65-66, 77, 77 об., 91; д. 189, л. 395, 469, 536 об.; д. 136, л. 37 об., 144 об.

и отставные казаки» занимают их покосы. Приписные крестьяне дер. Усть-Шерешь на Верхнем Чулыме просили защитить их от «утеснений», которые им чинят енисейские мещане. В своем указе от 31 января 1790 г. Кольванская казенная палата, приводя эти факты и констатируя, что «и в других деревнях и городе много иногородних» (т. е. из других уездов. – Г.Б.), которые нигде не записаны, распорядилась всех мещан выслать на прежние места¹³².

Насколько преуспели в этом власти Красноярского уезда, свидетельствуют исповедные росписи южных приходов 1795–1796 гг. (табл. 12). В 16 деревнях на юге уезда имелось 66 дворов, где проживало 249 р. д. и 238 женщин, числившихся жителями Енисейского, Кузнецкого и Ачинского уездов. Социальный состав переселенцев по старому месту жительства: в основном из мещан, всего 53 двора – 204 р. д. и 200 душ жен. пола; купцы жили в 2 дворах, всего 9 р. д. и 8 душ жен. пола, а в остальных 11 – крестьяне.

Оседали в Хакасско-Минусинском крае и выходцы из дальних сибирских и российских уездов, но их было немного¹³³. К ним относились главным образом покормежники с просроченными паспортами, которые работали на заводах Власьевского и Савельева или шли в найм по дворам. Сохранилось дело 1769 г. о взыскании с балахтинского посадского Давыдова денег за «держание у себя в работе» туринского ямщика Егора Пяткова. До Давыдова, у которого беглый ямщик заработал 36 руб., Пятков в том же с. Балахтинском жил 3 года у енисейского крестьянина Ивана Полежаева и полтора года – у красноярского крестьянина Дмитрия Герасимова¹³⁴.

Ведущую роль в миграционных процессах в Хакасско-Минусинском районе во второй половине XVIII в. играло интенсивное расселение старожилов. В основе его был естественный прирост, что отмечал уже П.С. Паллас, который побывал в крае в 1771–1772 гг. Так, согласно его дорожным записям, одно только семейство казаков Юшковых дало дер. Овсянке «25 больших и зажиточных дворов... и столькими же во многие другие вдоль Енисея лежащие деревни разделились»¹³⁵.

О видной роли потомков казаков-годовальщиков в заселении Северного Присяянья писал и В.А. Ватин. Изучая документы Ми-

нусинской земской избы конца XVIII в., он обратил внимание, как много одинаковых фамилий у жителей 40 подведомственных ей селений. В.А. Ватин отмечал: «Из фамилий ни одна не приурочена исключительно к какому-либо одному селению, а рассеяно по разным деревням; один и тот же род расселялся по разным селам». На территории Минусинской земской избы жили члены 30 крупных семейных гнезд. Из них Потылицыны и Садовские (31 и 14 р. д.) жили в 5 населенных пунктах, а Байкаловы, Терские, Торгашины, Бузуновы и Попковы (67, 36, 21, 19 и 22 р. д.) встречаются в 4 селениях. В целом же 75 % однофамильцев (275 из 359) имели больше двух дворов, причем члены 50 семейных гнезд составляли половину всех податных (971 из 1937 р. д.)¹³⁶. Показательно, что выходцы из семей, основавших дер. Шушенскую, также расселялись по окрестным деревням¹³⁷.

О роли внутренних переходов в заселении юга Красноярского уезда второй половины XVIII в. свидетельствуют общая динамика и темпы роста населения. К сожалению, при анализе динамики численности русского населения Хакасско-Минусинского района трудно количественно определить как внутреннюю, так и внешнюю миграции и их географические истоки. Первичные материалы четвертой, пятой и частично третьей ревизий по уезду и в целом югу не сохранились. Различные сводные ведомости и перечни дают лишь общие сведения о численности и социальном составе податного населения. Исповедные росписи в силу своей специфичности тоже не содержат данных о местах выхода тех поселенцев, которые уже числились в податном состоянии по новому месту жительства. Поэтому можно определить только удельный вес старожилов и мигрантов на юге бассейна Среднего Енисея во второй половине XVIII в. и общие темпы заселения.

По административно-фискальным источникам динамика податного населения между второй и третьей ревизиями определяется путем вычитания из общеуездных данных (11 740 р. д.) сведений по старожильческому центру (4300 р. д. с посадом всего уезда) и по всей притрактовой полосе (4090 р. д.). Общая численность податного населения южных районов Красноярского уезда по третьей ревизии равнялась 3350 р. д. Из них было 196 посадских¹³⁸. Численность крестьян и разночинцев выросла

в 1,73 раза, а ежегодный общий прирост составил 2,4 (с 1915 до 3154 р. д. за 17 лет). Естественный прирост старожилов заселенного юга в первой половине XVIII в. превышал 2 % в год. Приравняем его к годовому естественному приросту второй половины XVIII в., так как у мещан и купцов он был еще выше: между третьей и четвертой ревизиями – 2,8, между четвертой и пятой – 2,7 %¹³⁹, а у поселенных ссыльных между второй и третьей ревизиями – 3 %. Тогда старожильческое население без посада к третьей ревизии будет составлять максимум 2622 р. д., или до 75 % от общего числа учтенных крестьян и разночинцев¹⁴⁰.

Полученные цифры свидетельствуют, что к 60-м гг. XVIII в. в заселении Хакасско-Минусинского района наступил перелом. В отличие от прежних лет старожилы, если не учитывать немногочисленных посадских, уже дали почти 2/3 податных.

К четвертой ревизии численность податного населения юга достигла 7407 р. д., в том числе 6967 крестьян, 440 мещан и купцов¹⁴¹. По сравнению с третьей переписью податное население выросло в 2 раза, а общий прирост равнялся 2,5 % в год. В абсолютных цифрах все старожилы составляли 4228 р. д. (2818 р. д. по третьей ревизии и 1410 р. д. естественного прироста за 20 лет). Это дает 56,7 % всего податного населения юга уезда. Повышение удельного веса мигрантов связано с активизацией вольных переходов и с принудительным заселением призыводских районов юга поселщиками и ссыльными. Общие же темпы заселения фактически остались прежними, вероятно, из-за более активной миграции старожилов за пределы Хакасско-Минусинского района и колебаний рождаемости.

Церковные источники дают несколько иные абсолютные цифры податного населения. В исповедных росписях отмечали не только податных, но и неподатных и даже тех, кто, перейдя на новое место, числился по подушным платежам в прежнем ведомстве. Однако в силу частичного несовпадения церковных и административно-фискальных границ, неучета ссыльных-католиков и раскольников, а также организационных трудностей церковного учета данные исповедных росписей о численности всего населения Хакасско-Минусинского района занижены на 15–20 % по сравнению со сведениями о податных по фискальным источни-

кам. В табл. 13 сопоставлены данные обоих источников. Есть, естественно, расхождения, и прежде всего по самой многочисленной категории – крестьянам. Сведения о торгово-ремесленном населении за 1795 г., записанном по Красноярскому уезду, практически совпали, так как 213 р. д. мещан и купцов числилось по платежам в соседних уездах (532 и 524 р. д.). Следовательно, и в 1782 г. в изучаемом районе проживало до 216 р. д. купцов и мещан соседних уездов (656 и 440 р. д.). Судя по соотношению посадских в 1762 и 1769 гг., переселение торгово-промышленного населения на юг Среднего Енисея с сохранением податных обязательств по старому месту жительства получило распространение с 70-х гг. XVIII в. Вероятно, на это повлияло решение властей уравнивать посад Приенисейского края с крестьянами в несении подводной повинности.

Следует отметить, что проценты в графах по церковным источникам подсчитаны относительно численности всего населения, а в других графах – относительно податного. Таким образом, оба вида источников показывают одинаковый удельный вес социальных групп. Показатели общего годового прироста в источниках (с учетом специфики исповедных росписей) тоже близки между собой. Следовательно, клировые ведомости – достаточно надежный демографический источник.

Среди русского населения южного района, как видно из табл. 13, преобладали крестьяне. Это и бывшие казаки, и их потомки, и сибирские крестьяне-переселенцы, и сосланные с зачетом в рекруты поселщики. Рост посада (мещан с 1775 г.) свидетельствует об оживлении хозяйственной жизни и развитии торговых связей.

Распределение населения по приходам (табл. 14) показывает, что в последнюю четверть XVIII в. интенсивно заселялась Минусинская котловина (Курагинский, Шушенский приходы). Быстро росло население по Среднему и Верхнему Чулыму на стыке водных путей Енисейской и Обской систем (Курбатовский, Балахтинский, Новоселовский и Ужурский приходы). Первые русские деревеньки появились в бассейне Абакана. Подсчеты по ведомостям о размещении и числе неприписных крестьян, об учреждении земских изб показали, что к 1782 г. в 126 селениях жили только крестьяне¹⁴².

**Социальный состав и темпы прироста
русского населения в Хакасско-Минусинском районе
во второй половине XVIII в.
(по административно-фискальным и церковным
источникам)**

Категории населения и темпы его прироста	1762–1769 гг.		1782 г.		1795 г.	
	адм.	церк.	адм.	церк.	адм.	церк.
Крестьяне и разночинцы, р. д.	3154	3008	6967	5555	6872	7517
% от общей численности	94,6	83,8	94,6	82	–	84,2
Годовой прирост, %	2,52	1,6	2,5	3,6	–	1,93
Посад (купцы и мещане), р. д.	196	159	440	656	532	737
% от общей численности	5,4	4,6	5,4	8,9	?	7,9
Годовой прирост, %	?	?	2,7	5,8	1,3	0,83
Дворовые, р. д.	?	17	–	42	–	–
% от общей численности	?	0,5	–	0,6	–	–
Всего податных, р. д.	3350	3184	7407	6253	7304	8254
% от общей численности	–	87,9	–	92,5	?	92,1
Годовой прирост, %	2,5	?	2,5	3,6	?	1,9
Духовенство, душ муж. пола	?	35	?	77	?	75
% от общей численности	?	1	?	1,1	?	0,8
Военнослужащие и отставные, душ муж. пола	?	403	?	404	?	558
% от общей численности	?	11,2	?	6,4	?	7,1
Всего неподатных, душ муж. пола	?	438	?	481	?	633
% от общей численности	–	12,1	–	7,5	–	7,9
Годовой прирост, %	–	–	–	0,64	–	1,85
Всего душ муж. пола	?	3622	?	6734	?	8887
% от общей численности	30	28	–	31	?	–
Годовой прирост, %	–	–	–	3,56	–	1,69

**Размещение и численность
русского православного населения Хакасско-
Минусинского района во второй половине XVIII в.**

Приход	1769–1770 гг.			1782 г.			1795–1796 гг.		
	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.	дворов	муж.	жен.
Езагашский	43	163	171	55	196	186	64	203	207
Караульный	148	698	690	155	684	697	203	708	702
Новоселовский	219	784	791	116	380	380	98	367	386
Онашский	–	–	–	110	452	456	158	587	636
Абаканский	123	635	599	144	591	589	371	1176	1273
Луказский	69	271	251	99	348	337	–	–	–
Курагинский	111	354	331	207	713	512	125	394	403
Ирбинский	–	–	–	–	–	–	91	299	266
Минусинский	–	–	–	89	374	365	129	585	618
Шушенский	–	–	–	–	–	–	191	603	605
Аскизский	12	55	59	40	126	125	126	272	300
Бараитский	–	–	–	137	535	498	133	677	721
Балахтинский	163	662	645	280	1134	1208	283	1109	1155
Курбатовский	–	–	–	–	–	–	123	424	436
Ужурский	–	–	–	3	21	13	19	63	60
Подсосенский	–	–	–	168	647	637	190	788	798
Назаровский	–	–	–	110	533	550	155	632	645
Итого	888	3622	3527	1713	6734	6553	2359	8887	9211
В % к уезду в стар- ых границах	27	28	27	33	31	31	–	–	–

Примечание. Данные за 1769–1770 гг. см.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 1–141; Абаканский, Аскизский и Новоселовский приходы за 1770 г. см.: д. 29, л. 1–32; д. 30, л. 1–18; д. 63, л. 266 об. – 267 (сводная ведомость); д. 189, л. 373–536; д. 215, л. 1–98; д. 222, л. 1–90; д. 136, л. 126–144. Везде подсчет наш.

В конце XVIII в., судя по картам Красноярского уезда, составленным в 1798 г. землемерами Андреем Сергеевым и Федором Вавиловым, в южных районах насчитывалось 148 населенных пунктов. Из них за Кривошеинской земской избой числилось 45, Балахтинской – 42, Минусинской – 37, Назаровской – 14 и Курагинской – 10 селений¹⁴³. В исповедных росписях названо свыше 160 населенных пунктов, но ряд селений указаны дважды в разных приходах. Одновременно с интенсивным появлением новых селений укрупнялись некоторые старые. Темпы возникновения селений во второй половине XVIII в. (прирост в 3 раза) несколько отставали от темпов роста населения (в 4,5 раза).

Итак, формирование костяка русского старожильского населения в Хакасско-Минусинском районе закончилось в 60-х гг. XVIII в. С этого времени население росло главным образом за счет высокого естественного прироста и внутренней миграции. Внешний приток из других мест Красноярского уезда, соседних сибирских и дальних российских уездов (с учетом тех переселенцев, что остались в податном отношении числиться по прежним местам жительства) давал около 25–30 % всего прироста. Среди пришлых больше всего было выходцев из Енисейского уезда, попадавших на юг по Енисею и Чулыму. Меры властей в этом районе, как и в первой половине XVIII в., не играли видной роли в заселении и по-прежнему были связаны с решением задач по обеспечению безопасности границ и эксплуатации горнорудных богатств.

Русские в численном отношении стали преобладать над хакасами. По Верхнему Чулыму, Белому Юсу, Нижнему Абакану, пойме Среднего и части Верхнего Енисея сложились целые районы чересполосного расселения русских и хакасов, где процессы прогрессивного взаимного хозяйственного и этнокультурного влияния шли особенно быстро.

К концу XVIII в. по речным системам сформировалась основная сеть населенных пунктов района. Русские деревни и заимки, пашни и сенокосы вплотную подступили к Саянам, а промысловые и торговые тропы были проложены через них и дальше на юг. Так уже не саблей и пищалью, а топором и сохой бывшие енисейские казаки, их дети и внуки вместе с пришлым издалека людом навечно утвердили богатейший Хакасско-Минусинский район за Российским государством.

Примечания

- ¹ В данном разделе использованы две ранее опубликованные нами статьи (см.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 3, с. 3–55; Он же. Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского. – В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, ч. 2, с. 42–54).
- ² Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4, с. 111–113.
- ³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 11 об.
- ⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 35 об.
- ⁵ Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в., с. 27–28.
- ⁶ ЦГАДА, ф. 214, д. 1059, л. 25. А.А. Арзыматов ошибается, утверждая, что 1000 служилых и многочисленные крестьяне вошли в состав гарнизона Абаканского острога после его основания (см.: Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966, с. 48).
- ⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2242, л. 97 об. – 98. Посланных на «вечное житье» пеших казаков не было и в казармах, ибо перепись учитывала всех живущих или числившихся в населенных пунктах обитателей, независимо от наличия у них дворов. Так, в Красноярске учтены 4 чел., живущих «в караульне... и на квасной» (л. 32).
- ⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2242, л. 92–94.
- ⁹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962, t.1, gl.10, S.161,181; gl.20, S.326; gl.19, S.166.
- ¹⁰ Р. д. – ревизские души.
- ¹¹ Беляевский С.И. Село Шушенское. Красноярск, 1956, с. 5; Он же. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964, с. 7; Он же. В.И. Ленин в Шушенском. Красноярск, 1970, с. 46. Ссылки на архивные материалы автор не приводит.
- ¹² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien, t. 1, gl. 9, S. 162–178; gl. 19. (Von Sajanskij ostrog auf dem Enissei nach Krasnojarsk), S. 316–317; см. также: Быконя Г.Ф. Неизвестная карта Средней Сибири Ф. И. Страленберга. – Изв. ВГО, 1973, № 2, с. 161–167 (приложена фотокопия «Карты лежащих мест между Томским и Удинским острогами», составленной в 1722 г.; здесь отмечены даже промысловые избушки).

- ¹³ Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. – Чтения ОИДР, М., 1867, с. 17–19; Андриевич В.К. Исторический Очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ). Томск, 1887, т. 3, (1742–1762), с. 298.
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2432, л. 23; Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913, с. 33, 93–94; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970, с. 35–58.
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 45, л. 71 об. –74; ф. 281, д. 4609, л. 5–7 (дело об отводе Рождественскому женскому монастырю земель в Красноярском уезде в 1741–1754 гг.). К сожалению, копии с «данных» на земли улусам Качинской земли, о которых неоднократно шла речь, отсутствуют в деле.
- ¹⁶ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 95.
- ¹⁷ О местожительстве Л. Песегова до ревизии см.: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 30, л. 4–5; ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 164. Другие случаи выселения см.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2432.
- ¹⁸ Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 144–148, 179–180; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 22.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 671–672. Порядок отвода земли переселенцам выявлен по немногочисленным сохранившимся «доездам» и «данным» (см.: д. 18, ч. 3, л. 796 об.; д. 45, л. 63–72; д. 51; ф. 281, д. 4609, л. 1–9). Так было по всей Восточной Сибири (см.: Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии. XVII – середина XIX в. М., 1978, с. 216).
- ²⁰ См. об этом в главе IV.
- ²¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, л. 1416 об. – 1417.
- ²² Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 139.
- ²³ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 317 об. – 318 об. Данные по югу см. на л. 96–165 об.
- ²⁴ Из 180 служилых гарнизонов около 120 чел. прислали из Енисейского уезда и Красноярска. Средний состав семьи – 3,8 душ муж. пола (см.: Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 41, 43–49).
- ²⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 516, ч. 2, л. 2–2 об. (сведения о селениях по присудам, поданные Красноярской воеводской канцелярией в 1735 г., на вопрос анкеты В.Н. Татищева); ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 96–165 (окладная книга второй переписи податного населения Красноярского уезда); ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 67, л. 802–804; д. 27,

л. 36–65 (доношения Сенату Г.Ф. Миллера о путешествии по югу уезда; путевые записки И.Г. Гмелина в 1739–1740 гг., на нем. яз.); ЦГАДА, ф. 271, оп. 3 (Енисейская губерния), № 142, 143, 143а, 350; БАН в Ленинграде, отд. рукописей, № 330 (горнозаводские карты Красноярского, Кузнецкого и Томского уездов 1734–1737 гг.); № 568, ее копия № 570; № 349; № 337; ЦГВИА, ф. 416, оп. 1, № 520 (пограничные карты Красноярского и Кузнецкого уездов в 1735–1746 гг.).

- ²⁶ Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964, с. 117, примеч.159.
- ²⁷ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. – В кн.: Сибирь XVII–XVIII вв. Материалы по истории Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1968, вып. 1, с. 147–148; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 15–17. Необходимо отметить, что В.Г. Карцов, следуя за В.А. Ватиным, значительно занижал темпы заселения Хакасско-Минусинского района в первой половине XVIII в., преувеличивая роль военной опасности.
- ²⁸ Демографы установили, что в новозаселяемых районах наблюдался демографический взрыв за счет повышенного естественного прироста.
- ²⁹ Данные о численности хакасов см.: ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 232, л. 7 об. – 12 об.; см. также: Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., гл. III.
- ³⁰ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 138; Хотяновский К. Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк). Новосибирск, 1934, с. 15; Воробьева Т.Н. Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в. – Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. о-ва СССР, 1965, т. 65, с. 25–28. Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 15–17.
- ³¹ Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае. – В кн.: Алтайский сборник. Томск, 1894, вып. 1, с. 14–16; Семевский В.И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Спб., 1901, т. 2, с. 53, 150; Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 138; Он же. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914, с. 20–21; Гешеле Э.Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск, 1957, с. 42; Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XVIII вв.). Иркутск, 1959, с. 67.
- ³² Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1963,

вып. 9, с. 97; Он же. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 10–12.

- ³³ Незадолго до первой ревизии лишь в двух селениях юга (Бирь и Беллыцкая) проживало две семьи ссыльных, записанных в 1724 г. в разнотинцы. Из них второй ревизией отмечен только в дер. Беллыцкой помещичий крестьянин из Мурома Яков Мухин с семьей. Кроме того, до 1737 г. в с. Новоселово были поселены муромский и костромской помещичьи крестьяне Иван Максимов с сыном и Иван Ктитин. В с. Потаповское определили на жительство поповского сына из Москвы Ивана Иванова, у которого по второй ревизии записано трое сыновей (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 133, 150, 163).
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 543 об.
- ³⁵ Там же, л. 544 об.
- ³⁶ Там же, л. 544 об., 547.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 548; ф. 298, оп. 1, д. 33, л. 2–5 об.; ф. 271, д. 3278, л. 144–146.
- ³⁸ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre. 1733–1743. Göttingen, 1752, t.3, S.528.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 110.
- ⁴⁰ Там же, кн. 854, л. 319.
- ⁴¹ Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в., с. 97–98; Он же. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 10–11.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 119, оп. 2, порт. 515, тетр. 2, л. 60 об. – 72. Подсчет наш. Табель не датирована. Время посещения и заполнения анкеты установлено по бумагам Г.Ф. Миллера (см.: ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 67, л. 738–760. Промемория от 14 сентября 1737 г. красноярскому начальству о даче сведений с приложением вопросов).
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 271, д. 3278, л. 215–217.
- ⁴⁴ Там же, ф. 199, оп. 2, порт. 515, тетр. 2, л. 61 об. – 62.
- ⁴⁵ ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 632 – об., 645–651 (опись переданных на хранение Красноярской канцелярии казенных строений и имущества, составленная в 1747 г.).
- ⁴⁶ Там же, ф. 298, оп. 1, д. 33, л. 2–3; ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 99, 115 об.; д. 3278, л. 61–66 об.
- ⁴⁷ Gmelin I.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahre t. 3, S. 297; ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 179.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 49, л. 6–8.

- ⁴⁹ Там же, д. 6, л. 81–100; ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 115 об., 136.
- ⁵⁰ Там же, ф. 298, оп. 1, д. 63, л. 2–5 об.; ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 130.
- ⁵¹ ЦГАДА, ф. 298, оп. 1, д. 33, л. 1–5 об.
- ⁵² Там же, ф. 271, кн. 690, л. 522 об., 556.
- ⁵³ Там же, л. 442 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 593.
- ⁵⁵ Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 627 об.; ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 205–206; д. 3279, л. 194, 195.
- ⁵⁶ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 203.
- ⁵⁷ Там же, д. 3279, л. 172; ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 637.
- ⁵⁸ Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 663–664.
- ⁵⁹ Там же, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 153, 172; ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 637; д. 6, л. 83–87, кн. 690, л. 438, 568 об.
- ⁶⁰ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3279, л. 153. Позже дер. Шушская стала называться по фамилии десятника Шмелёвой в отличие от дер. Шушенской на притоке Енисея, которая первоначально тоже называлась Шушской.
- ⁶¹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 854, л. 317–318; Карцов В.Г. *Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в.*, с. 98.
- ⁶² ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 442–443.
- ⁶³ Новыми архивными материалами не подтверждается точка зрения, высказанная еще П.С. Палласом, что Луказский медный завод закрылся из-за недобросовестности местной заводской администрации, трудностей с рабочей силой и провиантом.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 350, кн. 3, д. 945, л. 76 об. – 77, 167, 197, 180 об., 224.
- ⁶⁵ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 157, л. 76, 76 об.; ф. 663, оп. 1, д. 6, л. 165, 253.
- ⁶⁶ Там же, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 78–87 об., 205–206; д. 3279, л. 189–193; кн. 690, л. 491.
- ⁶⁷ Там же, ф. 428, оп. 1, д. 210, л. 4 (сказка крестьян, ноябрь 1741 г.).
- ⁶⁸ Там же, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 131–132.
- ⁶⁹ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 131 об.
- ⁷⁰ Там же, ф. 199, оп. 2, порт. 515, тетр. 1, л. 106 об. – 107.
- ⁷¹ Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 619.
- ⁷² Ватин В.А. *Минусинский край в XVIII в. ...*, с. 95–96
- ⁷³ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 766–767.

- 74 Там же, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 165. Бутаковы прижились на новом месте. По исповедным росписям в 1779 г. в дер. Шушенской насчитывалось два крестьянских двора Бутаковых, а в 1795 г. – четыре (см.: Быконя Г.Ф. Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского, с. 50–51).
- 75 ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч.7, д. 2378, л. 131 об. – 132.
- 76 ЦГАДА, ф. 271, кн. 690, л. 491–492.
- 77 Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 180.
- 78 ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 133 об. – 142.
- 79 ЦГАДА, ф. 214, кн.1504, л. 109 об.; ф. 350, д. 5537, л. 111; д. 945, л. 165.
- 80 Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 29–36, 210 об.
- 81 Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 138.
- 82 ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 153 об., 165.
- 83 Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в., с. 111, 169; примеч. к с. 217; ЦГАДА, ф. 214, кн.1504, л. 132 об.; д. 2242, л. 132; ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 142 об.
- 84 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 85, 153, 7 об. – 11 об., 165; д. 76, л. 9 об.; д. 189, л. 533; Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 31.
- 85 ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 7, д. 3278, л. 131 об.
- 86 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 7 об. – 8, д. 189, л. 443 (подсчет наш); Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 32.
- 87 ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1504, л. 125 об.; оп. 5, д. 2242, л. 121, 123; д. 350, оп. 3, д. 5537, л. 139.
- 88 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 2 об. – 3.
- 89 Подсчеты по материалам второй ревизии (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 2–318 об.).
- 90 Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. – В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922, вып. 2, с. 45–47; Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII веке (заселение и земледельческое освоение). Новосибирск, 1965, с. 130.
- 91 Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 12.
- 92 Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 138.
- 93 См.: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 148, 152–154; ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 36, л. 132 об. –133.

- ⁹⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1584, л. 762–763 об., 768–769 об., 1278 об. – 1289 (опись ландкарты Саянского Камени; смета на строительство укреплений Кузнецкой линии; полевой журнал С. Плаутина, который вел прапорщик И. Токмачев; копия топографического описания бассейна Абакана с экономическими сведениями о хакасском населении). Карта не обнаружена в деле; она дошла до нас в копии Лукина от 1753 г. с копии прапорщика Я. Красильникова 1752 г.). ЦГВИА, ВУА. ф. 416, № 520 (карта с «прожектором» Сибирской губернии Красноярского и Кузнецкого уездов, рукопись, 44×62 см; М: 1: 1 250 000).
- ⁹⁵ ЦГВИА ВУА, ф. 416, № 524.
- ⁹⁶ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. с. 41, 45, 51–52, 55, 87, 97; см. также: Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. – Вопр. истории, 1979, № 3, с. 55.
- ⁹⁷ Основываясь на материалах 1810 г., извлеченных из архива Каратузской станицы, В.К. Андриевич отмечает такие караулы по рекам Кебеж, Амыл, в верховьях р. Оя, на хребте Сабине, а также при пограничных знаках: «где реку Ус пересекли», у Хоин-Дабага и у Шабан-Дабага (см.: Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ). Иркутск, 1886, т. 2 (1700–1741), с. 163). О службе в Таштыпском и Абаканском караулах П.С. Паллас писал, что из них высылались дозоры «для досмотра редутов на горах Шабан-Дабага и у устья Хемчика» (см.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, ч. 3, кн. 1, с. 510).
- ⁹⁸ ГБЛ, ф. 68, № 227 (6790), л. 133–134.
- ⁹⁹ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 285 (рапорт Минусинской земской избы от 22 июля 1792 г. в Красноярский нижний земский суд).
- ¹⁰⁰ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 141–146.
- ¹⁰¹ Карпенко З.Г. Рабочие чугунно-плавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостническую эпоху. – В кн.: Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957, с. 185.
- ¹⁰² ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 560, л. 74 об. – 75, 97 (дело о передаче Ирбинского завода Берг-Коллегии, 1770 г.).
- ¹⁰³ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 449, л. 76–78 об., 82–83; 58–65 (документы Ирбинского завода, 1769 г.; подсчет наш).
- ¹⁰⁴ Подробно о статусе посельщиков см. в главе IV.

- ¹⁰⁵ Подробно о переселении крестьян см.: Булыгин Ю.С. Присоединение Верхнего Приобья и заселение его русским крестьянством в XVIII в. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Барнаул – Томск, 1965, с. 280–284.
- ¹⁰⁶ Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в., с. 111–115.
- ¹⁰⁷ ГАКК, ф. 1, оп. 2, д. 151, л. 170 об., 172–173.
- ¹⁰⁸ См.: Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в., с. 114.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 733, л. 127 об., 128, 129 об.
- ¹¹¹ Там же, л. 314–315.
- ¹¹² Там же, ф. 592, оп. 1, д. 189, л. 455–458, 521 об.
- ¹¹³ Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX в., с. 114.
- ¹¹⁴ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 189, л. 482–490.
- ¹¹⁵ Об этом см. в главе III.
- ¹¹⁶ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 189, л. 485 об., 486–488 об.
- ¹¹⁷ Об этом см. в главе IV.
- ¹¹⁸ ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 27, л. 49.
- ¹¹⁹ Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 52–78.
- ¹²⁰ Там же, с. 76–80.
- ¹²¹ ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 232, л. 3 об.
- ¹²² См.: ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 24, л. 256 об.
- ¹²³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 1, кн. 3, с. 535–536.
- ¹²⁴ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с.151; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 17.
- ¹²⁵ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 25, л. 42–43.
- ¹²⁶ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч.7, д. 31738, л. 1–154.
- ¹²⁷ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 288, л. 63–64 (доношение Красноярской воеводской канцелярии в Енисейск от 10 июня 1782 г.).
- ¹²⁸ Там же, д. 266, л. 30–32 об.
- ¹²⁹ Копылов А.Н. Русские на Енисее. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, с. 58–60.

- ¹³⁰ Если на новых местах заведенные промыслы были менее доходны, то переселенец при переоброчке просил брать оброчные деньги по новому месту жительства, одновременно оставаясь по подушным и мирским платежам в ведении старого присуда и уезда (см.: ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31738, л. 1–161; д. 10080, л. 2–3 об.; ф. 428, оп. 1, д. 254, л. 16).
- ¹³¹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 43–43 об.; ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 1, л. 32–34 об.
- ¹³² ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 50, л. 24–25.
- ¹³³ См. в главе IV.
- ¹³⁴ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 266, л. 30 об.
- ¹³⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Спб., 1788, ч. 2, кн. 2, с. 489–490.
- ¹³⁶ Ватин В.А. Село Минусинское, с. 29–33 (подсчет по данным В.А. Ватина наш).
- ¹³⁷ Быконя Г.Ф. Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского, с. 52–53.
- ¹³⁸ Подсчитано по подушным платежам посадских Абаканского и Июсского станков за 1774 г. (см: ГАКК, ф. 47, оп. 1, д. 9, л. 3 об. 5 об.; д. 14, л. 9–11 об.).
- ¹³⁹ См. главу IV.
- ¹⁴⁰ Не учтена внешняя миграция старожилов за пределы изучаемого района.
- ¹⁴¹ ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 151, л. 172 об. – 173; д. 733, л. 127 об. – 130 (к 1788 г. было 6823 р. д.); ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 63–96 об. (по неточной переписи 1782 г. было 403 р. д. в 97 дворах, см. также д. 2, л. 11–32); ф. 169, оп. 1, д. 385, л. 839 об. (по ведомости о наборе рекрутов за 1785 г. было 441 р. д.).
- ¹⁴² ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 151, л. 172 об. – 173; ф. 169, оп. 1, д. 733, л. 127–130.
- ¹⁴³ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, 44, 35 об., 54 об. (топографические атласы Тобольской губернии). В.В. Воробьев несколько занижает степень заселенности Хакасско-Минусинского района, отмечая в нем к концу XVIII в. около 130 селений (см.: Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири..., с. 37).

ГЛАВА III. ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИТРАКТОВОЙ ПОЛОСЫ В XVIII В.

НАЧАЛО УСТРОЙСТВА МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ТРАКТА В СРЕДНЕЙ СИБИРИ И ЕГО ЗАСЕЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Московский тракт пересекал всю Среднюю Сибирь от Боготола до Тулуна, проходя через Ачинск, Красноярск, Канск и Нижнеудинск. Общая его длина на этом отрезке составляла 790 верст. Во второй половине XVIII в. за счет спрямления отдельных участков протяженность дороги стала несколько меньше. По степени устроенности и заселенности в XVIII в. различались ачинский, красноярский и канско-тулунский участки тракта. Западный и центральный участки были примерно равными (по 170 верст) и составляли каждый 1/3 восточного канско-тулунского участка тракта.

До завершения присоединения бассейна Среднего Енисея к России район, где позднее прошел тракт, был свободен от русского населения. Только около Красноярска, по данным С.В. Бахрушина, находились крупные укрепленные села Ладейское, Березовское и Ясаулово¹. Тракта как такового не было. На территории между Ачинским острогом и Красноярском обитали многочисленные качинцы и кизыльцы, а в Канской лесостепи и по Уде кочевали камасинцы, моторы и «братские иноземцы». Сообщение с Ачинском осуществлялось через Енисейск либо через Каральный острог², севернее и южнее будущей дороги. Поэтому в административном отношении Ачинский острог подчинялся дальнему Томску, а не Красноярску, хотя по степи до последнего было всего 156 верст. В Канский и Удинский остроги тоже добирались кружным путем: по Енисею до устья Кана или по Ангаре до Чуны и Уды. Постоянного русского населения в этих острогах

не было. Немногочисленные гарнизоны (15 и 25 чел.) ежегодно сменялись, так как никто не хотел переводить свои семьи в опасные глухие края. Показательно, что Сибирский приказ, как пишет С.В. Бахрушин, в 1653 и 1693 гг. не смог добиться от красноярских воевод поселения на Кан на добровольных или принудительных началах 20–30 семей казаков³.

Незначительно изменилась картина заселения района в первой трети XVIII в., хотя с «замирением» енисейских киргизов и строительством на юге острогов военная опасность перестала быть препятствием для русского заселения. Правда, основная масса ясачных оставалась еще на своих прежних кочевьях, а власти проводили охранительную политику в отношении ясачных угодий. Но медленные темпы русского заселения будущей притрактовой полосы объясняются не столько запретами властей, сколько малочисленностью русского населения в соседних старожильческих районах на Томи, Нижнем Енисее, Лене и наличием более плодородных с мягким климатом земель в новоприсоединенном южном районе.

Довольно интенсивно стала заселяться только Красноярская округа. По рекам Каче, Ясауловой, Березовке и Еловке возникали заимки и деревеньки красноярских казаков, разночинцев и других переселенцев. Помимо трех старых сел и шести деревень, которые существовали, по данным С.В. Бахрушина, вокруг Красноярска в 1702 г., к 1713 г. появилось еще семь деревень (Кубекова, Никитина, Горская, Толдатская, Усть-Мана, Овсянская и Бирюсинская)⁴, а к 1722 г. – Ботойская, Яловская (Нашивошниковая) и Беловка (Крутинская). Еще быстрее росло население. Если в 1702 г. здесь числилось до 200 чел., то к 1713 г. перепись отметила 952 души муж. пола и 1070 душ жен. пола в 219 дворах. По первой ревизии уже учтены 321 двор и 1273 р. д., что составило 22 % всего населения уезда⁵.

Были сделаны первые шаги в заселении восточного участка притрактового района. В 1717 г. появилось постоянное русское население в Канском остроге. Первыми его жителями были 22 семьи беломестных казаков (до 104 р. д.), которые, получив «казенную подмогу», поставили свои дворы у восточной стены острожка и со временем окружили строения четырехаршинным

тыном, рвом шириной и глубиной в 3 аршина и надолбами. За право пользоваться освобожденной от податей землей беломестные казаки были назначены вместе с гарнизоном острога «к берегу уезда от прихода воинских неприятельских людей». К 1722 г. в Канском остроге осело также несколько семей самовольных поселенцев, которые уклонились от первой переписи.

Вольное заселение Канской лесостепи стало более заметным, когда трудовое население убедилось, что мирная жизнь окончательно пришла на берега Кана. К 1735 г. в остроге насчитывалось 40 дворов, а на Кане появилось шесть деревень (Курышинская, или «Черная Кирюша», по Г.Ф. Миллеру; Барга, Перевозная, Саломатова-Козылинская, Кокоулина и Коновалова)⁶. Берега Верхней Уды заселялись медленнее. В Удинском остроге к этому времени, по свидетельству С.П. Крашенинникова, насчитывалось только четыре обывательских двора⁷.

Район вокруг Ачинска оставался незаселенным, потому что острог находился в центре ясачных земель и в стороне от дороги, идущей из Томска в Енисейск и Красноярск. Так, Д.Г. Мессершмидт, следуя в Хакасию через Ачинск весной – летом 1722 г., не встретил русских селений за р. Малый Кемчуг, кроме дер. Усть-Кемчуг и заимки из двух домов у Судинских юрт на Большом Кемчуге. В самом Ачинском остроге, судя по записям ученого, находилось «едва 3 дома», в которых жили священник и казаки-годовальщики⁸.

В связи с замирением края и ростом населения в первой трети XVIII в. устанавливается регулярное сухопутное сообщение между Ачинском, Красноярском и Канском. Для проезда из Красноярска в Томск, судя по записям И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, все чаще пользуются летней степной конской тропой через верховья Качи, Малого и Большого Кемчуга к низовьям Июса на реки Соксу и Урюп⁹. Но Ачинск до 1757 г. оставался значительно севернее этого пути, что отрицательно сказывалось на росте его населения (см. гл. V). Восточнее Красноярска, по свидетельству П.А. Словцова, на Канск и Нижнеудинск была проложена прямая конная тропа, по которой летом красноярские и кузнецкие приказчики гоняли скот для продажи в Иркутск¹⁰. Но зимой все ездили старым кружным путем по рекам через немногочисленные

деревни. Первые попытки определить протяженность тракта и наметить его трассу связаны с введением новой версты и работой Первой Камчатской экспедиции. Судя по собранным Г.Ф. Миллером сведениям, в Красноярском уезде установку верстовых столбов и промер прямого пути до Томска, Канска и Нижнеудинска осуществили в 1726 г. местные служилые казаки¹¹.

Со второй трети XVIII в. начинается первый этап устройства тракта как такового. С этого времени меры властей, а не степень заселенности ближних районов определяли развитие дороги. Указ о проведении самого длинного тракта в мире был издан Сенатом 16 марта 1733 г. в связи с началом работы Второй Камчатской экспедиции. Первоначально требовалось наладить регулярное, раз в месяц, почтовое сообщение восточносибирских городов с Тобольском и далее с Петербургом. «Назначить станы, от которого места возить летом и зимой почту» и организовать гоньбу было поручено опытному Витусу Берингу, побывавшему в Сибири еще в 20-е гг. XVIII в.¹²

Судя по специальной сенатской инструкции, врученной В. Берингу, центральное правительство планировало иначе, чем в Западной Сибири, организовать обслуживание восточносибирской части тракта. В более населенных западносибирских уездах сухопутное сообщение было уже относительно развитым. Там почтовую и ямскую гоньбу отправляли специально выделенные крестьяне-ямщики, жившие близ дороги и освобожденные от несения обычных повинностей и подушных платежей¹³. Считая тяготы и расходы, связанные с провозом почты из Восточной Сибири, незначительными и не желая терять подушные суммы, правительство Анны Иоанновны обязало крестьян, разночинцев и ясачных ближних к тракту уездов устраивать и обслуживать «государеву дорогу»¹⁴. Обычная поверстная оплата – за каждую версту и подводу по одной деньге летом и копейке зимой – и платежи за фураж, конечно, не компенсировали расходы, так как дорога проходила по почти безлюдным местам. В связи с этим В. Беринг и Сибирская губернская канцелярия, согласно той же инструкции Сената, должны были решить, сколько нужно привлечь на дорогу вольных переселенцев и какими льготами они будут пользоваться.

Мы не располагаем прямыми сведениями о том, на каких условиях первоначально заселялся тракт. Известно, что некоторые предложения В. Беринга, направленные им в Сенат, остались без ответа даже спустя шесть лет¹⁵. Судя по косвенным источникам, желающие под контролем местных властей могли переселяться ближе к дороге. Те, кто соглашался постоянно жить на перевозах, станциях, станцах и зимовьях, освобождались от платежей за пользование землей сверх надела. Однако подушный налог и другие подати сохранялись. Ближние к дороге сенокосные и пахотные угодья занимать без разрешения властей запрещалось.

В. Беринг и его спутники – лейтенант Плаутин и геодезист Баскаков, минуя воеводские канцелярии, организовали разбивку трассы тракта в Восточной Сибири. Устройство дороги на территории Томского и Красноярского уездов началось вскоре после сенатского указа. Согласно рапорту от 23 марта 1734 г. пограничного дозорщика Кирилла Худоногова, первыми строителями тракта в Средней Сибири были красноярские служилые люди¹⁶.

Намеченные места для станций и зимовий восточнее Красноярска обследовал сам Витус Беринг¹⁷. Уже 17 июня 1734 г. он доносил в Адмиралтейскую коллегию: «Следуя от села Есаулова к Иркутску усмотрел... к селению и учреждению почтовых станков удобные места... (Они. – Г.Б.) к селению весьма привольные, понеже реки рыбные и притом к пашне и сенокосу места удобные и таких де к тому же привольных мест мало и в России имеетца... Можно по тем местам семей 1000 или больше поселить и для таких привольных мест надеетца он, Беринг, что ис тамошних обывателей охотники сыщутца»¹⁸. Г.Ф. Миллер, проезжая в 1739 г. по дороге из Тулуна в Красноярск, тоже отметил, что «в 1736–1737 г. дорога была в разных местах устроена одиночными крестьянскими дворами и почтовыми станами, а со временем могут быть целые деревни. При Пойме, Туманшете и Бирюсе, где большие переправы, есть перевозки и новопоселенные жители их в порядке держат»¹⁹. Приведенные документы вносят ясность в противоречивые сведения, встречающиеся в литературе, о начале устройства Московского тракта в Средней Сибири.

Из-за малочисленности населения и громадных пространств первичное устройство тракта и порядок гоньбы были довольно

своеобразными. Из интересных записок участников сухопутного академического отряда Второй Камчатской экспедиции узнаем, что только через 50–60 верст и у крупных рек ставились почтовые станции – «станы». На них курьеры и проезжающие по специальному документу – «подорожной» – могли сменить лошадей, получить за плату продовольствие, фураж и переночевать.

Обычно станция состояла из «черной избы со светелкой», или горницей, и хозяйственных построек, где содержались подставные лошади, хранился фураж. Все строения обносились высоким заплотом от лихих людей. Между станциями через 25–30 верст размещались зимовья или станцы, представляющие собой обычно небольшие избы с «битыми» из глины печами, лавками или нарами. В них путники останавливались зимой на отдых, получали за плату пищу и фураж. В отличие от станций зимовья летом пустовали. Кроме того, восточнее Красноярска в «пустых местах» между зимовьями устраивали так называемые «кормовища» – места хранения фуража, как правило, сена. Здесь останавливались во время длительных перегонов. Станции и зимовья поочередно обслуживали со своими лошадьми и фуражом крестьяне и разночинцы Красноярского и Енисейского уездов. Чтобы попасть на тракт, многим из них приходилось преодолевать по 200–500 верст.

К 1741 г. все намеченные станции были построены. На западном участке тракт, судя по размещению станов, проходил в основном по старой дороге. Из жалобы красноярского почтмейстера Льва Сурикова известно, что западнее Красноярска по дороге на Томск к концу 1741 г. имелось шесть станций и зимовий: в Красноярске, дер. Яловской, на р. Кача, руч. Мостовом, на реках Малый Кемчуг и Июс. Далее в пределах Томского ведомства были станции на реках Агатывке и Шерешь, у дер. Тришкиной, на реках Сокса и Урюп, куда часто «заганивались» красноярские подводы. На каждой станции содержались четыре почтовых²⁰ и несколько ямских лошадей. На участке Красноярск – Канск дорога прошла значительно южнее устья Кана, спрямившись за счет этого на 60 верст. Судя по записям С.П. Крашенинникова, студента И. Яхонтова, И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, сделанным в 1735–1739 гг., станции и зимовья до Иркутской границы разме-

щались на реках Кускун, Балай, Уяр, Рыбная, Кан, Илан, Пойма, Туманшет, Бирюса, Уда, Тырбыр, Курзыр.

Прогоны от Красноярска на восток были очень долгими, так как на 450 верст приходилось всего четыре станции, восемь зимовий да девять ненаселенных «кормовищ»²¹. Поэтому Енисейская и Иркутская провинциальные канцелярии в 1743 г. разослали по уездам указы о сдаче на подряд строительства новых станций и зимовий по тракту от Красноярска до Иркутска. Население извещалось, что желающие поселиться у станций будут освобождены от платежей за отведенную землю²².

Новые меры по устройству и заселению тракта не предпринимались до середины 50-х гг. XVIII в. Вторая Камчатская экспедиция в 1743–1745 гг. закончила свою работу. У правительства, занятого решением других сибирских задач, вопрос о тракте был уже на втором плане. Как показали М.М. Громыко и Ю.С. Булыгин, власти стремились заселить в первую очередь территории вокруг императорских Алтайских и Нерчинских заводов и сооружаемых для их защиты южносибирских пограничных линий²³.

Эти задачи в 40–50-е гг. XVIII в. решались главным образом за счет внутрисибирских перемещений населения. Поощрялась вольная сибирская миграция, отправлялись ссыльные и беглые, разыскивавшиеся по всей Сибири, принудительно переводились целые группы сибирского населения.

Заметная роль в осуществлении поставленных задач отводилась трудовому населению бассейна Нижнего и Среднего Енисея. В этом старожильческом районе после закрытия казенных Красноярских заводов основная масса населения, помимо обслуживания тракта, не несла натуральных государственных повинностей. А следовательно, с точки зрения феодальной администрации, такое население легче было перемещать в другие районы Сибири, не ущемляя «казенный интерес» на местах²⁴. Не делалось исключения при этом для жителей притрактовой полосы, так как расходы, связанные с Московской столбовой дорогой, считались необременительными. Введенные в конце 30–40-х гг. XVIII в. натуральные повинности (работы на Красноярских казенных заводах; сдача, как и везде, дополнительного четверика хлеба с ревизской души; доставка с 1749 г. провианта на каби-

нетские Алтайские заводы и военные линии) распространялись и на жителей притрактовых селений Средней Сибири. Такая политика, в частности дополнительные тяготы по обслуживанию тракта, противоречиво сказались на процессах заселения притрактовых районов в 30–50-е гг. XVIII в.

Льготы желающим переселиться на тракт, порядок его обслуживания и связанные с ним все возрастающие расходы, особенно чувствительные для живущих в отдаленных присудах Енисейской провинции, должны были привлечь в притрактовые районы переселенцев, которые продолжали естественное движение на плодородный юг из старожильческих районов бассейна Енисея. Кроме того, устройство сухопутной транспортной артерии, соединившей коротким путем основные старожильческие очаги русского расселения, создавало благоприятные условия для оживленной внутрисибирской и российской миграций. Вместе с тем переселенцы, как уже отмечалось, часто оседали южнее в Хакасско-Минусинском районе и других уездах Сибири. Они, как и многие старожилы притрактовой зоны, были вынуждены искать благоприятные для хозяйственной деятельности места поближе к районам несения новых казенных натуральных повинностей. На переходах сказывались также повышение связанных с трактом расходов и произвол проезжающих.

Противоречивые факторы, влиявшие на миграционные процессы, обусловили особенности и низкие темпы заселения изучаемого района. Вопрос об оседании переселенцев в притрактовых районах решался непременно с учетом сословной принадлежности. Служилые люди вообще были свободны от почтовой гоньбы и ремонта дороги, а посадские и цеховые эти тяготы несли частично²⁵. Притрактовая полоса являлась постоянным пристанищем для более многочисленного, чем в других районах, временного населения, столь характерного для новозаселяемых территорий. Так, кроме казаков-годовальщиков Ачинского, Канского и Нижнеудинского острогов, промышленников, покормежников и беглых, здесь всегда находилось много подводчиков и зимовщиков. В обычных условиях чем больше временных жителей, тем быстрее складывается и растет постоянное население. Однако специфика притрактовой полосы, судя по масштабам заселения, сказывалась и на этом явлении.

Результаты заселения притрактовой полосы на первом этапе устройства дороги прослеживаются по источникам 40-х гг. XVIII в. Частично сохранившиеся по Красноярскому уезду отчеты приказчиков и комиссаров о принятии трех присяг на подданство императору Иоанну Антоновичу и его регентам дают представление о численности и местах выхода временного населения²⁶. Наиболее полные сведения содержат рапорты приказчиков присудов Канского и Нижнеудинского острогов (табл. 15). Данные третьей присяги за май – июнь 1741 г. точнее, так как были исправлены допущенные прежде ошибки. Например, лучше учтены подростки мужского пола старше 12 лет. Поэтому все подсчеты и сопоставления даются относительно третьей присяги.

Временное население не превышало 38 % от всех присягнувших русских (161 из 415). Соотношение его с постоянным податным населением восточного участка притрактовой полосы составляло 1: 3 (161 и 457) (табл. 15). Это свидетельствует об активном участии временных жителей в первичном хозяйственном освоении Канской лесостепи, бассейнов Верхней Бирюсы и Уды. Но в заселении названных районов их роль не столь значительна.

Пофамильная сверка всех присягнувших в присудах и мест их выхода показала, что трижды присягали, т. е. задержались почти на полгода в рассматриваемом районе, до половины пришлых – всего 72 чел. В это число входили каждый второй из Енисейского края (66 из 123) и только каждый шестой из дальних сибирских и российских мигрантов (6 из 38). Со временем из числа пришлых из отдаленных мест (24 % от всех) только 33–25 % смогли или захотели окончательно осесть здесь, обзавестись хозяйством и перейти в ведение красноярских властей. Например, из всех дальних пришлых (25 чел. по первой присяге, 21 – по второй и 38 – по третьей) только семеро записались в красноярские посадские и цеховые во время второй ревизии²⁷. Из ближних мигрантов на постоянное жительство оставалось около 50 % живших до полугода, или 25–20 % всех выходцев из других мест бассейна Енисея.

В притрактовые районы шли главным образом посадские, цеховые, а также разночинцы из бывших служилых семей. Они занимались торговлей, отхожими ремеслами, промыслом слюды по Бирюсе, добычей пушного зверя²⁸.

Таблица 15

**Миграции и социальный состав временного населения притрактовой полосы
на участке Канск – Тулун (по материалам трех присяг), душ муж. пола**

Места выхода	Посадские и цеховые				Разночинцы и прочие				Итого				В том числе в приходах								
	первая		третья		первая		третья		первая		третья		Канского острога				Нижнеудинского острога				
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
1																					
Уезд:																					
Красноярский	50	50	47	37	12	7	3	2	62	57	50	39	50	48	46	37	12	9	4	2	
Енисейский	14	20	31	5	36	51	42	22	50	71	73	27	25	37	28	14	25	34	45	13	
Тобольский	2	5	1	-	3	3	3	1	5	8	4	1	2	5	-	-	3	3	4	1	
Иркутский	2	3	1	-	-	1	6	-	2	4	7	-	-	-	1	-	2	4	6	-	
Устюжский	1	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	
Томск	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	2	-	
Сургут	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
Яренск	1	1	-	-	1	1	1	1	2	2	1	1	1	1	-	-	1	1	1	1	
Тюмень	-	1	-	-	1	1	2	-	1	2	2	-	-	-	-	-	1	2	2	-	
Илимск	-	-	2	-	5	3	1	1	5	3	3	1	-	-	-	-	5	3	3	1	
Братск	-	-	2	-	3	-	9	-	3	-	11	-	-	-	-	-	3	-	11	-	
Соль Вычегодская	-	-	-	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	

Окончание табл. 15

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Ланский посад	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Вага	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Тотьма	1	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-
Архангельск	-	2	-	-	-	1	-	-	-	3	-	-	-	2	-	-	-	1	-	-
Казань	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Орел	-	-	-	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-
Владимир	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Кострома	-	-	-	-	1	2	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	1	1	1	1
Вязники	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Не указано	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Итого	72	85	84	42	65	74	77	30	137	159	161	72	82	100	77	53	55	59	84	19

Примечание: См.: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 1-290. Не включены годовальщики. Подсчет наш.

**Размещение и численность русского податного населения
приотрактной полосы Средней Сибири к середине XVIII в., душ муж. пола**

Участки тракта	Присуд	1722 г.										Вторая ревизия (1745–1747 гг.)									
		Селений		всего семей		душ		старожилы		переселенцы		ссылные		всего селений		итого		из них			
		душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	душ	семей	крестьян	разночинцев		
Центральный	Подгорный	2	–	–	46	209	58	199	4	9	12	108	417	284			133	18	444		
	Ладейский	4	224	864	108	407	16	45	7	10	4	131	462	18	444						
	с. Ясаулово	4	122	492	97	406	65	195	1	3	5	163	606	272	334						
Восточный	Канский	1	?	104	21	180	29	104	–	1	3	50	285	9	275						
	Рыбинский	–	–	–	–	–	28	119	–	–	3	28	119	59	60						
	Нижнеудинский	1	–	–	–	–	17	53	–	–	1	17	53	17	36						
Западный	Ачинский	1	–	–	–	–	?	29	–	–	2	?	29	–	–						
	Итого	13	?	1460	272	1202	213	746	12	23	30	497	1971	537	1434						

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 47 об.–51, 66–86, 94–109, д. 945, л. 78–95, 165 об.–204 об., 288–305 об. Данные первой ревизии по Канскому острогу восстановлены по второй переписи и «Книге убылого населения...» (см.: там же, д. 945, л. 288 об.–302; д. 1657, л. 81 об.). Данные по Ачинскому острогу подсчитаны по материалам третьей ревизии (см.: там же, д. 4478а, л. 466 об.; д. 4478б, л. 429 об.–432). Сведения по ведомости о наборе рекрутов в 1741 г. и данные первой ревизии по станкам несколько расходятся: Ладейский – 838 р. д., Ясауловский – 419, Канский – 96 (см.: там же, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 671, 821–822). Распределение селений по станкам взято из ведомости о наборе рекрутов в 1741 г. и ответов Красноярской воеводской канцелярии на вопрос анкеты В.Н. Татищева о селениях уезда в 1735 г. (см.: там же, ф. 199, оп. 2, д. 516, ч. 2, л. 3–4).

Временное население притрактовой полосы состояло в основном из пришлых из других районов бассейна Енисея – всего 123 чел. из 161, или 76 %. В Канской лесостепи более активно действовали выходцы из старожильческих районов Красноярского уезда, а на Средней Бирюсе и Уде больше было жителей Енисейского уезда. Пришлые из других сибирских районов составили 14 %, а из европейской части России и Приморья – 10 % всего временного населения.

Значительный вклад сибиряков-старожилов в хозяйственное освоение и формирование постоянного населения новых районов очевиден даже для притрактовой зоны. Это важный аргумент в пользу вывода о ведущей роли внутрисибирской миграции, питаемой естественным приростом, в заселении Сибири в XVIII в.

Появление выходцев из Западной и Восточной Сибири на тракте свидетельствует о том, что здесь уже в 40-е гг. начали завязываться хозяйственно-экономические и миграционные связи между старожильческими очагами русского населения Сибири. Оседание пришлых, хотя и в небольшом числе, из Илимского, Братского и Иркутского уездов подтверждает факт встречного движения сибирского населения с востока на запад к середине XVIII в.

Представление о динамике постоянного податного населения к середине XVIII в. дают материалы первой и второй ревизий (табл. 16). В табл. 16 не вошли данные о посадских и цеховых, которые в податном отношении числились за Красноярском и, согласно второй переписи, не отличались от городских податных. Как видно из этой таблицы, наплыва переселенцев в притрактовую зону не произошло.

По сравнению с первой ревизией население выросло всего в 1,3 раза. Общий годовой прирост составил около 1,4 % и был ниже общеуездного. Из всего учтенного к 1747 г. населения более 1/3 жило на новых местах – 746 из 1971 р. д. Однако анализ мест жительства переселенцев, участвовавших в заселении притрактовой полосы и самой дороги, показывает, что 1/3 мигрантов (247 из 746 р. д.) – это старожилы. Старожилы, таким образом, составляли почти 3/4 всего населения изучаемого района к сере-

дине XVIII в. (1448 из 1971 р. д.). Они вместе с выходцами из Красноярска во второй четверти XVIII в. сделали новый шаг в заселении ближних к их старым селениям мест, основывая заимки и небольшие деревеньки. Так, вокруг Красноярска возникло восемь новых деревень (Маганское, Катанская или Худоногова, Дрокино, Установа, Арейское, Емельяново, Минино и Заледеева, или Новобугачевская). Однако в заселении западного и восточного участков тракта участвовали немногие старожилы – всего 60 из 247 р. д. (табл. 17, 18).

Как и в первой трети XVIII в., основным миграционным направлением старожилов притрактовой полосы оставалось южное направление. Согласно данным таблиц, больше половины всех мигрантов-старожилов вышло за пределы своего района, в основном в Хакасско-Минусинский.

Отток населения из Ладейского и Ясауловского присудов даже превышал приток. Таким образом, все перемещения старожилов притрактовой полосы в 20–40-е гг. XVIII в. свидетельствуют, что они не откликнулись на скупые поощрительные меры властей по устройству и заселению тракта в Средней Сибири.

Пришлые из других районов бассейна Енисея составляли около 30 % всех переселенцев (223 из 746 р. д.). Выходцев из других районов Сибири и России было до 10 % от всех переселенцев (71 из 746 р. д.), если приравнять численность местных прописных и тех дальних пришлых, что записались в посадские и были показаны из фискальных соображений в общей массе красноярского посада.

Основные транспортные артерии этого района – реки Чулым с притоками, Кан, Бирюса и Уда – определили направление миграционных путей и географическое размещение пришлого населения. Например, по канско-удинскому участку притрактовой полосы вместе с немногими выходцами из Красноярской округи шли переселенцы из старожильческих селений по Енисею близ устья Кана и деревень юго-восточной части Енисейского уезда, расположенных на Нижней Ангаре. Трактом могли воспользоваться при переселении только жители Красноярска и двух ближних сел (до 20 % всех мигрантов), причем до 40-х гг. зимой по-прежнему ездили в Канский острог через устье Кана

Таблица 17

**Происхождение тяглых переселенцев в при трактовой полосе Средней Сибири
в 1722–1747 гг.**

Участок тракта	Районы оседания (присуд)	Места выхода										итого		
		при трактовая полоса		Красноярск		прочие места Красноярского уезда		Енисейский уезд		неизвестно прописные				
		семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.			
Центральный	Подгородный	1	5	56	187	1	6	–	–	–	–	1	58	199
	Ладейский	8	25	–	–	8	15	–	–	–	–	5	16	45
	с. Ясаулово	40	157	5	13	11	17	–	–	–	9	10	65	197
Восточный	Канский	11	44	1	1	10	37	–	–	–	7	22	29	104
	Рыбинский	4	16	1	4	23	95	–	–	–	1	4	28	119
Западный	Нижнеудинский	–	–	–	–	–	3	16	50	–	–	–	17	53
	Ачинский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	29	–	29
Итого		64	247	63	205	54	173	16	50	17	71	213	746	

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 288–302; д. 4478а, л. 466 об., д. 4478б. л. 429 об.–432.

по правой его стороне. Поэтому новые селения возникали по старой зимней дороге в среднем течении Кана. Непосредственно на тракте появились лишь с. Рыбинское и несколько заимок²⁹.

Таким образом, географическое размещение податных в восточной части Красноярского уезда во второй четверти XVIII в. также подтверждает слабое влияние новоучрежденной дороги на ее заселение.

Ачинская притрактовая полоса, начиная от верховьев Качи, по-прежнему оставалась почти незаселенной. Геодезист Василий Шишков на горнозаводской карте Красноярского, Томского и Кузнецкого уездов, составленной 17 сентября 1737 г., отметил в бассейне Среднего Чулыма только дер. Усть-Сережскую. И.Г. Гмелин по дороге в Томск в феврале 1740 г. в том же районе обнаружил еще три деревни (Тришкина, Кожевникова, Барсучка-Таловская). В них жили, вероятно, казаки и посадские, так как в переписных книгах второй ревизии эти деревни не указаны³⁰. Медленные темпы русского заселения западного участка тракта объясняются также многочисленностью ясачных и слабой активностью властей, так как ямские разъезды здесь продолжало нести и ясачное население.

Отмечая эту особенность в заселении притрактовой полосы Средней Сибири во второй четверти XVIII в., вместе с тем нельзя согласиться с утверждением П.А. Словцова о почти полной незаселенности рассматриваемого района к середине XVIII в. П.А. Словцов и другие историки значительно занижали масштабы заселения тракта, ибо данные второй ревизии по ачинскому и канско-удинскому участкам дороги были ошибочно отнесены к третьей ревизии³¹. Между тем, согласно ревизским данным, податное население притрактовой полосы составляло 24,5 % всех податных Красноярского уезда (1971 из 8225 р. д.). Это минимальная цифра, так как сюда не включены посадские и многочисленные верстанные служилые, жившие в Красноярской округе. Кроме того, посадские и цеховые, не говоря уже о служилых, охотнее, чем крестьяне и разночинцы, селились около дороги. Количественный состав этих групп населения трудно определить по сохранившимся источникам, но то, что они здесь жили, можно установить. Так, в Канской лесостепи, в бассейне Средней Би-

рюсы и Уды по второй ревизии показано всего шесть населенных пунктов (Соломатова или Казылинская, Рыбинское, Ирбейское, Курышинская, Баргинская, Кан-Перевозное). Судя по материалам сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции и картам 1736–1746 гг., там насчитывалось, кроме станций и зимовий, до 14 селений³².

Таблица 18

Миграции русского податного населения притрактной полосы Средней Сибири во второй четверти XVIII в.

Места выхода (присуд)	Районы оседания								Итого	
	притрактная полоса		Хакасско-Минусинский район		прочие места Красноярского уезда		за пределами уезда			
	семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.	семей	р. д.
Городовой	1	3	10	36	–	–	–	–	11	39
Ладейский	22	93	27	132	6	11	–	–	55	236
с. Ясаулово	46	151	22	80	2	7	–	–	65	237
Канский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	69	247	59	248	8	18	–	–	136	513

Итак, используя накопленные географические знания русских подданных, уже разведавших к началу XVIII в. кратчайший путь через всю Сибирь, царское правительство из административно-фискальных, хозяйственных и военных целей учреждает в 30-е гг. Московско-Сибирский тракт. В мрачный период бироновщины и в расточительные времена Елизаветы правители, не жалевшие сотен тысяч на всевозможные увеселения, прихоти и подарки фаворитам, проявили недалководидность относительно устройства и заселения тракта.

Вместо ощутимых льгот для привлечения переселенцев на тракт и учреждения особых ямщиков власти из мелочной экономии возложили все связанные с трактом расходы дополнительным бременем на сибирских крестьян и разночинцев ближних к дороге уездов. Немногочисленное податное сибирское население

ние и без того несло тяжелые натуральные повинности и платежи, возраставшие в условиях государственного феодализма.

При наличии огромного свободного земельного фонда и нескольких льготных миграционных направлений старожилы нередко уходили из притрактового района, а переселенцы нечасто останавливались на нем свой выбор. В результате на дороге и в притрактовой полосе население размещалось редкими гнездами. Поэтому с середины XVIII в. очень остро встала проблема использования тракта в колонизационных целях, а также для перевозок казны, пушнины, добытых металлов и товаров.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ТРАКТА И ЕГО ЗАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

С середины 50-х гг. XVIII в. начинается новый этап в истории Московского тракта. Правительство стало вплотную заниматься вопросами устройства и заселения Московской столбовой дороги, ибо без нее все труднее было решать другие задачи. По представлению сибирского губернатора В.А. Мятлева 21 августа 1755 г. Сенат издал указ об освобождении государственных крестьян и разночинцев восточных уездов Тобольской губернии от ямской гоньбы до Томска и о возложении этих обязанностей на переселенных и дополнительно набранных ямщиков³³. Однако в обслуживании тракта в Енисейской провинции ничего не изменилось³⁴.

Новым толчком для устройства Московского тракта послужила Семилетняя война. Необходимо стало как можно скорее доставлять из далекой Сибири пушнину, выплавляемые серебро, медь и свинец. Предпринятое расширение плавильных заводов тоже потребовало переброски новых рабочих рук и более интенсивных грузовых перевозок³⁵. Поэтому власти, продолжая прежнюю миграционную политику, начинают разворачивать вольное и принудительное заселение сибиряками безлюдных участков тракта.

С начала 60-х гг. для решения общесибирских проблем шире используется и трудовое население России. Указ 1762 г. об «от-

срочке паспортов российским крестьянам, посадским людям и купцам» в Сибири и указ от 11 июня 1763 г. «о переписи и положении в подушный склад бежавших в Сибирь крестьян с просроченными паспортами» фактически легализовали дорогу в Сибирь вольным российским переселенцам, даже из числа крепостных³⁶.

Начинается и массовое принудительное переселение. В Сибирь стали направлять тысячи людей на основании указов 1762–1763 гг. о поселении отставных нижних чинов, рекрутов и каторжных, указов 1763–1765 гг. о ссылке в Сибирь «выведенных» из Польши беглых российских подданных, а также указов от 13 декабря 1760 г., 15 марта 1761 г., 22 января и 6 августа 1762 г. о разрешении помещикам ссылать в Сибирь с зачетом в рекруты непокорных крестьян³⁷.

С 1761 по 1782 г. в Сибирь, по подсчетам А.Д. Колесникова, было отправлено до 60 тыс. посельщиков обоого пола³⁸. Перемещая в Сибирь до и после крестьянской войны под руководством Е. Пугачева социально наиболее опасную часть трудового населения, правительство пыталось притупить остроту конфликтов в центре страны и расширить базу для русификаторской политики в глухих сибирских окраинах. Многих из присланных размещали на Московском тракте и прилегающих к нему районах. Особенно важное значение имел указ от 22 января 1762 г., по которому «от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до Нерчинска селили... колодников мужского и женского пола, что ссылали на работы в Нерчинск и помещичьих крестьян, что в зачет (рекрутов. – Г.Б.) шли на Кольванские заводы». Этим указом было положено начало целой серии распоряжений о принудительном заселении тракта различными группами населения³⁹.

Переведенцам и посельщикам предоставлялись податные льготы, выдавались срочная ссуда и безвозмездная помощь. В Восточной Сибири власти намеревались посельщиков определить в ямщики для обслуживания тракта. Но жестокие условия доставки в Сибирь, скудные льготы и ссуды, жесткая регламентация жизни и быта – все эти меры, проводимые, за немногим исключением, косной, алчной и деспотичной администрацией, обращались в «сущную пагубу» для присылаемых людей. Сенат в

докладе Екатерине II от 13 мая 1773 г. был вынужден признать, что из отправленных в Сибирь ссыльных доходил до места только каждый четвертый⁴⁰.

Неудача с принудительным заселением тракта помешала выделить специальную группу лиц – ямщиков – для обслуживания тракта в Восточной Сибири. Всех поселщиков по истечении трех льготных лет, несмотря на их хозяйственное состояние, обязывали нести подушные подати, а обжившихся записывали в государственные крестьяне либо в посад. От обслуживания тракта они не освобождались.

Положительным результатом принудительного заселения Сибири во второй половине XVIII в. явилось частичное ослабление очагового характера размещения населения притрактовой полосы. Впервые были заселены барабинский участок тракта в Западной Сибири, ачинский и удинско-тулунский – в Средней Сибири, забайкальский и охотский – в Восточной Сибири⁴¹.

Сплошное заселение притрактовой полосы определило завершение формирования тракта как важной транспортной артерии. Во многих местах была спрямлена трасса дороги, унифицированы ее устройство и порядок провоза почты и грузов. После указа от 17 июля 1765 г. тракт стали делать в ширину по 30 сажен (из расчета 10 сажен на полотно дороги с канавами и 10 сажен по сторонам на скотопрогонную полосу). Везде через 25–30 верст были выстроены почтовые станции. 30 декабря 1768 г. объявили новые правила, в деталях определяющие порядок провоза почты, места ночевки курьеров и разбора корреспонденции. В ямщики на станциях не должны были принимать моложе 18 лет, выкормку лошадей после езды предписывалось производить по три часа. Почту следовало возить в кожаных чемоданах и разбирать только в городах. С 1782 г. стали строить почтовые конторы⁴².

В Средней Сибири начало нового этапа в истории тракта связано с деятельностью сибирского губернатора Ф.И. Соймонова. Этот умный и дальновидный администратор со сложной судьбой знал Сибирь с несколько неожиданной для губернатора стороны – он был осужден по делу Артемия Волынского и несколько лет отбывал каторгу в Восточной Сибири⁴³. Ф.И. Соймонов, как и его предшественник Мятлев, просил Сенат выделить специаль-

ных ямщиков в Восточной Сибири. Пока Сенат решал этот вопрос, он в первые годы своего управления Сибирью (1757–1760 гг.) пытался улучшить положение населения, обслуживающего тракт. Для этого реорганизуется обслуживание дороги и принимаются меры по ее заселению. Западнее и восточнее Красноярска начали строить новые станции с таким расчетом, чтобы прогоны между ними не превышали 25–30 верст⁴⁴. Западный участок тракта несколько спрямили. Путь стал проходить севернее через станции на р. Боготол и Ачинский острог, которые учредили раньше в связи с устройством дороги на Колывано-Воскресенские заводы⁴⁵. Желаящим поселиться у дороги предоставлялись дополнительные льготы. Переселенцев за счет мира освобождали на три года от подушных платежей и других повинностей. Иногда для привлечения желающих на тракт власти шли на изменение сословной принадлежности переселенцев. Так, в 1758 г. из с. Есаулово перешли в притракттовую деревню Катанская 10 семей пашенных крестьян, всего 34 души муж. пола и 39 душ жен. пола. На новом месте они уже не обрабатывали десятинную пашню, так как всех записали разночинцами⁴⁶.

Отсутствие нужного числа вольных переселенцев восполнялось принудительным переводом. В первую очередь это относилось к подводчикам, которые дежурили с лошадьми на тракте. В переведенцы попадали и не имеющие пашни крестьяне и разночинцы, а также посадские, которые не занимались ремеслом. Вместо солдатской службы селили на тракт взятых в Сибири женатых рекрутов⁴⁷. Переведенцам тоже оказывалась материальная помощь для обзаведения или укрепления хозяйств. Обычно их освобождали на несколько лет от платежа подушных денег, перекладывая эти суммы на «миры»⁴⁸. Неимущим выдавали кормовые деньги по три копейки на мужчин и две копейки на женщин и детей. По прибытии на новое место жительства им до получения урожая каждый месяц «отпускали на семью до 4 пуда провианта и 2 гарнца круп»⁴⁹.

Угодья отводились на свободных землях. В 1757 г. Енисейская провинциальная канцелярия просила у Ф.И. Соймонова разрешения нарезать земли тем, кто вновь прибудет, равно со старожилами, ограничив землепользование последних до 30 четвертей в одном поле – для крестьян и 15 четвертей – для разночин-

цев. Под усадьбы и скотский выпуск предлагалось давать на один двор по полторы десятины⁵⁰.

Материальная помощь переселенцам и переведенцам была обусловлена не только желанием привлечь население на тракт. Это был традиционный подход феодального правительства к переселениям. Не способное полностью пресечь или гибко фиксировать все миграции населения, правительство в целях сохранения общинной организации с ее подворной раскладкой повинностей, фискально-полицейским и поземельным характером стремилось организовать перемещение населения в нужном для него направлении, используя и насильно ускоряя естественный процесс выделения малых семей из больших семейных дворов. Новые семьи-дворы были экономически слабыми и, естественно, нуждались в поддержке. В Сибири такая политика стала проявляться по мере складывания постоянного населения. Прослеживается она и при принудительном заселении тракта старожильческим элементом Средней Сибири. На дорогу переводились обычно части больших дворов. Так, из с. Балчесского в Рыбинский станок переселили Федора Ларионовича Каменских с двумя взрослыми сыновьями, а трех его братьев и женатого сына оставили на прежнем дворе⁵¹.

Для сокращения расходов по заселению использовались традиционные водные пути, которые связывали ближние старожильческие места с притрактовыми районами. Судя по неполным материалам третьей ревизии, переселенцы и переведенцы Балчесского, Нахвального, Бузимского и Сухобузимского присудов Красноярского уезда, поднимаясь по Енисею и Кану, оседали главным образом между станцией Балай и Канским острогом – в Рыбинском, Канском и Ирбейском ставках. Жители Красноярской округи переселялись в основном на восток, на соседний с городом участок тракта до Балая⁵². Здесь же разместилось до 100 семей енисейских крестьян и посадских, чьи льготы вызвали недовольство окрестных жителей⁵³. Из ближних присудов Енисейского уезда вольнопоселенцы и переведенцы поднимались по Ангаре, Тасеевой, Бирюсе, Уде и Чулыму до канско-удинского и ачинского участков тракта. Так, в своих «наказах» Уложенной комиссии крестьяне и разночинцы присудов Кемского, Рыбинского и Тасеевского острогов, а также с. Большая Елань Ени-

сейского уезда жаловались, что из них «гоняли... на поселение по немалому числу человек... и... (те. – Г.Б.) ныне живут на Канской дороге и у Ачинского 7 острога... а подушные платили из них до третьей ревизии»⁵⁴. Енисейский воевода Рыкачев в записке «О состоянии хлебопашества в Енисейском уезде», составленной для Ф.И. Соймонова в 1762 г., сообщал, что из уезда по «наряду» было выведено на Иркутскую дорогу для почтовой гоньбы на шесть станций по 16 чел., на Томскую дорогу для ямской гоньбы переселили 60 чел. со 120 лошадьми⁵⁵. Выведенных на Томскую дорогу разместили по Чулыму выше Ачинска, а на Иркутскую – между Канском и Нижнеудинском. Даже в конце XIX в. крестьяне ряда притрактовых селений Канского уезда помнили, что основателями их селений 150 лет тому тому назад были присланные «выведенцы из Енисейского уезда»⁵⁶.

Сведения о географическом размещении и динамике численности податного притрактового населения между второй и третьей ревизиями (табл. 19) также подтверждают, что наиболее интенсивно заселялись восточный и западный участки дороги. Красноярская округа, как и ранее, потеряла часть своего населения. Общие темпы прироста численности крестьян и разночинцев, учитывая усилия властей, следует признать невысокими – всего 1,74 % в год.

Очень активно заселяли тракт торгово-промышленные люди, привлеченные выгодами здешней жизни и не обязанные нести все тяготы его обслуживания. Правда, не все посадские были вольнопоселенцами, так как переведенцы могли записаться в посадские, да и Ф.И. Соймонов переводил на тракт «скудных» посадских и цеховых, которые составляли до 22 % всех податных притрактовой полосы и 48,4 % посадских уезда.

К сожалению, нет прямых данных о соотношении переселенцев по местам выхода между второй и третьей ревизиями. Судя по наиболее интенсивно заселяемому восточному участку тракта, вольная и принудительная миграции учтенных податных Красноярского уезда соотносились как 3: 2 (142 и 92 р. д.). Из других же мест Енисейской провинции и прочих дальних сибирских и российских уездов больше поступало переведенцев. Пришлых из других мест Красноярского уезда было меньше, чем дальних переселенцев и переведенцев⁵⁷.

**Размещение и численность
русского податного населения притрактовой полосы
Средней Сибири по третьей ревизии**

Участок тракта	Присуд	Крестьяне и разночинцы				Посадские и цеховые	
		семей	р. д.	% ко второй ревизии		семей	р. д.
				семей	р. д.		
Центральный	Подгородный	124	406	115	97	–	–
	Ладейский	143	710	109	154	?	420
	с. Ясаулово	131	674	86	110	–	–
Восточный	Рыбинский	?	247	?	208	–	–
	Канский	?	477	?	170	152	460
	Бирюсинский	?	292	?	–	–	–
	Нижнеудинский	?	172	?	872	–	–
Западный	Ачинский	?	125	?	–	?	98
Итого		?	3103	?	157	?	987
В % от уезда		?	32	?	?	?	48,4

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1659, л. 263–431; д. 4478а. л. 466 об.; д. 4478 об., л. 429 б., 432; ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 68 об. – 70. Число посадских и цеховых подсчитано по суммам подушных денег. У торгово-промышленного населения было особое административно-фискальное деление по станкам, поэтому здесь они показаны по участкам тракта (см.: ГАКК, ф. 47, оп. 1, д. 9, л. 2–3 об.).

Следовательно, в отличие от посадских и цеховых, крестьяне и разночинцы в притрактовой полосе пополнялись в основном за счет принудительного перевода. Различия в характере миграций и темпах прироста разных сословных групп податного населения свидетельствуют о противоречивом влиянии самой дороги на миграционные процессы, социальной их окраске и о слабой эффективности поощрительных мер властей по заселению притрактовой полосы.

По мере становления тракта в Средней Сибири, как и в других районах этого обширного края⁵⁸, он не только привлекал к себе

население, но и часто отпугивал его. Весьма характерны в этом отношении записки прусского шпиона почтового директора Вагнера, который в начале 60-х гг. возвращался из енисейской ссылки на родину. Он писал, что крестьянам «было бы приятнее жить у большой дороги, так как здесь нет недостатка ни в хорошей почве для пашен, ни в лугах, ни в озерах. Но несмотря на это, живут эти крестьяне охотнее в стороне, в глухих местах, чтобы, как они говорят, не подвергаться так часто дурному обращению со стороны команд. И это правда, я сам был свидетелем того, что солдаты в пути почти не считают крестьянина человеческим существом и все, что им нужно, требуют почти всегда с побоями, из-за чего крестьяне этих мест являются самыми забитыми созданиями на божьей земле»⁵⁹.

Немногим лучше солдат вели себя другие проезжающие. Произвол на тракте выражался и в самовольном увеличении прогонов, и в требовании лишних лошадей и подвод, и в неуплате денег за фураж и провоз.

Яркие материалы о порядках на тракте и расходах на него в 60-е гг. содержатся во всех «наказах» крестьян и разночинцев Енисейской провинции⁶⁰. Из них видно, что во второй половине XVIII в. вместо четырех почтовых и трех-четырёх земских подвод на каждый станок выставлялось уже от 15 до 30 лошадей. Ежегодно на каждой станции с зимовьем в среднем дежурили 16–20 чел. и до 30 чел. заготавливали сено на отведенных близ тракта угодьях. Перемена подводчиков обычно производилась через семь-восемь недель. Это часто отрывало земледельцев и их тягловый скот от сельскохозяйственных работ. Поэтому жители селений, обслуживающие определенную станцию, нередко специально нанимали людей для содержания гоньбы.

Некоторые крестьяне за вознаграждение от мира селились на станциях. В 60-е гг. в Красноярском уезде за обслуживание одной станции, где было четыре почтовых и 10 ямских лошадей, сельские миры платили по 250 руб.

Много времени, труда и средств уходило на содержание в исправном состоянии 790-верстного полотна дороги, 105 мостов и гатей. Ежегодно после весенних паводков и осенних дождей ремонтировались или целиком восстанавливались мосты, настила-

лись гати, расчищалась проезжая часть дороги, засыпались выбоины и колдобины. В среднем на каждые 100–150 верст пути приходилось посылать по 50 работников. В итоге тракт отрывал каждого второго работника от его хозяйства.

Расходы, связанные с обслуживанием Московского тракта, значительно увеличивались из-за малочисленности населения на самой дороге. Между тем Сенат по-прежнему считал, что проезжающие полностью возмещают расходы подводчиков, оплачивая по «плакату» версту пути на лошади по деньге зимой и по копейке летом, покупая пуд сена по три копейки и пуд овса по 12 коп.

Тяжелое положение на тракте, которое особенно обострилось в конце Семилетней войны, вынудило Ф.И. Соймонова вновь поставить перед Сенатом вопрос об «учреждении ямщиков» в Средней и Восточной Сибири. Поводом послужило обсуждение планов замены десятинной пашни и порядка доставки хлеба на Кузнецкую военную линию. В 1761 г. Сенат предложил Сибирской губернской канцелярии, чтобы крестьянам плодородных уездов Сибири, в том числе и енисейским, добавили «сверх исетского хлебного оброку еще по 3,5 гарнца ржи и овса». В связи с этим 19 июля 1761 г. сибирский губернатор обратился в Сенат со специальным «экстрактом о крестьянстве». В частности, он писал, что для крестьян, живущих в бассейне Енисея, нужно не увеличивать, а наоборот, снижать оброчные платежи. Мало того, Ф.И. Соймонов предлагал их совсем от «подводной гоньбы... уволить и определить к исправлению оных других свободных людей». Перечислив все службы и тяготы разночинцев, губернатор сделал вывод, что трудно и от них требовать эти повинности⁶¹. Он советовал Сенату увеличить число енисейских переведенцев на дороге, освободив их вместе с обитателями ближних мест от подушных и других платежей. А чтобы при этом не пострадал «казенный интерес», предлагалось «положить в крестьянское словие» лишних ямщиков Тобольской провинции, переселив их на берега Енисея⁶².

Считая, что с отменой десятинной пашни положение сибирских крестьян улучшится, Сенат лишь частично принял предложения Ф.И. Соймонова. П.А. Словцов неточен, утверждая, что

«... Сенат не согласился в 1762 г. для одной мысли тревожить два состояния»⁶³. В сенатских указах от 6 августа и 29 сентября 1762 г. действительно повелевалось «енисейских крестьян оставить в крестьянах и не переселять с Нижнего Енисея и Тунгуски на Черный Юс» к тракту. Но для обслуживания дороги по Барабинской степи до Томска и далее через Красноярск до «Иркутского рубежа» вместо местных крестьян и разночинцев признавалось удобным, согласно предложению Ф.И. Соймонова, «переселить за излишеством из живущих в деревнях тобольских, тюменских, туринских и верхотурских ямщиков из числа написанных по прошедшей второй ревизии 7454 душ 1176 человек». В эти уезды были посланы указы, чтобы старосты и соцкие ближних к городам деревень выбрали «прожиточных и способных, и не скудных, и непрестарелых» и сообщили в Сибирскую канцелярию о числе назначенных к переселению душ обоего пола и их пожитках⁶⁴.

Сенат при этом вновь проявил особую заботу о нуждах кабинетских владений. Дорога с Колывано-Воскресенских заводов выходила к Московскому тракту в районе Томской округи, поэтому присланных ямщиков поместили по тракту от Томска до Кийской станции. Восточнее ямщиков почти не селили. Так, на тракте, проходившем по территории будущего Ачинского уезда, насчитывалось по третьей ревизии всего 29 ямщиков, по четвертой – 26, а по пятой – 20⁶⁵. Именно о них, живших с 1804 г. в Томской губернии, куда вошли Ачинский и Красноярский уезды, упоминал в своей записке о сибирских ямщиках будущий декабрист Г.С. Батеньков⁶⁶.

От Ачинска далее на восток до Иркутского ведомства Сенат предписал выбирать в ямщики тех ссыльных и посельщиков, которых еще раньше из-за недостатка хлеба при Нерчинских заводах, согласно указу от 22 января 1762 г., размещали не в заводских районах, а на тракте от Тобольска до Иркутска⁶⁷. Это распоряжение на первый взгляд, безусловно, приносило пользу. Присланные в Сибирь ссыльные оказывались в более благоприятных для обзаведения хозяйством местах. С их помощью решалась проблема обслуживания тракта, а местное сибирское население получало облегчение. В действительности сенатский указ о вы-

боре ямщиков из поселщиков не улучшал сразу положения среднесибирского трудового населения и ставил всех поселяемых на тракте в очень тяжелые для хозяйственного обживания условия.

Обратимся к фактам. Сибирские власти, выполняя указы Сената от 22 января и 29 сентября 1762 г., в первую очередь стали размещать поселщиков в малонаселенных западном и восточном участках тракта Средней Сибири. Для удобства Ачинский острог с округой передали в административное подчинение по переселенческим делам Красноярску. Первые две партии были отправлены по распоряжению Ф.И. Соймонова 27 июня 1762 г. из Чернолуцкой слободы. Поручик Черкашенин доставил своих ссыльных на станец Боготольский (ныне г. Боготол) и передал их смотрителю Михаилу Юшкову, а прапорщик Кондратьев – в новоучрежденный станец у Красной Речки (ныне станция Краснореченская) смотрителю Филиппу Терентьеву. Через полтора месяца еще одна партия «сосланных из великорусских городов от помещиков за дерзости» поступила в Ачинский острог⁶⁸. В конце 1762 г. новую партию ссыльных поселщиков разместили восточнее Красноярска, на Балайской и Кускунской станциях и в Уярском зимовье (ныне г. Уяр) под попечением смотрителя Стефана Иконникова⁶⁹. Всего к третьей ревизии в Красноярский уезд на тракт направлено было 867 поселщиков. Их размещение по тракту дано в табл. 20. Из нее видно, что Ф.И. Соймонов придавал большое значение устройству дороги на участке Ачинск – Канск: 45 % поселенных в Сибирской губернии поселщиков оказалось в Красноярском уезде. Из них большую часть поместили на западном ачинском участке дороги (табл. 20).

Положение этих поселенцев, благодаря сохранившемуся от них «наказу» в Уложенную комиссию и записям П.С. Палласа, довольно полно описано в дореволюционной и советской историографии⁷⁰. Посельщики, добравшиеся до Сибири более полутора лет, вынуждены были сразу строить себе дома и хозяйственные постройки. Скучных казенных денег не хватало, да и не всегда эти суммы доходили до них. Взрослым работникам, независимо от пола, полагалось по копейке кормовых денег в день, а детям – по полкопейки. В 1762 г. ежемесячно отпускался

**Размещение посельщиков по станциям тракта
Средней Сибири во второй половине XVIII века**

Станция	Душ муж. пола				Душ жен. пола				Всего
	зачет в рекруты		дети	итого	замужние	вдовы	дети	итого	
	женатые	холостые							
Боготольская	114	170	19	303	114	4	38	156	459
Краснореченская	87	142	26	255	87	2	41	103	362
Ачинская	71	58	15	144	71	7	24	102	246
Кускунская	?	?	?	62	?	?	?	?	?
Балайская	?	?	?	31	?	?	?	?	?
Уярская	?	?	?	72	?	?	?	?	?
Итого	272	370	60	867	272	13	103	361	–
Всего в Сибирской губернии	1664	?	159	1823	688	29	308	1025	2848

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 3, л. 128–130 (доклад Д.И. Чичерина Екатерине II от 13 сентября 1767 г.; разр. XVI, д. 368, л. 8); ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 385, л. 838 об.; д. 684, л. 473. Итоговые цифры по станции Краснореченской подсчитаны неверно – 259 и 385 душ. По другим данным, всех посельщиков было 859 р. д. (см.: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в., с. 150, табл. 4).

и провиант из расчета два четверика (пуда) на лиц мужского пола старше двух лет, а на прочих членов семей – по четверику. Хлеб предписывалось выдавать до первого урожая, но поскольку посельщиков начали размещать в разгар лета, то в половинном размере провиант отпускали до осени 1763 г.⁷¹ За полученные на каждого взрослого (от 16 до 50 лет) работника два сошника, два серпа, топор, косу и одну лошадь на семью нужно было через три года полностью расплатиться.

Обживание затруднялось еще тем, что многие не имели семей. Одни были холостыми, а других насильственно разлучили с женами и детьми по воле помещика. Судя по «наказу» посольщиков, семьи остались на родине у 63 чел., в том числе в Нижегородской губернии – у 17, в Казанской – 15, Воронежской – 13, Московской – 17 и в г. Владимире – у одного человека.

В довершение всех бед первый посеянный хлеб уничтожила «кобылка» (род саранчи), а в суровую зиму пали от бескормицы лошади. В результате через три льготных года, когда из посельщиков потребовалось выбрать ямщиков, всего около половины ссыльных обзавелись хозяйством⁷². О возложении только на них почтовой гоньбы не могло быть и речи. Новые же партии посельщиков не поступали, так как их направляли на поселение в Барабинскую степь и на заводы. Мало того, по указу от 30 мая 1765 г. из числа уже размещенных в сибирских городах посельщиков и ссыльных стали отправлять на Нерчинские заводы мужчин до 45 лет и женщин до 35 лет⁷³. Основная тяжесть обслуживания тракта по-прежнему лежала на старожильческом населении Енисейской провинции.

Через пять лет новый губернатор Сибири Д.И. Чичерин продолжил принудительное заселение среднесибирской части Московского тракта. Получив по именному указу от 11 апреля 1765 г. полное право распоряжаться всеми ссыльными в Сибири⁷⁴, Д.И. Чичерин в 1767–1774 гг. буквально наводнил ими Красноярский уезд. Так, за один 1771 г., судя по его рапорту в Сенат, только холостых и вдовых было отправлено на поселение в Красноярский уезд до 3 тыс. душ⁷⁵. В сенатском докладе Екатерине II от 13 мая 1773 г. о состоянии переселения и посельщиков в Сибири говорилось уже о 4 тыс. чел.⁷⁶

Во время крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева правительство запретило отправлять в Сибирь ссыльных⁷⁷. В последующие годы до конца XVIII в. посельщиков присылали в изучаемый район эпизодически, хотя с 1776 г. по Сибири вновь зашагали партии ссыльных, а для колонизационных целей в бассейне Енисея имелся громадный свободный земельный фонд.

Неравномерность поступления посельщиков в Среднюю Сибирь, как, впрочем, и в другие сибирские районы, объясняется

наличием нескольких принудительных колонизационных направлений (заводы, военные линии, отдельные участки тракта) и состоянием местной администрации. Она не готова была постоянно принимать и поселять на подведомственной ей территории большой контингент ссыльных и поселщиков.

Власти, направляя большие партии ссыльных в Среднюю Сибирь в 60–70-х гг., прежде всего стремились равномерно заселить сам тракт. На каждой станции обычно размещалось по 10 семей, а в селах и острогах как центрах присудов и у крупных перевозов повелевалось организовывать особые слободы по 80 семей⁷⁸. По ежегодным ведомостям расхода казенных денег Красноярской воеводской канцелярией частично восстанавливается картина размещения ссыльных. На западном участке дороги, по зимовьям у Черной Речки, Касульки, на Малом и Большом Кемчуге, а также на станциях Боготольской и Ачинской в 1769–1771, 1774, 1776 гг. поселили шесть партий ссыльных⁷⁹. На станции восточного участка тракта (Балай, Кускун, Уяр и Уренскую) новые партии поступали в 1768, 1770, 1771, 1773 и 1774 гг.⁸⁰ Восточнее Канска на станции Иланской, в новом Тинском зимовье, на Пойминской и Ключинской станциях, в Бирюсинской и Нижнеудинской слободах в 1769, 1770, 1771 и 1773 гг. разместили несколько партий, приведенных из Казанской губернии⁸¹. Так, 1 июня 1769 г. смотритель Черняев принял в Нижнеудинске первые восемь семей поселщиков, всего 29 мужчин и 11 душ жен. пола. Тогда же в Бирюсинский станец в ведение сына боярского Семена Кузьмина поступило 17 семей ссыльных, в которых насчитывалось 26 душ муж. пола и 19 душ жен. пола⁸². Далее по дороге к Тулуну в 70-е гг. населили еще девять зимовий и станций (Хингунская, Головоключинская, Шебантурская, Уковская, Замзорская, Ключинская, Яловская, Бояроновская и Алзайская)⁸³. Вокруг Красноярска поселщиков почти не размещали. Известно только, что в 1770 г. в Красноярске поселили 48 польских конфедератов, из которых через год осталось 11 чел. Мелкие группки и одиночные поселщики нередко попадали в ближние к тракту старожильческие селения, на дорогу к Енисейску и в районы по Верхнему Чулыму⁸⁴. Как выше отмечалось, на Ирбинский железодельный завод, когда он был действу-

ющим, направляли многих присланных в распоряжение заводских властей.

Процесс обживания поселщиков на новых местах протекал очень мучительно. Трудности, с которыми они встречались, значительно усугубились во время массового заселения тракта. По сведениям администрации и воспоминаниям ученых-путешественников, среди поселщиков велик был процент бесемейных, увечных, хворых, не имеющих земледельческих навыков и просто уголовных элементов⁸⁵. Во многих русских городах таким образом избавлялись от посадских-недоимщиков и просто неугодных лиц. Например, беглый Василий Фонарев из дер. Кемчуг на допросе показал, что он был нижегородским посадским, которого в 1774 г. из купеческого звания исключили за пьянство и отправили в ссылку с зачетом в рекруты⁸⁶. В число поселщиков включали выявленных в России и Сибири беглых, беспаспортных и гулящих. В упоминавшуюся уже дер. Кемчуг был сослан в 1776 г. 50-летний тобольский крестьянин Никифор Кочешов, который через два месяца бежал вместе с В. Фонаревым. При поимке выяснилось, что в Сибирь он пришел лет 30 назад по печатной покормежной. Из них Н. Кочешов, по его словам, лет 17 работал в разных сибирских городах без «отпуска». Из Томска, где он был обнаружен, его отправили в Тобольск, а через два года за бродяжничество сослали в Красноярский уезд⁸⁷. К поселщикам присоединяли и наказанных местными властями сибиряков. Например, посадского Григория Никитина за незаконное винокурение из дер. Татарской Красноярского уезда воевода выслал в притрактный Шебартуйский станок Нижнеудинского острога и записал в крестьяне⁸⁸.

Хозяйственная деятельность, быт и личная жизнь поселщиков, как и в других районах Сибири, находились под жестким контролем специальных управителей. Кроме появившихся в 1762 г. трех «посельщичьих смотрителей» (краснореченский, боготольский и кускунский), были назначены еще четыре, которые ведали поселенными на Большом и Малом Кемчуге, в Канской, Бирюсинской и Нижнеудинской слободах. Смотрителей обычно подбирали из детей боярских и придавали им в помощь от четырех до шести рядовых казаков или солдат⁸⁹.

Как и приказчики пашенных крестьян XVII – первой половины XVIII в., посельщичьи управители были наделены всей полной административно-полицейской и хозяйственно-фискальной власти, что открывало широкий простор для произвола. Они сами или через выборных выплачивали кормовые деньги, закупали и раздавали казенный провиант, семена, лошадей, «хлебопахотные инструменты», воздерживали посельщиков «от пьянства и непристойств», побуждали к земледелию и «домообзаводству», выдавали разрешения на отлучки, разбирали ссоры и споры, распределяли по холостым дворам одиноких ссыльных женщин и т. д. В общем ведении смотрителей находились и те посельщики, которых размещали по старожильческим окрестным деревням. В этом случае непосредственный надзор над ними осуществляли мирские органы самоуправления – десятники, старосты, приказчики присудов, а с 1787 г. – старосты и заседатели земских изб. Они же ведали теми ссыльнопоселенцами, которые по окончании льготных лет оставались «посельщиками на своем пропитании». В делах Ачинского нижнего земского суда сохранился указ от 1 сентября 1785 г., которым притрактовой «Суслово́й деревни десятнику с мирскими людьми из старожилов» повелевалось иметь в полном «своем заведывании и надсмотре» прибывших 7 августа семь женщин и 57 мужчин посельщиков⁹⁰.

Ачинский капитан-исправник подпоручик Пушкарев подробно инструктировал сельский мир о его новой сфере деятельности. Казенными деньгами для раздач следовало ведать «выбранным из старожилов приходчику и расходчику». Ежемесячные выдачи денег поручались только десятнику. Мир обязан был следить, чтобы «впредь присланные казенные сошники, топоры, косы, серпы употребляли к земледелию, к которому неослабно побуждать, а равно и к строению домообзаводства. А каким оные порядком производить... прилагается при сем чертеж... Инструментов отнюдь до продажи не допускать, а особливо данных им лошадей. Для посева в вешнее будущее время снабдить вам их в займ семенным хлебом, чем подадите со своей стороны к дружеской любви одолжение, а по обзаводству и оне вам равно служить могут и тем доставите вообще согласное к спокойствию их состояние... Разбирать вам домашние споры, а все другие спорные

вопросы не решать и телесно никого не наказывать... Никого по билетам не отпускать... Имущество убылых держать под своей (мирской. – Г.Б.) опекой»⁹¹.

К другим мерам, облегчавшим устройство посельщиков, относится сооружение к 1766 г. на всех трех участках тракта Средней Сибири больших хлебных «мангазейнов». В Красноярске надлежало иметь 1500 четвертей скупленной у местных крестьян муки, в Канском и Нижнеудинском – по 2 тыс. четвертей⁹². Самыми крупными были ачинские «мангазейны», из которых ежегодно вывозили еще до 1 тыс. четвертей муки, овса и круп на Кузнецкую и Колыванскую военные линии. Из всех магазинов провиант выдавали также проходившим через Иркутск партиям ссыльных и расквартированным в провинции войскам⁹³. Позже к 1782 г. были заведены хлебозапасные ссудные магазины, куда все крестьяне и посельщики бесплатно сдавали на случай неурожая по одному или 1/2 четверика ржи с ревизской души⁹⁴.

Ссудная экономическая помощь, кратковременная казенная ссуда, обязательное несение по истечении трех льготных лет различных податей вынуждали посельщиков идти в кабалу к зажиточным хозяевам из старожилов. Уход в восприемники и сыновья, найм за долги и по покормежным зачастую на много лет лишали посельщиков надежды на обзаведение своим хозяйством. Так, в 1785 г. староста Чернореченской станции Иван Байбаков подал сотскому дер. Емельяновой «сведение», что Григорий Родионов, посельщик его станции, прибывший в 1772 г. в возрасте 24 лет, «желание имеет написать себя села Арейского в д. Установку в семейство и во усыновление... к крестьянину Ивану Малашкину»⁹⁵. Нередко выход из безнадежного положения они видели в найме в рекруты за старожилов⁹⁶. При этом старожил платил и нес за него все подати и повинности и даже переселялся в деревню наемщика. Подрядившийся в рекруты посельщик получал на руки специальный «билет», где за подписями мирских людей оговаривались все обстоятельства и условия договора. Так, в билете уренского холостого посельщика Лазаря Макарова записано: «Объявитель сего Красноярской округи Ключа Уренской сотни крестьянин Лазарь Макаров отпущен со всякого мирского согласия заместо канского крестьянина Федо-

ра Михаила сына Чухломина и за сына ево Гаврилу Федоровича итить в рекруты, а оного Макарова взяли из забора не из мало-ва – из сорока рублей, то онай Макаров пожелал за него Чухломина итить в рекруты и есть ли он пойдет и взят будет, то мне Чухломину вместо ево жить в Уренской деревни по жизнь свою подушныя и всякия нарацкия (мирские. – Г.Б.) зделья и тяготы отправлять с протчими наряду беза всяких моих приносимых отговорок, а есть ли не будет взят в рекруты Макаров, тоб ево представить на прежний свой станец в чем для верности Макарову сей отпуской билет дан за мирскими руками»⁹⁷.

Посельщикам и ссыльным без особых ограничений выдавались и краткосрочные покормежные паспорта. Как правило, все случаи их найма к старожилам оформлялись. Считалось, что наемщик через несколько лет кабального труда сможет обзавестись с их помощью своим хозяйством. Но это было далеко не просто, о чем свидетельствует пример кускунского посельщика Сидора Балашова, записанного в крестьянское сословие по четвертой ревизии. «На свою необходимую надобность, на подушный платеж и всякие мирские расплаты к разным людям долгов» он 30 мая 1787 г. взял в долг с отработкой 46 руб. у лодейского крестьянина Ивана Ворошилова. Сохранилась расписка С. Балашова, которая определяет характер отношений между нанимателем и наемщиком: «За оные деньги (46 руб. – Г.Б.) повинен я, Балашов, у него Ворошилова погодно зарабатывать... по 8 рублей, присевку – полдесятины ярицы, чарыки (вид обуви. – Г.Б.), чулки, рукавицы таборожьи. А жить мне Балашову у него Ворошилова в доме добро, порядочно, завсегда быть послушну как ево так жену ево детей, не в чем быть ослушну. В том я Балашов сие письмо дал зарукой при свидетелях...». Позже он, отчаявшись выбиться из кабалы, за 100 рублей нанялся идти в рекруты за лодейского же крестьянина Артемия Потылицына, отдав на жизнь старухе матери оставшиеся от погашения долгов деньги⁹⁸. Разрешая и оформляя эти кабальные сделки, включая отдельных ссыльных в состав местных подеревенских миров, а целые посельщицьи миры – в состав административно-фискальных сложных общин с их обязательной круговой порукой, власти таким образом перекладывали часть расходов по устройству и обжива-

нию поселщиков на старожилов, предоставив последним в виде компенсации возможность эксплуатации казенных поселенцев.

В крайне тяжелых условиях жизни поселщиков возникла новая форма хозяйственно-бытовой кооперации. Некоторые семьи и отдельные поселщики не шли, как обычно, в работники, а на время объединялись по своей воле или распоряжению властей в одно хозяйство. Обычно власти старались в какую-то маломощную семью поселщика включить одного-двух холостых ссыльных, выдавая им общую ссуду и помощь. Очевидно, имели место случаи добровольного объединения хозяйственных усилий и материальных средств двух-трех малых семей. От подворников и срочников они отличались тем, что владели двором, хозяйственными постройками, инвентарем и вели общее хозяйство. Право совместного распоряжения продуктами своего труда, вероятно, носило паевой характер. Необходимо отметить, что работ, посвященных этой своеобразной производственной форме ведения хозяйства в XVIII в., пока нет.

Кооперация, естественно, была временной. Постепенно в таком объединении сначала появлялись свои семьи и дома, а затем происходило их производственное обособление. В дальнейшем объединение этими отдельными хозяйствами своих средств и рабочих усилий носило, как и у прочих, единичный характер и сводилось нередко к подмоге при подъеме целины, расчистке пашни, сенокосов, рыбных ловель, строительству на паях мельниц и помощи при уборке урожая. Такая своеобразная форма хозяйственно-бытовой кооперации поселщиков в известной степени близка хозяйствам сибирских пашенных крестьян XVII в. и носила временный характер. В источниках нет ее определения. Так, земские и духовные власти говорят о «товарищах» или просто «помощниках» во дворах земледельцев. Вероятно, иногда для их обозначения употреблялось и привычное слово «подворники». Групповые хозяйственно-бытовые объединения поселщиков встречались на всех участках Московского тракта в Средней Сибири и, как выше отмечалось, в Хакаско-Минусинском районе⁹⁹. Нередко в казенных деревнях и станциях каждое третье и четвертое хозяйство являлось таким объединением. Например, в 1784 г. при обследовании ачинским городничим хозяйств по-

сельщиков дер. Касульской оказалось, что пашню имеют 60 чел., причем 19 чел. «работают только помощниками и питаются от урожая вместе»¹⁰⁰. Интересно, что такую кооперацию широко использовали власти при устройстве новых казенных притрактовых поселений в 20–30-е гг. XIX в.¹⁰¹

Отрицательно сказывалось на обживании поселщиков размещение их непосредственно по тракту. Срочные работы по ремонту мостов и дорожного полотна, поставки недостающих для крупных партий подвод, обслуживание переправ возлагались именно на жителей притрактовых слобод и станций.

Противоречивое влияние на процесс приживания оказала политика насаждения мирских принципов организации жизни ссыльнопоселенцев. Круговая порука в несении платежей и тягот, прямой сбор денег на «прокормление бедных», разные виды подмоги и кооперации – все это позволяло властям использовать материальные средства всех поселщиков для поддержания их «скудных» товарищей. Однако такой порядок замедлял темпы становления самостоятельных хозяйств у всех поселщиков.

Миры казенных деревень, станций и слобод подчас жестоко обходились со своими маломощными членами. Их отдавали за долги в кабальные работы, обменивали через рекрутчину на состоятельных тяглоспособных старожил. Поэтому не случайно «заемные письма» под отработку, расписки, кабалы и «билеты» подрядившихся в рекруты поселщиков выдавались «за мирскими руками» и при «одобрении от народу».

Вместе с тем принудительно возникшие мирские общины поселщиков помогали ее членам бороться со злоупотреблениями администрации, случаями притеснения со стороны отдельных богатеев старожил и других миров. Экономически более однородные поселщицьи общины часто действовали согласованнее старожильческих. Располагая, как правило, бывальными грамотными людьми, они широко прибегали к жалобам во все инстанции как средству коллективной защиты своих интересов¹⁰².

При этом гибко использовались дух, буква и лазейки тогдашнего запутанного законодательства и судебной практики с ее крючкотворством, формализмом и бюрократической волокитой. Показательна история торгующего крестьянина-старожила

с. Ладейского Артемия Потылицына. В 1787 г. он, «чтобы не лишиться родителей, сыскал за себя в рекруты за 100 рублей находящегося в работах» кускунского посельщика Сидора Балашова и, согласно договору с миром, переселился за него на станцию Кускунскую. Через четыре года, как жаловался А. Потылицын, он «по ненависти тех кускунских посельщиков в 1791 г. выбран десятником, для чего вместо себя и принужден нанять кускунской же сотни крестьянина Ефима Смоленского» за 2 руб. 80 коп. в год. Осенью того же 1791 г. кускунское общество отдало прижизненного А. Потылицына в рекруты. Крестьянин, которого в прежнем станке уже отдавали в рекруты, обжаловал решение мира в Красноярске, а затем и в Кольвани. Он не без основания считал, что раз переселился в Кускун, вошел в «кускунское общество» вместо С. Балашова, имевшего рекрутскую льготу, и платил за него все подушные, подводные и прочие платежи, то в рекруты не должен идти. Посельщичий же мир, выставя А. Потылицына вольным переселенцем, настаивал на своем праве опрелелить его в солдаты. Интересно, что Кольванская казенная палата после попытки разобраться в аргументах обеих сторон 11 июля 1792 г. распорядилась вновь передать это дело на рассмотрение в Красноярский нижний земский суд¹⁰³.

Названные многообразные причины трудного и длительного процесса превращения ссыльного и посельщика в обычного тяглового крестьянина обусловлены феодальным классовым подходом правительства к решению этой задачи. Тогдашний государственный аппарат был неспособен как-то иначе решить ее. Поэтому почти все обитатели казенных станций и зимовий годами находились в крайне тяжелом положении. О массовом бедственном состоянии посельщиков свидетельствует ходатайство жителей Уярского зимовья, поданное 1 апреля 1769 г. в Красноярское духовное правление. Размещенные шесть лет назад посельщики жаловались духовному заказчику, что они из-за «скудности» не могут возить «мертвые тела» за 26 верст в ближнюю церковь с. Рыбинского, как того требовал священник. Просьба сводилась к тому, чтобы им разрешили сделать у себя «амбар для погребения мертвых тел» и хоронить их без церковных обрядов. Заказчик Андрей Михайловский был вынужден санкционировать это

неслыханное отступление от обрядностей православной церкви, символически заменив их большим крестом на месте захоронения покойников¹⁰⁴.

Огромные лишения терпели посельщики подчас даже через 10–20 лет после определения их на землю. Об этом свидетельствует история жителей деревень Большая Касульская, Большая Уря и с. Ключинского. На западном участке тракта у рч. Большая Касулька в конце 1776 г.¹⁰⁵ разместили большую партию посельщиков, которые до этого три года работали на новоучрежденных казенных Боготольском и Краснореченском винокуренных заводах. Поскольку льготный срок прошел, их положили в подушный крестьянский оклад и приписали в ревизские списки третьей переписи. Но те, кто не мог или не хотел «заобвыкнуть к пашне», по договору со своей общиной продолжали работать на заводах. Часть получаемых денег отдавали «по обязательству и договору с миром... ежегодно в общую раскладку на платеж за убылых, немущих... на наем подводной гоньбы, мощение дорог и на содержание пищика и письмопроизводства, на рекрутские подати и другие случающиеся мирские расходы и надобности, а особенно и на прокормление бедных»¹⁰⁶. Через семь лет начались споры между сельскими и заводскими посельщиками козульского общества о размере отчисляемых сумм на мирские нужды. Обследование, которое с 1 ноября 1786 г. проводил ачинский городничий, вскрыло неприглядное состояние их хозяйств. По четвертой ревизии, в деревенской общине числилось 212 р. д. Из них реальных плательщиков к 1786 г. было 160 чел. За прочие 52 р. д. (13 – умершие, 21 – малолетние, 15 – старые и увечные, один – пропавший без вести и двое – под судом) мир платил раскладкой, в том числе с каждого из 68 заводских брали, как и со всех, по 3 руб. 50 коп. Из 92 сельских посельщиков 89 жили в своих домах. Пашню же, «по убожеству своему всего 60 десятин яри, а на следующий год 65 десятин посеянной озими», имели 60 чел., причем 19 чел. были в складничестве и названы помощниками, которые «питаются от урожая вместе». Мало было в деревне и скота, так как все жители приготовили к зиме только 1000 копен. Другие занятия у посельщиков не отмечены, хотя 13 чел., в том числе 10 дворовладельцев, не были связаны с перечисленными выше ви-

дами трудовой деятельности¹⁰⁷. Таким образом, даже через 10 лет после поселения в деревне было менее 75 % работоспособных поселщиков, из которых 55 % (87 из 160) жили за счет найма, 37,5 % имели маломощные земледельческие хозяйства, а прочие получали средства к существованию неизвестно как.

Представление о жизни и хозяйстве бывших поселщиков спустя 20 лет после определения на землю дает жалоба крестьян станка Ключ-Уренский губернатору Кольванского наместничества Б.И. Меллеру, датированная 22 марта 1796 г.¹⁰⁸ Село Ключинское и соседняя с ним дер. Большая Уренская были основаны в 1771 г. поселщиками, присланными в зачет рекрутов из «великорусских городов». По четвертой ревизии, в Ключинском насчитывалось 140 р. д., а в Большой Уренской – 75 р. д. Ко времени подачи жалобы только половина из них была трудоспособна – соответственно 73 и 36 чел. Из числа трудоспособных годные к подводной гоньбе, т. е. имеющие лошадей или средства для их найма, составляли менее 1/3 работников – 25 и 15 чел. Данные исповедных росписей жителей этих селений за 1795 г., составленные рыбинским и канским священниками, подтверждают, что крестьяне в жалобе губернатору приводили реальные цифры. В с. Ключинском имелось 37 дворов, где насчитывалось 101 душа муж. пола и 93 души жен. пола. Среди мужчин было 12 одиноких подворников. Большая Уренская состояла из 27 дворов, где проживали 81 душа муж. пола и 80 душ жен. пола. Подворниками указано семь семей, всего по 10 душ муж. и жен. пола. В селениях жили только бывшие поселщики¹⁰⁹. Причины своей скудности и разорения крестьяне видели в неравномерности распределения гоньбы по станкам, злоупотреблениях старожильческих соседних миров при сдаче в рекруты, в высоких сборах на земские нужды и круговой поруке. Поселщики жаловались, что у них на ревизскую душу приходится около одной версты тракта и свыше 20 подвод в год, а у соседних канских и рыбинских крестьян – в 3–4 раза меньше. Как только истек срок 20-летней рекрутской льготы, Канская земская изба, объясняя, что «за вас мы деньги вносили», взяла у поселщиков в рекруты за три года 12 чел. Крестьяне с полным основанием писали, что «нет защиты нашим душам, как льгота минула».

Кроме того, якобы по распоряжению губернской казенной палаты земская изба неизвестно зачем собирала по 2 руб. 74 1/4 коп. с каждой ревизской души, исключая умерших. Примечательно, что посельщики, извиняясь за присылку жалобы не с «человеком от себя», а по почте, объясняли это тем, что ему «на пропитание нечего дать»¹¹⁰.

Плохо сохранившиеся источники не позволяют привести показатели хозяйственного положения посельщиков во всей притрактовой полосе. По нашим данным, только 33–25 % всех посельщиков хозяйственно обжились через 5–10 лет после определения на землю. Другие все еще не могли обходиться без систематического найма. Разницу в экономическом положении старожилов и посельщиков отмечали современники даже в конце XVIII в. Об этом писал, в частности, А.Н. Радищев, проезжавший по тракту в илимскую ссылку¹¹¹.

Общая численность помещенных на тракте посельщиков, как и в других районах Сибири¹¹², устанавливается с трудом, поскольку первичных материалов ревизий второй половины XVIII в. по изучаемому краю почти нет, а уцелевшие – плохой сохранности.

Кроме того, большая убыль присылаемых из-за тяжелых условий размещения и обживания, временное состояние в звании посельщика обусловили неточности и специфику их учета всеми видами источников.

Единого подхода к учету посельщиков не было. В зависимости от времени прибытия и хозяйственной приживаемости одних посельщиков как временно неподатных сначала вообще не учитывали, других показывали в числе старожилов-крестьян, начиная с третьей или четвертой ревизии, а третьих отмечали как присыльных с 1762 или 1782 г.

Поэтому ведомости Колыванского наместничества, обобщая поездные данные о численности податных за 60–80-е гг., дают самые противоречивые сведения о посельщиках и крестьянах. Так, в 1784 г. в Сенат из казенной палаты Колыванского наместничества поступила ведомость, по которой в Красноярском уезде в новых его границах насчитывалось 86 посельщиков и 12 093 государственных крестьянина. После двух проверок их соответственно было 1350 и 11 628¹¹³.

Путаница в учете усугублялась административно-территориальными изменениями уезда. Вся территория восточнее Канского острога до Тулуна и от верховий Кана до с. Курыш в 1782–1784 гг. отошла в новообразованный Нижнеудинский уезд Иркутского наместничества. Пять старожильческих присудов по бассейнам Подъемной и Бузима – левых притоков Среднего Енисея – и практически весь западный участок притрактовой полосы от Качи до Боготола вошли в 1782 г. в состав нового Ачинского уезда Тобольского наместничества¹¹⁴. Поэтому выявить численность поселщиков, их динамику, размещение и удельный вес среди других групп населения Красноярского уезда в его старых границах можно только за 60–80-е гг. XVIII в., когда шло массовое принудительное заселение притрактовой полосы. В табл. 21 обработаны данные вторичных источников – различных документов уездных, губернских и сенатской канцелярий о численности податных, об обязанных к рекрутчине и неприписных к заводам, об отошедших в другие уезды и наместничества присудах и об образовании земских изб.

В первую очередь необходимо отметить, что поселщики в графе «приписаны в списки третьей ревизии» в источниках показаны как учтенные третьей переписью, но из этого вовсе не следует, как отмечается в литературе, что поселщики прибыли к 1762–1763 гг.¹¹⁵ Дело в том, что принудительно поселенных людей по истечении трех льготных лет следовало записать в ревизские списки. Тех поселщиков, которые за указанное время сумели обзавестись хозяйством, причисляли к крестьянам или посадским (мещанам с 1775 г.)¹¹⁶, и в фискальных документах до введения рекрутской льготы в 1770 г. их отмечали как старожилов. Многочисленных неимущих тоже приписывали через три года в податные списки третьей ревизии, но как поселщиков «на своем пропитании». Поэтому-то данные о численности податных и поселщиков Красноярского уезда в старых границах в третью ревизию по документам 60 и 80-х гг. значительно расходятся (11 740 р. д., в том числе 867 поселщиков, и 17 090 р. д., в том числе 3577 поселщиков)¹¹⁷. Интересно, что когда проводилась четвертая перепись, то некоторых поселщиков, в частности поступивших между 1762–1774 гг., особо выделили только

Размещение и численность поселщиков в притрактовой полосе Средней Сибири к 1782 г.

Районы оседания	Посельщики						Крестьяне, купцы и мещане по четвертой ревизии		Посельщиков от податных, %	
	приписаны в списки третьей ревизии		из них убыло		по четвертой ревизии		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.				
Красноярский уезд в границах 1784 г.*	1107	301	78	7	1350	810	13897	14080	8,9	5,4
В том числе на тракте:										
центральный участок	?	?	?	?	199	71	3989	4069	0,5	0,17
восточный участок	?	?	?	?	721	433	1500	1480	32,2	22,3
Отошло в Нижнеудинский уезд**	859	207	121	6	888	664	1132	1726	43,7	30
Отошло в Ачинский уезд***	1611	555	303	91	1882	1183	4674	4649	30	26
В том числе на тракте	1611	555	303	91	1882	1183	1260	1248	61,3	50
Итого в Красноярском уезде в старых границах	3577	1063	502	104	4120	2597	19073	20455	17,2	11
В том числе на тракте	2470	262	?	?	3606	2291	7881	8523	1,3	21,4

* См.: ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 73–77, 82–86. Данные уточнены проверками в 1788 г. Сведения о крестьянах и мещанах по участкам тракта см.: там же, д. 385, л. 837 об.–839. Численность купцов см.: ГААК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 8, 10, 23, 26, 107 об. Распределение поселщиков и других податных по участкам тракта определялось с учетом данных, приведенных в опубликованной нами статье (см.: Быковна Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 35–39, табл. 5–6).

** См.: ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 330 об. – 331; ЦГВИА, ф. 19, оп. 5/29, д. 685, св. 668, л. 16. В ведомости за 1784 г. из Красноярска показано 784 поселщика (см.: ГАКК, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 833–838 об.). В ведомости Колыванского наместничества отмечен 891 поселщик (см.: ЦГИА СССР, ф. 558, оп. 2, д. 74, л. 2–27; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в., с. 29).

***См.: ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 330 об. – 331. Численность податных, кроме поселщиков в центральной полосе, подсчитана по данным В.К. Андриевича. В Боготольской, Краснореченской, Подгородной, Большой Кемчугской волостях и Ачинске было 3142 р. д. и душ жен. пола. Учитывая, что все поселщики размещались по тракту, а соотношение старожилов мужчин и женщин равно 1:1, получим 1260 р. д. (см.: Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии, ч. 1, с. 69–71; Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта..., с. 39).

после третьей проверки переписи. Причем и по восточному байско-тулунскому участку притрактовой полосы почти 1/4 всех присланных между третьей и четвертой ревизиями посельщиков, как хозяйственно обжившихся, по-прежнему показали в числе крестьян и мещан¹¹⁸.

Ссылнопоселенцев, особенно «скудных» и присланных за несколько лет до четвертой переписи, уже не причисляли к податным по спискам прежней ревизии, а сразу отмечали, согласно новому учету, где посельщиками, а где крестьянами. Тех же, у кого еще не истекли три льготных года, вообще сначала не учитывали.

Отмеченная специфика учета позволяет проследить динамику посельщиков, поступавших между 1762–1782 гг. Из учтенных четвертой ревизией 4120 р. д. посельщиков и 2697 женщин в 1762–1776 гг. в уезд поступило до 75 % всех мужчин и 44 % женщин. Позже в 1778–1782 гг. были присланы остальные – 1045 р. д. и 1638 женщин. Эти подсчеты не противоречат, а существенно дополняют разрозненные данные документов местного делопроизводства о времени поступления посельщиков на тракт. Диспропорция полов в первое десятилетие массовой принудительной колонизации была огромной – на одну женщину приходилось более трех мужчин. К четвертой ревизии усилиями властей она уменьшилась до соотношения 2:3 на тракте и 1:2 в уезде. Значительное количество посельщиков убывало по тем или иным причинам. По явно заниженным данным, например, по Красноярскому уезду в новых границах каждый седьмой из присланных либо умирал, либо попадал в рекруты, либо бежал за пределы уезда.

Условными подсчетами можно более точно, чем в табл. 21, определить общую численность присланных в уезд ссылнопоселенцев и число осевших из них к четвертой ревизии.

По документам 80-х гг. по сравнению с материалами 60-х гг. жителей в Красноярском уезде в старых границах к началу третьей ревизии было больше на 5350 р. д., из которых 2710 посельщиков, 2491 крестьянин, 123 посадских и 26 дворовых¹¹⁹. Но ссылнопоселенцев было больше. Они находились в числе 2640 р. д. (5350–2710), ибо их записывали в 1763–1782 гг. крестьянами и посадскими в подушные списки по третьей ревизии.

Кроме этих хозяйственно-состоятельных поселщиков, были еще енисейские переведенцы, которых продолжали присылать на тракт для содержания «почтовой подводной гоньбы» и причисляли после льготных лет к податным по новому ведомству¹²⁰, дальние переселенцы, обычно записывавшиеся в посад, а также «прописные», т. е. пропущенные во время третьей переписи старожилы. Вольные переселенцы – крестьяне и посадские из других мест Енисейской провинции – не могли дать такой значительной разницы, ибо они, по новой переписи, обычно числились по старым местам жительства¹²¹. «Прописных» старожил, если исходить из выведенного В.М. Кабузаном коэффициента неучтенных третьей ревизией податных Сибирской губернии, было не более 60–100 р. д. (2 % от 15350–2710 р. д.)¹²². Дальних сибирских и российских переселенцев насчитывалось также немного (123 из 2640 р. д.), судя по удельному их весу среди посадских¹²³. Поэтому можно считать, что в результате усилий властей в Красноярском уезде между третьей и четвертой ревизиями появилось еще около 2400 чел. Это были переведенцы и поселщики, записанные крестьянами, а некоторые – посадскими и дворовыми. Таким образом, в результате правительственных мер было переселено до 5977 р. д. (3577 поселщиков + 2400). С учетом 502 убылых поселщиков эта цифра возрастает до 6480 р. д.

Чтобы установить количество переведенцев и проверить расчеты, рассмотрим другой вариант определения численности поселщиков. Если исходить из того, что до 1/4 ссыльнопоселенцев по четвертой ревизии не учтена даже после проверок, получим следующее: 4120 р. д. составляют лишь 75 % поселщиков, общее их число в уезде – 5488 р. д., а на тракте – 4508 р. д., или 40 % податных на притрактовой полосе и около 20 % в уезде. Всего же в уезд в течение 1762–1782 гг. прибыло, если учесть 502 р. д. убылых, около 6 тыс. ссыльнопоселенцев, из них на тракт – до 5 тыс. р. д., или 83,3 % присланных.

480 р. д. (6480–6000) – это переведенцы, которых, вероятно, было больше, так как из-за плохой приживаемости ссыльнопоселенцев енисейских крестьян продолжали размещать на прежних условиях по длинным перегонам западного и восточного участков тракта, а затем нередко подсеяли к ним поселщиков¹²⁴.

Сведений о численности поступивших на тракт ссыльнопоселенцев между четвертой и пятой ревизиями почти нет. Судя по отрывочным данным, их продолжали присылать в Сибирь, хотя и в значительно меньшем количестве, до конца XVIII в. Так, в 1792 г. между Красноярском и Канском, где по четвертой ревизии, проживало 840 посельщиков, в ведении трех земских изб находилось 829 ссыльнопоселенцев, с которых еще не собирали деньги на подводную гоньбу¹²⁵. Всего же в Красноярском уезде в новых границах по пятой ревизии числилось 2138 р. д. «поселенных посельщиков»¹²⁶. В топографическом описании Ачинского уезда 1796 г. отмечено, что в г. Ачинске было 336 посельщиков в подушном платеже да 16 дряхлых и увечных. В их семьях насчитывалось 254 души жен. пола. Кроме того, в уезде числилось 26 посельщиков на трехлетней льготе и пять человек «на своем пропитании»¹²⁷.

Таким образом, правительство в 60–80-е гг. XVIII в. уделяло заселению тракта в Средней Сибири не меньше внимания, чем заселению Московской дороги в Барабинской степи или военным линиям Южной Сибири¹²⁸. Такой вывод существенно уточняет бытовавшее в литературе мнение на этот счет¹²⁹.

Применительно к истории заселения тракта, несомненно, правилен вывод Ф.Г. Сафронова, обоснованный для XVIII в. А.Д. Колесниковым: «В ссылке в Сибирь в XVII–XVIII вв. правительство видело не только полицейско-охранительное средство, но и ставило и отчасти решало колонизационные и хозяйственные цели»¹³⁰. Вместе с тем далеко от истины утверждение буржуазной историографии, что льготы правительства давали «полную возможность для них (крестьян-поселенцев. – Г.Б.) обзаведения хорощим хозяйством»¹³¹.

РОЛЬ ВОЛЬНЫХ ПЕРЕХОДОВ И ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИТРАКТОВОЙ ПОЛОСЫ К КОНЦУ XVIII В.

Принудительные меры властей отрицательно повлияли на вольное заселение притрактовой полосы во второй половине XVIII в. Резкое увеличение цен и спроса на продовольствие, ре-

мешенные изделия и рабочую силу вызывало приток торгово-ремесленной части населения и покормежников. Однако уравнение их с крестьянами в обязанностях по обслуживанию тракта с 1769 г. внесло ограничительные коррективы в переходы посадского (мещанского) населения. Удельный вес мещан среди податных притрактовой полосы к концу XVIII в. по сравнению с 1762 г. снизился более чем в 2 раза. Правда, это объясняется не только сокращением их притока в изучаемый район, но и резким увеличением численности крестьянства за счет ссыльнопоселенцев и переведенцев. Повышенные расходы на гоньбу, которые несло ближнее притрактовое население, наличие уголовного элемента среди многочисленных поселщиков тоже отпугивали вольных переселенцев и в известной степени усиливали отток старожилов в другие районы. Не случайно в конце XVIII в., в отличие от Хакасско-Минусинского района в притрактовой полосе, кроме четырех семей енисейских жителей, совсем не было переселенцев из других сибирских уездов, которые, живя на новом месте, продолжали бы числиться в податном отношении по своему прежнему ведомству¹³². Показательно также, что старожилы притрактовых присудов в своих «наказах» просили присылать вместо ссыльных или ямщиков, или енисейских крестьян¹³³.

Некоторое оживление притока вольных переселенцев наблюдалось в 80–90-е гг. XVIII в., когда меньше стало поступать ссыльных, а тракт уже окончательно сложился. Особенно активно заселялись Ачинск и его округа мещанами Енисейского и Красноярского уездов, так как острог с 1782 г. получил статус уездного города¹³⁴.

По сравнению с первой половиной XVIII в. в заселении притрактовой полосы меньшую роль стало играть и временное население. С 60-х гг. XVIII в. солдатские гарнизоны заменили годовальщиков-казаков, которых присылали в Ачинск, Канск и Нижнеудинск из разных мест Енисейской провинции¹³⁵. С 70-х гг. крестьяне и мещане всех дальних присудов (с 1789 г. – земские избы) Красноярского и Енисейского уездов уже не ездили поочередно ремонтировать дорогу и гонять подводы, а нанимали для этого живших по тракту крестьян и поселщиков¹³⁶. Так, подворники и работники, судя по данным исповедных росписей 1795–1796 гг. (табл. 22), составляли почти 10 % (883 из 9341 р. д.)

**Размещение, численность подворников и работников
в приотраковой полосе Средней Сибири в конце XVIII в.**

Участок тракта	Приход	Подворники		Работники		Итого					
		семей	муж.	жен.	семей	муж.	жен.	селений	семей	муж.	жен.
Центральный	Подгородный	10	18	13	4	13	7	6	14	31	20
	Ладейский	4	5	9	1	1	-	1	5	6	9
	Березовский	28	62	40	-	-	-	9	28	62	40
	Ясауловский	35	76	84	-	-	-	14	35	76	84
	Арейский	25	40	32	-	-	-	7	25	40	32
Восточный	Итого	102	201	178	5	14	7	37	107	215	185
	Рыбинский	10	34	15	2	5	5	3	11	39	20
	Ирбейский	5	7	8	1	1	1	5	6	8	9
	Монашенский	2	4	4	2	3	-	3	4	7	4
	Канский	65	135	123	-	-	-	14	65	135	123
	Нижеундинский	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
	Итого	82	180	150	5	9	6	25	87	189	156
Западный	Арейский (часть)	39	150	101	-	-	-	2	39	150	101
	Ачинский	119	324	129	1	5	1	5	120	329	130
	Боготольский	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
	Итого	58	474	230	1	5	1	7	159	479	231
Общий итог	342	855	558	11	28	14	69	353	883	572	

Примечание. См.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, л. 216, л. 6-161 (исповедные росписи); д. 3, л. 234-314; д. 222, л. 1-53. Население деревень восточнее Канска до станции Поймской относилось к Канскому приходу, хотя и было в составе Нижнеундинского уезда. В 7 деревнях и станциях насчитывалось 26 семей. 67 р. д. и 44 души жен. пола подворников (см.: там же, д. 3, л. 301-313 об.). Подсчет наш.

податных притрактовой полосы и были в основном из «скудных» ссыльнопоселенцев, записанных затем в крестьяне.

Не случайно из всех подворников мещан было 59 р. д. в 34 семьях, отставных казаков и детей солдатских – 22 р. д. в девяти семьях и ясачных – 15 р. д. в шести семьях. Прочие 787 чел. показаны крестьянами, из которых только арейский и ачинский священники прямо назвали ссыльными и посельщиками 200 чел.¹³⁷

Продолжалось и стало более заметным внутреннее расселение в пределах притрактовой полосы, о чем свидетельствует значительное увеличение числа селений в уже обжитых местах. Там к 1782 г. появилось 76, а к 1795 г. – 23 новых села и деревени.

Результаты заселения притрактовой полосы в Средней Сибири к концу XVIII в. отражены в табл. 23, которая составлена в основном по исповедным росписям православного населения притрактовых церковных приходов Красноярского заказа, куда по-прежнему относилось большинство жителей Красноярского уезда в старых границах. Следует сразу отметить, что итоговые цифры за 1782 и 1795 гг., выведенные по церковным источникам, занижены на 15–20 % по сравнению с данными фискальных документов. Удельный вес притрактового населения в уезде был выше, ибо не учтено население участка Канск – Тулун.

Динамика численности населения притрактовой полосы за вторую половину XVIII в. свидетельствует, что по темпам заселения резко выделяется период между третьей и четвертой ревизиями. Если за 1762–1782 гг. население выросло на 162 % и годовой прирост составил 3,2 %, то в течение последующих 13 лет оно увеличивалось почти в 2 раза медленнее – чистый прирост 35 %, а коэффициент годового прироста 1,9 % (см. табл. 23). В 60–80-е гг. XVIII в. наиболее активно заселялся ачинский (240 %) и канско-тулунский участки тракта (159 %). Значительное увеличение численности населения центрального участка объясняется переселением многих красноярцев в окрестные селения после страшного пожара 25 июня 1773 г., когда город выгорел дотла¹³⁸. Затем в период 1782–1795 гг. население трех выделенных районов тракта увеличивалось равномернее.

**Размещение, численность и социальный состав русского населения
притрактовой полосы Средней Сибири в последней четверти XVIII в.**

Участок тракта	Административно-фискальные источники, Р. Д.						Церковные источники, душ муж. пола										% к душам на 1782 г.								
	1782 г.*						1782 г.**					1795-1796 гг.***													
	податные			итого			% от податных по третьей ревизии			податные		духовенство, военные, разночинцы			итого			податные			духовенство, военные, разночинцы			итого	
	купцы, мещане	крестьяне	посельщики	итого	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		14	15	16	17	18	19	20	21
1																									
Центральный	499	1001	721	2221	?	450	1680	60	2193	571	1491	50	24	2112	96										
Восточный	107	1025	888	2020	?	31	1352	26	1415	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
Итого	1127	6754	3606	11487	262	869	8230	453	9461	1076	7930	335	90	9341	98										

В том числе:

Красноярский уезд	499	1001	721	2221	?	450	1680	60	2193	571	1491	50	24	2112	96										
Нижеудинский уезд	107	1025	888	2020	?	31	1352	26	1415	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
Западный (ачинский)	-	1260	1882	3142	340	30	1988	18	2006	268	2345	83	9	2696	135										
Итого	1127	6754	3606	11487	262	869	8230	453	9461	1076	7930	335	90	9341	98										

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Красноярский уезд в старых границах	2826	16877	4120	23823	200	2625	16083	973	19731	3370	20607	1406	334	25383	130
Тракт к уезду %	40	40	87,4	48,3	-	33,2	50,9	46,4	48,2	30	38,3	24,1	27	37	?

* Данные за 1782 г. по административно-фискальным документам см.: ГАКК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 73–77; 330 об. – 331; ЦГВИА, ф. 19, оп. 5/29, д. 685, св. 668, л. 15 об. – 16; ГАКК, ф. 160, оп. 2, л. 8–10, 23, 96, 107 об.; см. также табл. 21.

** Данные за 1782 г. по клировым ведомостям (итоговая ведомость исповедных росписей населения при трактовых церквей) см: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 63, л. 266–267. В восточный участок входили Рыбинский, Ирбейский, Канский, Бирюсинский, и Нижнеудинский приходы. В центральный участок входило два прихода г. Красноярска (взято 3/4 данных), Березовский, Ясаульский, Ладдейский и Арейский приходы.

*** Данные за 1795–1796 гг. по клировым ведомостям (исповедные росписи за 1795–1796 гг.) см.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 216, л. 6–116 об., 135–153 (центральный участок); д. 226, л. 153–161; д. 222, 1796 г., л. 1–51 (западный); д. 3, л. 234–314 (восточный близ Бирюсинского и Нижнеудинского приходов). В западный участок входили Ачинский и Боготольский приходы. Мещане по этому участку показаны вместе с крестьянами. Везде подсчет наш.

Изменение удельного веса основных источников населения притрактовой полосы XVIII в. также показывает, что по характеру заселения период после 1782 г. был переломным. Между третьей и четвертой ревизиями меры властей дали да 50 % (с учетом переведенцев) всего податного населения. Старожилы же, если исходить из годового уездного коэффициента естественного прироста, равного двум¹³⁹, составляли к четвертой переписи около 48,6 % податных (из 11 487 р. д. 5690 р. д. старожилов, в том числе 4090 учтено третьей переписью, и 1600 р. д. естественного прироста за 20 лет). К пятой ревизии старожилы уже дали 62 % населения притрактовой полосы, а с учетом естественного прироста обжившихся посельщиков, переведенцев и вольнопоселенцев (годовой коэффициент возьмем в 2 раза меньше старожильского) на долю вольной и принудительной колонизации 1782–1795 гг. придется до 25–30 % всех податных в этом районе. Судя по некоторому сокращению населения на восточном участке тракта и меньшему, чем естественный прирост, общему его годовому коэффициенту, имела место миграция за пределы притрактовой полосы.

Сложный характер заселения рассматриваемого района отразился на формах географического размещения русского населения. Как отмечали В.В. Воробьев, П.Н. Павлов и Ю.Ф. Лысенко, возникавшие населенные пункты группировались как вдоль тракта, так и по речным системам¹⁴⁰. Линейно-строчная форма расселения по самой дороге была связана с принудительной, а кустовая, или гнездовая, в притрактовой зоне – с вольной внутренней и внешней колонизацией. Не случайна к четвертой ревизии на ачинском участке тракта находилось 55 % (10 из 19), а на восточном – 39 % (21 из 54) всех селений притрактовой полосы. В Красноярской же округе, меньше других подвергавшейся принудительному заселению, на тракте было лишь 16,1 % (8 из 49) селений¹⁴¹. В общем, к 1782 г. на тракте находилось уже 32,2 % (39 из 121) всех населенных пунктов притрактовой полосы. Почти не изменилось это соотношение и к концу XVIII в.¹⁴²

Одновременно с интенсивным ростом новых селений шел процесс укрупнения уже существовавших деревень. Если число селений к четвертой переписи по сравнению со второй ревизией

выросло в 4 раза (с 30 до 121), то податное население в это же время увеличилось почти в 5,5 раза (с 1971 до 11 487 р. д.). Всего в притрактовой полосе к концу XVIII в. сосредоточилось 34,4 % (121 из 352) селений и до 45 % русского населения Красноярского уезда в старых границах. Появление более крупных, чем в других местах, населенных пунктов обусловлено было значительной ролью принудительного заселения и некоторой спецификой хозяйственной деятельности притрактовых жителей.

Благодаря интенсивному заселению Московский тракт в Средней Сибири окончательно сложился к 80-м гг. XVIII в. По устройству он стал соответствовать трактам Западной Сибири и России. Проезжая часть составляла 10 сажен, а по обе ее стороны было расчищено еще по 10 саженей для прогона скота¹⁴³. Станции размещались через равные 25–35-верстные отрезки¹⁴⁴. С 1784 г. на каждой станции по указу колыванского губернатора В. Меллера, кроме 10 земских подвод, держали по две тройки почтовых лошадей. Позже почту и курьеров вновь стали возить на двух парах, а двух почтовых лошадей передали в земскую гоньбу, которая, таким образом, стала отправляться на 12 лошадях. Каждую пару лошадей обслуживал один человек¹⁴⁵. Тракт официально назывался «осьмой государственной дорогой», но по порядку обслуживания в Средней и Восточной Сибири он по-прежнему приравнивался к обычным обывательским дорогам. Содержание дороги в исправном состоянии, поставка почтовых, ямских подвод и гоньба осуществлялись, как и раньше, силами податного населения Красноярского, Ачинского и Нижнеудинского уездов. Правда, в отличие от первой половины XVIII в., благодаря росту населения, податные обслуживали тракт только на территории своего уезда. Крестьян Енисейского уезда уже не привлекали к гоньбе.

На многократные просьбы учредить специальных ямщиков власти отвечали лишь попытками более равномерно распределять подводную повинность между податными уездов и между притрактовыми и дальними присудами каждого уезда. Уездные и губернские власти не раз изменяли порядок и условия раскладки лошадей между присудами уездов, а также расширяли права низших выборных крестьянских органов самоуправления в орга-

низации подводной гоньбы. Так, с заменой воеводской канцелярии нижним земским судом с выборными заседателями из всех сословно-социальных групп и учреждением в уездах вместо при-судов более крупных земских изб земские старосты и специальные выборные по гоньбе получили широкие права. Они должны были проводить по своему усмотрению раскладку подвод внутри и между земскими избами, собирать с общин средства на их найм, выбирать формы отправления гоньбы. Но злоупотреблений не стало меньше. Вместо воевод и их подручных за счет чужих и своих миров стали наживаться многие из выборной средней и низшей крестьянской администрации. В интересной подборке документов о подводной повинности населения Красноярского уезда за 1786–1796 гг. есть доношение старосты Минусинской земской избы Онашкина, поданное 9 июня 1796 г. директору экономии Кольванской казенной палаты Голощапову. В нем рассказывается о махинациях при найме лошадей¹⁴⁶. Обычно старосты притрактовых земских изб, сговорившись, взвинчивали цены на подводы, что нанимались для гоньбы старостами дальних мест. Причем крестьянам-подводчикам, которых представляли притрактовые старосты, платили значительно меньше той суммы, которую получали с нанимателя. Как сообщал Онашкин, чьи сведения подтвердились при проверке, земские старосты и выборные получали прибыль по 17–22 руб. с каждой подводы¹⁴⁷. Нередко в сговор вступали и старосты-наниматели, которые в таком случае получали свою долю прибыли. Попытки уездных и губернских властей пресечь злоупотребления обычно приводили лишь к новым уловкам и ухищрениям, тем более что многие чиновники сами получали мзду.

В отличие от 30–50-х гг. XVIII в., когда для устройства тракта власти сначала организовали вольное заселение, а затем дополнили его интенсивным переводом енисейских крестьян, в 60–80-е гг. главная ставка была сделана на принудительное заселение. Учитывая все возрастающее хозяйственно-экономическое, фискально-полицейское и военно-оборонное значение кратчайшего из всех путей, соединявших Россию с самыми отдаленными уголками Сибири, власти помещают в это время на тракт до 5 тыс. душ муж. пола, или около 20 % всех учтенных ссыльнопоселенцев, присланных к 1782 г. в Сибирь.

Это были помещичьи крестьяне, высылаемые из России в зачет рекрутов, отставные солдаты, служившие в Сибири, сибирские рекруты, беглые и просто уголовные элементы. Верное своему принципу за все и всегда заставляя расплачиваться трудовой народ абсолютистское правительство использовало и на этот раз мирские организации с их фискально-полицейской круговой порукой для переложения части расходов по устройству присыльных на них самих и на притрактовое старожильческое население.

Включение отдельных ссыльных в подеревенские миры старожилов, а целых принудительно организованных миров поселщиков в сложные административно-фискальные старожильческие общины, разрешение и оформление всех видов закабаления «скудных» ссыльнопоселенцев значительно обострили внутри- и межобщинные отношения крестьян-старожилов, поселщиков и мещан, а также между мирами названных социально-сословных групп. Этим в известной степени усугублялась внутренне присущая крестьянству разобщенность, ослаблялась классовая борьба против развивавшейся системы государственного феодализма.

Характер организации экономической помощи, скудные выдачи и льготы, жесткий контроль за хозяйственной жизнью и бытом, произвол смотрителей и проезжающих по тракту надолго затянули процесс приживания поселщиков. Несмотря на тяжелый труд, гибкое использование для защиты своих насущных интересов того же мира и противоречивых запутанных узаконений и распоряжений властей, до 75 % поселщиков не могли в течение 5–10 лет обзавестись хозяйством.

Широкий размах принудительной колонизации тракта во второй половине XVIII в., скупые льготы вольнопоселенцам, крайне обременительный, особенно для ближних мест, порядок обслуживания столбовой дороги, наконец, наличие других свободных плодородных районов и нескольких льготных миграционных направлений – все это по мере проявления тормозило начавшуюся ранее вольную колонизацию до тех пор, пока тракт к 90-м гг. XVIII вв. не был окончательно устроен и не было упорядочено его обслуживание ближним и дальним населением. Сократился приток ранее многочисленных временных обитателей тракта, а их значение в формировании постоянного населения еще более уменьшилось.

В совокупности отмеченные факторы привели к тому, что в отличие от других районов Среднего и Верхнего Енисея населенные притрактовой полосы с 50-х по 90-е гг. XVIII в. росло главным образом за счет поселщиков и переведенцев, т. е. принудительных мер властей, а также естественного прироста.

К концу XVIII в. сложившиеся на столетие раньше старожильческие районы в бассейнах Средней Оби, Енисея и Илима впервые соединились в одно целое, хотя и с разной плотностью заселения. Здесь проживало до 45 % русского населения юга Приенисейского края. Московский тракт в Средней Сибири окончательно сложился и превратился в часть важнейшей общесибирской сухопутной артерии.

Примечания

- ¹ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр. М., 1959, т.4, с. 137.
- ² Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров. – Изв. Ин-та исслед. Сибири (Тр. ист.-этногр. отд., № 1), Томск, 1921, № 6, с. 34–35.
- ³ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в., с. 40, 81.
- ⁴ Там же, с. 112–113; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2242 (переписная книга г. Красноярска и уезда, л. 56 об. – 96 об.).
- ⁵ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 47 об. – 51, 66–80 об., 94 об. –110.
- ⁶ Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1971, вып. 4, с. 8–11.
- ⁷ С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М. – Л., 1966, с. 66 (дневниковая запись от 27 января 1735 г.).
- ⁸ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962, т.1, gl.15 (Auf dem Kemcug bis zum Čulum), S. 225–233; gl. 16 (Auf dem Čulum bis Ačinskij ostrog), S. 235–244. А.Д. Григорьев некритически отнесся к материалам Л. С. Личкова и допустил ошибку, соотнося начало заселения территории к югу от Ачинска с концом XVII в. (см.: Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта..., с. 43).
- ⁹ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 27, л. 59об. – 65 (на нем. яз.). Р.М. Кабо неточна, считая, что сухопутное сообщение через Ачинский острог

началось в первые годы XVIII в. (см.: Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949, с. 144).

- 10 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн. 1, с. 274.
- 11 ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 61–64, 91 об.; Киборт М.Е. Спутник по г. Красноярску / Изд. В.М. Щипанова. Красноярск, 1911, с. 25.
- 12 ПСЗ, т. 9, № 16351, с. 63; Экспедиция Беринга. Сборник документов под ред. А.А. Покровского. М., 1941, с. 127.
- 13 ПСЗ, т. 14, № 10449, с. 406–412.
- 14 ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 150, л. 18. Подробнее об обслуживании тракта в различных районах Восточной Сибири см.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1956, т. 2, с. 372–390; Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск, 1961, с. 48–58. Экспедиция Беринга, с. 102.
- 16 ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2432, л. 1 об.
- 17 Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 7, л. 32.
- 18 Экспедиция Беринга, с. 102.
- 19 ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 144, л. 79 об. Уже весной 1735 г. по этой дороге прошел в Иркутск с караваном казенных верблюдов томский пятидесятник Иван Кожухов (см.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5176, л. 61).
- 20 ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 7, л. 32 об.
- 21 ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 144, л. 79 об.; С.П. Крашенинников в Сибири, с. 65–67.
- 22 Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 2, с. 382–383.
- 23 Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское заселение и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, с. 117–121; Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 г. – В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 17–25.
- 24 Подробнее о переселениях из бассейна Енисея см. в главе IV.
- 25 ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 1, л. 34 об.
- 26 ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 1–290; д. 23, л. 3–7; ф. 214, оп. 5, д. 2701, л. 1–64 об.
- 27 ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 56 об., 156, 226, 240 об., 290, 280; ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 42 об., 43 об., 45 об. (устюжанин половник

дворцовых соляных заводов Степан Мелентьев, ссыльный Андрей Белоусов, бобыль из Яренска Елисей Жаков, посадский из Архангельска или Устюга Трофим Липин и томский подушный плательщик Тит Семиреков; у двоих были сыновья).

- 28 Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейне Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 19–21.
- 29 Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 11, 18–19.
- 30 БАН в Ленинграде, отдел рукописей, № 330; ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 27, л. 61–65 (путевой дневник на нем. яз.); ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 2–318 об.
- 31 Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, с. 37; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ). Спб., 1887, т. 4, с. 108; Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта..., с. 37,49; Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). М., 1951, с. 107; Воробьева Т.Н. Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в., с. 28–29.
- 32 Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 18–19.
- 33 ПСЗ, т.14, № 10449, с. 406–412.
- 34 ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 287, л. 208 об. – 224, 285 об.
- 35 Колесников А.Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства. – В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970, вып. 2, с. 114.
- 36 ПСЗ, т.15, с. 1014, 1015; т. 16, № 11860, с. 294–295; Дуров А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891, с. 17.
- 37 ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 472, л. 2 об. – 14; История Сибири. Л., 1968, т. 2, с. 189–190.
- 38 Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973, с. 362.
- 39 ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 472, л. 13 об. – 15; ПСЗ, т.15, № 11414, с. 892.
- 40 Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, т. 4, с. 99; История Сибири, т. 2, с. 190.
- 41 Кузьмина Ф. С. Устройство главного сибирского тракта через Барабинскую степь. – В кн.: Из истории Западной Сибири. Науч. тр. Новосибир. пед. ин-та, вып. 45. Новосибирск, 1970, с. 28–32; Сафро-

- нов В.Г. Русские крестьяне в Якутии..., с. 48–58; Кабузан В.К., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. – СЭ, № 3, с. 26–29.
- ⁴² ПСЗ, т. 16, № 1241; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, т. 4, с. 46–48.
- ⁴³ Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соимонов (1682–1780). М., 1966, с. 93–145.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 48, 69–70.
- ⁴⁵ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 287, л. 208 об. – 240, 285 об.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1659, л. 379 об. – 382.
- ⁴⁷ Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898, с. 47.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 16.
- ⁴⁹ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 55, ч. 2, л. 77.
- ⁵⁰ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1901, т. 2, с. 670–671.
- ⁵¹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1659, л. 477, 478. О подобных случаях см. также л. 334 об., 338 об., 347, 375.
- ⁵² Там же, л. 199, 531.
- ⁵³ Там же, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 74.
- ⁵⁴ Там же, л. 15–16, 18, 14, 14 об.
- ⁵⁵ Там же, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 182.
- ⁵⁶ Личков Л.С. Новые данные о заселении Сибири. Киев, 1894, с. 19.
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 24–28.
- ⁵⁸ Кузьмина Ф.С. Крестьяне Барабинской степи в XVIII – первой половине XIX в. Автореф. канд. дис. Томск, 1969, с. 8,10.
- ⁵⁹ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968, с. 231.
- ⁶⁰ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 11–93.
- ⁶¹ ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 118 об., 131 об. – 135.
- ⁶² ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 141–143, 145; Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск, 1967, с. 59.

- ⁶³ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн. 2, с. 37.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 151–151 об.; ПСЗ, т. 16, № 11633, с. 44–45.
- ⁶⁵ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1795 гг.). – В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, с. 142, табл. 1.
- ⁶⁶ ГБЛ РО, ф. 20, порт. 1, д. 20 в, л. 9 об.
- ⁶⁷ ПСЗ, т. 15, № 11414, с. 891–892; ЦГАДА, ф. 1264, оп. 1, д. 472, л. 13 об.; Андриевич В.К. Сибирь в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1887, с. 132.
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 278, оп. 1, ч. 1, д. 3341, л. 2, 5 об., 8, 31 об.
- ⁶⁹ Там же, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31664, л. 98.
- ⁷⁰ См.: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1901, т. 2, с. 180–184; Белявский М.Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. – В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 351; История Сибири, т. 2, с. 189–191; Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 30–33.
- ⁷¹ ЦГАДА, ф. 278, оп. 1, ч. 1, д. 3341, л. 31–31 об. (ведомость расхода казенных денег в Красноярском уезде за 1762–1763 гг.).
- ⁷² ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 40–66.
- ⁷³ Там же, ф. 248, оп. 1, д. 254, л. 20.
- ⁷⁴ ПСЗ, т. 17, с. 115.
- ⁷⁵ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, с. 181.
- ⁷⁶ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, т. 4, с. 98.
- ⁷⁷ ПСЗ, т. 19, № 14032, с. 867–868; т. 20, с. 99.
- ⁷⁸ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 69–70.
- ⁷⁹ Там же, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31782, л. 84 об. – 85 об.; ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 41–42; ф. 609, оп. 1, д. 15, л. 2 об.; ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 278, л. 68; ф. 273, оп. 1, ч. 2, д. 14903, л. 7; д. 10333, л. 80–82.
- ⁸⁰ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 2, д. 10333, л. 13 об.; д. 11481, л. 41; д. 13148, л. 23; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 25, л. 222–223 об.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 273, оп. 4, ч. 2, д. 10333, л. 40 об.; д. 13147, л. 9.
- ⁸² ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 28, л. 135; д. 25, л. 247–248.

- ⁸³ Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 36–37, табл. 5. О некоторых станциях см.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786, ч. 2, кн. 2, с. 422, 427–428.
- ⁸⁴ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 385, л. 230 об., 287 об., 300 об., 368 об., 371 об., 373, 401 об., 430 об., 533 об.
- ⁸⁵ ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 5, л. 240; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, ч. 3, кн. 1, с. 5–6.
- ⁸⁶ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 278, л. 68–70.
- ⁸⁷ Там же, л. 64–66.
- ⁸⁸ ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 33.
- ⁸⁹ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 4, д. 13147, л. 3 об., 9; д. 13148, л. 27; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 25, л. 247–248; д. 31664, л. 90 об. – 93.
- ⁹⁰ ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 1, 4, 26–27 об.
- ⁹¹ ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 27–27 об.
- ⁹² Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, т. 4, с. 761.
- ⁹³ ЦГАДА, ф. 278, оп. 1, ч. 1, д. 3341, л. 8–10.
- ⁹⁴ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 598, л. 1–450 (ведомости о сборе четверикового провианта в Красноярском уезде за 1781–1794 гг.).
- ⁹⁵ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 15, л. 20.
- ⁹⁶ Там же, д. 15, л. 20; ф. 169, оп. 1, д. 405, л. 65–70; д. 385, л. 46–46 об., 216–218 об., 222, 223, 236 об., 287.
- ⁹⁷ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 385, л. 218 об.
- ⁹⁸ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 405, л. 65–70.
- ⁹⁹ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 29, л. 9–12; д. 189, л. 454–458.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 40–41 об.
- ¹⁰¹ Пейзын Г.Г. Исторический очерк колонизации Сибири. – «Современник», Спб., 1859, т. 77, кн. 9, с. 27–37; Кожухов Ю.С. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861). Л., 1967, с. 39.
- ¹⁰² ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 550–553 (жалоба посельщиков Большой Уренской и Ключинской станций колыванскому губернатору Б. Меллеру от 22 марта 1796 г.).
- ¹⁰³ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 405, л. 65–80.
- ¹⁰⁴ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 25, л. 222–223 об.
- ¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 2, д. 14903, л. 7.

- ¹⁰⁶ Там же, л. 7–7 об.
- ¹⁰⁷ ГАКК, ф. 801, оп. 1, д. 2, л. 40 об. – 42 об.
- ¹⁰⁸ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 550–553.
- ¹⁰⁹ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 3, л. 254 об – 255 об., 298 об. – 300.
- ¹¹⁰ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 550–553.
- ¹¹¹ Радищев А.Н. Избранные сочинения. М. – Л., 1949, с. 557, 713, 714, 725, 728.
- ¹¹² История Сибири, т. 2, с. 190.
- ¹¹³ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 366–369.
- ¹¹⁴ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 10, л. 4; ЦГАДА, ф. 248, кн. 6902, ч. 2, л. 733–739 (атлас Иркутской губернии и книги межевания границ наместничества в 1785 г.); Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 477, л. 341 (топографическое описание Иркутского наместничества, Нижнеудинский уезд); ЦГВИА, ВУА, ф. 416, д. 535, л. 29–30; ГБЛ РО, ф. 178, № 7622, л. 17 (атласы географические Тобольского наместничества; карты Ачинского уезда 1785 и 1788 гг.).
- ¹¹⁵ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в., с. 29, 39–41. Сведения третьей ревизии, приводимые авторами по территории, отошедшей от Красноярского уезда к Нижнеудинскому, и вообще по всей Восточной Сибири, не характеризуют, таким образом, степень ее заселенности к 1762 г.
- ¹¹⁶ По неполной ведомости 1783 г. о состоянии красноярских мещан из 85 чел. шестеро были посельщиками, записанными в это сословие с 1775 г. (см.: ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 34 об. – 37). В списках мещан по четвертой ревизии это обстоятельство не отмечалось. Уже никто из записанных в мещане между ревизиями не назван посельщиком.
- ¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 3, л. 128–130; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 73–77, 330 об. – 331; ЦГВИА, ф. 19, оп. 5/29, д. 685, св. 668, л. 16. Подробный анализ расхождения см. ниже.
- ¹¹⁸ Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в., с. 34–37.
- ¹¹⁹ Подсчет по данным источников, обработанных в табл. 21, наш.
- ¹²⁰ Например, три семьи крестьян Туровых Абанской деревни Тасеевского острога Енисейского уезда (всего четверо мужчин и пять женщин) по указу провинциальной канцелярии в 1770 г. были отданы на тракт в Канский и Нижнеудинский присуды для «почтовой под-

водной гоньбы» и тогда же исключены из списка плательщиков подушных денег и оклада в Тасеевском присуде (см.: ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 7, л. 74 об., 76 об. – ревизские сказки четвертой переписи Енисейского уезда).

- ¹²¹ Сведения о платеже переселенцами подушных денег и разных мирских сумм пересылкой в присуды других уездов и просьбы о записи при ревизии по новому месту жительства см.: ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 10080, л. 2–3 об.; д. 31738, л. 1–161; ф. 428, оп. 1, д. 288, л. 63–64.
- ¹²² Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963, с. 128–130.
- ¹²³ См. об этом в главе IV.
- ¹²⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 2, кн. 2, с. 438–440, 443, 447; ч. 3, кн. 1, с. 128, 422, 426, 428; Слобцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, с. 37, примеч.
- ¹²⁵ ГАКК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 273 об. – 275 об.
- ¹²⁶ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 302, л. 174 (ведомость землям по Томской губернии, 1800 г.).
- ¹²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА (Военно-ученый архив), д. 19107, ч. 1, л. 194, 200.
- ¹²⁸ В 1782 г. насчитывалось в Омском уезде 1086 посельщиков, в Ишимском – 1945, Курганском – 1708, Каинском – 4885 (см.: История Сибири, т. 2, с. 190). По данным А.Д. Колесникова, к четвертой ревизии было учтено посельщиков в Каинском уезде – 4885 р. д., Омском – 3080, на военных линиях – 3534 (см.: Колесников А.Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства, с. 116). В Красноярском уезде в старых границах (даже без реконструкции) насчитывалось 4120 р. д., или 20 % всех учтенных ссыльнопоселенцев в Сибири к четвертой ревизии (см.: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. – В кн.: Сибирь XVII–XVIII вв., 1962, вып. 1, с. 150, табл. 4).
- ¹²⁹ Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). М., 1951, с. 121–122; История Сибири, т. 2, с. 190–191.
- ¹³⁰ Колесников А.Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства, с. 109–110.
- ¹³¹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900, с. 19.
- ¹³² ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 3, л. 257, 314 (исповедные росписи рыбинского и канского священников за 1795 г.). В Канске енисейские мещане имели три двора, где насчитывалось семь ревизских душ и 11 душ

жен. пола, в том числе в подворниках три ревизских души и четыре души женского пола. В с. Рыбинском жила крестьянская семья в составе четырех ревизских душ и трех душ женского пола.

- ¹³³ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 70.
- ¹³⁴ Вторая памятная книжка Енисейской губернии за 1865–1866 гг. Спб., 1865, с. 19–20, 24. Подробнее см. в главе V.
- ¹³⁵ Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, т. 4, с. 134–136.
- ¹³⁶ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 254–566 об. (рапорты земских изб Красноярского уезда в новых границах Кольванской казенной палате за 1780–1790 гг. в связи с установлением нового порядка почтовой гоньбы).
- ¹³⁷ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 216, л. 53–161; д. 222. л. 1, об. – 53.
- ¹³⁸ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 6, л. 37–40, 270–276; Ружже В.Л. Красноярск. Вопросы формирования и планирования. Красноярск, 1966, с. 52–56; см. также гл. V.
- ¹³⁹ Коэффициент приравнен к минимальному уездному, см. об этом в главе IV.
- ¹⁴⁰ Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX вв.). Иркутск, 1959, с. 46; Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII–первая половина XIX в.) – В кн.: Красноярский край (Материалы по географии). Красноярск, 1965, с. 50–51; Лысенко Ю.Ф. Формирование сети поселений в подтаежной полосе Красноярского края (феодальный период). – Докл. отд. и комис. Геогр. о-ва СССР, Л., 1969, вып. 2, с. 108.
- ¹⁴¹ ГАКК, ф. 1, оп. 2, д. 151, л. 171–174 об.; д. 733, л. 125–126 об.
- ¹⁴² ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 10, 43, 44 (атласы Тобольского и Иркутского наместничеств, 1798 г.).
- ¹⁴³ ГАКК, ф. 47, оп. 2, д. 6, л. 230 об.
- ¹⁴⁴ ГАКК, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 34–35; Архив ЛОИИ, кол. 115, д. 254, л. 41 об. – 45 (Маршрут или путевой журнал по зимнему тракту от Архангельска до Иркутска, 1798–1799 гг.).
- ¹⁴⁵ ГАКК, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 31; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 273 об. – 276; 566 об.
- ¹⁴⁶ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 251–566 об., 498–499 (доношение Онашкина). Копия доношения Онашкина частично опубликована (см.: Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. с. 60–62).
- ¹⁴⁷ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 8, л. 499, 482 об.; Ватин В.А. Село Минусинское..., с. 62.

ГЛАВА IV. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ РАЙОНАХ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В XVIII в.

Рассматриваемая территория включала в себя бассейны Среднего и Нижнего Енисея и Таймырский полуостров. В административно-территориальном отношении этот громадный край был разделен на Енисейский, Мангазейский (Туруханский) уезды, а часть его относилась к Красноярскому уезду. С 1783 г., за исключением Частоостровского и Подпороженовского присудов, северная часть Красноярского, а также юго-запад Енисейского уездов (Новоселовский присуд) отошли в новоучрежденный Ачинский уезд. В 1797 г. эти присуды, преобразованные с 1789 г. в волости, вновь подчинили Красноярску и Енисейску.

В силу источниковедческих трудностей, вызванных частыми административными изменениями, и специфики демографических процессов, обусловленной особенностями хозяйственной жизни в разнообразных (от приполярной тундры до лесостепи) физико-географических условиях анализ миграционных процессов целесообразнее проводить отдельно по Красноярскому, Енисейскому и Туруханско-Таймырскому районам.

КРАСНОЯРСКИЙ РАЙОН

Ядро этого района сложилось в долине Среднего Енисея от Качинских порогов до Красноярской округи еще в XVII в. Его поступательное развитие шло до конца первого десятилетия XVIII в. Угроза киргизского нападения заставляла русское население концентрироваться, объединяться в многодворные деревни. Некоторые из них даже укрепляли¹. По левой стороне Енисея, по Арею и Бузиму, где обитали качинцы и арины, русских почти не было.

Успехи в борьбе с киргизскими князьями, основание Абаканского и Саянского острогов и в связи с этим массовый «прибор» в

казачество с обязательством жить в острогах положили начало оттоку на юг. Удельный вес русских в населении этого района, а следовательно, и всего уезда стал сокращаться.

Так, если в 1713 г. в нем насчитывалось 2091 душа муж. пола, или 47,4 %, то по первой переписи 1720 г. – 2313, или 39,4 % общеуездной численности русских (табл. 24). Правда, общие масштабы оттока еще незначительны. Однако нужно учесть, что из-за плохой сохранности переписной книги данные занижены. Сопоставление приведенных данных подворной и подушной переписей еще не дает представления о полном объеме оттока, ибо имелся приток извне.

Словесный состав русского населения района и его территориальное распределение (см. табл. 24) косвенно свидетельствуют о присутствии пришлых².

Среди служилых и посадских, в основном населявших те места, насчитывалось не менее 30 семей подворников (11 семей и 26 душ из служилых людей и столько же посадских в 20 семьях). Довольно полно представлены экономически слабые, с повышенной подвижностью категории населения: захребетники, срочники, бобыли, закладчики и гулящие. Если служилые люди территориально тяготели к городу, то в ближних к Енисейскому уезду присудах они уступали ведущее место посадским. Казачьи семьи, как отмечалось в главе II, перемещались южнее из северной части Красноярского уезда, а посадские и близкие к ним категории (более 200 душ с 1713 по 1720 г.) были выходцами из соседнего Енисейского уезда. Некоторые из пришлых садились на «государеву пашню» или оседали в крупных Подъемской и Балчесской вотчинах Красноярского Введенского монастыря. Наличие в русских деревнях дворов новокрещенцов свидетельствует о складывании контактной зоны проживания русских с коренным населением.

Со второй четверти XVIII в. миграционная ситуация на рассматриваемой территории усложняется. Это видно из динамики податного (без торгово-ремесленного) населения между первой и третьей ревизиями (табл. 25). Несмотря на усилившийся отток, главную роль стал играть процесс внутреннего расселения.

Размещение и социальный состав русского населения Красноярского старожильческого района (по материалам первой переписи), душ муж. пола

	Духовенство		Служилые		Крестьяне		Посадские		Захребетники		Бобыли		Красноярские жители		Дворовые		Новокрепченые		Итого				В том числе подворники					
	Дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24					
Пригородные:																												
Ладейский		7	171	700	36	108	4	8	2	15		4	1	4	2	6	3	8	7	224	864	12	24					
Ясауловский	1	4	64	244	39	170	12	40	3	7	3	10				16			4	122	492	4	9					
Частоостровский			56	228	37	136	4	12	2	6		1			6	16			4	99	399	6	9					
Балчесский			48	173	15	61	4	18	2	7		2			4	6			5	69	267	5	6					
Бузимский	1	5	81	304	26	106	19	66	8	28			2	3	5	16			5	137	528	7	11					
Нахвальский			53	208			6	23	1	3					2	24	2	11	2	63	269	4	11					
Павловский	4	5	56	248	6	21	11	43	4	8							1	5	4	82	325	3	4					
Подъемный	4	9	3	13	20	73	67	271	4	7		2			2	2	4	9	3	102	384	5	9					

Окончание табл. 24

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Надпорожной слободы	4	19					32	120	2	5	1	2		1	1				5	38	147	1	2
Итого (без пригородных присудов)	13	38	297	1174	104	397	143	553	23	64	1	7	2	3	20	65	7	25	29	589	2319	31	52

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 47–55, 66–161. Подсчет и распределение по присудам с учетом позднего деления наш. Из-за плохой сохранности источника сведения по 20 дворам неполные. Служилые даны с отставными и неверстанными в службу. По ладейскому присуду девять закладчиков и два срочника показаны в захребетниках; по Ясауловскому – семья гулящего из пяти человек в бобылях и один в Частоостровском. Все нищие – по два человека – в Ладейском, Балчесском и Подъемном присудах – отмечены в графе «бобыли».

**Численность крестьян и разночинцев
в Красноярском старожильческом районе в 1722–1762 гг.**

Присуд	По первой ревизии		Мигранты между первой и вто- рой ревизиям		По второй ревизии			В том числе пришедших						Мигранты между второй и третьей ревизиями		По третьей ревизии		В том числе пришедших				
	п. д.	дворов	п. д.	дворов	селений	дворов	п. д.	семей	п. д.	семей	п. д.	семей	п. д.	семей	п. д.	семей	п. д.	дворов	п. д.	семей		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Частоостровский	454	27	70	4	121	485	12	27	5	10	2	7			5	10	1	2	55	257	1	6
Балчесский	342	43	167	5	86	335	6	15	1	2	4	12			1	1	19	43	77	281	3	8
Бузымский	338	38	128	3	38	242	4	11	3	10					1	1	11	27	51	249	8	14
Сухобузымский		3	12	7	111	393	43	323	34	305	4	12	2	2	3	4	5	11	44	182	6	8
Нахвальский	254	32	117	3	60	250	8	18	5	9			1	3	2	6	7	24	61	361	?	?

Окончание табл. 25

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Павловский	252	83	148	5	75	304	21	64	13	44			7	19	1	1	?	?	?	?	?	?
Подъёмный	104	10	56	4	23	60	9	28	8	27	1	1					?	?	?	?	?	?
Подпорожный	89	9	36	5	8	20	5	14	5	14							?	?	?	?	?	?
ИТОГО	1896	245	734	36	522	2089	108	500	74	421	11	32	10	24	13	23	?	?	?	?	?	?

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 203–288 об.; д. 1659, л. 431 об. – 536. Подсчет наш. Распределение населения по присудам взято из материалов анкет В.Н. Тагищева (см.: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 822–823 – сказки крестьян и разночинцев). Данные первой графы «по первой ревизии» сопоставимы с данными всех граф табл. 24, кроме граф «посадские» и «духовенство», так как в 1722–1728 гг. почти все казачество этого района оказалось в окладе разночинцев. В новом Куваршинском станке по третьей ревизии было 86 дворов и 384 р. д., в том числе 5 семей и 14 р. д. пришлых.

Общий прирост населения по сопоставимым категориям был относительно незначительным – с 1896 крестьян и разночинцев (в них учтено большинство служилых и представителей других категорий) до 2089 р. д. Почти каждый второй, внесенный в подушные списки первой ревизии как крестьянин или разночинец, сменил место жительства – всего 734 чел. в 245 семьях. Большая часть мигрантов (421 р. д. в 74 семьях) осталась в рассматриваемом районе, активно участвуя в освоении новых земель. Первичное их освоение здесь, как и в других сибирских районах, осуществлялось силами крупных семей. У них на двор приходилось 5,7 р. д., а ушедшие за пределы района семьи состояли в среднем из 1,8 р. д. каждая. Наиболее активно осваивался нетронутый земледельцем бассейн Среднего Бузима, откуда ушли со своими улусами в Хакасию шесть качинских князцов. По материалам Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева³, в 1735 г. в том районе появилось шесть деревень с характерными гидронимами (Муртинская, Кантатская и Малая Кантатская, Быстрая, Мингульская и Миндерлинская), а также деревни Яловская, Симановская и Пяткова. В переписной книге 1747 г. «вновь поселенными» названы также деревни Шилинская и Свешникова.

Перераспределение населения вызвало административные изменения. Упразднили Подпороженский и Павловский присуды, а из Бузимского и Подъемного выделили еще Сухобузимский присуд. В том же направлении произошло перераспределение и посадского населения. Были учреждены еще Куваршинский и Юкеевский станки, ведавшие сельскими посадскими.

Данные горнозаводских карт 30-х гг. и путевые записки участников второй Камчатской экспедиции дают представление о масштабах участия посадских, а также служилых людей во внутреннем расселении. Так, после первой ревизии к 1735 г. из 24 селений в 11 проживали только посадские и неподатные, что составляло 40 % всех новых селений. Больше всего их было в Бузимском и Нахвальском присудах – деревни Веснина, Карноухова, Трофимова (Тришкина), Латынцево, Минжульская и Шестакова. В Подъемном присуде появились деревни Пакулева, Туранская, Ермакова (Солдатова), в Подпороженском, где почти все жители были посадскими, – Юшкова и Кайгородок.

Широкое участие посадских и казачьих семей в расселении позволяет предположить однотипность их хозяйственной жизни с крестьянами и разночинцами. Вместе с тем они старались не отдаляться от Енисея – основной транспортной артерии района. Для крестьян же и разночинцев, судя по сокращению их численности в приенисейских присудах к третьей ревизии, это обстоятельство не имело значения. В тех присудах, по которым сохранились сведения, вместо 1705 р. д. в 406 семьях насчитывалось в 1762 г. только 1714 р. д. в 374 семьях (см. табл. 25). При этом внутренняя миграционная волна в конце 40-х – 50-е гг. падает. Между второй и третьей ревизиями желающих переселиться уже были не сотни, а десятки, что объяснялось возросшим влиянием властей на вольные переходы в связи с активным заселением притрактовых и при заводских районов Восточной Сибири.

В первую очередь из этого района в 1758–1760 гг. отправляли на поселение в Нерчинский горный округ из Красноярского уезда, откуда предполагалось переселить 360 р. д.⁴ Из этих же мест, как выше отмечалось, были многие из переведенцев, размещенных на участках Московского тракта.

Приток извне, согласно материалам второй и третьей переписей, был малозаметным (см. табл. 25). Правда, он выражался в несколько более высоких абсолютных цифрах, ибо пришлые могли числиться в податных списках по прежнему месту жительства. Так, в 1754 г. настоятельница Енисейского Рождественского девичьего монастыря вместе с выборными от 268 крестьян получила разрешение на занятие земель в бассейне Сухого Бузима, а ревизия не отметила это переселение⁵. О переходах оброчных енисейских крестьян в рассматриваемый район упоминал в своей записке о хлебопашестве енисейский воевода Рыкачев⁶. В ведомости переоброчки окладных платежей трудового населения Енисейского уезда от 1765 г. тоже отмечены случаи самовольного переселения крестьян в этот район Красноярского уезда⁷. Однако маловероятно, чтобы число таких переселенцев превышало 1000 р. д. Хотя, по ведомости Кольванской губернской канцелярии от 1784 г. о количестве переданных из Красноярского уезда в Ачинский ревизских душ, такое можно допустить. Одних крестьян в ней, по третьей ревизии, показано 3089 душ муж. пола⁸.

А ведь это территория только пяти присудов и станков описываемого района. Такое резкое расхождение объясняется, как отмечалось выше, ретроспективным характером сведений по третьей ревизии, в списки которой включали многих переведенцев и поселщиков, поступивших после 1762 г. Случаи же массового расселения енисейских переведенцев, отставных солдат, рекрутов и российских поселщиков в Красноярском старожильческом районе имели место в 1762–70-е гг. Тогда наряду с Московским трактом активно «устраивали» по левой стороне Енисея новую прямую дорогу из уездного Красноярска в провинциальный Енисейск. В пределах Красноярского уезда их разместили на девяти станциях⁹. О соотношении различных групп принудительно переселенных людей данных нет.

Достаточно большой процент среди помещенных в районе Енисейского тракта составляли взятые в Сибири рекруты, соглашавшиеся поселиться со своими семьями в указанных властями местах, и отставные нижние чины регулярных сибирских полков, первый состав которых отслужил свой 25-летний срок военной службы к 1761 г.¹⁰

Одним из результатов отмеченных миграционных процессов явилось возникновение в конце 50–60-х гг. 20 новых сел и деревень. Они разместились главным образом на нетронутых черноземах Верхнего Бузима и его междуречья с Большим Кемчугом (деревни Ишимская, Подсопочная, Высотина, Толстомысская, Айтатская, Устюжская, Комарова, Иркутская, Глядень, Кантат). Довольно быстро стали крупными населенными пунктами дер. Подсопочная – 81 двор и 300 душ муж. пола; с. Устюжское – 69 дворов и 226 душ муж. пола и Толстомысская – 40 дворов и 133 души муж. пола. Часть принудительно поселенных определили на оставленные в первой трети XVIII в. старозалежные земли в придорожной зоне левобережья Среднего Енисея в деревнях Межевская, Тигина, Таловка, Бобровка, Осыпная, Залевская, Кочнева, Савостина. Все они, кроме Тигиной и Савостиной, возродились.

Динамика и географическое размещение населения Красноярского старожильческого района в 70–90-е гг. XVIII в. свидетельствуют, что миграционные процессы в нем вновь стабилизировались. Составленная по данным исповедных росписей

табл. 26 показывает, что за 30 лет население здесь в целом выросло на 26 %. Это явно ниже общеуездных темпов. К концу столетия жители рассматриваемого района составляли уже не 1/3, а 1/5 русского населения всего уезда. Внутреннее перераспределение и выход на величину естественного прироста прослеживаются в приречной полосе вниз от Красноярска по Енисею до границы с Енисейским уездом – в табл. 26 первые девять приходов. В них на 1769 г. насчитывалась 3271 душа муж. пола, а в 1799 г. – 3383. Из-за сокращения количества прихожан закрылся приход Надпорожной слободы, а Балческий и Бузимский приходы объединили в Атамановский. Численность же населения на вновь осваиваемых территориях на западе и юго-западе района по Мурте, Верхнему и Сухому Бузиму с притоками, напротив, продолжала расти. За счет уплотнения население здесь увеличилось почти в 2 раза. Большая часть новых деревень оказалась тоже в этой зоне – Татарская, Суханова, Бадалова, Тальская, Карымская, Борковская, Чумышева, Шашкина, Шадринская, Степанова, Ковригина, Силина, Шестакова, Луговая, Мелкобродовая и Хайжина. Самой крупной из них стала дер. Суханова – 54 двора и 139 душ муж. пола. Прочие были типичными небольшими выселками. В каждой из 10 из них насчитывалось не больше пяти дворов. Показательно, что в эти годы расширился район освоения старозалежных земель по Енисею, вновь введенных в хозяйственный оборот. Там на месте прежних крупных деревень появились небольшие: Додоново, Серебрекова, Стрешнева, Кубекова, Горская, Малая Балческая. К концу столетия изменилось соотношение различных сословных групп населения. Крестьяне и в этом районе стали главной фигурой в деревне – 67,9 % от общего числа его жителей.

Интересной особенностью рассматриваемой территории является то, что посадские в течение столетия сохранили свое второе место среди других категорий населения района. Увеличившийся в абсолютных цифрах в 2 раза посад составлял свыше 21 % общего населения района и 33,4 % общеуездного числа жителей, занимавшихся торговлей и ремеслами. Частично сдвинувшись территориально, посадские сгруппировались в экономически наиболее оживленных местах и центрах местных путей

**Численность русского населения в старожильческих приходах Красноярского района
во второй половине XVIII в., душ муж. пола**

	Духовенство			Служилые			Посадские			Крестьяне			Все сословия						Из дру-гих уез-дов		
													1769 г.		1782 г.		1799 г.				
	1769 г.	1782 г.	1799 г.	1769 г.	1782 г.	1799 г.	1769 г.	1782 г.	1799 г.	1769 г.	1782 г.	1799 г.	дворян	душ	дворян	душ	дворян	душ	дворян	душ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
Частоостровский	6	5	7	20	26	22	53	35	36	588	508	534	209	667	185	574	189	599			
Атамановский		11	6		2	5		49	66		357	544			105	419	159	621	2	6	
Балдесский	9						11			167			50	187							
Бузимский	4			18			49			272			90	343							
Кекурский	5	2	4		9	6		54	63	369	275	298	94	374	92	340	93	371	1	3	
Нахвальский	5	5	8	33	52	3	122	199	181	353	315	446	131	513	144	571	144	638	1	4	
Юксеевский	5	10	7			12		16	30	356	258	364	91	361	71	284	134	413	2	4	
Подъемный	6	8	8	4	3	5	270	257	342	266	302	387	95	546	142	570	174	741	2	17	

Окончание табл. 26

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Надпорож- ный	9						263						51	280						
Пого- рельский	4	6	9		3	6	41	54	71	368	370	524	86	413	80	433	155	610	3	10
Устюж- ский	4	11	3			1	26	25	44	204	236	402	51	234	64	272	152	450		
Подсопоч- ный	3	7	4			4	20	45	81	311	320	657	86	334	97	372	212	746	14	43
Сухобу- зимский	5	7	5	5	24	52	305	416	439	189	223	325	134	504	132	670	181	823	3	9
Итого	65	72	61	80	119	116	1094	1150	1294	3451	3164	4481	1168	4756	1112	4505	1593	6012	28	106
В % к уезду	40,6	28,2	24,4	8,8	11,2	8,2	55,2	40,6	33,6	31,4	16,0	20,8	31,5	33,3	18,6	18,6	18,9	19,6	7	18,2

Примечание. См.: ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 92–106 об., 123–199 об., 314–373; д. 63, л. 267–269, 272; д. 238, л. 2 об. – 3, 4 об. – 14. В графе «служилые» показаны военные и приказные чины, дворяне, дети боярские, казаки, оставшие чины, не состоящие в подушном окладе, а также дворовые: 1769 г. – в Нахвальском приходе – 3 души муж. пола, в 1782 г. в Кекурском – 12. В графе «крестьяне» показаны оседлые новокрепленные ясачные: 1769 г. – в Юксеевском, Погорельском и Сухобузимском приходах соответственно 2, 3 и 3 души муж. пола, в 1782 г. – в Сухобузимском – 2, в 1799 г. – в Частоостровском – 2, Юксеевском – 4 и Атаманском – 6.

сообщения. В ряде приенисейских и придорожных деревень и близ Подъемной и Большекемчугской пристаней каждый второй житель был посадским (мещанином или купцом с 1775 г.).

В целом северная часть Красноярского уезда осталась районом с самой высокой концентрацией посадских. Однако значительная часть их наследственно, а не по характеру хозяйственной деятельности числилась в торгово-ремесленном сословии. Многие из них отказались переселяться в Красноярск и предпочли записаться в крестьяне, пока в начале XIX в. не добились разрешения все оставить по-прежнему¹¹. Показательно, что их многочисленность не останавливала енисейских купцов и мещан, переходивших сюда с сохранением старой административно-фискальной приписки. Так, в 1795 г. переселившихся в этот район из Енисейского уезда насчитывалось 195 душ муж. пола и 212 душ жен. пола в 48 дворах¹², а в 1799 г. – 106 душ муж. пола в 28 дворах. Правда, многих из них тоже привлекало хлебопашество.

Характеристика миграционных процессов в данном районе будет неполной без рассмотрения временных отлучек с места постоянного жительства, которые обычно предваряли акт переселения. О масштабах и мотивах отлучек можно судить по частично сохранившимся рапортам приказчиков присудов, старост и выборных о тех, кто не принес присягу на подданство малолетнему Иоанну Антоновичу. Она принималась трижды в течение декабря 1740 г. – марта 1741 г.

По пригородным присудам, взятым для сравнения, ведомости были поданы за вторую и третью присяги: Ладейский – 63 и 16 случаев, Ясауловский – 11 случаев по второй присяге.

По другим присудам и посадским станкам случаи неприсяг распределялись следующим образом: в Частоостровском: по второй присяге – 4; Куваршинском: по первой присяге – 69, второй – 43, третьей – 19; Балчесском: по первой – 7, по второй – 41, по третьей – 19; Бузимском: по первой – 13; Сухобузимском: по первой – 7, по второй – 2; Нахвальском: по первой – 47, по третьей – 7; Павловском: по второй – 13; Подъемном: по первой – 9, по второй – 5; Подпороженском: по первой – 11; Юкеевском посадском станке по первой – 58, второй – 9 и третьей – 13¹³.

Всего показано 486 случаев непринятия присяг служилыми, крестьянами, разночинцами и посадскими. Эта далеко не полная

статистическая выборка хотя и сложилась случайно, но ее все-таки можно считать представительной для всей совокупности реально имевших место случаев.

Главной причиной непряжки было, за исключением болезни (15 случаев), отсутствие по месту жительства. Отлучки прежде всего связаны с несением казенных повинностей. Так, на работы в Красноярских казенных заводах зимой 1740/41 г. приходится 325 случаев (66,9 %), на несение различных административно-фискальных и полицейских служб – 25 случаев (целовальники у соляной и винной продажи, счетчики денежной казны, таможенный сборщик, участие в отъезжих караулах, поимке беглых и т. д.). Около 1/3 всех кратковременных или длительных отлучек связано с хозяйственно-бытовыми нуждами жителей: по паспорту в торг – 3 случая; по покормежной в работу – 2; своей волей «в работы» – 6; в извоз – 9; в тайгу для промысла – 1; для «домашней нужды» – 1; для школьной науки – 1 и т. д. География отхода довольно обширна: в Иркутск – 16 чел.; Красноярск – 12; Енисейск – 5; Тобольск – 1; Абаканский острог – 7; Канский – 1; в другие места присуда или станка – 7. Необходимо отметить, что здесь не учитывался каждый седьмой (68 из 486) из уходивших вообще и не ставивших администрацию в известность.

Причины временных отлучек показывают, что сибирский труженик не был похож, как писали некоторые буржуазные историки, на бездумно порхающую с места на место бабочку. Потребности развивающейся хозяйственной жизни и социальный гнет вынуждали земледельца и ремесленника довольно часто выходить из привычного деревенского микромира и создавали широкие потенциальные возможности для изыскания более благоприятных условий хозяйствования. На полный же отрыв от своего сельского мира, члены которого подчас все были связаны родственными узами, труженик обычно решался в случаях крайней необходимости. Поэтому таким живучим и массовым был процесс внутреннего расселения, когда ближние переходы позволяли сохранять связь с родными местами.

Этот процесс являлся ведущим в Красноярском старожильском районе, хотя из него по частной и казенной инициативе постоянно шел отток. Именно старожилы в XVIII в. значительно раз-

двинули на запад ареал русского расселения на Среднем Енисее. Он сомкнулся в междуречье Среднего Чулыма и Енисея с аналогичным процессом в северо-восточной части Томско-Кузнецкого старожильческого района. Приток извне вольных и казенных поселенцев поддерживал это миграционное направление, но лишь в 60–70-х гг. стал довольно заметным. Случаи вторичного использования залежных земель свидетельствуют, что при том уровне хозяйствования свободный колониционный земельный фонд района был в основном исчерпан.

ЕНИСЕЙСКИЙ РАЙОН

Миграционные процессы на этой территории, входившей в XVII в. главным образом в Енисейский уезд, по сравнению с миграциями в других районах Средней Сибири имели ряд особенностей. Он являлся самым ранним и наиболее развитым в конце XVII – начале XVIII в. восточносибирским земледельческим районом. Как отмечали В.А. Александров и А.Н. Копылов, уже с конца XVII в. крестьянин стал там главной фигурой¹⁴. Тогда же вольнопереселенческая волна из Поморья и других мест Европейской России, даже временно возросшая, не имела столь важного значения в формировании местного русского населения по сравнению с естественным приростом¹⁵. По основным (в то время исключительно водным) путям сообщения и в важных в земледельческом, торгово-ремесленном и административно-фискальном отношении местах интенсивно складывалась сеть населенных пунктов. Высоки были и темпы роста сельского населения. Так, за 50 лет в Енисейском¹⁶ уезде количество населенных пунктов и численность живших в них русских семей выросли более чем в 2 раза (табл. 27). Реальный прирост был еще выше, ибо после проверок данных первой переписи только в ревизские книги включили до 8 тыс. душ муж. пола¹⁷, в то время как сельских жителей (вместе с духовенством и служилыми казаками) значилось 7477¹⁸.

Из пяти районов заселения (см. табл. 27) наиболее крупными стали те, что находились вдоль важной транспортной артерии Сибири – Маковского волока, Кети, Кеми и устья Ангары. Самой

**Размещение русского населения в Енисейском
старожильческом районе в конце XVII – начале XVIII в.**

Район заселения	1670 г.				1719 г.			
	селе- ний	%	семей	%	селе- ний	%	семей	%
Маковская дорога, бассейны Кеми и Кети	13	21,3	234	31,9	31	25,9	492	27,6
От Енисейска вниз по Енисею	19	31,2	115	15,7	22	18,3	293	16,4
По Енисею между Енисейском и устьем Ангары	8	13,1	167	22,9	16	13,3	315	17,7
По нижней Ангаре и ее притокам	8	13,1	85	11,6	14	11,7	346	18,4
От устья Ангары вверх по Енисею	13	21,3	131	17,9	37	30,8	339	18,9
Итого	61	100	732	100	120	100	1785	100

обжитой была долина Среднего Енисея. Прослеживается тенденция преимущественного развития юго-западного и юго-восточных районов по сравнению с приенисейскими присудами.

Миграция сельского населения в соответствии с этими тенденциями значительно усилилась во второй четверти XVIII в. (табл. 28). Расположенный по Енисею от г. Енисейска до устья Ангары район потерял столько жителей, что его удельный вес уменьшился в 2 раза, с 18,2 до 9 %, или с 1332 до 817 р. д. Несколько выросло население вниз по Енисею от города и в бассейне Нижней Ангары, но общие темпы демографического развития этих мест замедлились (см. также табл. 27). За их счет еще интенсивнее, чем в первой четверти XVIII в., шло развитие окраинных по отношению к городу и Енисею районов. Так, по Маковской дороге в бассейнах Кети и Кеми возникло 26 новых селений. Даже без монастырских крестьян здесь оказалось более 1/3 (37,7 %) всех сельских жителей уезда. Семь податных деревень появилось к середине XVIII в. еще юго-западнее, на Нижнем Чулыме. Всего в них насчитывалось 180 р. д. Благодаря близости

**Размещение сельского податного населения в Енисейском старожильческом районе
в первой половине XVIII в.**

Район заселения	Прируд	Первая ревизия					Вторая ревизия					% к первой ревизии				
		Прописных к 1741 г.					крестьяне	разно-чинцы	посадские	итого	п. д.					
		крестьяне	разночинцы	посадские	дворовые	итого										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	Большой Елани	290	98	161	-	549	2	4	282	3	29	9	295	11	606	110,4
	Кемских деревень	631	116	119	-	866	5	11	349	4	293	1	47	15	689	79,6
Островов:																
Маковская дорога, бассейн Кемги и Кетги	Бельского	121	179	26	-	326	-	2	409	3	170	6	71	6	650	203,1
	Маковского	89	62	10	-	161	-	4	283	3	58	-	-	4	341	211,8
	Кемского	-	202	25	-	227	10	17	802	5	27	-	-	17	829	365,2
	Нижних деревень	308	110	152	11	581	-	4	407	4	42	6	185	6	634	109,1
	Анциферов луг	278	204	305	9	796	1	11	522	5	33	11	375	16	930	116,8
От Енисейска вниз по Енисею	Дубческой слободы	-	-	94	-	94	-	-	-	-	1	83	1	83	86,3	

Окончание табл. 28

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
По Енисею между Енисейском и устьем Ангары	Подгородный (Городищенский)	291	114	31	-	436	2	3	195	2	9	3	99	3	303	69,5
	Моклоковский	153	110	75	-	338	1	-	-	-	-	4	87	4	87	25,7
	Усть-Тунгусский	117	280	152	9	558	-	1	89	3	193	8	145	8	427	76,5
Остротов:																
По Нижней Ангаре и ее притокам	Рыбинского	248	170	31	-	449	1	9	573	7	168	4	61	9	802	178,6
	Тасевского	172	229	75	-	476	10	1	399	1	297	1	106	1	802	168,5
	Кежемской слободы (Илимского уезда)	?	?	?	?	154	?	?	265	?	17	?	?	?	312	169,6
От устья Ангары вверх по Енисею	Казачий луг	250	182	115	10	557	-	15	468	6	279	4	160	19	907	162,8
	Подпороженский	364	296	135	-	795	4	5	282	6	152	11	209	15	643	80,9
	У монастырей	801	-	-	-	801	-	-	1015	-	-	-	-	-	1015	126,7
Слобод:																
Итого в уезде (без Кежемской слободы)	Мангазейской	-	-	-	-	?	?	2	275	2	11	-	-	4	286	?
	Новоселовской	-	-	-	-	?	?	2	149	5	31	-	-	7	180	?
		4113	2352	1506	39	8010	97	101	6499	59	1792	69	1923	146	10214	127,5

Примечание. Данные по первой ревизии см.: ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 107, л. 12-14 (ведомость от 9 сентября 1741 г. комиссара подушного сбора Оксенова, поданная на запрос поручика Зурова). Данные о по-

садских взяты из составленной для этой цели Енисейской ратушей 9 октября 1741 г. ведомости (л. 16–19 об.) В д. 126 того же фонда (л. 3–6) есть аналогичная ведомость. Ее данные несколько выше приведенных, так как указаны пропущенные первой переписью. Их распределение дано в графе «прописных к 1741 г.».

Монастырские крестьяне распределялись следующим образом: у Спасского мужского монастыря было 341 р. д., в вотчине Туруханского Троицкого – 315, в Рождественском девичьем – 117, Кашиношверском – 40 и Лосиноборском – 15 р. д. (л. 14).

Данные по второй ревизии см.: ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 219, л. 1–6 (краткий реестр с переписной книги Енисейского уезда о численности податного населения по второй ревизии, приложенный к ответам на анкету Академии наук, поступившую в 1760 г., где сначала перечислялись по присудам деревни с посадским и прочим населением, затем – селения с разночинцами и крестьянами; названия присудов указывались не всегда).

Новая Мангазейская слобода с деревнями была выделена из присуда Бельского острога; новоучрежденный присуд Новоселовской слободы занимал район Нижнего Чульма до Ачинского острога.

В числе крестьян монастырей показаны и «домовые люди». Всего за Спасским монастырем числилось 388 р. д., в вотчинах Туруханского Троицкого – 313, в Рождественском девичьем – 249, в Лосиноостровском – 17 и Кашиношверском – 48 «домовых людей» и крестьян (л. 6).

Маковского волока, по которому все больше перевозилось грузов, эта прежде пустынная болотистая округа была заселена с помощью властей. Согласно ведомости по учету деревень и численности населения Енисейского уезда, по второй ревизии, подсудные учрежденной Новоселовской слободе жители названы «вновь поселенными по Чулыму»¹⁹. На восточном участке водного Ангаро-Кетского пути по левым притокам Нижней Ангары – Тасеевой и Рыбной – население удвоилось за счет переведенцев (см. табл. 28).

По изменению численности сословных групп трудно судить о степени их активности в отмеченных переходах. Так, категория крестьян пополнялась наиболее быстро (на 58 % относительно первой ревизии), но это было связано с переводом многих разночинцев в разряд хлебопашцев (убыло 593 р. д.). Сельский посад рос медленнее (на 27 %), но удельный вес во всем торгово-ремесленном сословии рассматриваемого района увеличился на 2 %. Показательно, что территориальное перераспределение посадских шло несколько в ином, чем у крестьян и разночинцев, направлении. Они по-прежнему тяготели к городу и Енисею.

В целом к середине XVIII в. в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях произошло значительное перераспределение русских внутри района. Расселяясь от Енисея по его многочисленным притокам, в бассейне Чулыма, енисейцы впервые вошли в непосредственный контакт с томскими, а на Нижней Ангаре по ее левобережью – с илимскими жителями.

Основным типом поселения становилась малодворная деревня, ибо темпы образования селений обогнали темпы роста жителей. В 1735 г. по сравнению с 1719 г. в Енисейском уезде вместо 120 населенных пунктов насчитывалось 172²⁰, а по второй переписи только с податным составом жителей их было 146 (см. табл. 28).

О динамике и перемещениях сельского населения Енисейского уезда во второй половине XVIII в. можно судить по категории крестьян, которые стали составлять подавляющее большинство сельчан: с 60 %, по второй ревизии, до 90,8 % к пятой переписи²¹ и 98,3 % к 1807 г. – 11 119 из 11 383 душ муж. пола²². По первичным материалам третьей, четвертой, частично пятой ревизий и

ведомостям Енисейского нижнего земского суда о размещении по волостям и селениям земледельцев (табл. 29) прослеживаются довольно четко основные направления переселений. Так, в 60–80-е гг. район от Енисейска вниз по Енисею (Анциферовская волость) постепенно терял часть своего населения, а значит, и естественного прироста, и к началу XIX в. в нем осталось только 65 % старожил. Аналогичная картина наблюдалась в присудах вверх по Енисею, что вошли в Казачинскую и Моклоковскую волости. Исключение составляли территории бывших Моклоковского и Усть-Тунгусского присудов (по Енисею от устья Ангары до Енисейска), где приняли в 60–90-е гг. на учрежденный Енисейский тракт многих переведенцев, посельщиков, бывших горожан и местных мещан, записавшихся в крестьяне²³.

Наиболее активно шла крестьянская колонизация юго-восточной части уезда – по Ангаре от устья Тасеевой до устья Ковы, в бассейнах Усолки и Нижней Бирюсы. Поэтому там в 80-е гг. XVIII в. вместо старого присуда Тасеевского острога было учреждено целых пять волостей – Михалевская, Петропавловская, Тасеевская, Новоселовская и Устьянская, которые в начале XIX в. вошли в Тасеевскую и Устьянскую волости Тасеевского комиссарства. Численность крестьян здесь выросла более чем в 9 раз, составив 27,6 % уездного крестьянства – 3215 от 11 629 р. д. (см. табл. 29).

Интенсивная крестьянская колонизация этих волостей началась с мер властей по устройству восточного канско-тулунского участка тракта. В 60–70-е гг. тасеевских крестьян по их желанию и принудительно переводили на тракт, чем и объясняется уменьшение их численности между второй и третьей ревизиями. В 80–90-е гг., когда обслуживание тракта было упорядочено, перевод сменился массовым переходом из старожильческих приенисейских волостей²⁴.

С перемещением к концу XVIII в. основного грузопотока на тракт стала быстрее заселяться зона Ангаро-Кетского водного пути. Как на западном кетском (Бельская и Еланская волости), так и на восточном (Богучанская и Кежемская волости) участках прирост населения остался в рамках естественного воспроизводства. В Нижнем Приангарье приток за счет переведенцев имел

**Численность крестьянского населения Енисейского старожильческого района
во второй половине XVIII – начале XIX в.***

Административно-территориальные единицы		1762 г.			1782 г.			1807 г.		
		Р. д	душ жен. пола	% от 1747 г. Р.д.	Р. д.	душ жен. пола	% от 1762 г. Р. д	селе- ний	Р. д.	% от 1782 г. Р. д
Присуды до 80-х гг. XVIII в.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Подгородный**	Анциферовская	459	235	225	465	630	101,0	-	-	-
Нижнепашенный***		764	391	170	773	728	101,0	-	-	-
Анциферовский		374	225	67,4	410	389	109,7	-	-	-
Итого		1597	851	127	1648	1747	103,0	40	1071	65
Большой Елани	Еланская	359	238	115	455	444	127,0	-	-	-
Маковского острога		185	87	54,2	182	172	98,4	-	-	-
Итого		544	325	84,6	537	616	112,7	22	1163	261
Усть-Тунгусский	Моклоковская	?	?	-	-	-	-	-	-	-
Моклоковский		265	144	-	241	238	90,9	-	-	-
Итого		?	?	-	-	-	-	31	1233	437****
Кемских деревень Бельского острога	Бельская	592	276	92	585	513	98,8	-	-	-
Итого				-	-	-	-	17	1097	115
Кемского острога	Казачинская	?	?	-	-	-	-	-	-	-
Подпороженский		?	?	-	-	-	-	-	-	-

Окончание табл. 29

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Казачий луг		?	?							
Итого		–	–	–	–	–	–	40	1580	91,2
Тасеевского острога	Тасеевское комиссарство	230	218	38,6	340	349	147	63	3215	92,1
Богучанский	Богучанская	577	669	–	889	857	–	–	–	–
Итого		–	?	–	990	–	–	38	1265	127,7
	Кежемская	430	?	137	–	–	–	22	1005	233,7

* См.: ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 7, л. 1–560 (неполная); ф. 160, оп. 2, д. 3, л. 128; ГАГО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 53–57; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, с. 171, 173 (Кежемская волость за 1762 г.).

** С Верхнепашинским, где было в 1762 г. 132 р.-д. и 75 душ жен. пола, а в 1782 г. – соответственно 138 и 158.

*** С новым Погодаевским, где насчитывалось в 1762 г. 258 р.-д. и 245 душ жен. пола, а в 1782 г. – соответственно 267 и 254.

**** Здесь и ниже, где не сохранились полные данные за 1762 г., подсчет дан относительно 1747 г.

место в 50–70-е гг., когда возрос поток грузов и людей на Нерчинские заводы и в приграничную зону. В последующие годы власти не предпринимали мер по заселению этой территории и здесь шел процесс укрупнения сложившейся сети мелкодворных деревень. Внутри- и межволостные переходы были слабыми, что подтверждается сведениями Богучанского волостного правления о динамике населения между четвертой и пятой ревизиями (табл. 30). Если во внутренних переходах участвовало 65 чел., то в более дальних – 26, причем только семеро вышли за пределы рассматриваемой территории. Пять крестьян ушли в Енисейск, а о двух у старост сведений не оказалось. Дальние переходы прочих свелись к переселению в соседние волости: два михалевских крестьянина – в Тасеевскую и Устьянскую, а 15 чадобских земледельцев – в Михалевскую, причем чадобский староста не знал точно о месте оседания своих крестьян.

Межсословная миграция здесь почти не прослеживается, что тоже в известной мере свидетельствует о достаточно стабильных условиях воспроизводства крестьянского хозяйственного уклада. Лишь один из 1195 р. д. бессемейный михалевский крестьянин перешел в мещане, да «прописного» незаконнорожденного Мутовина в 1790 г. включили в крестьянские подушные списки²⁵.

Подробными данными об участии в миграционных процессах другой категории сельского населения – деревенского посада – и его динамике во второй половине XVIII в. мы не располагаем. Численность их колебалась: по третьей ревизии – 1793 р. д., по четвертой – 2749 и по пятой – 1960²⁶. Это было связано с политикой властей, которые долго и почти безуспешно пытались привести в полное соответствие сословную принадлежность с видом хозяйственной деятельности. В конце 80–90-х гг. казна особенно активно переселяла сельских мещан в города или записывала их в крестьянский оклад²⁷. Значительное сокращение числа сельских мещан в уезде в новых границах по четвертой ревизии объясняется также переездом 300 семей в новоучрежденный Ачинский уезд²⁸.

Деревенский посад постепенно утрачивал свое значение среди сельского населения. Его удельный вес во всем посаде практически оставался прежним, хотя численность в абсолютных цифрах, как видим, росла. Скорее всего это связано с некоторым

**Динамика населения Богучанского волостного правления
между четвертой и пятой ревизиями, р. д.***

Волость	Четвертая ревизия				Убыло				Прибыло		Итого прибыло	Прирост	Итого по пятой ревизии	В том числе внутриволостные переходы
	умерло	в рекрутах	переселились в соседние волости	за пределами правления	Итого убыло	родилось	пришло	Прибыло						
								Итого прибыло	в том числе из других волостей					
Чадобская	95	39	15	5	154	256	4	260	106	696	12			
Михалевская	60	22	4	2	87	107	15	122	35	356	53			
Петропавловская	15	6	-	-	21	55	-	56**	35	143	-			
Итого	170	67	19	7	243***	418	19	419	176	1195	65			
% от общего числа	16,7	6,6	1,8	0,7	23,8	35	1,6	35	14,7	100	6,4			

* См.: ГАКК, ф.160, оп. 2, д. 3, л. 4–168. Подсчет наш.

** В том числе местный незаконнорожденный вскормленник, «прописной».

*** Без учета 19 крестьян-переселенцев, оставшихся на территории этих волостей.

общим спадом хозяйственно-деловой активности, что было обусловлено ослаблением роли Ангаро-Кетского водного пути. Мотивы переселений посадских часто не отличались от крестьянских, так как многие из них занимались хлебопашеством. Согласно ведомостям, поступившим из уездов к тобольскому губернатору Волкову в 1791 г., по Енисейскому уезду мещан, «упражняющихся в одном только хлебопашестве, крестьянских работах и найме», насчитывалось 1437 душ муж. пола, или 36,5 % от всего посада по пятой ревизии (табл. 31). Они жили в 67 селениях всех волостей Енисейского уезда, а также в соседних Красноярском, Томском и Ачинском уездах, платя подати пересылкой. Разница между общим числом населенных пунктов в уезде (303) в 1797 г. и количеством крестьянских селений (205) свидетельствует, что в конце XVIII в. деревень и сел с чисто мещанским составом жителей было не менее 70²⁹. Практически сельские мещане жили в каждом втором населенном пункте уезда. Весьма показателен для их общей хозяйственной направленности такой факт: в долине Среднего Енисея, самом раннем районе русской колонизации, насчитывалось 565 живших «с пашни» мещан, или около 45 %.

В целом, судя по изменению географического размещения русских, динамике их численности и населённых пунктов; в XVIII в. в Енисейском старожильческом районе шел довольно заметный процесс внутреннего расселения. Расстояния между деревнями, селами и острогами, ранее отстоявшими друг от друга на сотни верст, значительно сократились в конце XVIII в., так как их количество увеличилось в 2,7 раза (с 120 до 297). Кроме того, в старопашотных районах появилось довольно много отъезжих пашенных заимок, с чем власти боролись упорно, но безуспешно³⁰.

Однако процесс уплотнения населения в местах первоначального заселения уступал по своему размаху массовому оттоку местных жителей за пределы Енисейского уезда. Это подтверждается общими масштабами роста численности русских в городе и уезде за столетие. Он был очень низким – по пятой ревизии, население уезда увеличилось всего на 53 % по сравнению с первой ревизией. Количественный состав сельских жителей уезда в старых границах в начале XVIII в., согласно данным ревизии, был следующим: 1782 г. – 8448 душ муж. пола; 1747 г. – 10651; 1762 г. – 12 489; 1782г. – 12 239; 1795 г. – 12 160³¹.

**Размещение мещан-земледельцев в Енисейском старожильческом районе
в конце XVIII в., душ муж. пола**

Район заселения	Волость	Селения	Хлебопашцы		В крестьянских работах, найме	Итого
			семей	душ		
1	2	3	4	5	6	7
По Енисею до устья Ангары	Моклоковская	3	15	34	9	42
	Усть-Тунгусская	6	8	27	23	50
От Енисейска вверх по Енисею	Казаченская	7	43	126	7	133
	Подпороженская	10	32	81	-	81
От Енисейска вниз по Енисею	Анциферовская	1	26	56	22	78
	Усть-Кемская	3	14	43	25	68
Маковская дорога, бассейн Кемги и Кетги	Назимовская	3	25	58	55	113
	Еланская	7	51	178	20	198
По Нижней Ангаре	Бельская	5	9	10	4	14
	Чалбышевская	5	20	70	8	78
	Михалевская	4	9	32	16	48
	Чадобская	3	11	39	3	42
	Петропавловская	1	2	3	-	3
	Кежемская	-	-	-	2	2

Окончание табл. 31

1	2	3	4	5	6	7
	Тасеевская	4	10	31	6	37
Юго-восточная часть уезда	Новоселовская	2	5	16	2	18
	Устьянская	3	20	47	1	48
	Троицкая	1	4	16	3	19
	Боготольская	3	?	6	8	14
В Томском и Ачинском уездах	Краснореченская	2	?	17	-	17
	Мазульская	2	?	6	-	6
	Новоселовская	7	?	93	-	93
В Красноярском уезде		18	?	241	-	241
Итого		99	314	1230	207	1437
В том числе в других уездах		32	?	363	8	371

Примечание. См.: ТФ ГАТО, ф. 341, оп. 1, д. 114, л. 74–75 об., 80–89 об. По Красноярскому уезду см. главы II и III. По Еланской и Чалбышевской волостям число хлебопашцев подсчитано по количеству их семей, исходя из 3,5 р. д. на каждую (подсчет наш). Волостное деление у крестьян и посадских не совпадало.

Из-за отсутствия в источниках прямых систематических данных трудно судить о масштабах оттока. Приблизительные показатели потерь Енисейским старожильческим районом русского населения дают материалы о естественном приросте, которые, к сожалению, тоже недостаточно полные.

В анкетах Г.Ф. Миллера есть копия выписок из записей приходских священников об умерших и родившихся в Енисейске в 1730–1734 гг. и в уезде в 1730–1733 гг. Автор анкет запрашивал через воеводу данные и за другие годы. Архимандрит Дмитрий отвечал Ивану Хрущеву, что документы за 1725–1729 гг., хранившиеся в специальной светлице Енисейского Спасского монастыря, сгорели в 1729 г., а за 1734 г. сельские священники ведомости еще не подали³².

Сведениями о смертях и рождениях (табл. 32) подтверждается, что население в Енисейском уезде ежегодно увеличивалось на 376 душ обоих полов, в том числе на 176 душ муж. пола и 200 душ жен. пола. Ежегодный рост населения по уезду на 1000 чел. составит 19, а по городу – 11,6. Более низкий прирост городского населения объясняется большим удельным весом бессемейных из-за притока извне, а также скученностью и худшими, чем в деревне, санитарными условиями.

Данные о естественном приросте за вторую половину XVIII в. приводит ученый-путешественник И.П. Фальк. По церковным источникам³³, в 1772 г. в Енисейском заказе на 14 144 души муж. пола приходилось 416 рождений, а на 14 523 души жен. пола – 403. Количество смертей отдельно по полам не дано, поэтому можно вывести только общий ежегодный показатель естественного прироста. Всего смертей отмечено 363, а ежегодного прироста – 456 душ обоих полов, или 17 чел. на 1000. Если сопоставить с данными Г.Ф. Миллера, то получается, что в среднем в течение XVIII в. русское население уезда увеличивалось ежегодно на 416,5 душ обоих полов. За период с 1719 по 1795 г. оно возросло по уезду на 31 200 душ обоих полов, или, если принять соотношение полов как 1:1, на 15 600 душ муж. пола.

При отсутствии притока извне и оттока общая численность русских Енисейского уезда в 1795 г. определялась бы по отношению к 1719 г. внушительной цифрой – 26 473 души муж. пола.

**Естественный прирост русского православного населения
в Енисейском старожильческом районе в первой половине 30-х гг. XVIII в.**

Районы заселения	Присуд	Родилось			Умерло			Прирост в год			Колличество се- тин
		муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Енисейск (1730–1734)		471	433	904	344	306	650	25,4	25,4	50,8	
Московская дорога, бассейн Кемги и Келги	Кемского острога	51	63	114	18	23	41	8,25	10	18,25	1
	Большой Елани	86	100	186	32	30	62	13,5	17,5	31	7
	Маковского острога	27	23	50	14	16	30	3,25	1,75	5	5
	Кемских деревень	58	60	118	21	22	43	9,25	9,5	18,75	20
	Бельского острога	61	49	110	15	10	25	11,5	9,75	21,25	5
По Нижней Ангаре	Тасеевского острога	132	119	251	56	36	92	19	20,75	39,75	9
	Рыбинского	72	99	171	39	22	61	8,25	19,25	27,5	11
	Нижнеподгородный	21	19	40	11	7	18	2,5	3	5,5	16
От Енисейска вниз по Енисею	Анциферов луг	116	118	234	73	76	149	10,75	10,5	21,25	26
	Верхнеподгородный	31	22	53	5	16	21	6,5	1,5	8	9
По Енисею до устья Ангары	Моклоковский	59	40	99	24	14	38	8,75	6,5	14,25	7
	Усть-Гунгусский	90	115	205	45	45	90	13,75	17,5	31,25	16

Окончание табл. 32

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
От Енисейска вверх по Енисею	Казацкий луг	144	142	286	55	46	101	22,25	24	46,25	15
	Подпороженский	105	119	224	38	26	64	16,75	23,25	40	25
Итого по уезду		1053	1088	2141	446	389	835	151,75	174,7	326,45	172
Всего по уезду с Енисейском		1524	1521	3045	790	695	1485	177,15	200,1	377,25	

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 5–8 об., 21–29 об. Данные священников по приходам приведены в соответствии с данными по присудам. Всего в городе и уезде было 29 церковных приходов. Не сохранилось сведений по церкви на р. Усолка при соляной варнице и по церкви Малокецкой слободы, но при одной почти не было семейных, а другая стояла пустой, и жители отпразднали религиозные обряды в ближних церквях Бельского острога и Троицкой слободы. Сведения по уезду взяты за 1730–1733 гг.

Однако по пятой ревизии в уезде насчитывалось с городом всего 15 624 души муж. пола. Таким образом, даже с учетом административных изменений и некоторого завьшения масштабов естественного прироста уход за пределы уезда был настолько массовым, что поглощал в течение столетия весь приток извне и до 2/3 естественного прироста.

Причины такого интенсивного выхода за пределы уезда и преобладание его над внутренним расселением объясняются спецификой экологических условий района и его хозяйственного развития. Значительная часть енисейского пахотного клина в течение столетия была расположена в непосредственной близости к районам пушного промысла и по сравнению с южными уездами находилась в малоблагоприятном для земледелия почвенно-климатическом поясе³⁴. Пашни там быстрее истощались и медленнее восстанавливались. При переложной агротехнике и отсутствии практики унавоживания полей это приводило к ускоренному использованию свободного земельного фонда, пригодного для хлебопашества. Вот почему сконцентрированные в долине Среднего Енисея крестьяне жаловались на нехватку и выпашку полей уже в XVII в. Позже, когда плодородные южносибирские районы оказались доступными русскому земледельцу, недостаток угодий, их выпашка и засоренность, а также плохой климат усилили переселенческие настроения енисейских крестьян. В итоге северная граница земледелия в XVIII в. передвинулась из приполярных мест (Ворогово, Дубчесская слобода) в долину Нижней Тунгуски. На юге она сомкнулась с соседними районами. Платившие подати пересылкой енисейцы осваивали плодородные красноярские, илимские и томские земли. В этих условиях естественный прирост стал важным биолого-социальным фактором, определявшим количественный уровень и стабильность миграционной активности. Будучи достаточно высоким и устойчивым, он быстрее приводил в районах постоянного проживания к нарушению допустимого уровня плотности населения по отношению к хозяйственно используемым территориям. Поскольку фонд свободных и в почвенно-климатическом отношении привлекательных для крестьянина земель был довольно невелик, емкость торгово-ремесленной сферы ограничена относительно

высокой численностью городского и сельского посада, а самые выгодные в промысловом отношении угодья заняты коренным нерусским населением уезда, то нередко самым оптимальным выходом из положения казались дальние переселения. Из Енисейского уезда больше, чем из других мест Средней Сибири, выходило легальных переселенцев, которые одними из первых откликнулись на поощрительные меры властей по заселению притрактовой полосы в Средней и Восточной Сибири,³⁵ Алтая и приграничных зон³⁶. Чаще всего они сами выбирали новое место жительства. В документах нередко, как отмечалось выше, упоминаются о енисейских крестьянах, разночинцах и посадских, которые «сошли своею волею» и «живут безуказно» в Красноярском, Томском, Кузнецком, Иркутском, Илимском уездах³⁷.

Специфика развития неземледельческой сферы хозяйственной жизни Енисейского старожильского района в XVII – XVIII вв. также обусловила высокую, включая дальние переходы, подвижность значительной группы населения. В уезде и городе, занимавшем центральное положение на важнейшей водно-транспортной артерии Сибири, сложилось к началу XVIII в. сравнительно многочисленное посадское население, составлявшее около 25 % всех русских³⁸. Купцы, посадские и цеховые в силу своих хозяйственных занятий и сословного статуса обладали повышенной миграционной активностью. Они часто совершали отдаленные поездки, отлучки нередко были регулярными, что облегчало подготовку и сам переход. Присяжные ведомости 1741 г. по посаду Енисейского уезда содержали довольно яркий материал о масштабах и отдаленности сезонных поездок. Так, за один январь, по неполным данным, оказалось 158 отлучившихся купцов, цеховых и посадских. Из них 95 находились в Иркутске, один – в Нерчинске, в Красноярском уезде – 34, в Мангазее – 22, в Томске – четверо, в Москве – один и двое – «в разных городах»³⁹.

Из материалов о выдачах в Енисейской провинции покормежных паспортов, которые обычно чаще других приобретало торгово-ремесленное население, отправляясь в длительные легальные поездки, видно, что енисейцы ездили больше и дальше других. Так, в течение девяти лет (с 1733 по 1741 г.) они получали ежегодно по 124 паспорта, или 10 чел. на 1000, красноярцы в тече-

ние восьми лет – по 44,4 ежегодно, или шесть человек на 1000, а мангазейцы в течение шести лет – соответственно ежегодно по три, или три человека на 1000 жителей⁴⁰.

Среди податных бассейна Енисея, которые оседали в других уездах и волостях, но платили подати пересылкой и числились по прежнему месту жительства, больше всего было енисейских посадских. Значит, у них чаще, чем у красноярских, томских, кузнецких или мангазейских жителей, возникала необходимость в отдаленном переселении, и это им, несмотря на различные административно-территориальные и фискальные преграды, удавалось чаще, чем представителям других сословно-социальных групп.

Во второй половине XVIII в. появилось больше мотивов для переселения за пределы уезда, так как с Ангаро-Кетского водного пути грузопоток стал перемещаться на более короткий сухопутный Московско-Сибирский тракт, по которому провоз обходился дороже, но увеличивалась оборачиваемость капитала.

Имел место и еще один немаловажный фактор, обусловивший замедление темпов демографического развития Енисейского уезда в XVIII в. Это колонизационная политика абсолютистского правительства, которое подходило к населению Сибири с позиций коллективного помещика-крепостника, присвоившего одно из неотъемлемых прав личности – право на свободу передвижения и хозяйственной деятельности. Наиболее заселенный до середины века русскими район Средней и Восточной Сибири, расположенный на перекрестке важнейших водных путей и с каждым десятилетием все больше терявший свою ведущую роль поставщика хлеба, казна считала самым значительным потенциалом людских ресурсов, которые удобно было систематически и в большом количестве использовать в колонизационных целях.

Переселенцев направляли главным образом в Заенисейскую и Южную Сибирь на Нерчинские и частично Барнаульские заводы, в притрактовые и приграничные районы. Уже в первые годы после открытия Нерчинских заводов (1708 г.) из Енисейска и уезда было выведено на Шилку и Аргунь 75 семей⁴¹. Вторую крупную партию переселенцев отправили в 1722–1728 гг., когда, согласно указу, «на вечное жительство к заводам» определили из вос-

точносибирских уездов 300 крестьянских семей⁴². Вопрос о легальных и принудительных мерах по устройству и заселению трассы Московско-Сибирского тракта в 40–60-е гг. выше уже рассматривался. Следует только отметить, что енисейских переведенцев размещали по «Томской» и «Иркутской» дорогам, за пределами Красноярского уезда (в Томском и Иркутском уездах в низовьях Чулыма, в Сосновском, Мелесском ведомствах, по Уде, Чуне и Оне)⁴³.

Со второй половины 50-х гг. массовый вывод русского населения с берегов Среднего Енисея был связан со строительством военных пограничных линий, обострением отношений на русско-маньчжурской границе и развертыванием Нерчинских сереброплавильных заводов. В распоряжение горного начальства из Енисейского уезда в 1759–1761 гг. прибыли 571 душа муж. пола и 321 душа жен. пола (Сенатом было назначено 840 р. д.). Их набрали из числа тех сельских и «градских» посадских, кто не занимался ремеслом и торговлей. Переселенных насильно разместили в 25 деревнях по Шилке, в ведомствах Ундинской слободы и Борзинской заводской конторы. Когда завершилась третья ревизия, то всех «пришлых разных городов государственных крестьян, и прописных и неположенных в оклад» тоже стали отправлять на заводы, причем не в зачет определенного ранее числа. Иркутским властям разрешили даже насильно забирать на заводы всех енисейцев, которые по паспортам или самовольно находились в Иркутской провинции. В целом заводской округ получил из Енисейского уезда 2058 душ обоих полов⁴⁴. Людей брали по всем присудам, но главным образом в Верхнепашенном, Нижнепашенном, Усть-Тунгусском, Большой Елани, Маковского острога, Кемских деревень, Бельского острога, Казачьего луга присудах⁴⁵.

Для заселения приграничной полосы Восточной Сибири специально созданная Секретная пограничная комиссия в соответствии с принятым после длительного обсуждения планом стала набирать в Западной Сибири и Енисейской провинции из крестьян и разночинцев, числившихся в записных казаках, а также из числа не имеющих ремесла и торговли посадских пять ландмилицких драгунских полков, чтобы перевести их в Селенгин-

ский и Нерчинский уезды. В Енисейском уезде сформировали две роты и уже определили к переселению 432 записных казака, с которыми должны были отправиться члены их семей – всего 220 жен, 210 сыновей и 205 дочерей. Правда, Екатерина II, не желая терять с назначенных в драгунские полки людей подушные деньги, 29 ноября 1763 г. не утвердила окончательный доклад Сената об учреждении пограничных иррегулярных войск. Взамен было решено прислать в Сибирь для формирования таких полков «выведенных из Польши генералом Салтыковым и беглых российских подданных»⁴⁶.

В эти же годы жителей Енисейского уезда направляли и на Бийскую пограничную линию на Алтае. Первоначально власти пытались обойтись вольнопереселенцами. По данным Г.Н. Потанина, из Енисейского уезда в 1758–1759 гг. таких желающих набралось 252 души муж. пола, в том числе 51 посадский⁴⁷. Но в том же 1759 г. уже практиковался перевод «на житье к Бийской крепости по указу»⁴⁸. Сенат разрешил Ф.И. Соимонову разместить от Бийской крепости до Колывано-Воскресенских заводов на пригодных для хлебопашества землях 600 семей из Енисейского и Красноярского уездов и 800 семей по Бухтарме. В первую очередь брали выписных казаков⁴⁹. Данных о переводе красноярцев в источниках нет. О переселении крестьян и разночинцев Енисейского уезда имеются такие сведения. К концу 1761 г., согласно рапорту енисейского воеводы Рыкачева, «на линии выбыло, на поселение... в выписных казаках больше 800» чел.⁵⁰

Казне далеко не всегда в полной мере удавалось осуществлять задуманные перемещения людей. Тем не менее, хотя источники и не позволяют вывести точную цифру, в результате усилий властей Енисейский уезд потерял в течение XVIII в. несколько тысяч жителей.

Кроме того, периодические разрешения вольных переходов на тракт и в приграничные районы и введение новых натуральных повинностей, связанных с длительными отлучками в отдаленные места, также способствовали переселениям.

Высокая миграционная активность русского населения Енисейского уезда и замедление его демографического роста в XVIII в. отмечались в литературе давно, еще такими учеными,

как П.А. Словцов, Ю.А. Гагемейстер, Н.В. Латкин и В.Ю. Григорьев. Однако в определении основного направления и масштабов переселенческого потока, а главное его слагаемых и сейчас отдельными историками допускаются неточности. Так, по концепции вольнонародной колонизации Сибири в XVIII в., во-первых, недооцениваются (П.Н. Павлов, Ю.С. Лысенко, В.В. Воробьев) или вообще игнорируются (Т.Н. Воробьева) масштабы казенных перемещений населения за пределы бассейна Енисея; во-вторых, преувеличиваются эстафетные функции Енисейского уезда, которые заключались в том, что он отдавал значительную часть своего старожильческого населения, но эта убыль восполнялась значительным, идущим из Поморья и других мест Европейской России вольнопереселенческим притоком (В.М. Троицкий, С.М. Кабузан, П.Н. Павлов). Недооценивались и масштабы естественного прироста, что взаимно погашало некорректность к истине отмеченных выше тезисов. Был сделан поверхностный, хотя в целом и верный, вывод о медленном росте населения Енисейского уезда. Кроме того, как выше отмечалось, Енисей неверно считали главной магистралью, определившей район оседания переселенческой массы, вышедшей из Енисейского уезда. Не были должным образом оценены демографические потенциалы Красноярского старожильческого района и роль многочисленных притоков Енисея, которые расчленили миграционный поток и отклонили его на юго-восток и юго-запад настолько, что магистральный в географическом плане южный путь лишился своей исключительности в качестве переселенческого направления.

Колонизационным же элементом в Енисейском уезде в XVIII в. выступила уже не вся масса русских старожил, место которых заняли российские переселенцы, а их потомство. Большинство потомков землепроходцев XVII в. никогда не покидало разведанные и обжитые их дедами и прадедами места. В настоящее время русские фамилии жителей среднеенисейских и приангарских районов Красноярского края происходят в основном от старожильческих.

Приток извне, несомненно, имел место и не только российских, но и сибирских уроженцев. Однако он, как свидетельствуют различные, хотя и не дающие систематических показате-

лей архивные материалы, еще в конце XVII в. утратил свою ведущую роль среди источников роста русского населения Енисейского уезда. Кроме того, старожильческие миры в первую очередь отправляли пришлых извне в очередную казенную «посылку».

Итак, миграционные процессы Енисейского старожильческого района в XVIII в. характеризовались количественным преобладанием оттока населения над процессом внутреннего расселения и уплотнения освоенной ранее территории. Интенсивное в XVIII в. русское освоение всей, а не только по Енисею, Южной Сибири привело к тому, что Енисейский уезд, занимавший в XVII – начале XVIII в. центральное положение, постепенно превращался к концу столетия в периферийную зону русского расселения и экономической жизни как в бассейне Енисея, так и всей Сибири⁵¹.

Неблагоприятной экологической средой и особенностями хозяйственного развития, а также миграционной политикой правительства объясняется то, что весь уезд превратился в один из крупных в Сибири источников колонизационного элемента. Отток на принудительных, легальных и самовольных началах за пределы уезда определял стержневое направление миграционных процессов на Среднем Енисее, количественно преобладая над внутренним уплотнением и притоком извне.

В итоге на рассматриваемой территории к концу XVIII в. вчерне (помешала, очевидно, казна) сложился тот минимум русского населения, то пропорциональное его соотношение с хозяйственно освоенной площадью, которое обеспечивало длительное воспроизводство хозяйственно-земледельческого уклада на грани относительного аграрного перенаселения. Это был канун будущего почти полного демографического и экономического застоя Енисейского старожильческого района, который в полной мере проявился в следующем XIX столетии, если не считать рецидива с золотопромышленным бумом в 40–60-х гг. XIX в.

ТУРУХАНСКО-ТАЙМЫРСКИЙ РАЙОН

Приенисейский север, входивший в Мангазейский (с 1782 г. Туруханский) уезд, для русских долго был единственными, а затем самыми северными воротами Красноярского края, как и всей Восточной Сибири. Естественно, что его освоение началось раньше других районов бассейна Енисея. С запрещением морского пути по Ледовитому океану, а позже в связи с частичным перепромыслом пушного зверя «златокипящая» Мангазея, тогдашний торгово-ремесленный и административный центр района, пришла в упадок⁵². Поток переселенцев-поморов пошел по водным путям южнее. Однако русские не ушли с Крайнего Севера. Промышленные люди стали активнее осваивать правобережье Нижнего Енисея и внутренний Таймыр. Разведанный, вероятно, еще в первые десятилетия XVII в. с запада на восток через весь Таймыр речной путь по Енисею, Дудинке, через волок по Пясины, затем через волок по Волочанке, Хете и Хатанге стал вторым после Енисея ареалом русского расселения. По Енисейской губе, в устьях Пясины, Таймуры и Хатанги отважные промышленники приступили к освоению океанского побережья.

Сформировавшиеся к концу XVII – началу XVIII в. основные очаги русского расселения сохранились в XVIII в. В.А. Александров считает, что «в массе своей русское постоянное население Мангазейского уезда» сложилось к первой четверти XVIII в. По материалам 1701–1702 гг. и переписной книге 1720 г. он установил, что «значительная часть местных жителей проживала в одних и тех же районах на протяжении десятилетий»⁵³.

Динамика численности русского постоянного населения уезда за XVIII в., отраженная в табл. 33, подтверждает вывод ученого. При этом следует учесть, что русских, участвовавших в хозяйственном освоении Приенисейского Севера, было больше, чем указано в таблице. Каждой осенью сюда приходили на пушной и рыбный промысел отдельные лица и целые артели покрученников, которые состояли в основном из пришлых и местных неимущих жителей. Так, перепись 1719 г. среди покрученников зафиксировала выходцев из Енисейска (50 % от их общего числа), из Красноярска, Устюга и ряда других севернорусских городов⁵⁴. О

многих «набродных» из русских и сибирских городов людях на Таймыре писал Х. Лаптев⁵⁵.

Таблица 33

Численность и сословно-социальный состав русского населения Мангазейского уезда в XVIII – начале XIX в., душ муж. пола

Год	Духовенство	Служилые и приказные	Торгово-ремесленные категории	Крестьяне	Разночинцы	Итого	В том числе сельского населения
1710	14	453	145	35	40	681	?
1722	3	325	404	150	368	1250	До 954
1747	20	327	278	218	137	980	680
1762	17	181	245	381	18	842	592
1782	32	110	330	525	25	1022	701
1795	-	118	429	273	25	877	531
20-е гг. XIX в.	28	258	240	445	2	973	707

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, л. 780; ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 3, л. 128–130; ф. 259, оп. 1, д. 3630, л. 40 об. – 43; ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 457 об – 458; ГПБ РО (Эрмитажное собр.). № 242, л. 90–91; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 23 об. – 24; д. 44. л. 37; Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII – XVIII вв., с. 195; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 94–95; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в., с. 134–135, ГПБ им. Ленина, РО, ф. 20, пап. 4, д. 12, л. 5 об. – 9.

Большим по местным масштабам наплывом людей отличалась ежегодная июльская Туруханская ярмарка⁵⁶. По своему удельному весу в русском населении уезда сезонная миграция в этот район извне была для бассейна Енисея наиболее значительной.

Некоторые енисейцы жили здесь годами, хотя по-прежнему числились в податном отношении в своем уезде. В путевых журналах Х. Лаптева и Е. Челюскина, например, отмечено, что енисейский купец Василий Созоновский имел коренное зимовье в устье Балахны и несколько отъезжих зимовьев на побережье

океана по направлению к устью Хатанги, а енисейский посадский Федор Сухов основал коренное зимовье на Дудыште⁵⁷.

Роль временно проживавших в Мангазейском уезде была настолько значительна, что они, главным образом енисейские купцы, взяли под свой контроль всю местную экономическую жизнь. По свидетельству современника, мангазейского капитан-исправника Богдановича, енисейцы держали многих мангазейских жителей в неоплатной кабале. Местные торговые люди обычно служили приказчиками купцов из Енисейска. Получая товары в кредит, они выменивали пушнину, рыбу и прочие продукты промысла. Львиная доля прибыли при этом доставалась енисейским купцам⁵⁸. Мангазейцы настолько чувствовали себя экономически слабыми, что добились от правительства разрешения не составлять наказа от уезда и не участвовать в выборах депутата в Уложенную комиссию⁵⁹.

Численность же постоянного русского населения в течение XVIII в. колебалась здесь в пределах 1000 душ муж. пола (см. табл. 33). Максимальная амплитуда изменений составляла 200–250 чел. На сокращении численности русских в Туруханском уезде между четвертой и пятой ревизиями, возможно, сказалось распоряжение властей о выводе туруханских жителей в южносибирские районы⁶⁰. Но нет сведений, в какой степени и как оно реализовалось.

Причины такого маятникового демографического развития района крылись в специфике условий жизни и хозяйствования.

Средства существования большинство мангазейцев получало в основном от промыслов. Служилым явно не хватало на жизнь казенного жалованья, которое, кстати, выдавалось очень нерегулярно⁶¹. Крестьяне, основная масса которых числилась за монастырями, хотя и вышли к 60-м гг. на первое место в уезде по численности (см. табл. 33), но мало были связаны с пашней. Мангазейскому Троицкому монастырю до секуляризации принадлежали десятки промысловых зимовий, которые обслуживались крестьянами⁶². Только редкие однодворки монастырских крестьян по Нижней Тунгуске имели пашни. В целом сословно-социальная структура населения этого района по сравнению с другими районами Приенисейского края в наибольшей степени не соот-

ветствовала роду хозяйственной деятельности. Самым высоким был и удельный вес неземледельческого населения. Систематически неблагоприятные в промысловом отношении годы ставили многих промышленников в критическое положение, вызывая отток и запустение коренных зимовий. Их же возвращение к жизни могло затянуться или вообще не состояться.

Была и еще одна причина убывания. Русские жители внутреннего Таймыра в экстремальных природных условиях, на периферии полнее воспринимали наиболее рациональный для тех мест и уровня производительных сил хозяйственно-бытовой уклад местных жителей – якутов и эвенков. К концу XVIII в. в этой обширной контактной зоне в основных чертах уже сформировалась основа новой сибирской этнической группы долган смешанного эвено-якуто-русского происхождения⁶³.

Отмеченные выше факторы обусловили наметившуюся в XVIII в. тенденцию к снижению уровня русского заселения Туруханского уезда. Однако в начале XIX в. насильственными мерами властей по устройству самого северного от Енисея до Лены тракта, которые для многих поселщиков обернулись трагедией⁶⁴, это снижение было приостановлено.

Количественная динамика населенных пунктов Туруханско-Таймырского района в XVIII в. и их размещение (табл. 34) тоже отражают застойность демографических процессов и тенденцию к уменьшению ареала проживания русского населения в уезде.

Как видно из этой таблицы, русские располагались главным образом в низовьях Енисея ниже Туруханска. Однодворки выше города и по Нижней Тунгуске принадлежали крестьянам Мангазейского Троицкого монастыря, который активно участвовал в освоении рассматриваемого района. Менее крупными были поселения по Хатанге, Хете, а также на Пясины и ее притоке Дудыпте. Сравнительно хорошо обжитым в первой половине XVIII в. можно считать Таймырское побережье океана на западном его участке между устьями Енисея и Пясины. К концу же столетия побережье стало запустевать.

Соотношение численности жителей и количества селений показывает, что основным типом населенного пункта в этом районе и в XVIII в. оставалось однодворное коренное зимовье.

**Количественная динамика и размещение
населенных пунктов в Туруханско-Таймырском
старожильческом районе в XVIII в. ***

Районы заселения	1726 г.	1738 г.	1783 г.	1798 г.	1807 г.
От нижней границы уезда до Туруханска	2	3	17	18	18
По Нижней Тунгуске	13	15	?	?	?
От Туруханска вниз по Енисею	18	15	14	22	19
По Енисейской губе	36	80	58	48	45
По Пясине	4	14	6	5	7
По Дудыпте-Аваму	7	8	10	10	10
По Боганиде	3	4	6	7	4
По Хете	2	10	13	17	9
По Хатанге	8	8	10	16	11
По Анабаре	–	–	2	5	2
По побережью океана	9	3	25**	–	–
Итого	102	160	161	148	125

* См.: Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова. – Изв. ВГО, 1974, т. 106, вып. 2, с. 134–138; Александров В.А. Русское население Сибири, с. 73; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, т. 5, л. 112–131. ГБЛ РО (Русская и славянская часть), № 7622, л. 17–17 об.; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 37–37 об.; д. 44, л. 23 об. – 25; ГАТО, ф. 144, оп. 2, д. 1, л. 57–59.

** Из них одно Балахнинское – коренное зимовье, а прочие – отъезжие, принадлежащие енисейскому мещанину Портнягину. За 1783 г. и последующие годы сведения взяты без данных по бассейну Нижней Тунгуски, так как две Нижнетунгусские государственная и экономическая, волости были переданы в Киренский уезд (см. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т. 2, с. 37).

Оно представляло собой комплекс жилых и хозяйственных построек, как правило, объединенных одной крышей. По описанию Богдановича, «каждое зимовье имеет покрытый двор, который служит за сени. В оном же службы, анбар, баня, собачьи гнезда,

тут же дрова и снег для воды»⁶⁵. Их размеры колебались в зависимости от объемов, профиля промысла и состава семей. Так, по восточному берегу Пясинского залива остатки коренных зимовий первой половины XVIII в. имели размеры 5×20 м и 6×20 м⁶⁶. В 1921 г. на Ефремовском мысу недалеко от Диксона археологи Н.К. Ауэрбах и В.И. Тюнин нашли развалины крупного коренного зимовья Малое Стрелово, срубленного в начале XVIII в. Его размеры вместе с крытым двором – 22×24 м. Кроме большой горницы и передней в зимовье было еще семь хозяйственных помещений (сушильни для шкур, жиротопня, кладовые, баня и т. д.). Полы в горнице и в передней настилали «топорного дела» досками толщиной в 9 см⁶⁷.

Некоторые отличия были в устройстве тех зимовий, владельцы которых больше занимались рыбной ловлей или пушным промыслом. В первую очередь различались они составом «промышленного завода», т. е. специализированными помещениями и снаряжением. Так, промышленный человек Никита Колмогоров, промышлявший рыбой, продал в начале XVIII в. Троицкому монастырю свое зимовье «с пасником и с скудельником, одной ямой, с амбаром, составным, одной лодкой набойницей, с неводом, с поплавнями, с пущальницами, с котлом железным да сководами (сковородами? – Г.Б.) и с собаками». Он не смог конкурировать с соседними монастырскими зимовьями Решесочиха и Прилучнова на Нижнем Енисее и поэтому за один рубль «поступился» своим зимовьем⁶⁸.

Лица, занимавшиеся добычей пушного зверя, в своем промысловом районе нередко устраивали еще отъезжие зимовья. Их располагали на «ухожеях», т. е. вдоль линий ловушек на расстоянии дня пути на собачьей упряжке. «Ухожеи» обычно начинались от коренного зимовья и шли в разных направлениях. Проверяющий ловушки промышленник останавливался в этих небольших срубных избушках размерами 2×3 м или 2×4 м, чтобы обогреться и дать отдохнуть собакам. Там же он оставлял шкуры добытых зверей, которые забирал на обратном пути в коренное зимовье. В одном направлении иногда ставили шесть-восемь отъезжих зимовий. Обычно же обходились двумя – тремя.

Для сезонного отлова рыбы устраивались летние зимовья, которые по своему функциональному назначению напоминали

крестьянские заимки. Такое неперенное сочетание постоянных и временных жилищ являлось ярко выраженной специфической особенностью русского расселения и хозяйственного освоения приполярных и полярных районов.

Зимовья размещались в наиболее пригодных для промысла местах. В безлесной тундре и по побережью океана русские промышленники оседали там, где имелся в достаточном количестве плавник. Он служил топливом, материалом для строительства жилья, изготовления предметов промыслового снаряжения и быта. Нехватка плавника, так же как и перепромысел зверя, периодически приводила к запустению, а к концу века – к полному забвению многих промысловых мест на побережье океана, в устьях Енисея, Пясины, Таймуры и Хатанги. В этом плане показателен факт, описанный лейтенантом Х. Лаптевым. В его записках за 1741 г. отмечено, что новокрещен – якут Никифор Фомин – жаловался, что за семь лет жизни близ устья Таймуры он использовал «на зимовье и заводы» весь «наплавной лес» в ближней округе и вынужден его возить издалека. Из-за этого Фомин собирался покинуть зимовье⁶⁹.

Представление о соотношении различных типов русских поселений и их территориальном размещении в Мангазейском уезде дает табл. 35, по материалам анкеты Г.Ф. Миллера за 1738 г.

Итак, в силу смещения основной зоны русского расселения в бассейне Енисея на юг и стабильности хозяйственно-экономического уклада жизни демографические процессы в Туруханско-Таймырском старожильческом районе носили в XVIII в. пульсирующий характер. Общая численность при всех ее колебаниях оставалась неизменной, но удельный вес временного населения возрос. Русские старожилы тех мест, обладая огромным трудолюбием, мужеством и практической сметкой, выработали наиболее оптимальный для того времени тип расселения, который позволил без увеличения в экстремальной экологической среде числа постоянных жителей вести поступательное хозяйственное освоение сурового приполярного района. Благодаря участию старожил в работе Второй Камчатской экспедиции, а также наличию сети населенных пунктов Х. Лаптеву, С. Челюскину, Стерлегову и Чекину впервые в мире удалось описать внутренний Таймыр и его океанское побережье.

**Типы русских поселений и их размещение
в Мангазейском уезде в первой половине XVIII в.**

Зимовья	По Нижней Тунгуске	По Нижнему Енисею	По Пясино	По Дудынге	По Хете	По Хаганге	По побережью океана	Всего
Коренные	–	98	14	8	14	8	5	147
Отъезжие	–	3	–	2	–	10	5	20
Летние	–	2	–	–	–	–	–	2
Пустые	–	10	6	3	3	2	2	26
Ясачные зимовья якутов	–	1	–	1	6	9	2	19
Однодворки	11	–	–	–	–	–	–	11
Деревни	2	–	–	–	–	–	–	2
Итого	13	114	20	14	23	29	14	227

Примечание. См.: ЦГАДА, ф.199, оп.2, порт.481, тетр.5. л. 112–131.

Примечания

- ¹ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4, с. 101–106; Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 92–119.
- ² Данные по пригородным Ладейскому и Ясауловскому присудам, которые тяготели к притрактовой полосе, приводятся для сопоставления и при последующих подсчетах не принимаются во внимание.
- ³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 4.
- ⁴ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1659, л. 131–167, 179 об. – 181; ф. 214, оп. 5, д. 2780, л. 10 об.; ф. 263, оп. 1, д. 28, л. 178–192.
- ⁵ Там же, ф. 281, д. 4609, л. 5–7. При пересмотре оброчных платежей за кожевни в 1765 г. было, например, отмечено, что «девичья монастыря крестьянин Андрей Дёминых... съехал с детьми для житья в

Красноярский уезд в д. Гляденува года с четыре» и там снова завел коженю (см.: там же, ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 144).

- ⁶ Там же, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 181.
- ⁷ Там же, ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 133 об., 144 об., 153.
- ⁸ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 330–331.
- ⁹ Их коллективный наказ в Уложенную комиссию 1767 г. см.: ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 61–62.
- ¹⁰ О военных поселениях см.: ГБЛ РО, ф. 20, порт. 1, д. 18, л. 16–20 об.; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 189, л. 402, 424 об., 471; д. 216, л. 135–151 об., 229, 273–277 об.; ф. 809, оп. 1, д. 2, л. 12–14; ф. 47, оп. 2, д. 67, л. 274–275.
- ¹¹ Словцов П.А. Историческое описание Сибири. Спб., 1886, кн. 2, с. 138.
- ¹² ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 3, л. 257–314; д. 216, л. 36 об. – 171 об., 230–234, 253 об. – 255, 291–292, 313, 343, 362; д. 222, л. 299 об., 304, 309, 310–312.
- ¹³ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 8, л. 25–45 об., 113–119 об., 208–215, 276–287 об.
- ¹⁴ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 95–117; Копылов А.Н. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Русские на Енисее. Новосибирск, 1965, с. 64–67, 206.
- ¹⁵ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 127–140.
- ¹⁶ Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII – первая половина XIX вв.). – В кн.: Красноярский край (материалы по географии). Красноярск, 1965, с. 51.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 107, л. 12–14; Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. – В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 199–212.
- ¹⁸ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 94–95, табл. 8.
- ¹⁹ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, д. 215, л. 2 об.
- ²⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 21–29 об.
- ²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1907, ч. 1, л. 225 об.
- ²² ЦНБ АН УССР ОР, 1–1050. Топографическое описание Сибири, л. 53.
- ²³ ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 7, л. 264–342; ТФ ГАТО, ф. 341, оп. 1, д. 114, л. 74–75 об.
- ²⁴ ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 7, л. 1–320.

- ²⁵ ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 3, л. 85–85 об., 115.
- ²⁶ См. об этом в главе V.
- ²⁷ ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1; Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX в.). – В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 52–55.
- ²⁸ Айгустов, Высоцкий. Об основании города Ачинска. – В кн.: Вторая памятная книжка Енисейской губернии за 1865–1866 г. Спб., 1856, с. 24–27.
- ²⁹ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 31 об. – 32; д. 44, л. 51; ГАТО, ф. 144, оп. 1, л. 53–57. Кроме них были малодворные селения служилых.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 279, л. 159 об., 163 об.; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 750, л. 448.
- ³¹ Источники см. ниже.
- ³² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, т. 5, л. 29 об.
- ³³ Полное собрание ученых путешествий по России. Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824, т.6, с. 409–415. Вопрос о репрезентативности его материалов по естественному приросту Западной Сибири решен в литературе положительно (см.: Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, с. 22–23; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в, Омск, 1973, с. 190, 192).
- ³⁴ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 430.
- ³⁵ О выходцах из Енисейского уезда, живших в Илимском уезде, см.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1956, т. 2, с. 50, 460.
- ³⁶ Об этом см. ниже.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 32–33; ф. 428, оп. 1, д. 156, л. 7 об.; д. 226, л. 1–13; д. 226, л. 1–10 об.; ф. 1019, оп. 1, д. 23, л. 26–28, 38–38 об., 42; д. 66, л. 11–12; ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 89, 94, 142, 143 об., 153, 154 об.; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 230, л. 15.
- ³⁸ См. об этом в главе V.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 226, л. 1–13. Подсчет наш.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, ч. 3, л. 776 об.; д. 46, л. 11, д. 66, л. 93–94; ф. 428, оп. 1, д. 91, л. 1–8, 10–13. Подсчет относительно среднеарифметической численности населения между первой и второй ревизиями наш.
- ⁴¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, с. 599.

- ⁴² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, с. 599; ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 173, л. 53. Интересен такой факт: пашенный крестьянин присуда кемских деревень Алексей Ерлыков нанял «в прошлом 1725 г. вместо себя на Нерчинские серебрянные заводы в переведенцы» вечно пашенного крестьянина того же присуда Осипа Лалетина с семьей из семи душ мужского пола.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 104, 140 об.; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири..., с. 121.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2720, л. 5–7, 79, 95 об.; 99–103, 119–171.
- ⁴⁵ Там же, ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 25.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 484, л. 2–4; оп. 5, д. 2722, л. 1–12, 74 об. – 78, 87.
- ⁴⁷ Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. – Чтения ОИДР, Спб., 1867, с. 260. Подсчет наш.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 149, 153 об., 154 об.
- ⁴⁹ Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири, с. 279.
- ⁵⁰ ¹ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 31738, л. 149, 153 об.; ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 21–22, 30 об.
- ⁵¹ Правительство, как всегда, с опозданием отреагировало на это, включив в 1823 г. приполярный Туруханский уезд в состав Енисейского округа, признав таким образом однотипность их положения.
- ⁵² Белов М.И. Златокипящая Мангазея. Л., 1967.
- ⁵³ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 75.
- ⁵⁴ Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. – Науч.-промысл. исслед. Сибири, Красноярск, 1929, сер. А, вып. 6, с. 13.
- ⁵⁵ Соколов А. Берег Ледовитого океана между реки Оби и Оленека. По съемке 1734–1742 гг. Записки лейтенанта Х.П. Лаптева и замечание других описателей. – Зап. Гидрограф, департамента Морского минва. Спб., 1851, ч. 9, с. 22–23.
- ⁵⁶ Описание г. Мангазеи с уездом. – Нов. ежемес. соч., Спб., 1788, ч. 25, с. 87.
- ⁵⁷ ЦГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 158, 164; Соколов А. Берег Ледовитого океана..., с. 50.
- ⁵⁸ ГАКО, ф. 665, оп. 1, д. 213, л. 27, 38–40 (Географическое описание г. Мангазеи с уездом (1783 г.). Составил Богданович).

- ⁵⁹ Головачев П.Н. Сибирь в Екатерининской комиссии. Спб., 1886, с. 21.
- ⁶⁰ Троицкий В.А. Остров Диксон (историко-географический очерк). Красноярск, 1972, с. 43.
- ⁶¹ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 18, л. 20.
- ⁶² Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея, с. 13–15.
- ⁶³ Долгих Б.О. Очерки этнической истории энцев, ненцев и долган. М., 1967.
- ⁶⁴ ГБЛ РО, ф. 20, оп. 1, д. 22. Батеньков писал о случаях людоедства, так как местная администрация не обеспечила посельщиков хлебом.
- ⁶⁵ ГАКО, ф. 655, оп. 1, д. 213, л. 19, 29; Описание г. Мангазеи с уездом, ч. 25, с. 82; Троицкий В.А. Остров Диксон, с. 43.
- ⁶⁶ Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII в. – СЭ, 1975, № 3, с. 124.
- ⁶⁷ Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея, с. 22.
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 281, оп. 1, д. 4599, л. 2.
- ⁶⁹ Соколов А. Берег Ледовитого океана..., с. 22–23.

ГЛАВА V. ДИНАМИКА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XVIII В.

В специальной литературе нет четкой дефиниции «городское население». Одни авторы считают им только городское торгово-ремесленное население, другие – всех лиц, живущих в городе и приписанных в податном отношении к нему сельских ремесленников и торговцев¹.

В сибиреведении при изучении города обычно лишь констатируется наличие сельской части городской посадской общины².

Только О.Н. Вилков и А.Н. Копылов особо останавливались на этом типичном для феодального российского города явлении и дали ему краткую характеристику³. Такой отдельный подход представляется не только возможным, но и важным при изучении процесса горообразования⁴.

В последние годы историки вполне обоснованно пришли к выводу, что, кроме главных признаков феодального города (торгово-ремесленные занятия, посадская община, общая коммунальная жизнь), следует выделить наличие так называемого «постороннего» населения города (духовенство, феодалы, администрация, гарнизон, податные горожане, не входящие в фискальную посадскую организацию)⁵. Хотя эти категории не входили в посадскую общину, но их связывали с ней и известная общность коммунальной жизни (одни с посадом церковные приходы, общегородские хозяйственно-бытовые нужды), и экономические отношения. Они нуждались друг в друге как потребитель и производитель.

Таким образом, общим теоретическим уровнем разработки проблемы «феодальный город» обусловлена предпочтительность анализа динамики городского населения по четырем основным группам: неподатная часть горожан, податные жители города, не входящие в посадскую общину, городская и сельская части сложной посадской общины. Поскольку динамика сельского по-

сада и его миграция рассматривались выше, то специально на этом вопросе будем останавливаться по мере необходимости.

В Средней Сибири в XVIII в. насчитывалось три города: Красноярск и Туруханск – уездные города, Енисейск – провинциальный (до 1782 г.) город Енисейской провинции. Всего лишь 15 лет уездным городом назывался Ачинск, в 1797 г. он был переведен в заштатные.

Рассмотрим динамику их населения в XVIII в. в той же очередности, в которой разбирались вопросы заселения их уездов.

КРАСНОЯРСК

Характер общего развития Красноярска в XVIII в., а значит, и характер миграционных процессов, по-разному оцениваются в литературе. Во многом это объясняется различным подходом к дефиниции «город». Еще к П.С. Палласу восходит мнение, что город до конца XVIII в. так и остался захолустным, застывшим в состоянии «города-крепости» населенным пунктом⁶. В.В. Воробьев считал, что Красноярск, оказавшись на перекрестке водной и сухопутной дорог, из-за соперничества Томска и Иркутска не смог реализовать выгоды своего экономико-географического положения. Из острога он превратился в «преимущественно сельскохозяйственное поселение», в центр прилегающего земледельческого района⁷. Ф.Я. Полянский и его единомышленники, взяв отправным моментом магистральное направление развития русского позднефеодального города в город раннебуржуазного типа, относят к «развивающимся городам» и Красноярск, процесс превращения которого в центр ремесла и торговли был еще далек до завершения⁸. Я.Е. Водарский считает, что уже с первой четверти XVIII в. Красноярск являлся вполне сложившимся феодальным городом. При этом сельский посад отождествлен им с городским и не даны количественные критерии признаков феодального города⁹.

По своим задачам данная работа не претендует на общее решение этого составляющего предмет особого исследования спорного вопроса. Анализ демографии города – один из его этапов.

В отличие от ряда сибирских городов, которые складывались сразу как военно-политические центры и центры сосредоточения земледельческого и торгово-ремесленного населения (Тюмень, Тобольск, Енисейск), Красноярск из-за остроты военной опасности эти этапы прошел раздельно. Как образно, но несколько неточно, выразился С.В. Бахрушин, Красноярск в первую очередь «жил для войны и войной»¹⁰. Основание Красноярска в 1628 г., выдвинутого далеко на юг от главного ареала русского расселения, способствовало проникновению русских вверх по Енисею. Сам же город оставался в течение почти 100 лет преимущественно «военным лагерем» – крепостью. Военно-административные и религиозные функции в первую очередь определяли сословно-социальный состав его жителей. Служилые люди гарнизона, к формированию которого привлекались многие сибирские города, были первыми и долгое время единственными обитателями малого, а затем большого острога. Обслуживали их приказные, церковнослужители и поселенные властями немногочисленные посадские.

Рост Красноярска как крепости объясняется ожесточенностью вооруженной борьбы с князьями енисейских киргизов и стоявшими за ними военно-феодальными южносибирскими государствами. Значительно отставали от этого роста темпы складывания постоянного населения в нем. По данным опубликованной С.В. Бахрушиным переписной книги 1671 г., обработанной нами в табл. 36, за четыре десятилетия существования города постоянное население в нем ненамного превышало численность первого гарнизона (374 и 303 души муж. пола). Правда, многие обзавелись семьями и дворами, но в лучшем случае один ребенок приходился на два двора. Подавляющее большинство жителей относилось к категории служилых. Духовенство составляло всего 2,9 %, посадские – 4,2 % горожан. Последние были «скудными и владели жалкое существование»¹¹.

Временем расцвета Красноярска как военной крепости считается первое десятилетие XVIII в. Как отмечалось выше, его гарнизон был ударной частью объединенных вооруженных сил Томского, Кузнецкого и Енисейского уездов. В этот период он достигает максимальной своей численности – 849 чел. Состав населения Красноярска того времени отражен в подворной переписи, проведенной в Красноярском уезде в 1713 г. (см. табл. 36).

За 40 с небольшим лет число дворов в городе увеличилось с 242 до 371, или на 53 %, а жителей насчитывалось уже 1295 душ муж. пола, т. е. в 3,5 раза больше. Об интенсивности роста населения свидетельствует и высокий процент подворников – 112 душ муж. пола и 77 душ жен. пола, или 8,6 %. Служилые и близкие к ним категории жителей города по-прежнему преобладают – всего 1043 души муж. пола, или 80 % людей и 82 % дворов.

Почти изжитая диспропорция полов (1295 душ муж. пола и 1217 душ жен. пола) показывает, что в городе сложились условия для естественного воспроизводства населения, а его становление как постоянного населенного пункта закончилось.

Рост числа посадских, появление крестьян и лиц, полностью или частично живших продажей своего труда, отражают еще два новых момента жизни города – хозяйственный и демографический. Старожилы-казаки, используя развернувшийся легальный приток извне, уже широко втянулись в разнообразную хозяйственную деятельность. Казна внесла свою лепту, «прибрав» ссыльных в городские пашенные крестьяне. В целом в трудовых категориях уже насчитывалось 117 душ муж. пола в 43 дворах, или 13,4 % горожан и 11,5 % дворов (см. табл. 36).

Второе десятилетие XVIII в. для города стало переломным. В связи с замирением края утрачивает свое прежнее значение фактор, стимулирующий рост города. Как крепость Красноярск уже почти не нужен. На доступные теперь плодородные южные земли неизбежно должна была переселиться часть жителей этого искусственно сложившегося, сравнительно крупного населенного пункта. Крайне слабая плотность русского населения в уезде исключала возможность широкого общественного разделения труда, которое привело бы основную массу горожан – казаков – в неземледельческую сферу хозяйства. Вольнопоселенческая колонизация, недавно ставшая для города заметным демографическим фактором, меняет свою направленность: проходит мимо или через город. Для некоторых пришлых крестьян, посадских, гулящих и экономически слабых лиц Красноярск оказывался временным пристанищем, откуда они расселялись по ближней округе или, укрепнув, уходили на свободные южные земли.

**Численность и сословный состав населения Красноярска
во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.**

Категории населения	1671 г.		1713 г.					1720 г.		
	дворов	душ	дворов	муж.	жен.	в том числе подворники		дворов	муж.	в том числе подворники
						муж.	жен.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Священники	2	5	5	9	11	–	–	1	2	–
Дьяконы	1	2	1	2	2	–	–	1	2	–
Дьячки	1	2	2	9	9	–	–	1	3	–
Пономари	1	2	2	2	6	–	–	2	4	–
Монахи	–	–	1	4	6	–	–	–	–	–
Дети боярские	2	6	12	40	40	–	–	17	47	–
Конные казаки	54	88	90	332	321	5	2	91	297	3
Пешие	112	142	113	385	379	10	2	116	397	3
Прочие служилые	59	85	12	27	34	1	–	1	1	1
Канцелярские служители	4	6	4	13	13	1	1	6	15	–
Отставные казаки	–	–	37	141	120	–	–	33	145	–
Неверстанные дети боярские	4	4	2	3	3	–	–	–	–	–
Казачьи дети	2	6	22	70	57	4	1	52	132	3
Пашенные крестьяне	–	–	–	18	55	43	–	–	–	–
Оброчные	–	–	–	1	3	4	–	–	–	–
Посадские	10	16	22	61	50	2	2	6	14	–
Гулящие	–	–	1	4	1	2	–	3	6	1
Новокрещенные ясачные	–	–	1	3	1	1	–	–	–	–
Захребетники	–	–	–	3	–	3	–	4	13	3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Работные и закладные люди	–	–	–	4	3	4	3	–	12	12
Дворовые люди	–	10	–	28	39	28	39	–	20	20
Нищие	–	–	–	9	1	9	1	–	3	3
Промышленники	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2
Отпущенники	–	–	–	4	2	4	2	6	13	–
Сословная принадлежность не указана:										
вдовы и члены их семей	–	–	19	33	41	2	6	1	?	–
родственники служилых	–	–	–	3	3	3	3	–	–	–
церковные старосты	–	–	2	4	2	–	–	–	–	–
красноярские жители	–	–	–	–	–	–	–	3	7	1
ссылные	–	–	–	6	7	6	7	–	–	–
прочие	–	–	4	32	15	21	4	6	31	27
прочие (по реконструкции)	–	–	–	–	–	–	–	19	82	–
приписные по Енисейску	–	–	–	6	4	6	4	–	2	2
Итого	242	374	371	1295	1217	112	77	369	1250	81

Примечание. См.: Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда, прил., с. 217–226; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2242, л. 1–32; ф. 350, оп. 3, д. 5537, л. 2–47. Везде подсчет наш. Итоговые сведения с учетом нашей реконструкции, так как отсутствует первый лист и низ дела обгорел. Судя по валовой нумерации, полностью нет данных по 19 дворам, неполные сведения – по 37 дворам. По переписи 1671 г. из пеших казаков и казачьих детей соответственно 1 и 4 чел. были подворниками. «Прочие служилые» – это пушкари, толмачи, казенный кузнец, палач, воротник и городничий, черкасы и иноземцы на службе.

Названные явления уже прослеживаются в материалах первой подушной переписи населения Красноярска (см. табл. 36). С учетом реконструкции содержания недостающих и обгоревших листов переписной книги в городе в 1720 г. насчитывалось 369 дво-

ров и до 1250 душ муж. пола. Можно с уверенностью сказать, что Красноярск потерял как минимум весь естественный прирост. На земли, оставленные ушедшими на юг казаками, перевели городских крестьян. Вместо 22 посадских дворов, где числилась 61 душа муж. пола, осталось только шесть дворов и 14 душ муж. пола. Значительно (со 112 до 77 чел.) сократилось число подворников. Приток же извне лишь несколько уменьшил масштабы убыли городского населения. Так, на 20 чел. пополнились категории захребетников, срочных работных людей и гулящих.

Динамика городского населения в последующие десятилетия XVIII в. (табл. 37, 38) показывает, что со второй четверти столетия начинается новый этап развития Красноярска. Город-крепость быстро превратился в поселение земледельческого типа, масштабы которого определялись не военно-административными функциями, а сельскохозяйственным потенциалом ближней округи.

Довольно крупные для обычного селения размеры, переложная агротехника и высокий естественный прирост привели к относительной нехватке ближних угодий, обусловив отселение горожан как постоянное явление¹².

Увеличение оттока городского населения в это время было вызвано и налоговой политикой правительства. После проведения подушной переписи и ревизии новый подушный налог, начиная с первой половины 1724 г., стали взимать со всех без исключения казаков. Только после многочисленных жалоб и протестов подушные и оброчные деньги по распоряжению Сената в 1726 г. «сняли» с верстанных казаков, а с 1728 г. – с их детей¹³. При этом Сибирская губернская канцелярия совместно с проводившим ревизию генерал-майором Солнцевым пересмотрели поуздные штаты сибирских служилых людей. В Красноярском уезде вместо 849 оставили 730, в том числе в самом городе из 224 только 127. Из них 8 было в звании детей боярских. Так, больше 2/3 горожан сразу стали податными людьми. Их включили в разряд разночинцев, а почти всех захребетников и срочных работников – в крестьяне (см. в табл. 37 данные первой переписи и первой ревизии). Лишившиеся жалованья и обязанные денежными платежами и натуральными повинностями бывшие служилые люди, естественно, устремились на целинные южные земли.

Таблица 37

**Численность и удельный вес непосадского населения Красноярска в XVIII в.,
душ муж. пола**

Время учета	Духовенство		Военнослужащие и приказы						Податные				Итого		Городское население, %
	Город и уезд	Город	Город и уезд	Город			Город и уезд	Город	Город и уезд	Город	Город и уезд	Город	Город и уезд	Город	
				казаки	военные и приказы	итого									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
Первая перепись	13	11	3473	-	-	1034	?	56	681	33	4167	1134	27,2		
» ревизия	60	11	864	127	15	142	4169	1237	957	52	6050	1442	23,8		
1735 г.	?	11	760	245	15	260	?	963	743	?	?	1235	-		
Вторая перепись	60	11	529	245	56	301	5152	667	1643	55	7384	1034	14,0		
» ревизия (ретроспективно)	?	11	529	245	56	301	-	-	6685	997	?	1309	?		
Третья перепись	?	11	-	379	83	462	-	754	8487	563	?	1790	?		
» ревизия (ретроспективно)	?	?	?	?	?	?	-	-	14947	1363	?	1363	?		
» ревизия (уезд в новых границах)	132	19	141	?	?	?	134	?	8668	674	9075	-	-		
1769 г.	160	27	1002	250	86	373	-	-	10988	769	12150	1169	9,6		
Четвертая ревизия (ретроспективно)	246	18	1226	71	173	224	-	-	20701	548	22173	790	3,6		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
» ревизия (уезд в новых гра- ницах)	246	-	325	71	173	224	-	-	13529	548	14100	790	5,6
Пятая ревизия (с припис- кой)	220	18	704	350	91	441	-	-	21863	217	22787	676	3,0
» ревизия (уезд в новых гра- ницах)	138	18	335	350	91	441	-	-	14998	217	15471	676	4,4
1799 г.	259	19	918	288	102	390	-	-	21849	280	23026	689	3,0
20-е гг. XIX в.	234	22	1727	-	446	446	-	-	23359	210	25320	678	2,7

Примечание. С крестьянами показаны дворовые и поселыщники; за первую – третью ревизии – служилые категории, возможно, без детей муж. пола. Данные итоговых ведомостей брались самые ранние и самые поздние, отразившие приписку между ревизиями. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5537, 1567, 1569, 945; ф. 199, оп. 2, порт. 481, ч. 2, л. 63, 66; ч. 5, л. 7 об. – 8, 133 об.; ф. 259, оп. 1, д. 3630, л. 40–43; ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 1, л. 128–130; ч. 3, л. 131; ч. 6, л. 244–252; ф. 19, оп. 1, д. 40, л. 158 об. – 171; оп. 5; ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 244–245, 942–943; ЦГВИА, ф. 23, оп. 1/21, д. 317, л. 7; ф. 19, оп. 5/29, д. 685, л. 6–9; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 52 об.; ф. 558, оп. 2, д. 273, л. 260–264 об.; ф. 571, оп. 9, д. 1883, л. 134–138; д. 1885, л. 127–131; ГАКК, ф. 169, оп. 1, д. 123, л. 73 об. – 86; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, 63, 238; ГЕЛ РО, ф. 20, пап. 4, д. 12, л. 5–9; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (ОР, Эрмитажное собрание), № 242, л. 90–91; Го-
ликов И.И. Деяния Петра Великого, с. 595; Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв., с. 195; Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири, с. 11, 19, 35; Кабузан В.М., Троиц-
кий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в., с. 134–135, табл. 1 к с. 142; Они же. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в., с. 167–177.

Численность и удельный вес торгово-ремесленного населения Красноярска в XVIII в., душ муж. пола

Время учета	Город и уезд				Город				Город,%	Всего в городе
	купцы	посадские	цеховые	итого	купцы	посадские	цеховые	итого		
Первая перепись	?	?	?	728	–	14	–	14	1,9	1148
» ревизия	?	?	?	755	–	17		17	2,3	1459
1735 г.	?	?	?	780	?	25		25	3,2	1260
Вторая перепись	32	1243	155	1430	113		–	113	7,9	1147
» ревизия (с припиской)	1238		158	1441	?		?	?	?	?
Третья перепись	1679		215	1894	97		3	100	5,3	1890
» ревизия (с припиской)	65	2083		2148	?	?	?	100	2,1	
» ревизия (уезд в новых границах)	62	1061		1123	?		109	109	5,1	–
1769 г.	–	–		1980	110		48	158	8,0	1327
1775 г.	76	1961		2037	51	?	?	?	?	?
Четвертая перепись	–	–		–	22		204	226	8,0	1016
» ревизия (с припиской)	135	2960		3095	71		165	236	7,6	1026
» ревизия (уезд в новых границах)	119	1578		1797	74		165	239	13,2	1036
Пятая ревизия (с припиской)	?	?	?	3889	80		365	445	11,4	1121
» ревизия (уезд в новых границах)	98	2032		2130	80		365	445	20,9	1121
1799 г. (уезд в старых границах)	?	?	?	3896	72		322	394	10,1	1083
20-е гг. XIX в.	?	?	?	4812	80		769	849	17,6	1527

Примечание. См. табл. 37, а также ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 8–13; ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, д. 194, 222; оп. 106, д. 120, л. 4 об.; д. 141; ЦГВИА, ф. 23, оп. 1/121, д. 332, л. 54–56 об.; ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 53; ф. 160, оп. 2, д. 2, 5; ф. 173, оп. 1, д. 2; Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в., с. 41, табл. 1–2; Вилков О.Н. К истории Красноярска и Сибирского тракта в XVIII в., с. 51.

Масштабы этого выхода между первой и второй ревизиями отражены в переписной книге 1747 г. Всего оставило город 165 семей, где насчитывалось 530 р. д., из них только 3 семьи из 5 чел. были крестьянскими. Прочие числились разночинцами. Они, как отмечалось выше, осели в каждом втором населенном пункте уезда (в 49 из 107) и основали 7 новых деревень в ближней к городу округе¹⁴.

К сожалению, специфика учета не позволяет полно проследить динамику живших в городе верстанных казаков и членов городской части посада. Первых в качестве неподатных вообще не учитывали при подушных переписях, а городское торгово-ремесленное население, как и в других небольших сибирских городах, показали вместе с сельским посадом. Отсутствие или плохая сохранность первичных материалов последующих переписей значительно осложняют задачу определения масштабов местных и дальних переселений из города и притока в него, а также общую динамику его численности в последующие десятилетия. Однако на основании данных самых различных источников можно составить представление о дальнейшем демографическом развитии Красноярска и определить удельный вес основных категорий его жителей.

Судя по динамике числа дворов, Красноярск территориально не рос в течение всего столетия. Первой переписью отмечено 369 дворов; в 1735 г., согласно материалам Г.Ф. Миллера и свидетельству И.Г. Гмелина, в городе было 347 жилых домов; в 1752 г., по справке в Сибирском приказе, – «не более 300 дворов», по исповедной росписи 1769 г. – 381; по свидетельству П.С. Палласа – «не более 350»; по спискам выборов городского головы в 1784 г. – 337, и, наконец, согласно исповедной росписи 1799 г., в Красноярске насчитывалось 385 дворов¹⁵.

Общая численность постоянного населения Красноярска оставалась в целом неизменной: не превышала 1500 душ муж. пола (см. табл. 37, 38). Отток, таким образом, поглощал весь естественный и механический прирост (масштабы притока в город извне будут рассмотрены ниже). Естественный прирост населения, судя по данным анкеты Г.Ф. Миллера о рождаемости и смертности в Красноярске за 1726–1731 гг. и аналогичным сведени-

ям И.П. Фалька по уезду и городу за 1772 г., дал в целом за 75 лет до 2000 душ муж. пола (30 душ обоих полов на 1000 в первой четверти XVIII в. и 37,3 на 1000 в 1772 г.)¹⁶.

В сословно-социальной структуре горожан произошли важные изменения. Удельный вес неподатной части горожан после первой ревизии резко уменьшился. Но к концу века численность неподатных по сравнению с первой ревизией (142 чел.) выросла в 3 раза, т. е. город развивался как административно-фискальный центр.

Из неподатных категорий меньше изменялся клир, численность которого лимитировалась количеством церквей и приходов. Новым было лишь то, что со второй половины века церковнослужители города и уезда все более обособлялись, составляя сословно-замкнутую группу. Детей попов, дьяконов и дьячков до 60-х гг. готовили к церковной службе на дому, а экзаменовали и вводили в сан в Тобольске. Затем учредили специальные латинские школы. В 1760 г. такая школа была открыта для всей провинции в Красноярске, а через два года ее перевели в Енисейск¹⁷. Непригодных к церковной деятельности обычно записывали в податные. Следует отметить, что в уезде с быстро растущим населением церковнослужителей не хватало. Поэтому практика пополнения их из грамотных крестьян и посадских имела место не только в первой половине XVIII в. Так, посвященный 24 мая 1772 г. в священники подгородного села Арейского Георгий Яковлевич Многогрешный, согласно первой ревизии, был городским крестьянином, а в 1769 г. по указу губернатора Д.И. Чичерина его записали в посадские вместо выведенного на поселение городского посадского Игумнова, определенного за «некоторые проступки» в крестьяне. В 1772 г. «по выбору прихожан и по увольнению Красноярской ратуши с обязательством, чтобы подушные и всякие государственные подати впредь до ревизии платить красноярскому купечеству», он стал дьяконом городской соборной Преображенской церкви. Женат же он был на дочери сына боярского Семена Ермолаева¹⁸.

Отдельные представители духовенства активно занимались мирскими делами. Так, минусинский священник Марк Тоболкин, перебравшийся в конце концов в Красноярск, был в 80-е гг.

крупным торговцем хлеба¹⁹. Новое в жизни города и уезда влило и на клир.

Глубокие изменения произошли в составе военнотрудовых категорий города. Казачество в Красноярске, как и в других местах, быстро превращалось в относительно замкнутую корпоративную группу. Казачьи дети, предназначенные для восполнения рядов служилых людей, проходили специальную подготовку. С 15 лет они поступали в распоряжение старосты, выбранного для этих целей казачьим кругом и казачьим головой.

В течение XVIII в. казна постоянно уменьшала численность служилых людей. В 1736 г. Сенат снова пересмотрел штаты. В Красноярском уезде их уже осталось 495 чел.²⁰ Замена иррегулярных частей более надежными регулярными полками – главное направление политики правительства, что отражало стабилизацию системы государственного феодализма в Сибири. Причем эти драгунские и пехотные полки формировались не только из рекрутов, но и из остававшихся свободными от службы детей верстанных казаков. Ими же пополняли рядовой состав гвардейских полков, например Измайловского²¹. Таким образом, освободив казачьи семьи от подушных платежей, казна наложила на них тягчайшую без всяких количественных ограничений рекрутскую повинность.

На казаков и их детей казна смотрела и как на резерв рабочей силы. Их постоянно посылали на военные линии, в заводские караулы и работы на Алтай и в Нерчинский горный округ²².

Все эти изменения имели место в жизни служилых людей Красноярска. Из общего числа верстанных казаков больше 2/3 постоянно находилось в дальних посылках и службах. Поэтому караульную службу в самом городе нередко несли казачьи дети, еще не положенные в казенный оклад²³.

Регулярные части появились в городе в конце 30 – начале 40-х гг., когда там разместились третья рота Сибирского новоучрежденного драгунского полка. Военный гарнизон располагался здесь до конца века. Он пополнялся главным образом из местного казачества. Так, согласно исповедной росписи 1769 г., фамилии многих штаб-офицеров, унтер-офицеров и рядовых происходили от красноярских старожильческих (Суриковы, Шошины,

Замятины, Красиковы, Иконниковы, Ермолаевы, Торгашины, Плишкины и т. д.)²⁴.

Верхушка гарнизона и отдельные солдаты имели дворы и участвовали в хозяйственной жизни города. Особую прослойку составляли отставные городские казаки и военные чины, которых освободили от подушных платежей, но членов их семей обязали записаться в какое-то податное сословие²⁵. Эти семьи, как и семьи солдат, где жили родители и родственники из податных групп, и податные семьи с родственниками из отставных были сословно неоднородными. Это нередко использовалось властями при решении тех или иных хозяйственных проблем, особенно при поземельных сделках.

В конце XVIII в. их стали называть разночинцами (в табл. 37 они показаны как военнослужилые и приказные). О соотношении различных категорий неподатного городского населения можно судить по количеству у них дворов в 1769 и 1784 гг. Они составляли соответственно 138, или 36,2 %, и 158, или 46,9 % всех дворов в городе, в том числе у духовенства в 1769 г. было 9, а в 1784 г. – 8 дворов; у штаб-офицеров – 1 и 2; у военных регулярной команды – 10 и 36; у приказных чинов (секретарь, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты) – 8 и 21; у дворян – 10 и 1; у отставных дворян – 2 и 5; у детей боярских – 4 и 3; у отставных детей боярских – 2 и 3; у нерегулярной команды (казаков) – 77 и 52; и, наконец, у отставных казаков было 15 и 27 дворов²⁶.

Эта значительная часть жителей города тоже занималась разнообразной хозяйственной деятельностью. Даже краснопольский воевода князь Василий Пельмский, который правил уездом более 30 лет, долгие годы держал по дороге в дер. Еланную близ Красноярска заимку с поскотиной²⁷.

Самой многочисленной группой не только податного, но и всего населения Красноярска до 90-х гг. XVIII в. были разночинцы и крестьяне (см. табл. 37). Они не являлись членами городской посадской общины. Разночинцы, как выше отмечалось, происходили из краснопольских служилых людей, которых не включили в штатные списки. Через несколько лет после третьей ревизии и переписи их категорию правительство упразднило. Одних посадили на пашню, а остальных перевели в другие сосло-

вия²⁸. В Красноярске их главным образом записали в крестьяне. Поэтому в поздних ведомостях о численности населения Красноярского уезда по третьей ревизии разночинцы вообще не показаны, а число крестьян соответственно резко завышено. Эта категория горожан в силу специфики своего происхождения, а также численности была самой мобильной в миграционном и сословном плане. Из них в случае нехватки казаков набирали пополнение, они чаще всего, что будет рассматриваться ниже, переходили в посад. По ведомостям убылых между первой и второй, второй и третьей ревизиями, например, отмечено, что из 1243 городских разночинцев муж. пола по первой ревизии и 667 по второй убыло соответственно 744 и 272 чел., в том числе умерло – 490 и 201, взято в рекруты – 94 и 31, беглых – 10 и 6, выслано на прежнее место жительства – 8 и 2, сослано – 3, взят в Камчатскую экспедицию – 1, записаны в посад – 1, в ясачный оклад – 5 чел. Неизвестно, где находились после первой переписи четыре человека, и трое переселились после второй переписи²⁹.

О характере их хозяйственных занятий нет систематических данных, однако разнообразные источники свидетельствуют, что разночинцы занимались земледелием, разведением скота, различными ремеслами и промыслами, брали подряды по доставке казенной соли и других казенных грузов, ходили судовыми работниками на плотках и дощаниках по Енисею, Чулыму и Кану. Так, в книге расходов и доходов Красноярской воеводской канцелярии с апреля по ноябрь 1763 г. упоминается 11 сделок с городскими разночинцами. В апреле два разночинца продали 285 пудов сена для почтовых станций на 8 руб. 6 коп. 14 апреля братья Маямсины с посадским Чулошниковым по взятому подряду поставили 40 пудов сальных свеч на 60 руб. 20 апреля Андрей Замятнин продал два фунта укладу на 12 коп. Через полтора месяца канцелярия купила на 2 руб. 40 коп. у Василия Кузнецова 12 пудов пакли для казенного дощаника. 2 июля Федор Парфентьев продал 20 ведер дегтя и три ведра смолы на 4 руб. 75 коп. В том же июле Дмитрий Волченков поставил за 3 руб. «пару жернов» на Качинскую казенную мельницу. В конце августа Иван Попов, Григорий Волченков, Яков и Филипп Дрокины взяли подряд на доставку в Красноярск зимним путем на

125 подводях 2500 пудов железа с Ирбинского завода. Из расчета по копейке с версты они должны были получить 250 руб. 21 октября 10 разночинцев нанялись сделать за семь с половиной дней плотину у Качинской мельницы (из расчета по 10 коп. в день работы с лошадей). 15 ноября Мартынов продал 3 пуда хмеля на 2 руб. 40 коп. для «ясадного угощения». В ноябре же Иван Ошаров с посадским Каменским взяли за 90 руб. строить из своего материала соляной амбар с перерубом. В ноябре Артемий Черкасов и Семен Волховицкий подрядились поставить канцелярии 20 сажень березовых дров на сумму 64 руб. Наконец, «соляной подрядчик красноярский разночинец Федор Потехин» взялся поставить в город от дер. Яновой, где были соляные магазины, 5593 пуда соли самосадки, за что и получил в задаток «на лошадей и людей» и за провоз 407 пудов 410 руб.³⁰

В целом в течение столетия разночинцы, тяготеющие к торгово-ремесленным занятиям, чаще всего записывались в посад, становились купцами (Нашивошников, И. Песегов, Кузнецов, Ермолаев) или вошли в мещанское сословие. Многие же остались в крестьянах и к концу века некоторые из них переселились из города.

Категория крестьян в Красноярске до середины XVIII в. формировалась исключительно путем ссылки и принудительной приписки. За период между первой и второй переписями ubyло 28 крестьян (душ муж. пола), в том числе трое бежало. Места убывших занимали новые ссыльные. С Красноярских казенных заводов по истечении срока каторжных работ в город отправили 8 душ муж. пола. Кроме них, в Красноярске оставили еще 27 ссыльных. Вместе с естественным приростом прижившихся ссыльных это составило к 1747 г. 54 р. д. крестьян. В крестьяне записывали лиц, не знавших ремесла. Часто они были одиночками. Естественный прирост у них был относительно низким (между 1747 и 1762 гг. всего 31 душа муж. пола)³¹.

В 60-е гг. в городе появились поселыщики из помещичьих крестьян. Когда власти стали испытывать затруднения с расселением их в уезде, в Красноярске разместили большую группу крестьян. Прижился из них каждый пятый. Исповедная роспись 1769 г. показывает, что в городе имелось 194 крестьянских двора

(50,9 % всех дворов), где насчитывалось 682 души муж. пола и 667 душ жен. пола. Сюда включены, кроме дворов старых городских крестьян и бывших разночинцев, 43 двора поселенных крестьян со 138 душами муж. пола³². Довольно много крестьянских дворов показано и в списках по выборам городского головы – всего 131, или 38,9 % от их общего числа³³.

После пожара многие крестьяне переселились в деревни и, вероятно, не без участия властей, ибо с 80-х гг. правительство ополчается на городских земледельцев. Связанных с неземледельческими занятиями было велено не записывать в мещане, а выделить в особую категорию «купечествующих» крестьян. Прочим крестьянам стали запрещать жить в городе³⁴. В результате численность городских крестьян несколько сокращается: согласно исповедным росписям, их насчитывалось в 1782 г. 265 р. д., а в 1799 г. 250 душ муж. пола и 270 душ жен. пола³⁵. По первым же результатам четвертой переписи, поданным в Сенат, в городе проживало 548 р. д. крестьян и дворовых (см. табл. 37).

Крестьяне города были главным образом земледельцами. Но часть из них, обычно недавние разночинцы, как показано ниже, записывалась в цех и посад, и лишь единицы выходили в купцы, например Григорий Терсков, Иван Суворов, Василий Песегов³⁶.

Городские посадские, цеховые (с 1775 г. мещане) и купцы составляли незначительную часть общеуездной посадской общины. Общая динамика их численности отражена в табл. 38. По высоким темпам прироста, как видим, городской посад шел вслед за крестьянами. Однако общий их удельный вес в городе был невелик – от 2,7 % в 1722 г. до 3,4 % в 1795 г. от общего числа горожан мужского пола. Только в конце XVIII в. в результате массового вывода городских крестьян и переселения сельских мещан их удельный вес среди горожан поднялся (к 1799 г.) до 36 %. По соотношению дворов картина аналогичная. В 1769 г. в городе было 49 посадских и цеховых дворов, или 12,9 %, а в 1784 г. – 12 купеческих и 33 мещанских, или 13,6 % от общего числа городских дворов³⁷.

Принципиально важно выяснить происхождение городского посада. Формировался ли он принудительно либо складывался под воздействием такого фактора, как второе разделение обще-

ственного труда. Это поможет понять, в какой степени данная сословная категория горожан являлась носителем наиболее прогрессивных экономических тенденций развития.

Однако для второй и третьей четверти XVIII в. это оказалось в источниковедческом отношении очень трудной задачей, ибо, как уже отмечалось, городская часть посада отдельно не фиксировалась по второй и третьей переписям.

Происхождение посада Красноярска можно проследить, пофамильно сопоставив сведения переписных книг второй и третьей ревизий с исповедной росписью жителей города за 1769 г. Для уточнений использовались частично сохранившиеся магистратская ведомость 1783 г. и городовая обывательская книга 1786 г., где тоже приводятся сведения о происхождении жителей. Таким путем удалось выявить посадских и цеховых, переселившихся и осевших в городе с 1722 по 1769 г. (табл. 39). Всего к 1769 г. их насчитывалось 58 взрослых мужчин, а с членами семей – 158 душ муж. пола в 56 семьях и 49 дворах. Из них 14 семей (34 чел. посадских и 9 чел. цеховых, или 27,2 % городского посада) происходили из записавшихся в эту категорию 40 лет назад, 20 семей (62 чел., или 39,2 %) – из учтенных второй ревизией, а 21 семья (53 чел.) записана в посад и цех по третьей ревизии или приписана туда до 1769 г. Так как именован горожан относится к названному году, то очень сложно определить, какой процент составляли эти временные слои посада к 1769 г. от общего числа записавшихся именно в городскую часть посадской общины 40 и 20 лет назад. Это трудно установить еще и потому, что широко практиковалась временная (на 3–5 лет) запись в посадскую общину. Так, енисейский цеховой Федор Хренов, подавая 15 июня 1733 г. прошение о записи в красноярский цех, сообщил, что он поверстан был в 1728 г. в цеховые Енисейска на 5 лет, а по истечении срока хотел бы жить в Красноярске. Интересно, что еще тремя месяцами раньше ему отвели место под «дворовое строение» рядом с красноярским жителем³⁸.

Анализ записей в городской посад подтверждает, что этот небольшой слой горожан можно считать довольно устойчивым: 105 чел., т. е. почти 2/3 посада, были старожилками или потомками тех, кто жил в городе не менее 20 лет. Абсолютные темпы его

роста постоянно оставались высокими. Эти группы каждые 20 лет давали посадку (к 1769 г.) примерно равный прирост.

Торгово-ремесленное население города складывалось из обычных источников, но в разное время их соотношение было различным.

До первой ревизии и в 20–30-е гг. XVIII в. ряды посадских, учтенных первой переписью и первой ревизией (14 и 17), почти не пополнялись за счет горожан и уездных жителей, состоявших в других сословиях. Только одна семья разночинца из подгородной Овсянки вошла в цех. К источникам роста населения города относится и приток дальних переселенцев. Так, от крестьян Архангельска и Устюга Великого вели свое происхождение семьи цехового и посадского, от выходцев из Московской губернии – четыре посадских семьи, а одна семья цехового – от ссыльного, поступившего в Красноярск до первой ревизии³⁹. В целом потомство этих пришлых дало 39,5 % всех красноярских посадских и цеховых к 1769 г. (табл. 39).

При проведении второй ревизии и в 40–50-х гг. городская часть посада значительно пополнилась ссыльными и горожанами-разночинцами. Ссыльные и их дети (на 1769 г. всего 21 душа муж. пола, или 33,8 % общего прироста по второй ревизии) были в основном из тех каторжных, что работали на казенных Лукаском и Ирбинском заводах. После амнистии Бирона⁴⁰ и консервации заводов часть знающих ремесло и оставленных «на свое пропитание» людей осела в Красноярске⁴¹. Главную же роль в количественном росте городского посада сыграли в то время не ссыльные, а местные разночинцы, которые со своими детьми и семьей разночинца из дер. Куваршино составили 40,3 % общего пополнения (25 душ муж. пола).

Семьями посадского из Енисейска, крестьянина из Архангельска и цехового из Соликамска были представлены в городе вольнопоселенцы⁴².

По третьей ревизии, внутригородские источники пополнения посада в Красноярске уже, бесспорно, преобладают (см. табл. 39). По-прежнему одиночными семьями были представлены среди пришлых в Красноярск разночинцы Енисейска, крестьяне Сольвычегодска и цеховые Краснохолмска.

Таблица 39
**Источники формирования городской части Красноярского посада в 20–80-е гг. XVIII в.,
 душ муж. пола**

Категории населения и места их выхода	До второй ревизии			После второй ревизии			После третьей ревизии			Итого в 1769 г.			1783 г.		1786 г.					
	семейн	душ	цех	семейн	душ	цех	семейн	душ	цех	семейн	душ	цех	семейн	душ	мещане	купцы	мещане			
																		посад	посад	посад
Старожилы-горожане, всего	6	24	-	3	12	4	15	11	29	3	4	20	65	7	19	12	37	11	48	
В том числе:																				
из посадских	6	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	24	-	-	2	7	1	24	
» цеховых	-	-	-	1	2	1	2	1	3	1	2	2	5	2	4	6	8	5	9	
» разночинцев	-	-	-	2	10	3	13	9	24	2	2	11	34	5	15	-	-	-	4	
» крестьян	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	1	2	-	-	4	12	5	11	
Пришлые, всего	5	10	3	9	6	16	7	19	6	19	1	17	45	11	27	13	33	9	16	
В том числе:																				
из своего уезда	-	-	1	2	-	-	1	2	1	3	-	-	1	3	2	4	-	4	3	2
» Сибири	-	-	-	-	1	4	-	-	1	3	-	-	2	7	-	-	2	2	4	
» Поморья	1	3	1	4	2	3	-	-	1	1	-	-	4	7	1	4	2	2	1	
» России	4	7	-	-	-	-	-	-	1	4	-	-	5	11	-	-	2	1	4	
ссылъные	-	-	1	3	1	5	16	-	-	-	-	-	1	5	6	19	-	-	5	
Не указано	-	-	-	-	2	4	1	1	2	8	1	1	4	12	2	2	12	1	-	
Итого	11	34	3	9	9	28	11	34	17	48	4	5	37	110	18	48	25	70	20	64

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 9–47 об.; д. 1659, л. 1–430; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 1–31. За 1783 и 1786 гг. показаны главы семей.

В целом более чем за 40 лет к 1769 г. основные пути формирования торгово-ремесленной сословной группы горожан выглядят следующим образом: «природные» местные посадские – 33 души муж. пола и 32 души жен. пола в 10 семьях, или 20,9 % людей и 17,8 % семей; горожане из других сословий – 51 душа муж. пола и 49 душ жен. пола в 17 семьях, или 32,2 % людей и 30,3 % семей; сельские жители уезда – 3 семьи из 7 душ муж. пола и 8 душ жен. пола; выходцы из Енисейска – 2 семьи из 7 душ муж. пола и 12 душ жен. пола; 5 семей пришлых из поморских и российских городов, составивших 13,9 % людей и 17,8 % семей; ссыльные – 15,2 % людей и 1,2 семей (см. табл. 39).

Следовательно, вместе с лицами, чье происхождение не удалось установить, приток из-за пределов Красноярского уезда дал городу 71 душу муж. пола и 71 душу жен. пола в 32 семьях, или 44,9 % людей и 58,9 % семей городской части посада. При этом численность вольных переселенцев почти в 2 раза превышала ссылку. Главным источником пополнения городского посада, как уже отмечалось, становятся с 40-х гг. разночинцы Красноярска. Это результат медленного, но поступательно развивающегося общественного разделения труда у горожан, о чем, например, свидетельствуют истории превращения коренных краеноярцев в торговцев и ремесленников.

Потомственный сын и внук детей боярских разночинец Иван Федорович Нашивошников 19-летним юношей во вторую ревизию записался в городские посадские⁴³. Занимался главным образом скупкой хлеба, пушнины, скота, постоянно держал лавку в городе. Из магистратской ведомости 1783 г. видно, что он не только вел «мелочный торг» в Красноярске, но и ездил торговать в Томск и Енисейск⁴⁴. Вел И.Ф. Нашивошников и небольшой рыбный промысел, арендуя для этого вместе с двумя посадскими рыбные угодья⁴⁵. С 1775 г. он записался в купцы третьей гильдии, показав за собой 510 руб. капитала. Пять взрослых сыновей его уже были отделены и вошли в мещанское сословие. Из-за долга в 300 руб. дела И.Ф. Нашивошникова в начале 80-х гг., очевидно, пошатнулись, так как в обывательской книге 1786 г. среди купцов он уже не отмечен, а один из его сыновей, Федор, по-прежнему числился в мещанах⁴⁶.

И.Ф. Нашивошиков занимал видные посты в местном городском управлении, что, вероятно, помогало в делах. Он был словесным судьей, таможенным головой, а три года (с 1761 по 1763 г.) – бургомистром. Желание подольше остаться во главе всей уездной посадской общины толкнуло его на подлог. За сочинение «фальшивого выбора» он был по просьбе посада отрешен от должности⁴⁷.

Другой красноярец, Евстрат Михайлович Новиков, по второй ревизии, 27-летним разночинцем записался в городские цеховые⁴⁸. В следующую перепись он перешел в посад. К 1769 г. он стал одним из двух ратманов. Семья его состояла из 19-летнего сына Ивана, дочери и вскормленницы.

Начинал Е.М. Новиков с мыловарения. Он был первым крупным городским мыловаром⁴⁹. В 1770 г. Евстрат, судя по оброчной сумме, получал с мыльни доход в 7–10 руб. Не без успеха вел он и «мелочный торг» в городе. Его сын Иван, объявив в 1775 г., что располагает капиталом минимум в 505 руб., записывается в купцы третьей гильдии. Не оставляя отцовского ремесла, он расширяет торговые операции. В начале 80-х гг. И. Новиков вместе с купцом Петром Пороховщиковым становится комиссионером по продаже соли в уезде у соляного подрядчика купца Томилова из Томска⁵⁰. Но основным делом для него оставалось мыловарение. Городовая книга 1786 г. оценила «мыловарню, при его доме с покупными припасами и готовым товаром» в 1030 руб. Судя по цене, это заведение было близко к мануфактуре.

Дела И. Новикова процветали. В 1783 г. его выбрали бургомистром, должность которого он исполнял почти 10 лет⁵¹.

Сильный пожар 1773 г., вызвавший отток части горожан в сельскую округу⁵², в целом не сказался на преобладании внутренних источников формирования городского торгово-ремесленного слоя над внешними. В середине 80-х гг., судя по городской обывательской книге 1786 г. и частично сохранившейся магистратской ведомости 1783 г., соотношение взрослых пришлых и местных купцов и мещан по происхождению было примерно таким же, как и в 1769 г. (см. табл. 39). Местные источники дали 49 из 95 взрослых мужчин, или 51,5 %, в 1783 г. и 49 из 84 чел. в 1786 г. География мест выхода дальних пришлых несколько рас-

ширилась – Иркутск, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тула. Но с учетом членов семей в количественном отношении уже преобладал старожильческий элемент. По четвертой переписи, в городе из 22 купцов и 204 мещан ссыльных и пришлых было 44 души муж. пола, а записавшихся в мещане уездных крестьян – 40 душ муж. пола. Коренных же мещан насчитывалось 142 души муж. пола⁵³. По пятой ревизии, дальних пришлых в городе оказалось всего 8 душ муж. пола. Все они записались в купечество. Местные же источники дали городу 124 души муж. пола; 59 мещан вышли из 11 селений уезда, из них 11 чел. (2 семьи) из Арея и с. Минусинского стали купцами. Кроме того, 65 крестьян из подгородных и южных волостей записались в мещане⁵⁴.

Довольно заметный приток в город крестьянского и мещанского сельского населения – важный момент в демографии Красноярска. Если до четвертой ревизии сельские разночинцы и крестьяне, записываясь в посад и цех, оставались на прежних местах жительства, то начиная с 70-х гг. часть из них уже предпочитала город. Так, по третьей переписи, из 67 сельских крестьян и разночинцев, записавшихся в купечество и цех⁵⁵, в городе проживали, как выше отмечалось, только трое (из 29 чел. 26 были горожанами). В 1782 г. таких уже насчитывалось 40 из 94, а в 1795 г. (уезд в новых границах) все изменившие сословную принадлежность крестьяне переселились в город⁵⁶.

Отмеченные явления свидетельствуют, что процесс формирования первичного костяка торгово-промышленного слоя среди жителей Красноярска заканчивался. Город постепенно превращается в торгово-ремесленный центр, притягивающий к себе занятое в неземледельческом секторе население. Но масштабы этого явления нельзя переоценивать. Город был самым крупным, но далеко не единственным центром ремесла и торговли в уезде. На обширной территории уезда складывалось и развивалось несколько подобных местных центров: в Хакасско-Минусинском подрайоне – в округе с. Минусинского (центр закупки хлеба и скота); в междуречье Енисея и Верхнего Чулыма (Тумнинская пристань), где проходил кратчайший сухопутный путь от Енисея до бассейна Чулыма и Оби; в Ачинской округе, расположенной на тракте и в бассейне Чулыма (близ большой Больше-

кемчугской пристани); в старожильческом Красноярском районе по Енисею (в округе с. Подъемного – центра судостроения); в Канской лесостепи (близ с. Рыбное, Канского острога и с. Коростелево, где к тракту выходила скотопрогонная тропа из Хакасии, а водный путь по Кану – на Средний Енисей)⁵⁷. Вот почему сельский посад, члены которого проживали в 11 станках Красноярского уезда, был столь многочислен. Он во много раз превосходил собственно городскую часть посадских. В 1722 г. сельский посад составлял 97,7; в 1747 г. – 92,1; в 1769 г. – 90,3; в 1782 г. – 92,4 (уезд в старых границах) и в 1795 г. – 79,1 % от общей численности посада в новых границах (см. табл. 38).

Удельный вес сельской части посада, таким образом, оставался практически неизменным. Развивался город, росли примерно теми же темпами и местные торгово-ремесленные центры. Они привлекали не только местное земледельческое население, но и дальних переселенцев. Это видно из данных неполной переписи сельского торгово-ремесленного населения Красноярского уезда, сведенных в табл. 40. Дальних переселенцев было 36 душ муж. пола (10 семей). Они вышли из Енисейска, Устюга Великого (2 семьи из 4 душ), Сольвычегодска, Аренска, Ланского казначейства и Тюмени. У себя на родине почти все они числились посадскими. Из них в 1765 г. прибыло 10 чел., 1768 г. – 5, 1769 г. – 2, 1771 г. – 4, 1779 г. – 6, и 8 чел. переселились накануне переписи⁵⁸.

По пятой переписи 1795 г., дальние переселенцы составили 1/3 (34 чел. из 107) общего механического прироста сельских мещан (из Томска – 9 и Енисейска – 25)⁵⁹. Были случаи выхода и членов городского посада в деревню. Так, уже после пожара перед четвертой ревизией в подгородную дер. Еловскую переселились из города два купца (всего 10 душ муж. пола), а в деревни Светлолобовую и Черноимышскую ушли городские мещане и крестьяне (всего 7 чел.) и записались в мещане. По пятой ревизии, один мещанин перешел в подгородную дер. Юдину⁶⁰. До 1795 г. один красноярский купец с капиталом в 1100 руб. жил на территории Ачинского уезда⁶¹.

К концу века в некоторых населенных пунктах уезда насчитывались десятки семей мещан. Так, по четвертой ревизии, в с. Минусинском из 53 дворов (149 душ муж. пола) 12 принадлежало

мещанам (причем 34 чел. из 41 были цеховыми). Миндерлинская деревня Красноярского старожильского района сплошь состояла из мещан и цеховых – всего 75 душ муж. пола, из которых 69 цеховых⁶².

Таблица 40

**Источники формирования сельской части посада
Красноярского уезда
между третьей и четвертой переписями, душ муж. пола**

Категории населения и места их выхода	Купцы		Мещане	
	семей	душ	семей	душ
Старожилы, всего	8	52	456	1160
В том числе:				
родившихся после 1762 г.	?	29	?	1058
местных переселенцев	1	6	4	26
Пришлые, всего	2	3	8	33
В том числе:				
из Енисейска	–	–	5	22
» Тюмени	–	–	1	6
» Поморья	–	–	2	5
Сословный состав, всего	3	12	24	81
В том числе:				
крестьяне	1	2	17	52
мещане	2	10	6	25
подъяческие дети	–	–	1	2
половник	–	–	1	2
дворовые	–	–	1	1
попович	–	–	1	1

Примечание. См.: ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 11 об. –107 об. (без начала и конца). Подсчет наш.

Как уже отмечалось, особенно много сконцентрировалось мещанского населения по Среднему Енисею и в междуречье с Чулымом, а также в притрактовой полосе. По третьей переписи, в этих районах вошли в посад 737 душ муж. пола⁶³. Среди них бы-

ли не только платившие подати пересылкой енисейские посадские, но и многочисленные местные разночинцы. Потомки казаков после ликвидации их сословной категории предпочли более льготный и представительный, нежели крестьянский, сословный статус посадского человека. Поскольку они сразу перешли в посад и не числились крестьянами, то итоговые данные (первичные не сохранились) не отразили эту сословную миграцию.

Анализ характера хозяйственной деятельности городской и сельской частей посада также свидетельствует об известной их равноценности. Сохранившиеся магистратские ведомости (одна за 1775 г., а другая за 1783 г.) дают возможность сопоставить занятия красоярских купцов и мещан сельского посада с хозяйственной деятельностью членов его городской части⁶⁴. В городе в 1783 г. находилось чуть более 1/3 всего торгово-ремесленного взрослого населения (95 из 272 чел.). Соотношение по специальностям было следующим: торговлей занимались 30 чел. в уезде и 24 в городе, в том числе внутриуездной в городе – 7 чел., по всей Енисейской провинции – 6 чел. и по всей Сибири – 11 чел.; ремесел соответственно – 26 и 15 видов, в том числе: мыловарением занимались 4 и 1 (с торговлей); иконописью – 5 и 3; портняжным делом – 38 и 2; изготовлением деревянной посуды – 2 и 1; кожевенным делом (с земледелием) – 11 и 1; столярным – 3 и 1; чеботным и кожевенным – 3 и 5; плотницким – 24 и 1; чарочным и чулочным – 83 и 1; медников было 1 и 2; крашенинников (занимавшихся и земледелием) – 6 и 1; работами по найму – 13 и 7 (в том числе двое сочетали с земледелием).

Таким образом, по числу самостоятельных ремесленников город имел преимущества только в написании известных на всю Восточную Сибирь икон и в изготовлении изделий из меди. Село явно первенствовало в деревообработке, переработке растительного и животного сырья, изготовлении одежды и обуви. При этом только среди сельских ремесленников были такие специалисты, как «кузнецы – 2 человека, кирпичники – 5, котельники – 3, шапошники – 7, скорняшники – 1, рукавишники – 32, шерстобитчики – 7, свешники – 2 и прянишники – один». В целом сельских ремесленников-цеховых насчитывалось, по неполным данным четвертой переписи не менее 222 душ муж. пола в

54 дворах. Они проживали в 21 населенном пункте из 114⁶⁵. Большая часть сельских цеховых размещалась в приенисейских деревнях, по тракту, близ пристаней и в пригородной зоне. Основное отличие городских мещан от сельских заключалось в различной степени занятости пашней и торговлей. В городе из 95 хозяйств только земледелием жило 8, в 5 его совмещали с ремеслами, в 4 – с промыслами и торговлей, а в 2 – с наймом – всего так или иначе 20 % хозяйств было связано с земледелием. В уезде же подавляющее большинство сельских мещан и купцов вели земледельческое хозяйство. В ведомости 1775 г. сказано: «А протчая живущия Красноярского ведомства по селам и деревням купечество пропитанию свое имеют от хлебопашества и скотоводства и с коих инныя неболшем число производят торговлю от произрастания хлебного к городам Енисейску, Красноярску, Сургуту и Нарыму»⁶⁶.

Следует отметить, что со временем крупная общеуездная торговля все больше переходит в руки города. Наиболее состоятельные «купечествующие крестьяне» и посадские к концу XVIII в. концентрируются в Красноярске (см. табл. 39). По данным 1783 г., 42,3 % городских купцов и мещан занимались торговлей. Кроме 24 чел., непосредственно вкладывавших средства в торговлю, было 19 «сидельцев и находящихся в услугах». Оказывал услуги торгующим, вероятно, и ростовщик Матвей Засорин, крупный торговец хлебом, скотом и разными товарами, который выезжал в Томск, Енисейск и Иркутск⁶⁷.

Представление о наивысшем для Красноярска 80-х гг. уровне деловой активности дает деятельность самых крупных городских купцов братьев Пороховщиковых. Отцом их был ссыльный московский посадский Леонтий Сидорович Пороховщиков, который записался с пятилетним сыном Петром в городской цех в 1747 г., а в посад – в следующую ревизию⁶⁸. Занятия торговлей он сочетал с бочарным делом⁶⁹, и, как свидетельствуют документы, очень успешно. Известно, что в 1747–1748 гг. он возил в Енисейск две крупные партии соболей, лис и белок, а также 370 скупленных красных, белых и черных юфтей, общая стоимость которых, согласно таможенной оценке, составляла 632 руб. 90 коп.⁷⁰ В 1769 г. в его доме жили работник и три ра-

ботницы⁷¹. Только в престарелом возрасте отец передал свои дела и дом Петру.

После смерти отца два взрослых женатых сына разделились. Полученное наследство по масштабам Красноярска того времени было довольно значительным, так как младший Егор в 1775 г. тоже записался в купцы третьей гильдии, объявив за собой, как и брат, 525 руб. капитала.

Из красноярских купцов братья вели самую крупную торговлю. По данным городского магистрата за 1783 г., они торговали «немецкими, китайскими и российскими товарами, пушницей, лошадьми и рогатым скотом на Ирбитской ярмарке, в Енисейске, Иркутске, Мангазее и при Кяхте»⁷². Не «брезговали» братья «мелочным торгом» по селам и деревням уезда. В самом Красноярске в новопостроенном гостином дворе им принадлежали четыре лавки и два подвала⁷³. Петр, кроме того, был с начала 80-х гг. одним из комиссионеров томского купца Петра Шумилова по продаже в казенных лавках уезда соли с енисейских заводов. Он же в 1774–1778 гг. взял рыбную ловлю в оброк по самой высокой в уезде цене – за 4 руб. 15 коп. В те же годы старший Пороховщиков завел мыловарню, за которую платил в год 50 коп. оброчных денег⁷⁴.

Как и отец, братья Пороховщиконы занимались скупкой хлеба в уезде и отправкой его в непашенные районы Нижнего Енисея, Чулыма и Оби. По подрядам они поставляли провиант на казенные и частные винокуренные заводы Енисейской провинции и Томского уезда. Эти типичные деятели времени первоначального накопления капитала, проникая во все доступные сферы хозяйственной жизни, сумели собрать достаточную сумму, чтобы в 1786 г. записаться в купцы второй гильдии. Став единственными из красноярских купцов членами этой гильдии, братья показали за собой соответственно 5100 и 5025 руб. капитала⁷⁵.

Однако даже у этих купцов, судя по всему, не хватало средств, чтобы участвовать в крупных предприятиях. В железодельную промышленность мануфактурного типа (Ирбинский завод) вложил свои, а больше казенные деньги московский купец Савельев. Наиболее доходные откупы по продаже казенного вина и соли находились в руках иногородних купцов. Красноярское ку-

печество, располагавшее в 1777 г. капиталом в 16 205 руб., в 1782 г. – 19 390 руб., а в 1799 г. – около 30 тыс. руб.⁷⁶, не рисковало вкладывать значительные средства и в «Российско-Американскую компанию» Г.И. Шелихова. Местная торговля строилась на явно неэквивалентном обмене и носила в этом плане чисто феодальный характер.

Город, судя по состоянию торговли, так и не стал главным товарно-распределительным центром всего уезда. Количественно его торгово-ремесленное население даже в конце века не превышало 500 душ муж. пола, причем половина из них вошла в эту категорию в последние 15 лет. До четвертой ревизии городской посад состоял из 100–300 душ муж. пола. При этом резкое увеличение численности купцов и особенно мещан в последние полтора десятилетия было связано не столько с изменившейся экономической конъюнктурой, сколько с принудительной политикой правительства. Как выше отмечалось, в 90-х гг. власти активизировали свои усилия по переселению сельских мещан и купцов в города⁷⁷. Кроме того, в мещанское сословие стали записывать даже детей представителей небольших неподатных групп. Так, ряды сельских, как и городских, мещан Красноярского уезда в новых границах, согласно материалам пятой ревизии, в основном пополнились за счет детей солдат (4 души муж. пола), отставных сержантов (1), канонеров (1), детей боярских (1), священников (2), дьячков (1), церковных воспитанников (13), казачьих детей (11), отставных казаков (2) и т. д. – всего 71 душа муж. пола⁷⁸.

По каким-то причинам, скорее всего из-за физических недостатков, эти лица были признаны непригодными для зачисления в сословную категорию и службу своих родителей и переходили на содержание посадских местных обществ, так как часто не могли завести своего хозяйства, «обретались в работах», и многие платежи приходилось платить за них раскладкой.

Итак, хотя город территориально и количественно не вырос, в нем произошли в XVIII столетии важные качественные изменения. Из преимущественно военно-административного центра и в известном смысле «торговой фактории», для населения которой производительный труд не являлся единственным, а для многих и основным источником существования, Красноярск превратил-

ся в значительный центр земледельческого освоения, в самый крупный на территории своего уезда товарораспределительный и ремесленный центр. Главным образом в результате общественного разделения труда, а также за счет вольных дальних пришлых и ссыльных здесь впервые сформировался небольшой, но устойчивый слой торгово-ремесленного населения, который являлся хотя и не ведущей, но важной частью довольно большого общеуездного посадского мира. Некоторые из «посторонних» жителей города тоже были постоянно заняты в неземледельческой сфере.

Наибольшее развитие у города получили товарораспределительные функции, хотя он их делил с несколькими местными центрами. Довольно значительные грузопотоки шли, минуя Красноярск, через них. В качестве центра товарного земледелия город не выделялся. Экономическую жизнь всей огромной территории, входящей в Красноярский уезд, Красноярск еще не подчинил и не контролировал. Не случайно в 80-х гг. уезд снова подвергся самым значительным по сравнению с другими уездами Средней Сибири административно-территориальным изменениям, а самому Красноярску угрожала опасность превратиться в заштатный город⁷⁹.

Я.Е. Водарский⁸⁰, правильно определяя тип городской жизни Красноярска как феодальный, необоснованно считает его «сложившимся городом» уже в первой четверти XVIII в. Почти весь посад тогда был сельским и тяготел больше к Енисейску. Сам город не стал центром красноярской общеуездной посадской общины, которая, по мнению Л.С. Рафиенко, окончательно сложилась, как и в других небольших сибирских городах, в 30–40-е гг. XVIII в.⁸¹ Вероятно, точнее будет считать Красноярск сложившимся феодальным городом к концу XVIII в.

Условия колонизируемой окраины (малая плотность населения, громадный свободный земельный фонд), сложившийся на основе естественно-географического разделения труда явно земледельческий профиль его хозяйственного района, а также конкуренция таких крупных торгово-ремесленных центров, как Енисейск, Томск и Иркутск, – все это помешало Красноярску реализовать исключительно благоприятное экономико-географичес-

кое положение, численно вырасти, стать относительно значительным экономическим центром и вступить в качественно новый этап своего развития.

ЕНИСЕЙСК

В XVIII в. интенсивное освоение южных земель Средней Сибири привело к тому, что впервые, хотя и в самых общих чертах, определились на основе естественно-географического разделения труда профили трех главных экономических районов Приенисейского края: Туруханско-Таймырский как охотничье-промысловый, Енисейский (кроме южной части) – преимущественно торгово-ремесленный, а Красноярский со Среднечулымским и Канским подрайонами сложился как земледельческо-скотоводческий.

Исследователи уже отмечали, что на Енисейске как одном из крупнейших торгово-ремесленных центров Сибири и центре старого земледельческого района особенно отрицательно сказались эти экономические сдвиги⁸². Он оказался на периферии главного ареала русского расселения. Уменьшилась общая плотность населения в его экономическом районе и во всем Приенисейском крае. Значительно увеличилась протяженность транспортных коммуникаций, что вызвало повышение расходов на доставку сырья в город и готовых изделий к потребителю. В новозаселяемых районах большинство возникавших хозяйств были земледельческими. В связи с тем что здесь имелись более благоприятные, чем в районах выхода, условия для комплексных занятий, натуральные черты и относительная замкнутость проявлялись особенно четко. Со строительством Московско-Сибирского тракта, куда переместился основной грузопоток, Енисейск утрачивал свое прежнее значение и в этом отношении.

Естественно было ожидать, что город разделит судьбу всего Енисейского старожильческого района, который, как отмечалось, в демографическом отношении развивался в XVIII в. замедленными темпами и потерял ведущую роль в производстве хлеба. И действительно, середина XVIII в. была для Енисейска временем наибольшего расцвета, за которым в конце XVIII в. последовал спад⁸³.

Анализ демографического развития Енисейска в целом подтверждает данный вывод, но обнаруживает более сложный процесс жизни города во второй половине XVIII в.

Общая и словная динамика жителей Енисейска отражена в табл. 41. По численности населения город вырос (без учета гарнизона) в 1,57 раза, что несколько превышает темпы роста сельского населения (1,35 раза).

В первой половине века город довольно быстро развивается. Как показано В.А. Александровым, в первой четверти века наблюдался приток в Приенисейский край вольных переселенцев из поморских и российских городов и уездов⁸⁴. Последовавшая после первой переписи ревизия обнаружила часть пропущенных и отделила тяглых от неподатных, значительно изменив при этом прежнюю словную структуру трудового населения. Население в это время увеличилось более чем на 600 душ муж. пола (см. табл. 41).

В последующие два десятилетия темпы роста города снижаются, а во второй половине, судя по динамике численности горожан, в поступательном демографическом развитии Енисейска наступает перелом. Население города остается на одном уровне – не более 2500 душ муж. пола.

Но если обратиться к количественной характеристике дворов за вторую половину века, то обнаруживается, что город при неизменной численности жителей территориально вырос почти на 1/3. Если в 1762 г., как писал в ответе на анкету Шляхетского корпуса енисейский воевода Василий Рыкачев, в городе насчитывалось 825 жилых дворов⁸⁵, то по топографическому описанию Тобольского наместничества, составленному по данным четвертой ревизии, в Енисейске было 1104 «обывательских двора»⁸⁶. В 1790 г. их число достигало уже 1115, а в 1796 г. исповедная роспись жителей Енисейска отметила 1048 дворов⁸⁷. Такой значительный разрыв между изменением численности горожан и количеством дворов во второй половине XVIII в. трудно свести только к уменьшению состава городских семей. Уже в первой четверти XVIII в., как доказал, специально анализируя семейный состав русского населения Приенисейского края, В.А. Александров, они не были большими⁸⁸.

Численность населения Енисейска в XVIII в., душ муж. пола

Время учета	Духовенство	Военнослужители и приказные	Разночинцы	Крестьяне	Купцы	Посадские	Цеховые	Всего в городе		% от всего населения уезда	Всего городов-поселений	% от всего населения уезда
								Дворов	Душ			
Первая перепись	?	710	104	–	?	286	?	553	1608	17,7	794	37,3
» ревизия	35	364	682	77	1023	93		?	2274	21,6	1116	46,1
1735 г. (дворы)	15	193	107	12	371	6		704	?	?	?	?
Вторая ревизия	35	305	683	58	1136	289		?	2471	18,2	1425	42,6
» ревизия (ретроспективно)	?	–	678	?	286	851	289	?	?	?	1426	37,8
Третья ревизия	40	250	625	–	1144	235		825	2218	15,2	1379	43,4
» ревизия (ретроспективно)	?	?	–	936	187	?	?	?	?	?	?	?
Четвертая ревизия	50	391	–	520	301	675	494	1104	2431	16,6	1470	34,8
Пятая ревизия	48	339	–	–	207	1425	349	1104	2368	15,3	1981	50,3
1796 г.	66	255	–	416	198	1145	439	1048	2519	16,3	1782	58,7
20-е гг. XIX в.	38	238	–	257	69	–	1769	1090	2371	?	1838	38,2

Примечание. См. табл. 37, 38, а также ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10 б., д. 61, л. 2 об.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19107, л. 202–203 об.; ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 81, л. 26 об. – 118; Вторая памятная книжка Енисейской губернии, л. 5–6; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь, с. 5; Александров В.А. Русское население Сибири, с. 94–96, табл. 8, 9. По первой переписи в графе «разночинцы» показаны духовенство, подворники, захребетники; в графе «крестьяне» – и дворовые, а в графе «военнослужилые и приказные» есть данные об отставных и тех неподатных, кого с четвертой ревизии стали называть разночинцами. Графы с ретроспективными сведениями отражают условные изменения, а также масштабы приписки и убыли между ревизиями.

Территориальный рост города во второй половине XVIII в. объясняется, очевидно, строительством значительного количества жилых помещений, куда пускали «на подворье» временно находящихся в городе лиц. Многие из жителей Енисейска обзаводились своими дворами, но числились по старому месту жительства и поэтому не учитывались в местной фискальной документации. Среди них были приказчики иногородних купцов и сами купцы, торгующие постоянно в Енисейске⁸⁹, а также различные отходники и работные люди. Так, в 1767 г. находившаяся под земской избой харчевню, которую перестроили для жилья, занимал «малороссийский купец» Яков Лисенков. В 1775 г. в городе проживали и постоянно арендовали в торговом ряду лавки купец из Путивля Афанасий Курдюмов и даже «армянин Гаврило Индинов»⁹⁰.

Кроме того, как отмечалось выше, практиковалось временное поступление в посадскую общину. Такого переселенца не приписывали в ревизские списки, а его служба и платежи шли в зачет за умершего или выбывшего, за которого мир платил раскладкой. Временных членов посадской общины, как и тех, кто имел в городе свои дворы, но не являлся её податным членом, называли «енисейскими жителями». В 1765 г. енисейский житель Козьма Болотов имел в Енисейске харчевню, а Иван Вологдин – кожевню⁹¹.

Итак, во второй половине XVIII в. город рос территориально и реальных жителей в нем было значительно больше, чем официально числившихся горожан. При общей неизменности их численности это свидетельствовало об интенсификации хозяйственных, особенно товарораспределительных, функций города.

Изменения в сословно-социальном составе горожан на протяжении XVIII в. тоже в известной степени подтверждают, что имелись потенции для поступательного развития экономики города. Неподатное «постороннее население» провинциального до 1782 г. Енисейска сокращалось быстрее, чем в уездном Красноярске, а удельный вес трудовых слоев в нем был выше.

В количественном отношении белое духовенство почти не увеличивалось. Его сословная замкнутость проявлялась полнее, чем у красноярского клира. Отмеченные «Книгой убылого населения...» 4 случая посвящения разночинцев в дьяконы и священ-

ники не были отступлением от сословного принципа, ибо речь шла о детях церковников⁹². В городе с 1735 по 1790 г. насчитывалось 7 деревянных церквей и собор, вместо которых построили 6 каменных. Черного духовенства за Спасским мужским и Рождественским женским монастырями также числилось немного, всего, по четвертой ревизии, 28 чел.⁹³

Эволюция служилых в чины регулярного гарнизона и переход их в посад завершились еще быстрее, чем в Красноярске, так как уже, по первой переписи, они не составляли большинства горожан. После ревизии число верстанных служилых людей резко уменьшили, поскольку свои функции острога-крепости Енисейск утратил. На 1724 г. в енисейских служилых числились 17 дворян старой службы, 36 детей боярских, 4 сотника, 5 пятидесятников, 18 десятников и 284 рядовых казака и пушкаря. Из них 24 чел. служили «с пашни», т. е. имели довольно большое земледельческое хозяйство и не получали хлебного жалованья. В связи с исключением части казаков и их детей из подушных списков сибирский губернатор предложил сократить их число еще на 34 чел.⁹⁴ По новому расписанию штатов 1732 г. в Енисейске оставили 249 служилых, в том числе 10 дворян, 20 детей боярских и 219 служилых. Расписанием штатов с таким количеством, утвержденным Сенатом в 1736 г., местные власти руководствовались и в последующие десятилетия⁹⁵.

В действительности число казаков редко соответствовало этому расписанию. Казна так интенсивно забирала для своих нужд подрастающую казачью молодежь, что восполнять естественную убыль местных верстанных казаков было непросто. Кроме того, казенное жалованье не обеспечивало рядовым казакам прожиточный минимум. Тяготы и отдаленные «посылки»⁹⁶ мешали заниматься хозяйственной деятельностью. Поэтому многие рядовые казаки тяготились службой и при удобном случае уходили в отставные и даже убегали. Казачьи дети часто самовольно или с согласия казачьего круга записывались в податные сословия, автоматически тем самым выбывая из резерва служилых людей. Нередко казачьи дети стремились попасть в другие уезды, где легче было оформить переход в другое состояние. Местные власти пытались не допускать подобных случаев. Так, за побег в

Красноярский уезд казачий сын Семен Спицын из Енисейска был «бит батогами нещадно» и оставлен в службе вместо взятого в Тобольск служилого человека. Почти полгода Спицын скрывался у разных людей, в том числе у священника с. Юксево. Его же товарища по побегу, тоже казачьего сына, так и не разыскали⁹⁷.

Имущая и служилая верхушка городских казаков больше держалась за службу, которая автоматически обеспечивала льготный сословный статус. От тягот казенных служб они обычно избавлялись путем найма бедных казаков, казачьих детей и разночинцев.

Служилые слои города довольно широко занимались торгово-ремесленной деятельностью, что тоже приводило к сокращению их численности. Так, по камер-коллежскому окладу 1732 г. они держали лавки (16 из 59), лавочные места (4 из 16), амбары (3 из 5), кузницы (5 из 27), кожевни (1 из 5), мыловарни (1 из 7) и харчевни (5 из 7). К 1765 г. подобных заведений за ними числилось меньше⁹⁸. Это не только результат конкуренции со стороны посада и общего сокращения численности служилых, но и следствие сословной миграции. Так, если Григорий Карандин, владевший кузницей в 1732 г., был казаком, то сын его Степан, не оставивший отцовского дела, показан в 1765 г. разночинцем. У отставного казака Андрея Коренева, построившего кузницу в 1737 г., сын Семен стал заправским кузнецом и записался посадским. Цеховой Василий Артемьев – сын казака, имевшего в 1732 г. кожевню⁹⁹.

Масштабы выхода служилых людей из своей сословной группы были настолько значительны, что, по второй ревизии, до указного числа верстанных казаков в Енисейске не хватало 46, в Красноярске – 30, в Мангазее – 10 чел.¹⁰⁰ Подобная же картина наблюдалась в 60-х гг. Воевода Василий Рыкачев писал в 1761 г. в ответе на анкету, что в городе живет детей боярских и казаков меньше положенного, т. е. меньше 250 чел.¹⁰¹ Спустя два года в Енисейске насчитывалось всего 183 городских казака с 8 старейшинами¹⁰². Возможно, не все они жили в городе, ибо в связи с учреждением полицейской службы и полицмейстера в ведомости 1764 г. показаны только 10 детей боярских и 23 души муж. пола их детей, а по третьей переписи – 34 чел. городских дворян и отставных казаков¹⁰³.

В последующие десятилетия их было еще меньше, хотя в целом разряд военнотружеников и канцелярских пополнился за счет отставных солдат на поселении (см. табл. 41).

Регулярные войска, которыми казна все шире заменяла иррегулярное казачество, появились в Енисейске (две роты) еще в 1724 г.¹⁰⁴ В конце 30-х гг. они были реорганизованы в Енисейский полк численностью в 684 чел. Солдат использовали для сыска беглых, набора рекрутов, сбора подушных денег, проведения ревизий на таможенных заставах. Со строительством военных линий в Южной Сибири 200 солдат отправили в Верхнеиртышскую крепость, а в 1745 г. вывели оставшуюся часть полка¹⁰⁵.

В целом неподатное «постороннее» население Енисейска по численности и в экономическом отношении играло менее важную, чем в Красноярске, роль. Своими личными потребностями и казенными нуждами оно обеспечивало, хотя и неполную, но регулярную занятость части трудового люда города. Его пассивный вклад в формирование внутригородского рынка определенной емкости сокращался, но участие в производственной жизни Енисейска, особенно у служилых казаков и отставных чинов, возросло.

Трудовая податная часть постоянного «постороннего» городского населения Енисейска также была менее многочисленной, чем в Красноярске. Разночинцы и крестьяне быстрее растворялись в посаде. Казна широко использовала включенных в выписные казаки разночинцев Енисейска для комплектования Якутского и Охотского ландмилицких полков, отправляла их на пограничные линии и заводы¹⁰⁶.

К четвертой ревизии прежний сословный состав категории разночинцев, как выше уже отмечалось, почти полностью изменился. Ими стали называть лиц, имевших личный или временный неподатный статус (отставные солдаты и служилые люди, ссыльные «на своем пропитании» и на льготе).

Городских крестьян до 60-х гг. в Енисейске практически не было, если не считать по первой ревизии одного пашенного крестьянина и обитателей 12 пашенных дворов ссыльных, появившихся к 1735 г., которые ко второй ревизии переписались в посад¹⁰⁷. Особых затруднений они при этом не испытали, ибо с

1728 г. пашенных крестьян Енисейского уезда перевели с «государевой пашни» на фиксированный хлебный оброк¹⁰⁸.

После четвертой ревизии в Енисейске из местных разночинцев, сельских выходцев и посельщиков снова формируется группа городских крестьян, хотя с начала 90-х гг. власти энергичнее повели борьбу за соответствие сословного статуса их профилю хозяйственной деятельности и месту проживания. Вполне возможно, что возрождению категории городских крестьян способствовало прежде всего ужесточение сословной политики казны. Приписка в мещане была затруднена для тех, кто не занимался ремеслом или торговлей. Поэтому оторвавшиеся от земли люди, оседа в городе, оставались в крестьянском сословии. В это же сословие записывали местных разночинцев и мещан, живших «черной работой» в городе¹⁰⁹. Чтобы избежать переселения, они приписывались в ближние к городу сельские волости. Так, енисейский городничий Дмитрий Иванов, подавая в 1797 г. рапорт о составе и занятиях енисейцев, писал: «Крестьяне хотя и есть здесь в городе государственные, но хлебопашества никакого не имеют, а довольствуются разными ремесленными и судовыми работами. Они приписаны в уезд, к Усть-Тунгусской волости, почему тогда и к высылке принадлежат»¹¹⁰. Но городские крестьяне проживали в Енисейске и в первой четверти XIX в.

С развитием торгово-ремесленных функций Енисейска сформировалась еще одна специфическая категория «постороннего» населения. Ее члены не входили ни в число постоянных жителей, ни в городскую часть посадской общины. Судя по количеству городских дворов, предназначенных для их нужд, эти временные обитатели Енисейска составляли до 20 % горожан. Особенно много их здесь было во время знаменитой на всю Сибирь августовской ярмарки¹¹¹. Заметно оживлялся город с началом навигации по Енисею в июне¹¹². В городе непременно останавливались идущие в тобольскую и иркутскую стороны частные и казенные речные суда, а зимой – обозы. В Енисейск со всех мест Приенисейского края стекалось много людей для найма в «судовые работники», «к деланию судов» и просто в «разные работы». Один водный транспорт уезда ежегодно требовал, по свидетельству осведомленного енисейского воеводы В. Рыкачева, до 3000 чел. Го-

род давал 500–800 чел., а остальных – пришлые и жители ближних к городу волостей¹¹³.

Из всех слоев населения Енисейска только городская часть сложной общеуездной посадской общины постоянно увеличивалась в течение всего XVIII в. (см. табл. 41). Даже насильственные переселенческого и сословного характера меры казны, вырывавшие из рядов городского посада экономически слабых его членов, в крайнем случае лишали посад естественного прироста. Так случилось в период между второй и четвертой ревизиями (см. табл. 41).

За 75 лет между первой и пятой ревизиями численность городской части посадской общины выросла в 2,5 раза, или с 794 до 1981 души муж. пола, в то время как сельский посад увеличился в 1,47 раза, или с 1332 до 1960 душ обоих полов (без учета посадских, живших на отошедшей к Ачинскому уезду территории). Наибольшие темпы роста имели место в первой половине века, когда число городских посадских и цеховых удвоилось. И во второй половине века городская часть енисейской посадской общины, как уже отмечалось, продолжала расти за счет других сословных категорий, хотя общая численность горожан оставалась практически на прежнем уровне. Так, между первой и второй переписями и по второй ревизии в городской цех записались из уезда и города 64 крестьянина и 62 разночинца. По третьей ревизии крестьяне показаны в поздней Эрмитажной ведомости уже «купечествующими»¹¹⁴. Согласно ведомости о составе населения Тобольского наместничества в четвертую ревизию, в Енисейск прибыло по третьей ревизии 245 р. д., а по четвертой их уже было 334. Из них в 1762 г. в цех записалось 165 р. д., а по четвертой ревизии (с учетом 18 убылых и пришлых) – 231 р. д. В мещане соответственно поступило 80 р. д., убыло 20, а в 1782 г. насчитывалось 103 р. д.¹¹⁵

Пополнение рядов городского посада шло, несомненно, и извне. Наиболее заметно это было в первой половине XVIII в. Как сообщал автор середины XIX в., «к городу Енисейску приписывались в большом количестве люди свободных состояний из разных городов и уездов великороссийских и сибирских губерний: Казанской, Владимирской, Вологодской (преимущественно из

Великого Устюга), Пермской, Олонецкой, Новгородской, Вятской, Ярославской, Тобольской и других»¹¹⁶.

Однако главным источником демографического развития городской части посадской общины являлся естественный прирост, так как ее старожильческое ядро было многочисленным. Если принять данные 30-х гг. за типичные для всего века, а численность посада – увеличившейся за 30–90-е гг. ненамного, то город получил до 1875 душ муж. пола, или по 25 в течение 75 лет (см. табл. 32). Из них на долю посада (в 1719 г. – 49,4, в 1735 г. – 53,6 и в 1795 г. – 81,5 % горожан) придется 1153 души муж. пола, в то время как чистый прирост городского посада составил 373 души муж. пола (см. табл. 41).

Миграционные процессы в городском посаде, как видим, развивались в двух направлениях. Торгово-ремесленные слои Енисейска теряют в XVIII в., по крайней мере, половину естественного прироста и в то же время пополняются за счет сословной миграции и пришлых извне. При этом последние зачастую не хотят или не могут войти в состав городского посада. Размах этих в общем-то типичных для любого крупного населенного пункта встречных миграций был обусловлен конкретным содержанием экономической жизни города и всего Приенисейского края в XVIII в., а также, как отмечалось выше, переселенческой политической казны.

Очень развитые транспортные и товарораспределительные функции города¹¹⁷ усиливали в первую очередь подвижность посада. По мнению тобольского губернского землемера, Енисейск в конце XVIII в. был «центром сибирских водяных путешествий» и «главным торговым центром Тобольской губернии»¹¹⁸. До 70–80-х гг. почти все поступающие в Приенисейский край российские, западноевропейские и восточные товары шли через Енисейск. Транспорт и торговлю непосредственно обслуживали не менее 2/3 всей посадской общины. Так, в ведомости, поданной из Енисейска в Коммерц-коллегию, отмечено, что в 1775 г. из 3370 чел. прямо были связаны с торговлей 298 чел., а «при грубых работах» находились 1949 чел.¹¹⁹

Функции крупнейшего в бассейне Енисея и одного из трех самых крупных во всей Сибири ремесленных центров обусловили

широкое распространение здесь отхожих ремесел и промыслов. Отхожие ремесла, это одна из форм ремесленного производства на заказ, но как бы вывернутая наизнанку, из-за сибирских расстояний везде были массовым явлением. При той плотности населения подчас только таким образом могли существовать некоторые специфические виды ремесел. В Приенисейском крае с бурным освоением его южных районов отхожие промыслы и ремесла получили новый импульс в своем развитии. Например, в годы расцвета Енисейска еще до функционирования тракта население Красноярского уезда широко обслуживалось енисейской посадской общиной, в том числе городскими посадскими и цеховыми. Это видно из присяжной росписи тех членов посада Енисейска, которые в начале 1741 г. отлучились из города. В ней показано 25 посадских и 5 цеховых, которые все оказались в Красноярском уезде. Из них пришли «для иконного писания» – 3 чел., «для серебряного ремесла» – 3, для «плотнишных работ» – 2, для «оловяннишной работы» – 1, для «кузнешной работы» – 1, для «купечества» – 1, для «долговых взяток» – 1, «при откупе винном и винной продаже» – 2, «для работ» – 12, для «работ в Красноярском горном начальстве» – 2, «для пропитания в работе, понеже они весьма скудны и бедны» – 2¹²⁰.

Енисейцы-отходники, оседая на новом месте, давали жизнь многим ремеслам на территории Приенисейского края и в других районах Сибири. Так, в Красноярске от них пошло каменное строительство и иконописание. Упомянутый выше цеховой Федор Хренов был иконописцем и в 1741 г. все еще находился в Красноярске для «иконного художества»¹²¹.

Начавшаяся внутри- и межурездная специализация городского ремесла и промыслов как одно из средств противодействия наступающей неблагоприятной экономической конъюнктуре тоже в известной степени способствовала выходу из города ремесленников застойных и неконкурентоспособных специальностей. Они уходили в более благоприятные для своей производственной деятельности районы (близость источника сырья, повышенный спрос и т. д.).

В Енисейске наиболее развитым ремеслом в течение всего XVIII в. являлось кузнечное дело: в 1732 г. – 27 кузниц, 1765 г. –

44, в 1768 г. – 62 кузнеца, 1790 г. – 40 кузниц и 80 кузнецов и в начале XIX в. – 59 кузниц. Наоборот, отдельные ремесла по переработке животного сырья, изготовлению одежды, мыловарение и кожевенное дело постепенно свертывались¹²².

Наконец, возможность вести более выгодное в экономическом плане земледельческое хозяйство стала важным стимулом для выхода из города. Как уже отмечалось, треть сельского посада ее использовала и превратилась в хлебопашцев.

В целом количественные изменения и динамика сословной структуры Енисейска характеризовались увеличением доли трудового населения и торгово-ремесленных слоев среди горожан. Это было результатом не только сословной политики властей, но и следствием развивающегося общественного разделения труда. Оно шло как в межрайонном (на экологической основе), так и в межотраслевом (на производственной основе) направлениях. Эти направления были подосновой территориальных передвижений горожан, повышенной сезонной миграции и широкого отходничества, наличия значительного контингента «постороннего» временного, но постоянно жившего в городе населения.

Демографические процессы уже очертили начало застойного периода в общем развитии Енисейска, но сословно-социальные изменения еще обнаруживают поступательное развитие города как социально-экономического организма. Однако потенциалы сохранения и развития существовавшего хозяйственного уклада были почти исчерпаны, ибо ведущими двигателями в этом отношении стали транспортные и товарораспределительные, а не чисто производственные функции.

Первые симптомы будущего штиля – стабилизация численности города и снижение удельного веса горожан среди населения всего Енисейского уезда, значительные количественные и качественные потери, понесенные енисейской посадской общиной, особенно ее сельской частью.

ТУРУХАНСК

Новая Мангазея, или Туруханск, основанный в 1608 г. и ставший уездным центром в 1672 г., хотя и был наследником «златокипящей» Мангазеи, но никогда не поднимался до ее уровня.

Будучи самым крупным в XVIII в. населенным пунктом Приенисейского Севера, он полностью разделил судьбу его русского освоения. Функционально и численно Туруханск окончательно сформировался к первой четверти XVIII в., а затем застыл в своем развитии. Общая численность населения города практически оставалась на одном уровне и составляла в среднем 300 душ муж. пола в 100 дворах¹²³ (табл. 42).

Таблица 42

Численность населения Туруханска в XVIII в., душ муж. пола

Время учета	Духовенство	Военнослужительские и приказные	Торгово-ремесленные категории		Разночинцы	Крестьяне	Итого в городе	
			кушцы	посадские и цеховые			дворов	душ
1722 г.	3	146	?	?	129	18	?	296
1735 г.	12	139	40		129	–	102	320
1747 г.	8	93	38	24	137	–	?	300
Вторая ревизия (ретроспективно)	8	–	38	24	–	125	?	?
1762 г.	10	25	58	27	3	127	?	250
Третья ревизия (ретроспективно)	7	–	–	28		117	?	?
1782 г.	7	109	13	69	13	110	?	311
1782 г. (ретроспективно)	17	133	27	14	–	51	?	?
1795 г.	7	109	26	56	12	136	99	346
20-е гг. XIX в.	7	120	–	121	2	16	65	266

Примечание. См.: табл.33, а также: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, л. 110–112; ф. 181, оп. 1, д. 272, л. 137; ГАКО, ф. 655, оп. 1, д. 2, л. 35 об. – 36; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в., с. 143, табл. 2, 3; Рафиенко Л.С. Функции и деятельность городских магистратов Сибири в 40–70-х гг. XVIII в., с.42–43, табл. 2, 3.

Словно-социальная структура горожан, менявшаяся в общем для всех городов Средней Сибири направлении, тоже определилась в 20-е гг. XVIII в. В последующие десятилетия количественное соотношение основных сословных категорий города сохранялось неизменным.

В Туруханске, в отличие от других городов Средней Сибири, служилых людей было сравнительно много, так как на них лежал сбор ясака с рассеянного по громадной территории уезда нерусского населения.

После первой ревизии их насчитывалось 146 чел., а по расписанию штатов 1732 г. сократили до 100, в том числе оставили 4 детей боярских. В 1735, 1747 и 1782 гг. общий штатный состав рядовых и командных чинов туруханских служилых не менялся. Реальное количество городских казаков колебалось, так как они и их дети, занимаясь промыслами, переходили в другое сословие. Во время массовых посылок в отдаленные казенные службы некоторые мангазейские казаки тоже выбывали из своего общеуездного служилого общества. Убыль обычно восполнялась служилыми Енисейска и Красноярска. Приказные и канцелярские служители составляли незначительную прослойку, хотя в связи с городской и губернской реформами 1775–1782 гг. она выросла в 2 раза. С членами семей их число колебалось от 3 до 15 чел.

Разночинцев и крестьян в городе было примерно столько же, сколько служилых людей. Во второй половине XVIII в., когда разночинцев включили в состав крестьян, эту категорию в Туруханске представляли только одиночные ссыльные.

Наряду с городскими крестьянами здесь постоянно проживали монастырские крестьяне: их насчитывалось в 1735 г. – 14, 1762 г. – 15 и в 1782 г. – 21 р. д. Это свидетельствует о хозяйственной активности Туруханского Троицкого монастыря, расположенного от города ниже по Енисею напротив устья Нижней Тунгуски. Немногочисленных дворовых, показанных в табл. 41 в крестьянах, обычно привозили воеводы (в 1762 г. – 3, 1782 г. – 11 р. д.). В целом трудовые категории «посторонних» жителей города составляли примерно одинаковый процент от общеуездного своего числа и от всех горожан (30–35 %).

Городская часть туруханской посадской общины занимала в городе меньший удельный вес, чем вся община в русском населении уезда (1/4 и 1/3). Это объясняется промысловым профилем деятельности ее членов. Характер занятости городского посада в известной степени отражают данные о купцах и цеховых в табл. 42. Преимущественно ремесленной деятельностью занимались очень немногие. Если Мангазея, как установили советские археологи, была значительным ремесленным центром, то о Туруханске XVIII в. этого нельзя сказать. Так, в присланной в 1775 г. в Коммерц-коллегию ведомости отмечено 16 цеховых. За исключением 4 плотников, все они занимались изготовлением одежды и обуви. В городе было два портных, один «рукавишник», 3 «чюлошника» и 6 «чарошников»¹²⁴. Их число сокращалось, ибо в 60-х гг. XVIII в. среди 219 членов уездной посадской общины было указано 26 занимавшихся ремеслом цеховых¹²⁵.

По той же ведомости 1775 г., кроме ремесленников, в городе показано 10 купцов третьей гильдии. Здесь же отмечается; что, скупая пушнину в уезде, они никуда не выезжают, а продают ее на местной ярмарке. Хорошо информированный мангазейский капитан-исправник Богданович, как отмечалось выше, считал мангазейских купцов приказчиками енисейских.

Прочие мещане города и уезда, согласно той же ведомости, «по большей части удовольствуются звериными и рыбными промыслами и продают оные в г. Мангазее на ярмарке... где великорусские и сибирские купцы продают всякие разные и мелочные товары»¹²⁶.

Все сословные категории городского населения, по своему происхождению потомство выходцев «из русских городов и Енисейска»¹²⁷, воспроизводились почти исключительно естественным путем. Их пополнение за счет пришлых и ссыльных носило единичный характер. Случаи перехода из сословия в сословие были редкими, что объясняется однотипностью хозяйственной жизни почти всех горожан. К четвертой переписи только один государственный крестьянин записался в мещане, а по поздней Эрмитажной ведомости он показан «купечествующим»¹²⁸.

Специфическими особенностями городской жизни были массовая сезонная миграция жителей Туруханска и периодические

наплывы временного населения. В «Описании Мангазеи с уездом», относящемся к 1784 г., сказано, что зимой в городе «малоллюдство», так как все уходит на промысел. Летом же после ярмарки вновь все разъезжаются на летовья для рыбной ловли. Тогда же в зиму «линялых гусей тысячами бьют»¹²⁹.

Вся экономическая жизнь горожан и уездных русских жителей определялась довольно крупной ежегодной ярмаркой, которая проводилась в городе с открытием Енисея для судоходства в конце июня – июле. На ней приобретали все необходимое, в первую очередь хлеб на весь год.

Итак, в силу ярко выраженной на естественно-географической основе промысловой специализации своего экономического района Туруханск был почти исключительно товарораспределительным центром. Демографические условия его существования не способствовали качественному вызреванию двух важнейших функций горообразования – производящему типу неземледельческого ремесленного производства и развитой коммунальной городской жизни.

АЧИНСК

Как населенный пункт Ачинск возник еще в XVII в. Ему выпала довольно причудливая судьба. Около 100 лет Ачинский острог не имел своего постоянного населения и почти полвека кочевал с места на место. Поставленный в 1641 г. скорее всего близ устья р. Серж, он в 1682 г. «перешел» на правый берег Чулыма близ устья Тептятки, и только в 1710 г. сын боярский Цицурин построил на р. Ачинке новый острог¹³⁰.

С приходом мирной жизни на берега Чулыма Ачинск из опорного военного пункта с гарнизоном годовальщиков превращается в центр миссионерской деятельности. Д.Г. Мессершмидт, побывавший в Ачинске в 1722 г., сообщал, что в остроге имелось «едва три дома». В них размещались годовальщики и священник, приводивший в христианскую веру обитателей окрестных среднечулымских улусов¹³¹.

Хотя вокруг лежали плодородные земли, Ачинск был малодоступен для русских вольных поселенцев, так как находился в окружении ясачных угодий. Первые постоянные жители в нем появились, вероятно, между 1735–1745 гг., когда в связи с устройством Красноярских казенных заводов и учреждением Московско-Сибирского тракта оживилось конное верховое сообщение между Томском и Енисейском. Были, очевидно, отправлены желающие поселиться в этом еще небезопасном районе. В Енисейском уезде из дер. Тарской вызвалась перейти на нетронутые земли большая, из 18 р. д., крестьянская семья Ярлыковых, состоявшая из 4 женатых братьев (двух Яковов, Ивана и Егора). Так как Ачинск подчинялся Томску, то на перевод в другой уезд подушных плательщиков потребовалось особое разрешение Сибирской губернской канцелярии.

Томск же, видимо, не найдя еще желающих, «причислил» в острог пять семей ссыльных. У двоих из них были 9-летние сыновья. Скорее всего в то же время Томскому Алексеевскому монастырю разрешили перевести в Ачинск 4 своих крестьян¹³². В таком составе – 7 семей и 29 душ муж. пола – первые постоянные податные жители Ачинска были учтены второй ревизией¹³³.

Ярлыковы прижились на новом месте и стали уже расселяться по ближней округе. Так, семьи старшего из Ярлыковых Якова и Ивана были отмечены третьей ревизией в старейшем на Среднем Чулыме с. Серее и в дер. Мазульской. Из насильно присланных к этому времени никого здесь не осталось. Трое ссыльных умерли, а остальные переселились в Томск и дер. Кемерово Томского уезда¹³⁴. О монастырских крестьянах данных нет. В итоге первопоселенцев с учетом естественного прироста (16 р. д.) насчитывалось в Ачинске 34 души муж. пола.

В жизни бывшего острога в этот период произошли большие перемены. В 1757 г. трассу тракта изменили, и Ачинск оказался почтовой станцией у перевоза через Чулым. В середине августа 1762 г. старожилы были свидетелями прибытия своих невольных соседей – посельщиков, сосланных помещиками из «великорусских крестьян за предерзости». В первой партии насчитывалось 134 души муж. пола и 102 души жен. пола, в том числе 71 семья с 15 детьми муж. пола и 24 жен. пола, 58 холостых муж-

чин и 7 вдов¹³⁵. О трудностях их первичного устройства, усугубленных неурожаем и произволом «посельщичьих смотрителей», выше уже писалось. Хотя присылки людей еще не раз повторялись, но число посельщиков росло медленно. В 1771 г. они жили в 65 дворах, всего 157 душ муж. пола и 132 души жен. пола, из которых 38 душ обоих полов были подворниками¹³⁶.

Многие посельщики умирали, другие разбежались или уходили на вскоре открытые Боготольский и Краснореченский винокуренные заводы. Обжившихся посельщиков до новой ревизии приписывали как крестьян или посадских в податные списки прежней третьей ревизии и обязывали нести соответствующие платежи. К моменту проведения четвертой переписи таких посельщиков вместе со старожилами и вольными пришлыми было 393 р. д., в том числе 26 мещан.

К этому времени оказались в Ачинске и две семьи тобольских ямщиков, которых казна, как отмечалось выше, переселяла на восток от их родных мест по Московско-Сибирскому тракту. Из соседней вверх по Чулыму деревни пришла семья приписного к Барнаульским заводам крестьянина – всего 8 душ муж. пола (табл. 43). Новая ревизия 1782 г. зафиксировала те изменения в составе этих семей, которые произошли в них после переселения.

Ачинск к 1782 г. стал довольно крупным по тем масштабам населенным пунктом¹³⁷. Это не было просто результатом усилий властей по обеспечению бесперебойной работы важного перевоза. Ачинск, оказавшись на перекрестке водного и сухопутного путей сообщения, постепенно превращался в товарораспределительный и транспортный центр. Через него проходил весь хлеб южных волостей Красноярского уезда, перевозимый водным путем на Барнаульские заводы, в низовья Чулыма и Оби. Единственный из притрактовых селений Ачинск непосредственно граничил с основным ареалом размещения хакасов. У большой дороги развернулась оживленная меновая торговля. Все чаще можно было встретить на улицах Ачинска томских, енисейских, кузнецких, красноярских и других городов купцов и приказчиков. Возведение его в ранг уездного города, центра новообразованного уезда, означало, что в экономическом отношении Ачинск занял ведущую роль в бассейне Среднего Причулымья.

Началась самая блестящая страница истории Ачинска XVIII в. Новоиспеченный город быстро приобрел типичную для феодального города сословную структуру. Обосновались своими домами капитан-исправник, городничий, канцелярские служилые, начальник городской военной команды. В новом городе пожелали поселиться 12 отставных солдат с семьями, несколько десятков семей енисейских мещан, некоторые окрестные крестьяне. Продолжалось принудительное переселение людей (см. табл. 43). В городе учреждается ежегодная ярмарка, а в начале 90-х гг. – вторая. Назначенные на 6 декабря и 9 мая ярмарки привлекали значительное число людей.

Шли годы. Вопреки ожиданиям Ачинск рос медленно, хотя и продолжал сохранять свои транспортные и товарораспределительные функции¹³⁸. Сказывалась общая слабая заселенность окрестного района. Отпугивали частые внеочередные требования людей, лодок и подвод для переброски через Чулым различных казенных грузов. Отрицательно повлияла отмена обязательных поставок провианта в Барнаул. Только в случае нехватки в при заводских уездах хлеба в Красноярском и Ачинском уездах появлялись заводские скупщики. Со временем приток поселенцев в город стал лимитироваться и земледельческим уклоном хозяйств ачинских жителей.

Поэтому к пятой ревизии Ачинск, еще будучи уездным городом, вырос всего на 19,3 %, или с 535 душ муж. пола до 638 (см. табл. 43). Увеличение числа мещан было связано не столько с вольными переселениями, сколько с попытками властей свести всех сельских мещан в города. Правда, многого добиться не удалось.

В городе из 1729 мещан жило только 198¹³⁹. Уже после перевода Ачинска в заштатный город, когда учредили в нем ратушу, была сделана еще одна попытка переселить в город всех бывших в ведении Ачинского уезда сельских мещан. Но они, главным образом мещане Красноярского старожильского района, дружно запротестовали, утверждая, что «им городской промысел совсем не сведом»¹⁴⁰.

**Численность и удельный вес населения Ачинска
в XVIII в., душ муж. пола**

Категории населения	1762 г.		1784 г.			1795 г.		20-е гг. XIX в.
	уезди город	город с при- пиской	уезди город	город		уезди город	город	уезди город
				дво- ров	душ			
Податные, всего	9395	401	9016	?	460	9267	499	1007
В том числе:								
кушцы	–	–	–	–	–	–	3	4
мещане	–	26	–	?	42	1729	198	494
государственные крестьяне	8233	367	7875	?	407	6768	298	509
экономические крестьяне	973	–	811	–	–	716	–	–
прописные крестьяне	151	8	188	1	11	–	–	–
дворовые	38	–	72	–	–	54	–	–
отставные солдаты	–	–	68	–	–	–	–	–
Неподатные всего	299	7	343	?	75	221	139	23
В том числе:								
духовенство	92	5	161	1	8	95	9	7
военнослужилые и канцелярские	?	–	?	9	29	?	?	16
ямщики	27	2	24	?	2	?	20	–
посельщики на льготе	?	–	?	3	14	?		–
отставные служилые и их дети	?	–	12	?	12	–	55	–
ссылные	?	–	38	?	10	–	55	–
прочие	?	–		–	–	–	–	–
Итого	9694	408	9359	144	535	9488	638	1030

Примечание. См.: ЦГАДА, ф. 248, оп. 59, д. 4342, л. 457 об. – 464, 473 об. – 479; ЦГИА, ф. 571, оп. 9, д. 1883, л. 134–138 об.; д. 1885, л. 127 об. – 131; ф. 558, оп. 1, д. 274, л. 25–64 об.; ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 53; д. 44. л. 34 ГПБ РО, ф. 20, порт. 4, д. 12, л. 5 об.; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 222, л. 1–33 об.; Вторая памятная книжка Енисейской губернии, с.19–20; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Спб. 1889, ч. 1, с. 70; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в., с. 142, табл. 1. Их данные самые поздние и потому расходятся в сторону превышения, они использовались для сверки и восполнения пропусков (В.М. Кабузан приводит следующие данные: государственных крестьян по третьей ревизии – 8759, по четвертой – 8481).

Городом в полном смысле слова Ачинск, даже когда он был уездным городом и центром значительной общеуездной общины, нельзя назвать. Даже то обстоятельство, что он являлся заметным товарораспределительным центром, не меняет дела, ибо эти функции выполняли главным образом не постоянные его жители, а временное население. Торговые же фактории еще не заносились в ранг городов. История таких населенных пунктов, как Ачинск, не позволяет полностью принять выдвинутые Я.Е. Водарским¹⁴¹ критерии города. Эти критерии, вероятно, должны отражать масштабность своего проявления в экономической жизни самого города и района, который контролируется городом.

В целом миграционные процессы в городах Средней Сибири представляли собой составную, подчиненную часть общего демографического развития Приенисейского края. В условиях активного земледельческого освоения свободных территорий старые города Енисейск и Туруханск утратили прежние высокие темпы своего роста, а новый официальный город Ачинск не вышел за рамки относительно крупного земледельческого поселения. По темпам количественного развития енисейский город не успевал за деревней. За время с 1722 по 1795 г. городское население увеличилось всего на 4,5 %. Удельный вес его во всем русском населении края неуклонно падал: в 1722 г. – 21,6, 1747 г. – 17,2, 1762 г. – 16 %, в 1782 г. – 9,2 и в 1795 г. – 9,8 %. Если же отнести к городу сельскую часть общеуездных посадских общин, то это не меняет общей тенденции: в 1722 г. – 35,5, в 1747 г. – 32,7, 1762 г. – 29,6 %, в 1782 г. – 23,5 и 1795 г. – 23,2.

То есть процесс горообразования в территориальном и производственном аспектах был обратимым. Все города, не считая Ачинска, количественно почти не росли.

Вместе с тем города сделали новый шаг вперед. В Красноярске сложилось небольшое, но устойчивое торгово-ремесленное ядро, а вся красноярская посадская община бурно разрасталась, подготавливая тем самым условия для интенсивного роста как Красноярска, так и складывающихся местных центров торговли и ремесла в Среднечулымском (Ачинск), Канском и Минусинском районах. В Енисейске в этот период, безусловно, преобладали торгово-ремесленные категории населения.

Таблица 44

Динамика русского населения Приенисейского края в XVIII в., душ мужского пола

Составные группы	Красноярский уезд					Енисейский уезд					Мангазейский уезд					Итого в крае				
	1722 г.	1747 г.	1762 г.	1782 г.	1795 г.	1722 г.	1747 г.	1762 г.	1782 г.	1795 г.	1722 г.	1747 г.	1762 г.	1782 г.	1795 г.	1722 г.	1747 г.	1762 г.	1782 г.	1795 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Духовенство	6/11	60/11	132/11	246/18	220/18	315/35	120/35	90/40	158/50	158/48	3/3	20/8	17/10	32/7	32/7	378/49	200/54	239/61	436/75	410/73
Военно-служилые и приказные	864/142	529/301	495/301	1226/224	704/441	561/364	657/305	572/250	391/391	341/339	323/146	327/93	181/25	135/122	143/121	1750/652	1513/699	1248/737	1752/737	1188/901
Разночинцы	4169/1237	5152/667	754/754	-	-	3034/682	2475/633	-	-	-	368/129	137/137	18/3	-	-	7571/2048	7764/1487	772/757	-	-
Крестьяне	957/52	1643/55	8748/563	20701/548	21863/217	4190/77	6557/58	10949/625	9902/520	11184/416	150/18	218/-	381/127	525/100	273/136	5297/147	8418/113	20078/1315	31128/1188	33320/769
Торгово-ремесленные	755/17	1430/113	1894/100	3095/236	3889/445	2622/1116	3348/1425	3172/1379	4219/1470	3941/1470	404/40	278/62	245/85	330/82	429/82	3781/1173	5056/1600	5311/1564	76/44	8259/2508
Итого	6805/1459	8814/1147	12023/1880	25268/1026	26676/1121	10792/2274	13157/2536	14783/2294	14670/2631	15624/2784	1250/336	980/300	842/250	1022/311	1887/346	18777/4069	22951/3953	27648/4434	40950/3768	43177/4251
% горожан	21,4	13,0	15,8	4,1	4,2	21,2	19,0	15,6	16,6	17,8	26,9	30,6	29,7	30,4	39,4	21,6	17,2	16,0	9,2	9,8

Окончание табл. 44

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
% торго- во-ремес- ленные группы	11,1	16,2	15,7	12,2	14,6	24,4	25,4	21,4	28,7	25,2	32,3	28,4	29,0	32,3	48,9	20,1	20,0	19,2	18,7	19,1
Всего на- селенных	65	128	?	316	413	120	190	?	294	303	102	160	?	161	148	287	478	?	771	864
Ясачные	?	?	2316/ 1309	3181/ 1482	3639/ ?	?	?	1093	1234	1205	?	?	2524	2551	3267	?	?	7933	8448	9593

Примечание. Источники: см. табл. 28, 33, 37, 41, 42, 43. Уезды в старых границах. В числителе – город с уездом, а знаменателе – только город. В силу административно-территориальных изменений и специфики источников приводимые поездные данные не претендуют на безусловную точность. Сведения по духовенству и военнослужилым группам носят ориентировочный характер. В служилые включены отставные чины и разночинцы второй половины XVIII в. К крестьянам отнесены дворовые и поселыщики.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: Черкасова А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия. – Учен. зап. Перм. гос. ун-та, 1970, № 227, с. 50–61; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977, с. 316–324. При этом сам факт существования сельской части посадской общины трактуется по-разному. Фактический материал не позволяет согласиться с П.Г. Рынзюнским и Ю.Р. Клокманом, которые сводят это присущее российскому феодальному городу явление к региональной специфике отсталых окраин (см.: Рынзюнский П.Г. Новые города России конца XVIII в. – В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 370; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города второй половины XVIII в. М., 1967, с. 267–268). О распространенности приписки к городу сельского посада см.: Устюг Великий. Материалы по истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883, с. 164, 280, 284; Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII вв. М., 1884, с. 175–186, 190; Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование имп-цы Екатерины II. Вятка, 1885, с. 23, 74, 100, 165; Углич. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1887, с. 146, 149, 160; ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3595 (переписная книга по Торжку с уездом), л. 15, 131 об. – 134, 137 об.; История Москвы. М., 1953, т. 2, с. 71.
- ² Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск, 1958, с. 52; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в. – В кн. Освоение Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1968, вып. 3, с. 167; Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. – В кн.: Бахрушинские чтения, 1966 г. Новосибирск, 1968, вып. 3, с. 40; Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX в.). – В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 52–53; Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, с. 26, 30, 32, 37–43.
- ³ Вилков О.Н. К характеристике городов Восточной Сибири XVIII в. – В кн.: Бахрушинские чтения, 1971 г. Новосибирск, 1972, вып. 2, с. 39–41; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, 54, 115–116.

- ⁴ Признание важности такого подхода еще не означает принципиальной позиции автора этих строк по отношению к сложнейшей проблеме «рассеянного города».
- ⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977, с. 316–317.
- ⁶ См. об этом: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города второй половины XVIII в., с. 201.
- ⁷ Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX в.). Иркутск, 1959, с. 50.
- ⁸ Полянский Ф. Я. Ремесло и мануфактура России в XVIII в. М., 1960, с. 37; Вилков О.Н. К истории Красноярска и Сибирского тракта в XVIII в. – В кн.: Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1977, с. 52, 54, 57–59.
- ⁹ Водарский Я.Е. Население России конца XVII – начала XVIII в., с. 317.
- ¹⁰ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4, с. 3.
- ¹¹ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в., с. 89–92.
- ¹² В общем плане об этом впервые писал В.В. Воробьев (см.: Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири, с. 50).
- ¹³ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 66, л. 212–223.
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 2–305 об. Подсчет наш. Так как они оставались в пределах уезда, то местных мигрантов не показали в итоговой ведомости переписной книги (л. 318 об.), а также в отдельной «Книге убылого населения...» между первой и второй переписями (д. 1659).
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 516, ч. 2, л. 3–5 об.; ф. 291, оп. 2, д. 6720, л. 1 об.; ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 31; д. 238, л. 1–3; ф. 47, оп. 1, д. 31, л. 3 об.; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, кн. 2, ч. 3, с. 505; Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre. 1733–1743. Gottingen, 1752, т. 3, S. 362.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 5–8 об.; Полное собрание ученых путешествий по России. Записки путешествий академика Фалька. Спб., 1824, т. 6, с. 415.
- ¹⁷ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 143, л. 65.
- ¹⁸ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 1, л. 2.
- ¹⁹ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 323, л. 48.

- 20 ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 187, л. 330, 382.
- 21 Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2432, л. 6; кн. 3, л. 572; кн. 56, л. 113; кн. 62, л. 23; кн. 64, л. 92.
- 22 Там же, ф. 248, оп. 4, д. 187, л. 330–340 об.
- 23 Там же, ф. 1019, оп. 1, д. 46.
- 24 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 1–3 об.; 36–38.
- 25 ЦГВИА, ф. 19, оп. 5/29, д. 685, л. 11–12, 15.
- 26 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 1–51; ф. 47, оп. 1, д. 32, л. 1–3 об. Подсчет наш.
- 27 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 138, л. 12.
- 28 ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, л. 88 об.
- 29 ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1657, л. 1–27; д. 1659, л. 1–37. Подсчет наш. После третьей ревизии часть разночинцев попала в переведенцы в Забайкалье.
- 30 ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 5, д. 31664, л. 83, 90, 90 об., 93, 94, 96, 98, 99, 99 об., 106, 107, 108 об.
- 31 Там же, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 74–76; д. 1569, л. 185–263 об.
- 32 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 18–22, 31–40.
- 33 Там же, ф. 47, оп. 1, д. 32, л. 3 об.
- 34 Там же, ф. 609, оп. 1, д. 70.
- 35 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 63, л. 266 об. – 267; д. 238, л. 1–1 об.
- 36 Там же, ф. 47, оп. 1, д. 14, л. 58; д. 6, л. 32 об. –35.
- 37 Там же, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 31, 51.
- 38 ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2432, л. 12, 19, 30 об.
- 39 Всего по первой ревизии в городе было 4 семьи цеховых из ссыльных (5 душ муж. пола) (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 45 об., 47). Приживаемость по семьям составит 25 %.
- 40 По именному указу от 13 ноября 1740 г. в память Анны Иоанновны было велено «сосланных в каторжную работу с вырезанием ноздрей за побеги драгун, солдат, матрозов и рекрут, от той работы освободить и послать в Сибирь... по городам и дать им волю, кто чем может пропитание иметь» (см.: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 2, л. 58).
- 41 По второй ревизии в цех по городу и уезду была записана 31 душа муж. пола из 17 семей ссыльных и присланных с заводов людей (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 45–47).
- 42 Между первой и второй ревизиями прибыли из разных мест Сибири, Поморья и России и записались в 1747 г. в посад 25 р. д. из 11 семей и

в цеховые – 66 р. д. из 38 семей. Однако трудно установить, как они сразу распределились между деревней и городом (см.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 36–37 об., 39, 44, 46).

- ⁴³ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 38.
- ⁴⁴ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 37; ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 4 об. – 6.
- ⁴⁵ Там же, ф. 122, оп. 1, д. 6, л. 74 об.
- ⁴⁶ Там же, ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 3–8.
- ⁴⁷ Там же, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 5.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 41 об.
- ⁴⁹ ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 6, л. 75.
- ⁵⁰ Там же, д. 53, л. 10.
- ⁵¹ ГАКК, ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 7, 16.
- ⁵² Там же, ф. 47, оп. 1, д. 6, л. 270–276.
- ⁵³ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 1–11 об.
- ⁵⁴ Там же, д. 5, л. 2–62.
- ⁵⁵ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 16, л. 17 об.; ф. 122, оп. 1, д. 23, л. 7, 10 об. – 11, 16. Из них 3 чел. стали купцами, а 27 из цеховых по манифесту 1775 г. были записаны в купечество.
- ⁵⁶ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 49, 54–62, 255–258; ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 58, л. 409–410.
- ⁵⁷ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 170 об.
- ⁵⁸ ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 12, 14, 15 об., 18 об., 22 об., 24, 34 об., 40, 56, 82.
- ⁵⁹ Там же, д. 5, л. 135 об., 136, 138, 144, 160 об., 177 об., 233 об.
- ⁶⁰ ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 23 об., 29 об., 32; д. 5, л. 160 об.
- ⁶¹ ЦГИА, ф. 558, оп. 2, д. 273, л. 166 об. – 167.
- ⁶² ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 18–18 об., 36 об. – 39.
- ⁶³ Там же, л. 35 об. – 57, 58–61, 61 об. – 82, 88–89, 92–96.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 12 об. – 13; ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 2–42. Поскольку между этими документами разрыв в 8 лет, а у обширной в виде обычного дела ведомости 1783 г. низ обгорел, то приводимые ниже сопоставления дают общую картину различий городского и сельского ремесла и торгов, а не количественные их характеристики.
- ⁶⁵ ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 2, л. 10, 18 об., 20–21, 23 об. – 26, 33, 36 об. – 39, 53, 57, 77, 82, 83, 89, 91 об., 92, 96.
- ⁶⁶ ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 13.

- 67 ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 9, 12; ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 7 об., 15 об.
- 68 ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 945, л. 130 об.
- 69 Там же, ф. 273, оп. 1, д. 31782, л. 90.
- 70 Там же, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6092, л. 61 об. – 62 об.
- 71 ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 12 об.
- 72 ГАКК, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 1 об. – 2.
- 73 Там же, ф. 47, оп. 1, д. 6, л. 32 об.
- 74 Там же, ф. 122, оп. 1, д. 53, л. 2; д. 6, л. 74 об. – 76.
- 75 Там же, ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 6 об., 14 об. – 15.
- 76 Там же, ф. 47, оп. 1, д. 14, л. 58–59 об.; ЦГВИА, ф. 19, оп. 51 /29, д. 685, л. 11.
- 77 Об отношении к этому мещан бывшего Ачинского уезда, т. е. значительной части Красноярского посада до 1782 г., см.: Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. – Соч. Спб., 1908, т. 3, с. 651–652.
- 78 ГАКК, ф. 160, оп. 2, д. 5, л. 62 об. – 258.
- 79 ГАТО, ф. 730, оп. 1, д. 124, л. 41.
- 80 Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в., с. 317.
- 81 Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в., с. 39, 45–48.
- 82 Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири, с. 49–50; История Сибири. Л., 1968, т. 2, с. 324.
- 83 Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири, с. 49; Воробьева Т.Н. Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в. – Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. о-ва СССР, 1965, т. 63, с. 36–37; Вилков О.Н. К истории Енисейска, Илимска и Киренска в XVIII в. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977, с. 197.
- 84 Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964, с. 94–96.
- 85 ЛО ААН СССР, ф. 106, д. 61, л. 2. Учитывая высокую достоверность этого источника следует считать неточным сообщение П.М. Головчева, что в Енисейске в 1767 г. насчитывалось «более 1000 домов». Возможно, он имел в виду и хозяйственные постройки (см.: Головачев П.М. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этнод по истории Сибири XVIII в. М., 1889, с. 24).
- 86 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19107, л. 202 об.

- ⁸⁷ Архангельский И. Город Енисейск. Енисейск, 1923, с. 20; ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 81, л. 26 об. – 118. Подсчет наш.
- ⁸⁸ Александров В.А. Русское население Сибири..., гл. VI.
- ⁸⁹ В городе лавки были открыты даже в религиозные праздники, но в этих случаях торговали через дверь (см.: Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre, t.1, S. 353).
- ⁹⁰ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31738, л. 32; ф. 428, оп. 1, д. 276, л. 28, 40, 46.
- ⁹¹ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31738, л. 31 об., 33 об.
- ⁹² Там же, ф. 350, оп. 3, д. 946, л. 52 об.
- ⁹³ Спасский Г.И. Описание г. Енисейска. – Сиб. вестн. за 1824 г. Спб., 1825, ч. 4, с. 319–321; Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в XVII – XVIII вв. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1971, с. 298.
- ⁹⁴ ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 272, л. 132; ф. 24, оп. 1, д. 25, л. 22; Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1840, т. 13, с. 594.
- ⁹⁵ ¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 187, л. 331 об.; Потанин Г.П. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в первой половине XVIII столетия. – Вестн. Рус. Геогр. об-ва, 1860, т. 29, кн. 8, с. 235.
- ⁹⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 55, 60, 79, 120; ф. 1019, оп. 1, д. 23, 28, 30, 37, 46, 54. Енисейскому казачеству особенно были памятливы годы работы в Сибири Второй Камчатской экспедиции. Помимо обязанности закупать и доставлять до Илимска хлеб, коровье масло, пеньку, канаты, холст и бечеву, их привлекали к строительству судов и брали в «само плавание». Первая партия в 100 чел., набранная в 3 уездах Енисейской провинции, была отправлена в Охотск для «строения судов». Многие из этой партии, не выдержавшие жестоких притеснений Мартина Шпанберга, самовольно вернулись домой. Но зачинщиков наказали и всех снова отправили в Охотск (см. об этом: ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 65, л. 67–68, 73 об., 90 об. – 95, 99, 104–111 об; ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 5. д. 127, л. 13, 14, 19; Быконя Г.Ф. Беринг на берегах Енисея. – Красноярский рабочий, 1977, 13 мая).
- ⁹⁷ ЦГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 9, л. 1–4 об.; д. 150, л. 58.
- ⁹⁸ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 31738, л. 1–46. Подсчет наш.
- ⁹⁹ Там же, л. 28 об., 29 об., 34.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 23.
- ¹⁰¹ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10 б, д. 61, л. 2.
- ¹⁰² ЦГВИА, ф. 23, оп. 1/21, д. 317, л. 7.

- ¹⁰³ ЦГАДА, ф. 258, оп. 1, д. 3630, л. 42 об. – 43; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в., с. 168, табл. 1.
- ¹⁰⁴ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, с. 594.
- ¹⁰⁵ Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири, с. 11, 35; Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (1742–1762). Томск, 1887, т. 3, с. 95, 97.
- ¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 23; ф. 214, оп. 5, д. 2720, л. 10 об.
- ¹⁰⁷ Там же, ф. 248, оп. 1, д. 107, л. 12, 14; д. 126, л. 3.
- ¹⁰⁸ Там же, ф. 415, оп. 1, д. 143, л. 14–20; ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 14 об., 28 об., 35.
- ¹⁰⁹ ТФ ГАТО, ф. 341, оп. 1, д. 349, л. 111 об.
- ¹¹⁰ ТФ ГАТО, ф. 341, оп. 1, д. 349, л. 111 об. В 1807 г. их было 210 р. д. (см. д. 1, л. 56 об.).
- ¹¹¹ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962, t. 1, S. 201; Gmelin I.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahre, t. 1, S. 341–343; ЛО ААН СССР, ф. 10 а, д. 192, л. 2 об. – 3.
- ¹¹² ЛО ААН СССР, ф. 106, д. 126, л. 6–6 об.
- ¹¹³ ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 310, л. 29–34.
- ¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 6, л. 249; ф. 397, оп. 1, д. 441, л. 71 об.; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (РО, Эрмитажное собрание), № 242, л. 90–91.
- ¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 457 об. – 458.
- ¹¹⁶ Вторая памятная книжка по Енисейской губернии. Спб., 1865, с. 6.
- ¹¹⁷ Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в., с. 43, табл. 2; Вилков О.Н. К истории Енисейска, Илимска и Киренска в XVIII в., с. 198.
- ¹¹⁸ ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 170 об.
- ¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 8, 9. Это с сельским посадом.
- ¹²⁰ Там же, ф. 428, оп. 1, д. 226, л. 1 об. – 10 об.
- ¹²¹ Там же, л. 9.
- ¹²² ЦГАДА, ф. 173, оп. 1, ч. 7, д. 31738, л. 4–31. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865, с. 5; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19107, л. 202 об.; Сибирский вестник за 1824 г. Спб., 1825, кн. 4, с. 328.
- ¹²³ В 1807 г. в городе было 99 дворов и 346 душ муж. пола (см.: ЦНБ АН УССР, ОР, 1–1050, л. 61 об.). Согласно мнению тех, кто включает сельский посад в состав города, общая численность городских жите-

лей значительно выше (см.: Кизеветтер А. Посадская община в России. М., 1903, с. 110; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в., с. 143, табл. 1, 2).

- ¹²⁴ ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 11 об. – 13 об.
- ¹²⁵ Рафиенко Л.С. Функции и деятельность городских магистратов Сибири в 40–70-х гг. XVIII в., с. 42–43, табл. 3.
- ¹²⁶ ЦГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1337, л. 16.
- ¹²⁷ Новые ежемесячные сочинения. Спб., 1788, ч. 25, с. 87.
- ¹²⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 457 об.; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (РО, Эрмитажное собрание), № 242, л. 90.
- ¹²⁹ Новые ежемесячные сочинения, ч. 25, с. 87–99; ГАКО, ф. 655, оп. 1, д. 2, л. 6–7.
- ¹³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1789, л. 1 об.
- ¹³¹ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien, t.1, S. 234.
- ¹³² ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3579, л. 723 об.
- ¹³³ Там же, д. 4478, л. 466 об.
- ¹³⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 3579, л. 723; д. 3581, л. 429–432 об.
- ¹³⁵ Там же, ф. 278, оп. 1, ч. 1, д. 3341, л. 2, 5 об., 8, 31 об.
- ¹³⁶ ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 12–13.
- ¹³⁷ В действительности жителей в Ачинске было еще больше, так как поселщиков на льготе не приписывали в подушные списки.
- ¹³⁸ Об этом говорит и тот факт, что Ачинск в 1822 г. снова становится уездным (окружным) городом, а обороты его ярмарки превосходили торговые обороты губернского Красноярска (см.: Вторая памятная книжка Енисейской губернии, с. 22–24).
- ¹³⁹ Поскольку в итоговых ведомостях сельские мещане показывались вместе с городскими, то в литературе встречается ошибочное утверждение, что после перевода Ачинска «за штат» из него выселились 1372 мещанина (см.: Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского, т. 3, с. 651).
- ¹⁴⁰ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, с. 72.
- ¹⁴¹ Водарский Я.В. Население России в конце XVII – начале XVIII в., с. 115–116, 124–129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII в. был важным и во многом переломным временем для Приенисейского края. В первой четверти закончился первый общий этап его освоения русскими. Было завершено присоединение плодородного с благоприятными климатическими условиями Хакасско-Минусинского района. Правительство Петра I даже предприняло попытку сразу закрепиться за Саянами на территории современной Тувы, но потерпело неудачу. По Нижнему и большей части бассейна Среднего Енисея сформировался костяк постоянного русского населения (36 тыс. душ обоего пола), численность которого увеличивалась уже главным образом за счет естественного прироста. Сложившаяся по речной системе Енисея сеть населенных пунктов из 290 городов, островов, слобод, сел, деревень, однодворок и зимовьев не разобщила еще редкое русское население и позволяла интенсивно осваивать громаднейшую территорию. Лишь немногие из возникших здесь городов-островов существовали несколько десятилетий. Надежно прикрывавший почти столетие русские пашни и деревни Красноярск получил, наконец, возможность перейти к мирному труду. Туруханск территориально и функционально окончательно сложился как главный товарораспределительный центр промыслового Туруханско-Таймырского района. Енисейск вырос к этому времени во второй после Тобольска торгово-ремесленный центр Сибири и выполнял важные транспортные и товарораспределительные функции в Приенисейском крае и во всей Сибири.

Со второй четверти XVIII столетия начинается новый этап широкого русского заселения и освоения Приенисейского края. Доступные теперь земледельцу плодородные земли южных районов, усиливающаяся при переложной агротехнике выпашка земель старожильческих районов и относительно высокий естественный прирост – все это привело к устойчивому массовому продвижению русского населения края в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях.

К массовым переходам побуждала, помимо обычных экономических причин, и социальная политика правительства, крепнувшая система государственного феодализма в Сибири. Многочисленные сибирские казаки почти все с 1724 г. стали податными, т. е. обязанными платить подушные деньги и нести различные натуральные повинности казне. Последние были крайне обременительны в необъятной Сибири, ибо любая нужда в рабочих руках обычно удовлетворялась властями принудительным трудом податного населения. Так, из-за отсутствия ямщиков в Средней и Восточной Сибири особенно тяжелой была почтовая и земская гоньба. В этих условиях крестьяне и разночинцы – бывшие казаки – стремились точно определить все преимущества и неудобства в случае переселения в тот или иной район. Они выявляли наличие свободных угодий, оценивали состояние почв, климатические условия, промысловые возможности, удаленность от мест несения казенных работ и служб, от административных и церковных центров, путей сообщения и ясачных улусов. Как и в XVII в., первичную земледельческо-промысловую оценку угодий и мест оседания нередко осуществляли казаки-годовальщики, промышленники, подводчики, отходники, ремесленники, покормежники, т. е. все те, кто по казенной нужде или личным мотивам временно отлучался из своих родных мест.

Миграционные процессы в бассейне Енисея были осложнены и усилены хозяйственно-переселенческими мерами казны, которая в XVIII в. организовала широкое освоение горнорудных богатств Присаянья, Забайкалья и Алтая, создавала оборонительные линии по всей Южной Сибири, занималась строительством самого длинного в мире сухопутного Московско-Сибирского тракта и других путей сообщения. Остро нуждаясь во всех своих начинаниях в рабочих руках, правительство прибегало к политике «кнута и пряника» и нередко уподоблялось шившему «тришкин кафтан» портному, ибо ни один район Сибири не имел еще абсолютного избыточного населения. Допускались отступления от крепостнической политики «прикрепления» труженика к земле и запрета свободы передвижения. С середины века российским покормежникам и просто пришлым «не помнящим родства» из черных сословий разрешили оставаться в Сибири. Уси-

лилась традиционная ссылка. Наконец, с конца 1760 г. помещики получили право ссылать своих крестьян на поселение с зачетом в рекруты и денежной компенсацией за членов семей поселщиков.

Населению приенисейских уездов разрешалось в 1707, 1718, 1760–1780-х гг. переходить в приграничное Северное Присянье, в 30–70-х гг. – на притрактовую полосу. Можно было переселяться на Алтай и в Забайкалье. Участились случаи принудительного перемещения людей в 50–60-е гг. в связи с устройством среднесибирской части Московско-Сибирского тракта. Массовое казенное переселение усилилось в конце 50–60-х гг., когда стали расширять Нерчинские заводы. При этом правительство использовало мирскую организацию старожильческого населения для борьбы с вольными переселениями российского крепостного и прочего люда, предоставляя право выбора переведенцев по разверстке сельским крестьянским мирам и посадским общинам.

Русское население края гибко учитывало и использовало в своих целях колонизационные меры властей и многочисленные указы по переселенческому вопросу. Для самовольного переселения использовали разрешения переселяться в определенных властями направлениях и многочисленные натуральные повинности. Практика уплаты податей пересылкой по месту прежнего жительства делала доступным любой район края и помогала переселенцам преодолевать административно-полицейские и налоговые препятствия.

Все это позволяло трудовому населению края относительно самостоятельно выбирать место нового жительства и широко использовать переселения как средство борьбы с феодальным государством за свои социально-экономические и правовые интересы.

Радиус переходов обычно был небольшим. Только жителям Енисейского уезда иногда приходилось преодолевать сотни верст, чтобы добраться до свободных земель.

У переселенцев в условиях относительной земельной свободы и реальной возможности зажиточной жизни на новом месте имел место своеобразный демографический взрыв. Повышенная рождаемость была естественным средством для обеспечения простого расширенного воспроизводства своего хозяйства за

счет достаточного количества рабочих рук. Вместе с тем обилие свободных земель делало процесс складывания многолюдных дворов обратимым, ибо усиливалось стремление молодых семей к хозяйственному и территориальному обособлению. Так рождалась новая внутренняя колонизационная волна, типичная при феодализме для всех новозаселенных районов. Именно она сыграла ведущую роль в таких районах Приенисейского края. Выходцы из поморских, российских и других сибирских уездов уже утратили свое прежнее значение в миграционных процессах. Казенные переселения только в 60–70-х гг. стали определять масштабы заселения притрактовой полосы.

В результате сложного переплетения, взаимодействия и противоборства вольных и казенных начал в миграционных процессах ареал русского расселения в бассейне Енисея резко расширился на юго-запад, юго-восток и особенно на юг. В бассейне Среднего Чулыма, Ангары и по притрактовой полосе он соприкоснулся с Обско-Томским и Илимско-Прибайкальским старожильческими районами. Самыми густонаселенными районами стали притрактовая полоса, Минусинская котловина и междуречье Среднего Чулыма и Среднего Енисея. Они входили в Красноярский уезд в старых границах, население которого выросло с 1710 г. в 5 раз. Туруханско-Таймырский и Енисейский старожильческие районы оказались на периферии основной зоны русского расселения. Приенисейский Север стабилизировался в численности русского населения, которая из-за специфических условий промысла постоянно пульсировала в сложившихся пределах. Енисейский старожильческий район рос замедленными темпами за счет уплотнения своего населения на вчерне освоенных, но не заселенных в XVII в. землях по левым притокам Нижней Ангары и в междуречье Среднего Чулыма и Енисея.

Важным экономическим результатом интенсивных демографических процессов было завершение складывавшейся с XVII в. на всей территории Приенисейского края первичной (на экологической основе) порайонной хозяйственной специализации. Туруханско-Таймырский экономический район стал исключительно промысловым, Енисейский, кроме южной части, – преимущественно торгово-ремесленным, а Красноярский – земледельческо-живот-

новодческим. По количеству жителей и перспективам развития ведущим стал Красноярский район с бурно развивающимися Минусинским, Ачинским и Канским подрайонами.

Экономические сдвиги отразились в сословно-социальной структуре. Земледельцы-крестьяне впервые в бассейне Енисея стали ведущей и численно преобладающей группой населения. Однако по сравнению с европейской частью страны в крае был довольно высокий удельный вес горожан и торгово-ремесленных слоев населения. В этом проявилась еще одна специфическая для колонизируемых феодализмом окраин форма классовой борьбы, когда труженик использовал в своих целях относительную свободу перехода в другие, особенно трудовые, сословия. Столкнувшись с широким распространением этой тактики классового противодействия тружеников, казна упорно стала добиваться нереального в условиях позднего феодализма полного соответствия сословному статусу хозяйственной деятельности и места проживания.

Новый этап земледельческого освоения свободных земель Приенисейского края в целом оказал малоблагоприятное влияние на процессы развития старых городов. Стали ослабевать их товарораспределительные и транспортные функции, бывшие главными стимуляторами городской жизни. Туруханск и Енисейск достигли для того хозяйственного уклада своего демографического потолка. Вместе с тем в новоосваиваемых районах начали складываться свои местные торгово-ремесленные центры и бурно рос сельский посад – один из источников развития городов. Качественно новые процессы переживал Красноярск, где к концу XVIII в. сложилось небольшое, но устойчивое торгово-ремесленное ядро.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1970.
2. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904.
3. Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI – XVIII вв. // Русские старожилы Сибири. М., 1973.
4. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.
5. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964.
6. Андреев А.И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // СЭ. 1963. № 6.
7. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965. Вып. 2.
8. Андреев А.И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств в 1783–1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопр. геогр. М., 1950. Сб.17. С. 203–221.
9. Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
10. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // В.Н. Татищев. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.
11. Андреев А.И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.) // Тр. ист.-арх. ин-та. М., 1946. Т. 2.
12. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (по данным, представляемым ПСЗ) (1700–1741 гг.). Иркутск, 1886. Т. 2.
13. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири (1742–1762). Томск, 1887.
14. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Спб., 1887. Т. 4.
15. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Одесса, 1889. Т. 5.
16. Анучин В.И. В стране черных дней и белых ночей (Туруханский край). Пг., 1916.

17. Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края. Казань, 1892.
18. Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966.
19. Архангельский И. Город Енисейск. Енисейск, 1923.
20. Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея // Науч.-промысл. исслед. Сибири. Красноярск, 1929. Сер. А. Вып. 6.
21. Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Спб., 1810.
22. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
23. Батеньков Г.С. Записка о поселенных в Сибирь; Записка о заселении Нерчинского края); О поселениях в Иркутской губернии; Нерчинские заводы); Записка о каторжных; О распределение сосланных в Иркутскую губернию людей. ГБЛ РО. Ф. 20. Карт. 1. Д. 18, 19, 21, 22, 23.
24. Батеньков Г.С. Общий взгляд на Сибирь // Сын Отечества. Спб., 1822–1823: 1822. Ч. 81, № 41, 44; 1823. Ч. 83, № 2; Ч. 84, № 10, 11; Ч. 85, № 15. Статья без подписи.
25. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. Т. 3, вып. 2. М., 1955.
26. Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2.
27. Бахрушин С.В. Основные течения сибирской историографии XVIII в. // Сев. Азия. М., 1929. Кн. 1–2.
28. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4. М., 1959.
29. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898.
30. Беликов Д.Н. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири // Записки Краснояр. подотд. Вост.-Сиб. отд. Рус. Геогр. об-ва. Красноярск, 1904. Т. 1, вып. 1.

31. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древних времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1.
32. Белов М.И. Златокопящая Мангазея. Л., 1967.
33. Белявский М.Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
34. Беляевский С.И. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964.
35. Беляевский С.И. В.И. Ленин в Шушенском. Красноярск, 1970.
36. Беляевский С.И. Село Шушенское. Красноярск, 1956.
37. Бернштейн-Коган С.В. Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейне Оби и Енисея // Вопр. геогр. 1953. № 31.
38. Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы // Междунар. жизнь. 1972. № 6.
39. Бородавкин А.П. С.С. Шашков как историк Сибири // Труды Томского гос. ун-та. Томск, 1957. Т. 136.
40. Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск, 1967.
41. Бояршинова З.Я. Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971.
42. Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX в.) // Из истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1.
43. Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1.
44. Булыгин Ю.С. Первые русские крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.
45. Булыгин Ю.С. Присоединение Верхнего Приобья и заселение его русским крестьянством в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул; Томск, 1965.

46. Быконя Г.Ф. Взгляды Г.С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII–XVIII вв. // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977.
47. Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII века // Из истории Сибири. Красноярск, 1970. Вып. 3. С. 3–55.
48. Быконя Г.Ф. Из истории заселения Минусинской котловины и возникновения Шушенского // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 42–53.
49. Быконя Г.Ф. Картографическое изучение Приенисейского края в XVIII в. // География и хозяйство Красноярского края: тезисы докл. к краевой науч.-практич. конф. Красноярск, 1975.
50. Быконя Г.Ф. Неизвестная карта Средней Сибири Ф.И. Страленберга // Изв. ВГО. 1973. № 2. С. 161–167.
51. Быконя Г.Ф. Русское заселение Восточной Сибири в XVIII в. в домарксистской литературе // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири XIX–XX вв. Красноярск, 1978. Вып. 2.
52. Быконя Г.Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. // Из истории Сибири. Красноярск, 1971. Вып. 4.
53. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. // Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.
54. Ватин В.А. Село Минусинское: исторический очерк. Минусинск, 1914.
55. Вилков О.Н. К истории Енисейска, Илимска и Киренска в XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977.
56. Вилков О.Н. К истории Красноярска и Сибирского тракта в XVIII в. // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1977.
57. Вилков О.Н. К характеристике городов Восточной Сибири XVIII в. // Бахрушинские чтения, 1971 г. Новосибирск, 1972. Вып. 2.
58. Внешняя политика государства Цинь в XVII в. М., 1977.

59. Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. //Русское население Приморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.
60. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири: историко-географические очерки XVII – первой половины XIX вв. Иркутск, 1959.
61. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975.
62. Воробьева Т.Н. Изучение Восточной Сибири участниками Второй Камчатской экспедиции // Сиб. геогр. сб. М., 1963. № 3. С. 198–223.
63. Воробьева Т.Н. Население южной части Восточной Сибири первой половины XVIII в. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. о-ва СССР. 1965. С. 23–44. Т. 63.
64. Вторая памятная книжка Енисейской губернии за 1865–1866 гг. Спб., 1865.
65. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
66. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1854. Ч. 2.
67. Гешеле Э.Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск, 1957.
68. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1840. Т.13.
69. Головачев П.М. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюда по истории Сибири XVIII в. М., 1889.
70. Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7. С. 296–347.
71. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соимонов (1682–1780). М., 1966.
72. Греков В.И. Очерки истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.
73. Григорьев В.Ю. Население Канского, Красноярского, Ачинского и Минусинского округов // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Енисейской и Иркутской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4, вып. 2.

74. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исслед. Сибири. Томск, 1921. № 6.
75. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке (заселение и земледельческое освоение). Новосибирск, 1965.
76. Громыко М.М. Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Новосибирск, 1966. Сер.: Обществ. науки. Т. 1. Вып. 1.
77. Гузок К.Г. Формирование Московского тракта на юге Восточной Сибири (XVIII в.) // Вторая научная конференция молодых ученых Иркутского университета: тезисы докл. Иркутск, 1972.
78. Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография // В.И. 1979. № 3.
79. Джемгерчинов М.Б. Были ли сибирские киргизы этническим компонентом киргизской народности? // Труды Кирг. ун-та. Фрунзе, 1971. Сер.: История. Вып. 11.
80. Джемгерчинов М.Б. Из истории киргизской народности в XVI – первой половине XVIII в.: автореф. ... канд. дис. ист. наук. Фрунзе, 1972.
81. Долгих Б.О. Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района // Сев. Азия. 1929. № 2.
82. Долгих Б.О. Очерки этнической истории энцев, ненцев и долган. М., 1967.
83. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
84. Дуров А. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891.
85. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей (XVIII в.). Иркутск, 1968.
86. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.
87. Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1.
88. Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Спб., 1810. Ч. 5.
89. Иванова Л.В. Историк-марксист В.А. Быстрянский (Ватин) // Историографический ежегодник. 1974. М., 1976.

90. История Москвы. М., 1953. Т. 2.
91. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
92. Кабо Р.М. Города Западной Сибири очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949.
93. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
94. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.). Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3.
95. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII – XVIII вв. материалы по истории Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. 1.
96. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762–1795 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.
97. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // СЭ. 1966. № 3.
98. Карпенко З.Г. Рабочие чугунно-плавильных и железодельных заводов Кузбасса в крепостническую эпоху // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957.
99. Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX вв. // Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ. Абакан, 1963. Вып. 9.
100. Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970.
101. Кафенгауз Б.Б., Преображенский А.А. Проблемы истории России XVII – XVIII вв. в трудах советских ученых // Советская историческая паука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962.
102. Кизеветтер А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
103. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города второй половины XVIII в. М., 1967.

104. Кожухов Ю.С. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861). Л., 1967.
105. Козьмин Н.Н. Исторические условия хозяйственного развития Минусинского края. Б. г, б. м. (хранится в Краеведческом музее Красноярского края, ОР, № 48).
106. Козьмин Н.Н. Основание и прошлое Красноярска // Справочник по г. Красноярску за 1923 г. Красноярск, 1923. С. 1–60.
107. Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. Спб., 1910.
108. Козьмин Н.Н. Хакасы / Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1926.
109. Колесников А.Д. Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1967.
110. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973.
111. Колесников А.Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 2.
112. Колесников А.Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII – XIX вв. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1963. Вып. 3.
113. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900.
114. Комогорцев И.И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период). Новосибирск, 1965.
115. Копкоев К.Г. Добровольное присоединение Хакасии к России // 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959.
116. Копкоев К.Г. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов // Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ. Абакан, 1969. Вып. 13. С. 21–38.
117. Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
118. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965.

119. Костров Н.А. Народные приметы крестьян-старожилов Минусинского округа // Зап. Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. 1856. Кн. 2.
120. Косованов В.П. Завоевание и заселение Енисейской губернии. Б. г. // ГАКК. Ф. 180. Оп. 2.17/16.
121. Костров Н.А. Очерки Туруханского края // Зап. Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. 1857. № 4.
122. Кохригин Мих. Некоторые статистические сведения о Енисейской губернии // Северный архив. Спб., 1828. Ч. 31.
123. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865.
124. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск, 1958.
125. Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири первой половины XIX в.: социально-экономический очерк: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1967.
126. Кузьмина Ф.С. Крестьяне Барабинской степи в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969.
127. Кузьмина Ф.С. Устройство главного сибирского тракта через Барабинскую степь // Из истории Западной Сибири: науч. тр. Новосиб. пед. ин-та. Новосибирск, 1970. Вып. 45.
128. Курц В.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929.
129. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах «хакас» и «киргиз» // СЭ. 1971. № 4. С. 59–67.
130. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. 7. С. 70–78.
131. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое, настоящее. Спб., 1892.
132. Латкин Н.В. Красноярский округ. Спб., 1890.
133. Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России в XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957.
134. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 125.
135. Линк И. Описание городов Енисейской губернии // ЖМВД. 1839. № 3.
136. Личков Л.С. Новые данные о заселении Сибири. Киев, 1894.

137. Лысенко Ю.Ф. Формирование сети поселений в подтаежной полосе Красноярского края (феодалный период) // Докл. отд. и комис. Геогр. о-ва СССР. Л., 1969. Вып. 11.
138. Миндаровский П.М. Томско-Енисейская дорога в Северопуть как мера к экономическому развитию края // Естественно-исторический и историко-культурный музей г. Енисейска. Енисейск, 1929.
139. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963.
140. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970.
141. Модоров Н.С. Русско-алтайские отношения в XVII–XVIII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
142. Нагаев А.С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. // Учен. зап. Енисейского. гос. пед. ин-та. Енисейск, 1958. Т. 1, вып. 1.
143. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л., 1970.
144. Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958.
145. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Л., 1966.
146. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов в первой половине XVII века. Л., 1937.
147. Описание г. Мангазеи с уездом // Новые ежемесячные сочинения. Спб., 1788. Ч. 25.
148. Павлов П.Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVIII – первая половина XIX вв.) // Красноярский край (материалы по географии). Красноярск, 1965. С. 43–59.
149. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.
150. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.
151. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786. Ч. 1, кн. 3.
152. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786. Ч. 2, кн. 2.

153. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3, кн. 1.
154. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3, кн. 2.
155. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1955.
156. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г. М., 1833.
157. Пейзын Г.Г. Исторический очерк колонизации Сибири // Современник. Спб., 1859. Т. 77, кн. 9.
158. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // ЖМВД. 1856. Кн. 5–6.
159. Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (из путевого журнала 1857 г.) // Живая старина. Спб., 1903. Вып. 3.
160. Подъяпольская Е.П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 311–321.
161. Покровская И.М. Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 г. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 82–98.
162. Покшишевский В.В. Заселение Сибири: историко-географические очерки. М., 1951.
163. Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824. Т. 6.
164. Полянский Ф.Я. Ремесло и мануфактура России в XVIII в. М., 1960.
165. Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861.
166. Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири // Чтения ОИДР. М., 1867.
167. Потанин Г.П. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в первой половине XVIII столетия // Вест. Рус. Геогр. о-ва. 1860. Т. 29, кн. 8.
168. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952.

169. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
170. Преображенский А.А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В.И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
171. Проблемы истории советского общества Сибири: материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Новосибирск, 1970.
172. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
173. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1949.
174. Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск, 1968. Вып. 3.
175. Рубинштейн. Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в.: Памятники географического и экономического изучения России // Вопр. геогр. М., 1953. Сб. 31. С. 52–108.
176. Ружже В.Л. Красноярск. Вопросы формирования и планирования. Красноярск, 1966.
177. Рындзюнский П.Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
178. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск, 1961.
179. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.
180. Семевский В.И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Спб., 1901. Т. 2.
181. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов южной Сибири // СЭ. 1971. № 4.
182. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
183. Скалон В.Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири // Изв. Иркут. с.-х. ин-та. 1960. Вып. 18.

184. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886. Кн. 1, 2.
185. Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края // Б-ка краеведа. Красноярск, 1926.
186. Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края // 300 лет г. Красноярска (1628–1928). Красноярск, 1928. Вторичная публикация с доработками.
187. Соколов А. Берег Ледовитого океана между реки Оби и Оленека. По съемке 1734–1742 гг. Записки лейтенанта Х.П. Лаптева и замечание других описателей // Зап. Гидрограф, департамента Морского мин-ва. Спб., 1851. Ч. 9.
188. Спасский Г.И. Описание г. Енисейска // Сибирский вестник за 1824 г. Спб., 1825. Ч. 4.
189. Средняя Сибирь / под ред. акад. И.П. Герасимова. М., 1964.
190. Степанов А.П. Енисейская губерния. Спб., 1835. Ч. 1, 2.
191. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
192. Тадьев П.Е. Поворотный пункт в истории горного Алтая // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956.
193. Третьяков П.Н. Туруханский край, его природа и жители. Спб., 1871.
194. Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова. // Изв. ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2.
195. Троицкий В.А. Остров Диксон: историко-географический очерк. Красноярск, 1972.
196. Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII в. // СЭ. 1975. № 3.
197. Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Изв. ВГО. 1974. № 10.
198. Тула: материалы для истории города XVI–XVIII вв. М., 1884.
199. Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII вв. Б. м., б. г. (см.: Томский областной краеведческий музей. Оп. 4. Д. 204, 211–214).
200. Углич материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1887.

201. Устюг Великий материалы по истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883.
202. Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья // Ежегодник по аграр. истории (1958). Таллин, 1959.
203. Хвостов В.С. О Томской губернии. Спб., 1809. Это публикация архивного «Краткого описания Томской губернии» (см.: ЦНБ АН УССР ОР, 1–1050, л. 52–65).
204. Хотяновский В.К. Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк). Новосибирск, 1934.
205. Черкасова А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. № 227. 1970.
206. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978.
207. Чимитдоржиев Ш.Б. Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галданхане // Труды Томск, ун-та. Томск, 1963. Т. 165.
208. Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-айратские (западно-монгольские) связи в XVII в. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. № 20, вып. 4. Л., 1958.
209. Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири: статистико-экономические этюды. Томск, 1887.
210. Шапот Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. 1962. Вып.10. С. 133–153.
211. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Сов. востоковед. М., 1949. № 6.
212. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
213. Шашков С.С. Восточные окраины // Дело. Спб., 1870. № 6.
214. Шашков С.С. Материалы по истории северо-восточной Сибири в XVIII веке // Чтения. Спб., 1864. № 3.

215. Шашков С.С. Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении // Библиотека для чтения. 1862. Т. 174, № 12.
216. Шашков С.С. Рабство в Сибири собр. соч. Спб., 1898. Т. 2.
217. Шейнфельд М.Б. В.А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири // Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ. Абакан, 1963. Вып. 9.
218. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 1973.
219. Шепукова Н.И. Подворная перепись 1710 г. и численность крестьянства Сибири // Ежегодник по аграрной истории Вост. Европы. 1966. Таллин, 1971.
220. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1956. Т. 2.
221. Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971.
222. Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в XVII–XVIII вв. автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1971.
223. Шунков В.И. Некоторые проблемы истории Сибири // В. И. 1963. № 10.
224. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
225. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Собр. соч. Спб., 1906. Т. 2.
226. Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Собр. соч. Спб., 1908. Т. 3.
227. Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Изв. Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. 1873. № 4, т. 4.
228. Щапов А.П. О развитии высших человеческих чувств // Отечественные записки. Спб., 1872. Т. 204 (29). № 10.
229. Щукин Н.С. Минусинский округ // ЖМВД. 1856. Кн. 5, 6.
230. Экспедиция Беринга: сб. документов / под ред. А.А. Покровского. М., 1941.
231. Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование имп-цы Екатерины II. Вятка, 1885.

232. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.
233. Яроцкий Яков. Некоторые замечания о Туруханском крае // Казан. вестник. Казань, 1826. Ч. 16, кн. 2–3; Ч. 17, кн. 4, 6; Ч. 18, кн. 9.
234. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1729–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.
235. Яцунский В.К. Роль миграции и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // Вопр. геогр. 1970. № 83.
236. Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre. 1733–1743. Gottingen, 1752. Т. 3.
237. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. Т. 1; Berlin, 1964. Т. 2.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив ЛОИИ (Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР). Сейчас Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук. (СПб ИИ РАН).

БАН РО (Библиотека Академии наук. Рукописный отдел. Санкт-Петербург). ВИ (Вопросы истории. Москва).

ГААК (Государственный архив Алтайского края. Барнаул).

ГАКК (Государственный архив Красноярского края. Красноярск)

ГАТО (Государственный архив Томской области. Томск).

ГАТО ТФ (Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал. Тобольск).

ГБЛ РО (Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Рукописный отдел. Москва). Сейчас Российская государственная библиотека (РГБ).

ГИМ ОПИ (Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Москва).

ГПБ им. Салтыкова-Щедрина РО (Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Санкт-Петербург).

ДАИ (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Российской Императорской Академии наук. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1849–1851).

ЖМВД (Журнал Министерства внутренних дел. Москва).

Изв. ВГО (Известия Всесоюзного Географического общества. Санкт-Петербург).

ККМ О/Р. (Красноярский краеведческий музей. Отдел рукописей. Красноярск).

ЛО ААН СССР (Ленинградское отделение Архива Академии наук. Санкт-Петербург). Сейчас РАН АЛО.

ПСЗ-1 (Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1832.).

СЭ (Советская этнография. Москва).

Чтения ОИДР (Чтения Общества изучения истории Древней России. Москва).

ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов. Москва). Сейчас РГАДА.

ЦГИА (Центральный государственный исторический архив. Санкт-Петербург). Сейчас РГИА.

ЦГВИА ВУА (Центральный государственный военно-исторический архив. Военно-учетный архив. Москва). Сейчас РГВИА ВУА.

ЦГА МИДа (Центральный государственный архив Министерства иностранных дел. Москва). Сейчас РГА МИДа.

д. – дело.

л. – лист.

оп. – опись.

ф. – фонд.

Содержание

От автора	5
Введение	6
Глава I. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЮГА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ	45
Русско-киргизские отношения в XVII в.	45
Изменение обстановки в начале XVIII в.	
Строительство Абаканского острога	54
Заключительный этап присоединения	65
Глава II. ЗАСЕЛЕНИЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО РАЙОНА В XVIII в.	80
Первые русские поселенцы района и его вольное заселение во второй четверти XVIII в.	80
Принудительное заселение района в 20–40-е гг. Влияние красноярских казенных заводов на миграционные процессы	99
Заселение района во второй половине XVIII в.	115
Глава III. ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИТРАКТОВОЙ ПОЛОСЫ В XVIII в.	147
Начало устройства Московско-Сибирского тракта в Средней Сибири и его заселение в первой половине XVIII в.	147
Окончательное устройство тракта и его заселение во второй половине XVIII в.	164
Роль вольных переходов и общие результаты заселения притрактовой полосы к концу XVIII в.	193
Глава IV. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ РАЙОНАХ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В XVIII в.	212
Красноярский район	212
Енисейский район	226
Туруханско-Таймырский район	250
Глава V. ДИНАМИКА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XVIII в.	262
Красноярск	263
Енисейск	292
Туруханск	304
Ачинск	307
Заключение	323
Список использованной литературы	328
Список принятых сокращений	344

Научное издание

Геннадий Федорович Быконя
ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В XVIII в.

Монография

*2-е издание, дополненное,
осуществленное по первой авторской редакции*

Редактор М. А. И с а к о в а
Корректор Ж. В. К о з у п и ц а
Верстка М. Л. Г у к а й л о

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 28.05.13. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 21,75. Заказ 7

ИПК КГПУ, т. 263-95-59